

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет
Кафедра хозяйственного права

Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения
развития экономики

Материалы международного круглого стола
Минск, Беларусь, 24 октября 2023 г.

Минск
2023

УДК 346(06)
Т 338

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета
Протокол № 3 от 30 ноября 2023 г.

Редколлегия:

Н. Л. Бондаренко (гл. ред.), доктор юридических наук, профессор ;
А. В. Гавриленко, старший преподаватель ;
Т. М. Халецкая, кандидат юридических наук, доцент.

Рецензенты:

Хотько Ольга Александровна – кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственного управления юридического факультета
Белорусского государственного университета;

Телятицкая Татьяна Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой международного экономического права факультета
права УО «Белорусский государственный экономический университет».

Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития
экономики: материалы междунар. круглого стола, Минск, Беларусь,
24 октября 2023 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. хозяйственного права ;
[редкол.: Н. Л. Бондаренко (гл. ред.), А. В. Гавриленко, Т. М. Халецкая]. –
Минск : БГУ, 2023. – 386 с. – Библиогр. в конце ст.

Сборник содержит статьи участников Международного круглого стола
«Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития
экономики», который состоялся в г. Минске 24 октября 2023 г. на базе
юридического факультета Белорусского государственного университета.

Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за
соблюдение авторского и иных прав, достоверность информации несут
авторы.

ОПЦИОН: ЛЕГАЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ПРАКТИКА

М. А. Алещенко

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
maryaalescanka@gmail.com*

В статье проанализирована сущность опционных соглашений с точки зрения законодательства Республики Беларусь и зарубежного опыта, проводится сравнение существующей и грядущей законодательной регламентации опционных сделок, а также их значение для хозяйственной, хозяйственно-трудовой и творческой деятельности и для развития публично-частного партнерства.

Ключевые слова: опцион; опцион на заключение договора; опционный договор; опционное соглашение.

Декретом Президента № 8 от 21 декабря 2017 г. «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) в Республике Беларусь в рамках правового эксперимента были введены новые для нашей правовой системы институты – опцион на заключение договора и опционный договор, которые в дальнейшем получили развитие в проекте Закона «Об изменении кодексов» (далее – Законопроект), предусматривающий легальное закрепление этих опционных конструкций в Гражданском кодексе Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 (далее – ГК).

Опционные конструкции существуют в отечественном законодательстве достаточно давно. А именно, Положение о производных ценных бумагах, утвержденное постановлением Комитета по ценным бумагам при Совете Министров Республики Беларусь от 4 февраля 2002 г. № 02/П, содержало определение понятия «опцион», перечень существенных условий опциона, деление его на виды (колл – на покупку, и пут – на продажу), а также понятия цены исполнения опциона (цена страйк) и опционной премии (пп. 6-10 Положения о производных ценных бумагах). При этом опцион отнесен к производным финансовым инструментам, так называемым деривативам. В последующем, регулирование опциона как производного финансового инструмента получило свое развитие

в законодательстве о бухгалтерской и финансовой отчетности, налоговом законодательстве. В частности, в Законе Республики Беларусь от 5 января 2009 г. № 10-З «О товарных биржах», в Налоговом кодексе Республики Беларусь (общая часть) от 19 декабря 2002 г. № 166-З и в Налоговом кодексе Республики Беларусь (особенная часть) от 29 декабря 2009 г. № 71-З. Однако такое регулирование является узкоспециализированным и, по нашему мнению, не относится к хозяйственным правоотношениям, поскольку не затрагивает напрямую производство материальных и нематериальных благ путем осуществления деятельности как в хозяйственной, так и хозяйственно-трудовой, творческой формах.

Прежде чем приступить к анализу опционных сделок в законодательстве Республики Беларусь, необходимо определить, что из себя представляет опцион, какова его сущность. Традиционно к определению данного термина применяют два подхода: широкий и узкий. **В широком** смысле под опционом понимается договорное обязательство, в силу которого одна сторона приобретает право, но не обязанность на совершение согласованной односторонней сделки, оказывающей влияние на правоотношения сторон по основному обязательству. **В узком** смысле внимание фокусируется на обусловленном договором праве, предоставляющем одной из сторон свободу выбора между согласованным способом, объемом исполнения основного обязательства и отказом от его исполнения [1].

В научных источниках по экономике и праву часто можно встретить такое определение опциона: «срочный контракт, который дает право одному из его участников отказаться от исполнения сделки» [2, с. 208]. На наш взгляд, такая дефиниция относима к широкому подходу к определению опциона.

Сферой применения опционных сделок являются сделки по продаже субъектов хозяйственной деятельности; поставочные отношения (сложное техническое оборудование); при структурировании акционерного соглашения или совместных инвестиций в производство [3], то есть хозяйственная деятельность, чем и обусловлена специфика опционных соглашений. Данный тезис подтверждается, в частности, опытом зарубежных государств, легализовавших опционные сделки достаточно давно.

Например, по критерию «нетипичной природы базового актива» преимущественно в странах англо-саксонской системы выделяют: опцион с базовым активом, именуемый как «индекс страха»; «свопцион»; «радужные опционы»; «обмениваемые опционы»; «лучший или худший из активов»; «кросс-валютные опционы» [4].

Применяемое словосочетание «*базовый актив*» означает предмет основного обязательства. На практике базовым активом опциона часто являются ценные бумаги, валюта, процентные ставки, товары, сделки, в том числе сделки с опционом, и т. д. Уполномоченная по договору на совершение определенных действий сторона именуется покупателем (держателем) опциона (англ. option holder), а сторона, предоставившая такое правомочие, – продавцом (надписателем) опциона (англ. option grantor или writer). Цена, по которой держатель вправе купить или продать базовый актив, называется ценой исполнения (англ. execution price) или ценой страйк (англ. strike price) [5, с. 45–47].

Сравнив модели опционных сделок, предусмотренные Декретом № 8 и Законопроектом, допустимо отметить следующие различия.

Во-первых, отличается круг субъектов, способных использовать опцион на заключение договора и опционный договор в своей деятельности: Декрет № 8 предусматривает возможность использования этих опционных конструкций только для резидентов Парка высоких технологий и лиц с ними взаимодействующих; Законопроект значительно расширяет круг субъектов, устанавливая ограничения только применительно к хозяйственным обществам, акции (доли в уставном фонде) которых принадлежит государству и к государственным юридическим лицам, поскольку данные субъекты могут использовать опционные конструкции, если это прямо предусмотрено законодательными актами.

Вместе с тем, законопроект не устанавливает ограничения для выступления государственных органов в качестве стороны (оферента либо акцептанта) в опционных соглашениях. Предположим, что в процессе правоприменения не редко будет возникать ситуация, когда одной из сторон опционных соглашений будут субъекты публичного интереса (например, исполнительные и распорядительные органы), а другой – субъекты частного интереса (например, негосударственные юридические лица). В силу чего считаем допустимым рассматривать институт опционных соглашений также

как один из элементов публично-частного партнерства, под которым понимается согласно Модельному Закону СНГ от 28 ноября 2014 г. № 41-9 «О публично-частном партнерстве» юридически оформленное на определенный срок, основанное на объединении ресурсов (денежных средств и иного имущества, профессиональных и иных знаний, опыта, навыков и умений) и распределении рисков (в том числе рисков финансирования, строительства, обеспечения доступности или спроса в отношении объекта публично-частного партнерства или соответствующих публичных услуг и связанных с ними рисков) взаимовыгодное сотрудничество публичного и частного партнеров в целях решения государственных, муниципальных и иных общественно-значимых задач, находящихся в сфере публичного интереса и контроля.

Во-вторых, ч. 2 пп. 5.2 п. 5 Декрета № 8 установлено, что «в течение срока действия опциона на заключение договора и (или) опционного договора хозяйственное общество (его орган) не несет обязанности по уменьшению уставного фонда на величину стоимости доли (части доли) в его уставном фонде, приобретенной самим обществом (на сумму номинальных стоимостей акций, поступивших в распоряжение акционерного общества), в отношении которой (которых) заключены соответствующие договоры, и не вправе отчуждать такую долю (часть доли, акции) иным лицам, если иное не установлено договором». Это позволит хозяйственному обществу, заключившему названные договоры, не быть связанным положениями ч. 6 ст. 77, ч. 1 и 4 ст. 100 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах» (далее – Закон «О хозяйственных обществах»).

Однако такое положение отсутствует в Законопроекте. В силу чего, по нашему мнению, если толковать нормы ст. 399-1 и ст. 399-2 ГК буквально, это может привести к нарушению принципа свободы осуществления хозяйственной деятельности, поскольку ч. 6 ст. 77 и ч. 1, 4 ст. 100 Закона «О хозяйственных обществах» носят ограничительный и императивный характер. Возможно, в процессе правоприменения данный вопрос будет разрешен путем расширительного толкования, исходя из принципа свободы договора, предусмотренного ст. 2 ГК.

Резюмируя, допустимо сделать следующие выводы:

1. Опцион в самом общем виде широко распространенная договорная конструкция, предполагающая предоставление права за определенную плату заключить сделку, контракт, соглашение.

2. Последствиями легализации института опционных соглашений в ГК могут стать развитие хозяйственного оборота и удовлетворение нужд субъектов, осуществляющих хозяйственную, хозяйственно-трудовую и творческую деятельность. Однако во избежание возникновения сложностей в процессе правоприменения следует детализировать нормы ГК Республики Беларусь об опционных сделках, учитывая опыт применения Декрета № 8.

3. Также представляется, что опцион на заключение договора и опционный договор будут способствовать развитию публично-частного партнерства в Республике Беларусь в силу круга субъектов, способных использовать анализируемые договорные конструкции в процессе своей деятельности.

Список использованных источников:

1. Василевский, А. В. Опцион: понятие и признаки / А. В. Василевский // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2022. – № 2 (44) – С. 14 – 18.

2. Буренин, А. Н. Форварды, фьючерсы, опционы, экзотические и погодные производные / А. Н. Буренин. – 1-е изд. – М. : НТО им. акад. С. И. Вавилова, 2005. – 542 с.

3. Karapetov, A., An option to sign the agreement and option agreement according to the new edition of the civil code of the Russian Federation. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii. – 2016. – № 3. – 49–72.

4. Функ, Я. И., Чигилейчик-Функ, А. Я. «Экзотические опционы»: классификация опционных договоров исходя из предмета (объекта) договора – нетипичной природы [Электронный ресурс] / Я. И. Функ, А. Я. Чигилейчик-Функ. – Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/ВЕСМВ/39439/#M100001> – Дата доступа: 05.10.2023.

5. Халл, Дж. К. Опционы, фьючерсы и другие производные финансовые инструменты / Дж. К. Халл. – 6-е изд. – М. : Вильямс, 2008. – 1024 с.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ОБЯЗАТЕЛЬСТВА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

У. Т. Андашев

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, юридический факультет, ул. Киевская, 32/2, Бишкек, Кыргызстан, 720001, ulanand2006@mail.ru

В статье исследуются проблемы существующей системы охраны окружающей среды, концептуального пересмотра приоритетов экологической политики и задач обеспечения экологической безопасности в рамках выполнения обязательств, по которым предусматривается пересмотр национального законодательства и в целом политики в области охраны окружающей среды и рационального природопользования в Кыргызстане.

Ключевые слова: стратегия устойчивого развития; экологическая безопасность; реформирование отраслей национальной экономики; рациональное природопользование.

Кыргызская Республика (Кыргызстан) – государство, расположенное в центре Евроазиатского материка. Являясь относительно небольшой страной, входит в число 200 приоритетных экологических регионов планеты.

Основы государственной политики в области охраны окружающей среды заложены в Концепции экологической безопасности, утвержденной Указом Президента Кыргызской Республики от 23 ноября 2007 г. № 506.

Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы от 21 января 2013 г. № 11 стала ориентиром для выработки превентивных решений по отношению к внутренним и внешним рискам развития на среднесрочный период и формирования основ для устойчивого развития в долгосрочной перспективе.

Принятие стратегических документов социально-экономического развития, активное участие Кыргызстана в международном сотрудничестве и необходимость сближения с требованиями международного стандарта поставили задачу глубокого анализа существующей системы охраны окружающей среды, концептуального пересмотра приоритетов экологической

политики и задач обеспечения экологической безопасности. Наиболее актуальными остаются проблемы резкого изменения климата, сокращения озонового слоя, прогрессирующего опустынивания, сокращения биологического разнообразия, утилизации радиоактивных отходов и др.

С момента принятия первой Концепции экологической безопасности Кыргызская Республика присоединилась к 13 международным природоохранным конвенциям и 3 протоколам к ним. Выполнение обязательств, по которым предусматривает пересмотр национального законодательства и в целом политику в области охраны окружающей среды и рационального природопользования.

Кыргызская Республика поддерживает принципы устойчивого развития, и на Саммите тысячелетия, как и все страны-члены ООН, подтвердила свою приверженность достижению Целей Развития Тысячелетия. В связи, с чем реформирование всех отраслей национальной экономики стала основой изменения отношения к использованию природных ресурсов с учетом устойчивого состояния всех экосистем республики.

Кыргызская Республика с момента обретения независимости, как было выше отмечено, уделяла и уделяет особое внимание вопросам международного сотрудничества в области охраны окружающей среды, как в региональном, так и в глобальном контексте. Правительство Кыргызской Республики приняло на себя обязательство по выполнению основных международных соглашений в области охраны окружающей среды, а также субрегиональных программ и инициатив, направленных на устойчивое развитие и охрану окружающей среды.

С декабря 1991 года, Кыргызская Республика является членом Содружества Независимых Государств (СНГ) и в рамках Межгосударственного Экологического Совета, созданного в соответствии с Соглашением о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей среды, подписанного в 1992 году в городе Минске.

Кыргызская Республика с 1992 года является членом Европейской Экономической Комиссии ООН и принимает активное участие в процессе «Окружающая среда для Европы», а также была выбрана одной из первых в числе центрально-азиатских республик для подготовки Обзора Результативности Экологической Деятельности (ОРЭД) Кыргызской Республики в 2000 году проводимого экспертами ЕЭК ООН.

Кыргызстан наладил сотрудничество по вопросам окружающей среды и с другими странами Центральной Азии. Развитие международного сотрудничества в области охраны окружающей среды принесло не только значительные политические и экономические выгоды для страны, но и способствовало созданию благоприятных международных отношений между государствами для решения трансграничных проблем.

В Кыргызской Республике созданы и функционируют такие региональные структуры как: Международный фонд спасения Арала (МФСА) и Межгосударственная Комиссия по устойчивому развитию (МКУР) с Научно-информационным центром (НИЦ МКУР); Межгосударственная Координационная Водохозяйственная Комиссия (МКВК) с Научно – информационным центром (НИЦ МКВК). Образован Центрально-Азиатский Региональный Экологический Центр (РЭЦ ЦА) целью которого является укрепление и координация действий в области экологии между центрально-азиатскими республиками, а также привлечение внимания общественности к проблемам окружающей среды. В Кыргызстане филиал РЭЦ ЦА функционирует с 2001 года.

В рамках деятельности МКУР, при поддержке Программы окружающей среды ООН разработан и одобрен Региональный план действий по охране окружающей среды Центрально-Азиатских республик (РПДООС ЦАР).

Кыргызская Республика стала членом ряда международных организаций в области охраны окружающей среды, таких как: Программа ООН окружающей среды (ЮНЕП); Всемирная Метеорологическая Организация (ВМО); Программа ООН по продовольствию и сельскому хозяйству (ФАО); Всемирная Организация здравоохранения (ВОЗ); Организация ООН по Вопросам Образования Науки и Культуры (ЮНЕСКО).

Кроме того, осуществляется сотрудничество с Климатическим инвестиционным фондом (CIF) и Зеленым Климатическим Фондом (GCF). На постоянной основе в рамках совместных проектов осуществляется плодотворное сотрудничество с Институтом окружающей среды Финляндии. В рамках подписанного Меморандума о взаимопонимании между Государственным агентством охраны окружающей среды и лесному хозяйству при Правительстве Кыргызской Республики и Министерством природных ресурсов Российской Федерации в области охраны окружающей

среды функционирует кыргызско-российская Рабочая группа по взаимодействию и обмена опытом.

В результате совместно проведенной деятельности на региональном уровне с Программой Всемирного наследия Международного союза охраны природы Комитетом Всемирного наследия ЮНЕСКО принято решение о включении Транснациональной серийной номинации «Западный Тянь-Шань» (Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан) в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Расширяется сотрудничество с Глобальным Экологическим Фондом (ГЭФ). Кыргызская Республика с 2001 года является членом Швейцарского Избирательного Округа ГЭФ, в состав которого входят все Центрально-Азиатские республики и Азербайджан. Реализуются проекты «Устойчивое управление горными лесами и земельными ресурсами в условиях изменения климата», Инициатива Центрально-Азиатских стран по управлению земельными ресурсами – пятилетний проект ГЭФ по комплексному управлению природными ресурсами в районах, подверженных засухе и засолению.

По Программе развития ООН осуществляются проекты ГЭФ: «Укрепление национальной системы экологического мониторинга и управления охраной окружающей среды (EMMS)»; «Улучшение охвата и эффективности управления особо охраняемыми природными территориями в горах Центрального Тянь-Шаня», «Поддержка Системы Охраняемых Территорий с фокусом на глобально значимое биоразнообразие лесных горных экосистем Западного Тянь-Шаня и устойчивые средства существования».

По программе Всемирного банка осуществляется проект ГЭФ и МАР по интегрированному управлению лесными экосистемами. Германским обществом по международному сотрудничеству (GIZ) осуществляются проекты: по сохранению биоразнообразия и снижению бедности в орехоплодовых лесах на юге Кыргызстана; Региональная программа «Устойчивое использование природных ресурсов в Центральной Азии» и др.

Участие Кыргызстана в международных экологических конвенциях способствует, с одной стороны, включению страны в общемировой процесс экологической деятельности, а с другой стороны – Кыргызстан становится равноправным членом мирового сообщества и получает возможность

внедрять новые современные технологии в производство, развивать нетрадиционные виды производства энергии, осуществлять модернизацию производства.

Все международные экологические конвенции, подписанные и/или ратифицированные Кыргызстаном, носят глобальный характер, имеют большое международное значение и Кыргызстан предпринимает определенные шаги для их реализации.

Так, Кыргызской Республикой ратифицированы: *Базельская Конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением* (Постановление ЗС ЖК КР о присоединении от 18 января 1996 г. № 304-1); *Конвенция о биологическом разнообразии* (Закон о присоединении от 26 июля 1996 г. № 40) и *Картахенский протокол по биобезопасности; Рамочная Конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата и Киотскому Протоколу* (Закон о присоединении от 14 января 2000 г. № 11, Закон КР о ратификации от 15 января 2003 г. № 9); *Венская Конвенция по охране озонового слоя и Монреальский протокол по веществам, разрушающий озоновый слой* в 2000 г. (Закон КР о ратификации от 15 января 2000 г. № 16); *Роттердамская Конвенция о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле* (Закон КР о ратификации от 15 января 2000 г. № 15); *Стокгольмская Конвенция о стойких органических загрязнителях* (Закон КР «О ратификации Стокгольмской Конвенции» от 13 июня 2006 г. №114); *Конвенция по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке* (Закон о присоединении КР от 21 июля 1999 г. № 85); *Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния* (Закон КР о присоединении от 14 января 2000 г. № 11); *Орхусская Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступа к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды* (Закон КР о присоединении от 12 января 2000 г. №5); *Рамсарская Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местобитания водоплавающих птиц* (Закон КР о ратификации от 10 апреля 2002 г.); *Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте* (Закон КР о присоединении 14 января 2001 г. №

б); *Конвенция по международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения ((СИТЕС) Закон КР о присоединении от 30 ноября 2006 г. № 192); Бонская Конвенция ООН о сохранении мигрирующих видов диких животных (Закон КР о присоединении от 22 ноября 2013 г. № 205).*

Таким образом, приоритетным направлением реализации экологической политики в сфере международного сотрудничества является присоединение Кыргызстана к международным конвенциям и соглашениям, с последующим принятием практических мер по выполнению их положений.

ПРАВА ИНВЕСТОРОВ: ПОИСК БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА

А. Л. Белоусов

*Финансовый университет при Правительстве РФ,
Ленинградский проспект, 49, г. Москва, РФ,
andreybelousov@mail.ru*

В настоящее время в ситуации санкционного давления и оттока капитала из российской юрисдикции особую актуальность приобретает адаптация действующих механизмов стимулирования инвестиционной активности к новым условиям. В этой связи, в рамках статьи автором определены основные векторы дальнейшего развития экономической политики и соответствующего правового поля в части пересмотра сложившегося баланса интересов между инвесторами и государством.

Ключевые слова: инвестиции; инвестиционный климат; баланс интересов; отток капитала.

Инвестиции в рамках рыночной модели хозяйствования являются одним из важнейших инструментов обеспечения роста экономики [1, с. 6]. По крайней мере, именно такая парадигма на сегодняшний день доминирует в современной экономической теории. В этой связи, обоснованным представляется создание благоприятных условий как для сохранения капитала внутри государства, так и обеспечения притока иностранных инвестиций из других юрисдикций. Таким образом, инвестиции в

национальную экономику могут приходить, во-первых, от резидентов, которые реинвестируют полученную здесь прибыль и свободные денежные средства, не вывозят капитал за пределы государства. Вторым источником инвестиций является иностранный капитал, который может быть как спекулятивным, направленным, как правило, на краткосрочный оборот ресурсов, так и прямым, когда имеет место долгосрочные вложения средств в реальный сектор экономики. Поэтому представляется оправданным разделить внутренний и внешний капитал как инвестиционный ресурс и дать соответствующую правовую и экономическую оценку планируемым и реализуемым мерам поддержки инвестиционной активности с точки зрения интересов, как государства, так и бизнеса.

Привлечению иностранного капитала и минимизации оттока собственных ресурсов способствует благоприятный инвестиционный климат, который базируется на целой совокупности факторов [2, с. 36]. Это, в частности, и стабильность и предсказуемость правового регулирования, и эффективно работающая судебная система, обеспечивающая независимость принятия решений и позволяющая защитить право собственности. Также отметим и значимость приемлемого уровня фискальной нагрузки на предпринимателей. Помимо этого на качество инвестиционного климата влияет также возможность бизнеса воспользоваться различными механизмами поддержки в рамках функционирующих программ помощи предпринимателям и выстроенных институтов развития [3, с. 83].

Как показал российский опыт за прошедшие уже более чем тридцать лет, в стране эволюционным путем сформировалось достаточно обширное правовое поле в области поддержки предпринимательской инициативы и стимулирования притока, в том числе, иностранного капитала. Одним из базисных элементов данной системы регулирования стали специальные правовые режимы, в рамках которых предусмотрена стройная система льгот и преференций для инвесторов, готовых вкладываться в отрасли реального сектора экономики [4, с. 65].

Развитие специальных программ поддержки и правовых режимов регулирования, безусловно, дало определенный результат в ряде сфер экономики. Так, в автомобилестроении начиная с 2002 года, в течение двадцати лет шли инвестиции от крупнейших мировых концернов, которые открывали в различных регионах страны свои предприятия. Однако

в большинстве своем это были заводы по сборке привезенных готовых машинокомплектов с относительно невысоким уровнем локализации местного производства. Оказывая таким субъектам бизнеса значительные преференции в части минимизации налоговых и таможенных платежей, снижения административных барьеров государство в итоге получило уход большинства подобных автопроизводителей из России, причем не по экономическим причинам, а по соображениям политической конъюнктуры. Вследствие этого работники предприятий в массовом порядке остались без работы, были сорваны многие контракты и цепочки поставок, оказался под угрозой бизнес смежных производств, которые открывались в России под конкретных производителей. В свою очередь, власти пришлось искать срочную альтернативу, а также оперативно разрабатывать правовые механизмы ухода иностранных инвесторов с учета интересов государства.

Сложившиеся ситуация заставляет несколько под другим углом взглянуть на сформированные ранее инструменты поддержки инвесторов. Как показывает практика, акцент льгот и преференций в сторону иностранного капитала в итоге привел к тому, что опираясь чисто на конъюнктурные, политические мотивы, а не руководствуясь здравым смыслом и экономической логикой, иностранный бизнес может бросить свои предприятия, не выполнив обязательства перед государством, которое обеспечило его целой системой инструментов поддержки и стимулирования развития.

В этой связи, представляется оправданным пересмотреть устоявшуюся модель взаимодействия государства и бизнеса в части реализации льгот и преференций. Учитывая опыт сворачивания производств в России и применения режима санкций со стороны недружественных стран, имеет смысл по-другому выстроить баланс интересов между государством и инвесторами. Работавшая ранее модель, в рамках которой баланс интересов был смещен исключительно в пользу иностранного капитала с предоставлением ему максимального количества привилегий, выглядит сейчас уже не актуальной.

На сегодняшний день акцент должен быть смещен в сторону сохранения капитала внутри страны с последующим его инвестированием и реинвестированием в предприятия реального сектора экономики, которые принадлежат субъектам, зарегистрированным в российской юрисдикции,

либо из числа государств, являющихся дружественными по отношению к Российской Федерации. Здесь в первую очередь речь идет о Республике Беларусь и Китайской Народной Республике. Именно на это и должны быть направлены основные инструменты стимулирования инвестиционной активности. Здесь важную роль могут сыграть как чисто экономические механизмы в виде снижения налоговой нагрузки и субсидирования кредитования для подобных субъектов, так и административные барьеры, призванные значительно затруднить отток капитала из страны. Разработка подобных механизмов и закрепление их в правовом поле позволят с одной стороны снизить влияние на российскую экономику со стороны недружественных государств, а с другой стороны дадут возможность отечественному бизнесу занять освободившиеся ниши на рынке и вложить средства не в зарубежные активы, а в предприятия реального сектора экономики внутри страны.

Список использованных источников:

1. Белоусов, А. Л. Повышение качества инвестиционного климата через совершенствование института особых экономических зон / А. Л. Белоусов // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики: Материалы междунар. науч.-практич. круглого стола : Минск, 21 октября 2021 г. : в 2-х ч. / редколлегия : Н. Л. Бондаренко (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Белорусский государственный университет, 2021. – Ч. 1. – С. 6–9.

2. Белоусов, А. Л. Направления совершенствования системы правового обеспечения инвестиционной активности / А. Л. Белоусов // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : Материалы междунар. круглого стола, Минск, 21 октября 2022 г. – Минск: Белорусский государственный университет, 2022. – С. 36–39.

3. Белоусов, А. Л. Регулирование территориального развития через совершенствование преференциальных режимов осуществления предпринимательской деятельности / А. Л. Белоусов // Экономика. Налоги. Право. – 2021. – Т. 14. – № 6. – С. 83–91. – DOI 10.26794/1999-849X-2021-14-6-83-91.

4. Белоусов, А. Л. Вопросы развития инвестиционного потенциала Российской промышленности / А. Л. Белоусов // Модернизация российского

общества и образования : новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров : Материалы XXIII национальной науч. конф. (с международным участием), Таганрог, 15–16 апреля 2022 г. – Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2022. – С. 65–67.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

К. А. Бодров

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
kirillbodrov123@mail.ru*

В статье рассматривается вопрос о целесообразности введения в Республике Беларусь уголовной ответственности юридических лиц. Отмечается неоднозначность позиций в доктрине по данной проблеме. Приводятся аргументы сторонников такой ответственности: затрудненная идентификация виновных физических лиц, необходимость компенсировать недостатки других санкций, реализация международных обязательств. Раскрывается зарубежный опыт применения уголовной ответственности юридических лиц. Делается вывод о целесообразности введения такой ответственности для повышения эффективности борьбы с экономическими преступлениями.

Ключевые слова: уголовная ответственность юридических лиц, позиции в доктрине уголовного права, субъекты уголовной ответственности, экономические преступления, борьба с уклонением от налогов, прозрачность бизнеса, зарубежный опыт, международные акты против коррупции, совершенствование законодательства.

В Республике Беларусь вопрос введения уголовной ответственности для юридических лиц обсуждается уже достаточно давно.

В доктрине уголовного права вопрос о юридических лицах как субъектах уголовной ответственности является дискуссионным. Специалисты выражают различные мнения относительно признания юридических лиц субъектами уголовной ответственности. Некоторые считают, что

юридическое лицо не может нести уголовную ответственность, в то время как другие предлагают обоснование и закрепление такой ответственности в законодательстве и видят в этом ряд преимуществ и целесообразность.

В настоящее время в Республике Беларусь закреплена лишь административная ответственность юридических лиц в статье 4.6 КоАП за экономические и налоговые правонарушения [1].

В Республике Беларусь уголовное законодательство не содержит института уголовной ответственности юридических лиц, хотя в практической плоскости содержание составов отдельных преступлений фактически предполагает последующее применение санкций в виде ликвидации юридического лица, наряду с привлечением к уголовной ответственности физических лиц (например, в рамках ст. 233 УК [2] «Незаконная предпринимательская деятельность», ст. 235 УК «Легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем»). Так в соответствии с п.п. 3.2. п. 3 Положения о ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования [3], юридическое лицо может быть ликвидировано по решению суда, рассматривающего экономические дела, в случае осуществления деятельности без надлежащего специального разрешения (лицензии), либо запрещенной законодательными актами, либо с иными неоднократными или грубыми нарушениями законодательных актов [4].

Введение уголовной ответственности для юридических лиц могло бы стать действенным механизмом борьбы с уклонением от уплаты налогов, легализацией незаконных доходов и другими преступлениями в сфере экономики. Это повысит уровень прозрачности хозяйственной деятельности в Беларуси.

Многие ученые высказываются в поддержку введения уголовной ответственности для юридических лиц и обосновывают свою позицию следующими доводами:

1. Сложная структура управления коллективным образованием делает затруднительной, а иногда и невозможной идентификацию физических лиц, которые причастны к совершению преступления. Причем даже в тех случаях, когда возможно определить служащего юридического лица, ответственного за совершение правонарушения, прямое доказательство причастности высшего руководства к правонарушению может оказаться сложным.

2. При коллегиальном принятии решений тайным голосованием привлечение конкретного физического лица к уголовной ответственности является невозможным. Введение уголовной ответственности юридических лиц призвано восполнить этот пробел.

3. Уголовно-правовые средства борьбы с общественно опасными деяниями являются более эффективными по сравнению с гражданско-правовыми и административными. Санкции других отраслей права не всегда отражают степень общественной опасности деяний, совершаемых юридическими лицами [5].

Одним из дополнительных побудительных стимулов для введения уголовной ответственности юридических лиц в национальную систему права Беларуси может явиться выполнение Республикой взятых на себя международных обязательств. Данное обстоятельство вызвано тем, что все большее количество международных актов в различных сферах борьбы с преступностью прямо или косвенно затрагивает тему уголовной ответственности юридических лиц, что, в свою очередь, объясняется резко возрастающей глобализацией криминальных угроз. Например, нормативной основой международной политики в сфере борьбы с коррупцией является Конвенция ООН, принятая 31 октября 2003 г. Она ратифицирована Республикой Беларусь в 2004 году на основании Закона Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. № 344-З «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» [6, 7].

Идея применения уголовной ответственности к юридическим лицам как таковая не является новой и активно реализуется в законодательстве многих зарубежных государств. Так, в США, Канаде, Австралии, Великобритании, Иордании, Ливане и Сирии сложилась практика привлечения юридических лиц к уголовной ответственности путем назначения им не только денежных штрафов, но и таких санкций, как конфискация имущества, ограничение деятельности, закрытие структурных подразделений, временная приостановка операций или полная ликвидация организации.

Таким образом, вопрос об уголовной ответственности юридических лиц в Республике Беларусь остаётся открытым и требует дальнейшей проработки. Несмотря на наличие разных точек зрения в доктрине, опыт зарубежных стран и правоприменительной практики свидетельствует о целесообразности

и эффективности введения такой ответственности для повышения уровня борьбы с экономическими преступлениями.

Список использованных источников:

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г., № 275-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования : Декрет Президента Республики Беларусь, 16 января 2009 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. Теория и практика реализации ответственности в гражданском, гражданском процессуальном, трудовом и семейном праве : монография / Е. М. Ефременко [и др.] ; под общ. ред. Н. Л. Бондаренко. – Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2019. – 218 с.

5. К вопросу о возможности введения в России уголовной ответственности и уголовных наказаний юридических лиц (сравнительный аспект) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 5. – С. 21–25.

6. Правовая защита потерпевших в зарубежных странах : монография / В. Ю. Артемов, И. С. Власов, Н. А. Голованова [и др.] ; отв. ред. С.П. Кубанцев. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2017. – 304 с.

7. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции Закона Республики Беларусь от 25.11.2004 №344-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

8. Копелев, А. Уголовная ответственность юридических лиц: международный опыт и отечественные перспективы [Электронный ресурс] / А. Копелев // Юридический мир. – № 3/2017. – Режим доступа: <https://statut.by/lichnyj-jurist/13-respect-law/1680-05-12-2017>. – дата доступа: 01.10.2023.

АЛГОРИТМ РАЗРАБОТКИ НАУЧНОЙ ДОКТРИНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА¹

М. С. Бондаренко

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
miroslav090998@gmail.com*

Развитие человеческого капитала названо в числе стратегических интересов и целей экономического развития стран СНГ, однако, как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации отсутствует комплексная национальная доктрина развития человеческого капитала. Разработке и принятию официальной доктрины должна предшествовать разработка научной доктрины человеческого капитала, алгоритм которой, состоящий из совокупности последовательных шагов, предложен автором.

Ключевые слова: человеческий капитал, человеческий потенциал, человеческий ресурс, доктрина развития человеческого капитала, научная доктрина человеческого капитала.

Представителями экономической науки убедительно доказана взаимосвязь между инвестициями в человеческий капитал и созданием предпосылок экономического роста: самыми успешными в экономическом плане становятся страны, обладающие не столько богатыми природными ресурсами, сколько значительным человеческим капиталом [1; 2]. Неслучайно, в многочисленных актах наднационального и национального

¹ Статья подготовлена представителем научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета в рамках научного проекта «Трансформация организационно-правового механизма управления государственной собственностью в Республике Беларусь», осуществляемого в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы (№ ГР 20212053).

уровня стран постсоветского пространства человеческий капитал упоминается все чаще.

Вместе с тем, как в отечественном, так и в наднациональном законодательстве отсутствует *комплексная национальная доктрина развития человеческого капитала*, под которой мы понимаем систему взглядов на роль и значение человеческого капитала в обеспечении национальной безопасности, а также принципов, определяющих механизм государственного регулирования финансирования и инвестирования социальной сферы, а также хозяйственной деятельности в сфере развития человеческого капитала, которыми должны руководствоваться законодательные и правоприменительные органы.

Разработке и принятию официальной доктрины должна предшествовать разработка научной доктрины, роль которой состоит в создании конструкций, понятий, определений, которые в том числе и самостоятельно могут быть использованы в нормотворческой и правоприменительной деятельности. Алгоритм выработки такой доктрины должен состоять из совокупности последовательных шагов.

Шаг 1. Необходимо институционализировать «человеческий капитал» в рамках правовой системы, определив его природу и существенные признаки как правового явления. Человеческий капитал традиционно рассматривается как экономическая категория, поэтому предложенные экономистами определения закономерно не содержат указания на его правовую природу. По нашему мнению, человеческий капитал может быть институционализирован одновременно в трех аспектах, а именно как:

– объективно существующий фактор производства. При этом правовая категория «фактор производства» нуждается в закреплении в нормах Закона Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь»;

– объект исключительных политических прав государства, составляющий публичную монополию, что должно быть закреплено в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. № 169-З «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства»);

– объект управленческого воздействия, единообразно понимаемый во всех сферах государственного управления, хозяйственной деятельности, во всех сегментах социальной и политической сфер государства, позволяющий обеспечивать формирование и выполнение самых высоких стандартов в процессе «производства» физического здоровья личности и ментального здоровья отдельной личности и общества в целом [3].

Шаг 2. Необходимо выработать полноценный понятийно-категориальный аппарат, в частности: сформулировать понятие человеческого капитала, отграничив его от смежных правовых категорий, таких как «человеческий потенциал», «человеческий ресурс», «трудовые ресурсы» и др.; выработать понятия «производство человеческого капитала», «воспроизводство человеческого ресурса», «развитие человеческого потенциала». Это позволит обеспечить единообразие нормотворческой деятельности, устранить существующую в настоящее время путаницу в использовании данных понятий.

Понятия «человеческий капитал», «человеческий потенциал» и «человеческий ресурс» нередко ошибочно используются как синонимические конструкции [4]. Человеческий капитал – это «совокупность знаний, умений и навыков всех членов общества, предопределенная характеристиками личностных и физиологических качеств конкретного физического лица (персональный капитал), а также способность их использования для реализации публичного и частного интереса в целях обеспечения национальной экономической безопасности государства».

Под человеческим ресурсом мы предлагаем понимать совокупность имеющихся в распоряжении государства физических лиц – резидентов, потенциально способных принимать участие в реализации внутренней и внешней политики в силу профессионального, духовного, морального и физического состояния. Человеческий потенциал есть совокупность основополагающих компетенций, способностей и возможностей индивида или территориальных общностей, уровень развития и реализации которых повышает (или снижает) продуктивность общественного производства.

Иными словами, реализация человеческого потенциала приведет к формированию человеческого капитала. Из чего следует, что под производством человеческого капитала следует понимать целенаправленное формирование и поддержание качественных и количественных характеристик

воспроизведенного человеческого ресурса, а также реализацию человеческого потенциала в целях обеспечения национальной безопасности.

Шаг 3. Необходимо определить институциональную среду производства человеческого капитала и сферу осуществления инвестиций в человеческий капитал. Такой средой является социальная сфера [5; 6]. В настоящее время понятие социальной сферы, а также определение ее организационной конструкции отсутствует, как в национальном, так и в наднациональном праве. Между тем, выработка такого определения позволит создать универсальную для всех социальных наук основу понимания природы института социальной сферы, и тем самым скоррелировать методологическую основу научных исследований в рамках правовой, экономической, политической науки и социологии.

По нашему мнению, социальная сфера – элемент системы общественных отношений, структурируемый в соответствии с объективно сложившимся в силу исторических, демографических, политических и экономических факторов делением общества на социально-демографические группы, в котором осуществляется формирование, воспроизводство человеческого ресурса и производство человеческого капитала, обеспечивающее существование общества, реализацию национальных интересов государства и функционирование национальной экономики.

Шаг 4. Необходимо определить правовой режим инвестиций в человеческий капитал. Взяв за основу понятие правового режима, сформулированное белорусскими учеными [7, с. 34], мы предлагаем следующее понятие правового режима инвестиций в человеческий капитал, под которым следует понимать комплекс правовых норм, определяющих принципы, порядок и условия осуществления инвестиций в человеческий капитал (объект инвестиций), реализации публичного и частного интереса в процессе производства человеческого капитала (процесса инвестиций), осуществления прав в отношении человеческого капитала как объекта политических прав государства (результата инвестиций).

Таким образом, человеческий капитал выступает одновременно как объект инвестиций и как результат процесса осуществления инвестиций. То есть инвестиции представляют собою не только разрозненные объекты гражданских прав, но и их совокупность, порождающую комплексный институт инвестиций (человеческий капитал), выступающий не только

объектом управленческого воздействия, но обладающий своего рода «субъективацией».

Существует определенная схожесть между инвестициями в средства производства и в человеческий капитал: человеческий капитал одновременно и объект, и результат инвестиций (по аналогии с объектом недвижимого имущества). Безусловно, невозможна ипотека или продажа человеческого капитала, как, например, объекта недвижимого имущества, но, как человеческий капитал, так и средства производства способны приносить в будущем экономический эффект, увеличивать или уменьшать свои качественные и количественные характеристики и даже полностью обесцениваться.

Шаг 5. Выработать механизм взаимодействия публичного и частного интереса в рамках распределения усилий и функций, связанных с обеспечением условий для производства человеческого капитала. Производство человеческого капитала является сферой взаимодействия публичного и частного интереса, поскольку реализуется задача обеспечения общественного и личного благополучия [8]. Следовательно, это сфера публично-частного партнерства. Исходя из определения, закрепленного в Модельном законе СНГ «О публично-частном партнерстве», публично-частное партнерство представляет собой методологию взаимодействия, при которой сохраняется государственная монополия на человеческий капитал как объект политических прав, но функция по его производству делегируется партнерам государства – субъектам частного интереса и субъектам публичного интереса, представляющим гражданское общество (некоммерческие организации, действующие в публичном интересе и т.п.) [9].

Человеческий капитал достаточно редко исследуется учеными-правоведами с позиций правовой науки. Как позитивный следует расценивать тот факт, что в разделе «Хозяйственное право» Паспорта специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, утвержденном Приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 5 июля 2021 г. № 193 в качестве направлений научных исследований обозначены проблемы правового регулирования хозяйственной деятельности в сфере развития человеческого капитала и правовой режим инвестиций в человеческий капитал [10]. Тем самым, впервые обращено внимание на необходимость

исследования человеческого капитала с позиций правовой науки. Предложенный нами алгоритм является лишь небольшим фрагментом будущих научных исследований.

Список использованных источников:

1. Дятлов, С. А. Основы теории человеческого капитала / С. А. Дятлов. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбУЭФ, 1994. – 160 с.
2. Лавров, Е. И. Человеческий капитал как фактор экономического роста / Е. И. Лавров, Л. А. Лаврова // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. – 2006. – № 2. – С. 63–69.
3. Страновой маркетинг : монография / Н. Л. Бондаренко [и др.] ; под ред. Н. Л. Бондаренко. – Минск : Ковчег, 2022. – 652 с. – Раздел 14.
4. Бондаренко М. С. Человеческий капитал: понятие и отграничение от смежных правовых категорий / М. С. Бондаренко // Право.by. – 2022. – № 4 (78). – С. 52–59.
5. Бондаренко, М. С. Социальная сфера как институциональная среда инвестиций в человеческий капитал / М.С. Бондаренко // Четвертые цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной : сб. ст. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; под ред. М. Н. Шимкович [и др.]. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2022. – 413 с. – С. 38–42.
6. Бондаренко, М. С. Социальная сфера как институциональная среда производства человеческого капитала и сфера осуществления инвестиций в человеческий капитал / М. С. Бондаренко // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. / гл. ред. Н. Л. Бондаренко. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2022. – № 1 (19). – С. 165–179.
7. Бондаренко, Н. Л. Совершенствование понятийно-категориального аппарата правовой науки в контексте решения задачи разграничения понятий «статус», «правосубъектность», «правовое положение», «правовой режим» / Н. Л. Бондаренко, Е. Н. Гладкая, Ю. Г. Конаневич // Актуальные проблемы гражданского права. – 2020. – № 2. – С. 8–40.
8. Бондаренко, М. С. Человеческий капитал как «продукт» взаимодействия гражданского общества и государства // Проблемы становления гражданского общества : электронный сб. ст. Междунар. научн.

студенческой конф., Иркутск, 24 марта 2023 г. : в 2 частях. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. – Часть I. – 483 с. – Текст : электронный. – С. 125–129.

9. Бондаренко, Н. Л. Публично-частное партнерство как социальный феномен и правовой институт: новый методологический подход к идентификации общественных отношений / Н. Л. Бондаренко, М. С. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, А. Г. Костенко // Право.by. – 2022. – № 6. – С. 31–45.

10. Паспорт специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, утв. Приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, 5 июля 2021 г., № 193 // Режим доступа: <https://vak.gov.by/node/1113> – Дата доступа : 17.10.2023.

ПРИРОДА И КОНСТРУКЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРАВОВОЙ НАУКИ²

Н. Л. Бондаренко

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
bondarenkonl@yahoo.com*

В. С. Каменков

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
v.kamenkov@gmail.com*

Предлагаемый авторами статьи научный подход позволяет идентифицировать хозяйственно-правовую науку как уникальную сферу научного и практического знания, основанную на принципе междисциплинарности, не охватываемую лишь пределами хозяйственного права (как отраслью правовой науки), и не охватываемую пределами

² Статья подготовлена представителями научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета.

правовой науки, затрагивающую огромный массив смежного правовому знания.

Ключевые слова: хозяйственное право, наука хозяйственного права, хозяйственно-правовая наука, научная школа хозяйственного права, принцип междисциплинарности.

В системе образования и в научной среде сложилась традиция разграничивать области научного знания и учебные дисциплины, в основе которых находятся институциональные явления, предопределяющие не только специфику «ремесла», но и миропонимания. Зачастую речь идет не только о таком разделении, но и фактическом противопоставлении таких областей знания на основе совокупности критериев преимущественно субъективного характера. Классическим примером является квартет «право – экономика – политология – наука о государственном управлении».

При полной и абсолютной аффилированности перечисленных наук и обусловленных ими учебных дисциплин, можно констатировать их практически абсолютную обособленность друг от друга. Причем такая обособленность как бы и не находит логичного объективного объяснения, одновременно как бы логично объясняясь привычными всем предметной, методологической и принципиальной основой. На первый взгляд подобный парадокс хоть и вызывает ощущение «недосказанности» при изучении определенного сегмента правового, экономического, политического или управленческого знания, но как бы и не мешает соответствующей области научного знания существовать. Хотя при ее изучении возникает объективный дефицит информации, обусловленный выше «границами» между обозначенным выше квартетом сфер научного и практического знания.

В системе правовых наук можно обнаружить всего несколько исключений из описываемой нами закономерности:

– теория государства и права вместе с конституционным правом так или иначе «вторгаются в юрисдикцию» политологии, а последняя «отвечает им взаимностью» в этом вопросе;

– криминология использует массив знаний из множества смежных отраслей научного и практического знания, включая политологию и экономическую науку;

- уголовное и административно-деликтное право «посягают» на «территориальную целостность» экономической науки и политологии, устанавливая пределы допустимого в поведении – составы правонарушений;
- административное право (как отрасль права и наука, регулирующая / изучающая систему государственного управления) использует массив знаний, свойственный политологии и наукам о государственном управлении.

На фоне приведенных примеров логичным выглядит предположение о том, что хозяйственное право также должно быть обязательно и безусловно взаимосвязано как минимум с экономической наукой. А при должном понимании особенностей функционирования свойственных государству и обществу сфер общественных отношений – национальной экономики, социальной и политической сфер, – напрашивается вывод о том, что не менее тесная взаимосвязь у хозяйственного права должна быть также с политологией и совокупностью наук о государственном управлении.

Парадоксальным является тот факт, что до момента утверждения Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь действующей редакции Паспорта специальности 12.00.03 – «гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» [1] и утверждения Министерством образования Республики Беларусь Типовой учебной программы по дисциплине «Хозяйственное право» для специальностей: 1-24 01 02 Правоведение, 1-24 01 03 Экономическое право, 1-23 01 06 Политология (по направлениям) для направления специальности 1-23 01 06-01 Политология (политико-юридическая деятельность) № ТД-Е 915/тип. [2], такая взаимосвязь официально отсутствовала в силу целого комплекса причин преимущественно субъективного характера.

Типовая учебная программа по дисциплине «Хозяйственное право» была разработана представителями Научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета (далее – Научная школа хозяйственного права) [3] и это стало началом нового этапа развития хозяйственного права как отрасли права и правовой науки [4]. Совершенствование юридического образования является основной целью функционирования научной школы хозяйственного права как элемента научной и инновационной инфраструктуры Белорусского государственного

университета. Прделанная представителями научной школы работа ознаменовалась целым комплексом иных научных разработок в части совершенствования науки хозяйственного права и формирования на ее основе производных и актуальных для общества и государства направлений научного знания – национальной экономической безопасности (в том числе юридической квалиметрии) [5], фискалистики (в том числе фискальной хозяйственной деятельности (государственного предпринимательства) [6], процессов управления объектами прав, составляющих казну [7], странового маркетинга, легальной экономической лоббистики и т.д.) [8].

Разработки Научной школы хозяйственного права характеризуются научной новизной не только в пределах Республики Беларусь, но и за ее пределами.

Наверное, основополагающим выводом при проведении научных исследований является вывод о том, что хозяйственное право хоть и бесспорно является отраслью правовой науки, однако оно не является равнозначным хозяйственно-правовой науке. *Можно утверждать, что хозяйственно-правовая наука и хозяйственное право соотносятся как общее с частным.*

Столь нестандартный с точки зрения канонов правовой науки тезис основан на совокупности результатов, отраженных в многочисленных тематических публикациях по проблематике хозяйственно-правового регулирования, осуществленных представителями Научной школы хозяйственного права. Основополагающей идеей, пронизывающей имеющиеся научно обоснованные выводы, является необходимость изучения хозяйственных правоотношений одновременно в динамике и в «режиме 3D».

В основе такой идеи находится научно обоснованный вывод о том, что хозяйствование и обусловленная этим институциональным явлением и социальным институтом совокупность общественных отношений, во-первых, существует помимо воли государства, а во-вторых, государство способно надлежащим образом регулировать процесс производства материальных и нематериальных благ лишь при условии учета самых разнообразных факторов.

В этой связи можно констатировать:

1. Предмет хозяйственного права как отрасли права (то есть совокупность общественных отношений, складывающихся по поводу

осуществления хозяйственной, хозяйственно-трудовой и творческой деятельности) и обусловленный им предмет хозяйственного права как отрасли правовой науки не совпадают с предметом хозяйственно-правовой науки (в качестве которого выступает государственное управление национальной экономикой и государственное регулирование хозяйственных отношений в целом (не ограничивающееся только пределами института правового регулирования и включающее в том числе экономическое и гуманитарное регулирование, что является не только научным выводом, но и фактом, закрепленным законодательно: ст. 1 Закона Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 157-З «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь» установлено, что *«Государственное прогнозирование социально-экономического развития Республики Беларусь – деятельность государственных органов по разработке государственных прогнозов социально-экономического развития на долгосрочную, среднесрочную и краткосрочную перспективы. Прогноз социально-экономического развития – система научно обоснованных представлений о направлениях, критериях, принципах, целях и приоритетах социально-экономического развития Республики Беларусь на соответствующий период с указанием основных прогнозируемых показателей, целевых ориентиров и мер по обеспечению их достижения»*)).

Соответственно, категории «хозяйственное право как наука» и «хозяйственно-правовая наука» – не игра слов, но разные по своему значению и объему научные конструкции.

2. Предмет хозяйственного права как науки объективно ограничен пределами института правового регулирования общественных отношений, складывающихся по поводу осуществления хозяйственной, хозяйственно-трудовой и творческой деятельности. При этом в него не входят такие институты как управление казной государства, публичная монополия, фискальная хозяйственная деятельность (государственное предпринимательство), национальная экономическая безопасность и ряд других. Хотя перечисленные институты объективно содержат хозяйственно-правовой элемент.

Соответственно, существует объективная необходимость изучения таких смежных институтов именно в контексте хозяйственного права и во взаимосвязи с ним. А значит можно сделать вывод: хозяйственно-

правовая наука не ограничивается только конструкцией хозяйственного права.

3. Хозяйственно-правовая наука – научно-практическая конструкция, охватывающая объем информации, обусловленный содержательными характеристиками четырех социальных институтов:

- экономика (хозяйство);
- социальная сфера;
- политическая сфера;
- производство материальных и нематериальных благ в рамках национальной экономики, социальной и политической сферах, предназначенных для личного, семейного и бытового потребления в рамках натурального хозяйства и для реализации потребителям на товарных рынках в рамках методологии расширенного (товарного) производства.

Соответственно, можно констатировать, что задачей хозяйственно-правовой науки является изучение всей совокупности закономерностей такого производства.

4. Хозяйственно-правовая наука – это совокупность информации правового и сопутствующего характера, позволяющая государству и обществу сформировать научное представление о том, как правильно и эффективно регулировать процесс производства материальных и нематериальных благ для реализации норм, содержащихся в ст. 11 Закона Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 157-З «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь».

Следовательно, конструкцию хозяйственно-правовой науки должны составлять следующие области научного знания:

1. Непосредственно хозяйственное право как наука и как учебная дисциплина.

2. Фискалистика как наука о функционировании казны, управлении фискальной нагрузкой, публичной монополией (включая монополию государственную), об управлении и осуществлении фискальной хозяйственной деятельности (государственного предпринимательства).

3. Юридическая квалиметрия как наука о качестве права и качестве в праве, тесно аффилированная с квалиметрическим правом (являющимся подотраслью кондиционного права, составляющего, в свою очередь,

пруденциальный цикл отраслей права), конструкцию которой также составляют такие отрасли научного знания как экономический анализ права, управление экономическим рисками.

4. Пруденциалистика как наука об обеспечении национальной экономической безопасности, конструкцию которой составляют:

- право национальной экономической безопасности (пруденциальное право);

- антимонопольное право;

- конкурсное право;

- кондиционное право;

- учетное право (как наука о правовом регулировании хозяйственного, финансового, фискального учета и государственной статистики);

- монетарное право (как наука о правовом регулировании денежно-кредитной политики) и производное по отношению к нему банковское право.

4. Инвестиционное право.

5. Маркетология – отрасль хозяйственно-правовой науки, основанная на принципах широкой междисциплинарности, предметом которой является хозяйственная, хозяйственно-трудовая и творческая деятельность, направленная на обеспечение экономически эффективной добросовестной конкуренции хозяйствующих субъектов и субъектов международного права на национальном и иностранных товарных рынках и привлекательность национальных факторных рынков, а также эффективное участие государства в политической конкуренции и эффективное функционирование системы национальной безопасности. Ключевыми институтами, формирующими доктринальную конструкцию маркетологии, являются институт управления хозяйственной деятельностью и управление свойственной субъекту хозяйственной деятельности или субъекту международного права совокупности объектов интеллектуальной собственности и исключительных прав на такие объекты, а в случае со страновым маркетингом – управление государственной монополией (в связи с чем предмет методологии имеет тесное пересечение с предметом фискалистики и странового маркетинга).

Декларируемая конструкция хозяйственно-правовой науки позволяет сформировать комплексное представление о:

1. Совокупности всех известных хозяйственных отношений и государственном регулировании хозяйственных правоотношений.

2. Совокупности всех известных общественных отношений, не являющихся хозяйственными, однако содержащих хозяйственно-правовой элемент.

3. Специфике методологической и принципиальной основы построения системы государственного управления национальной экономикой, государственного регулирования публичной хозяйственной деятельности и государственного регулирования условий для осуществления частной хозяйственной деятельности.

Предлагаемый нами научный подход позволяет идентифицировать хозяйственно-правовую науку как уникальную сферу научного и практического знания, основанную на принципе междисциплинарности, во-первых, не охватываемую лишь пределами хозяйственного права (как отраслью правовой науки), а во-вторых, не охватываемую пределами правовой науки в ее традиционном понимании, затрагивающую огромный массив смежного правовому знанию, позволяющего сформировать целостное представление о том, чем же на самом деле является хозяйственно-правовое знание.

При этом безусловным является отнесение хозяйственно-правовой науки именно к конструкции правовой науки в целом.

Соответственно, под хозяйственно-правовой наукой следует понимать отрасль правовой науки, основанную на принципе широкой междисциплинарности, изучающей методологическую и принципиальную основу построения системы государственного управления национальной экономикой, государственного регулирования публичной хозяйственной деятельности и государственного регулирования условий для осуществления частной хозяйственной деятельности.

Список использованных источников:

1. Паспорт специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, утв. Приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь,

5 июля 2021 г., № 193 // Режим доступа: <https://vak.gov.by/node/1113> – Дата доступа : 24.10.2023.

2. Типовая учебная программа по дисциплине «Хозяйственное право» для специальностей: 1-24 01 02 Правоведение, 1-24 01 03 Экономическое право, 1-23 01 06 Политология (по направлениям) для направления специальности 1-23 01 06-01 Политология (политико-юридическая деятельность) № ТД-Е 915/тип. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/287229>. – Дата доступа: 01.10.2023.

3. Научная школа хозяйственного права. – Режим доступа: <https://law.bsu.by/novosti/novosti-razdela-dissertatsii/14872-nauchnaya-shkola-khozyajstvennogo-prava.html>. – Дата доступа: 01.10.2023.

4. Бондаренко, Н. Л. Хозяйственное право: новое или хорошо забытое старое / Н. Л. Бондаренко // Право в современном белорусском обществе. – 2021. – № 16. – С. 319–327.

5. Бондаренко, Н. Л., Конаневич, Ю. Г. Юридическая квалиметрия как новая отрасль правового научного знания / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Право.by. – 2022. – № 5. – С. 117–124.

6. Бондаренко, Н. Л. Фискалистика как отрасль правовой науки, основанная на принципе междисциплинарности / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая // Обеспечение социально-экономических прав – важная гарантия устойчивого развития : материалы круглого стола, Минск, 10 декабря 2022 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. конституционного права ; [редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.), В. Е. Петухова, А. В. Шавцова]. – Минск : БГУ, 2022. – 199 с. – С. 180–185.

7. Бондаренко, Н. Л. Казна как объект государственного управления и комплексный правовой институт / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая // Проблемы управления. – 2022. – № 1. – С. 81–86.

8. Страновой маркетинг : монография / Н. Л. Бондаренко [и др.] ; под ред. Н. Л. Бондаренко. – Минск : Ковчег, 2022. – 652 с.

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМПАНИЙ И ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ МИНИМИЗАЦИИ САНКЦИОННЫХ РИСКОВ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)

Я. С. Бутакова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая д. 20, 101000, г. Москва, Россия,
yanabutakova@yandex.ru*

В современную эпоху международные санкции являются важным инструментом внешней политики. При этом антироссийские санкции оказывают беспрецедентное влияние на российский бизнес и экономику. Во-первых, это экономические санкции, конечным субъектом которых является преимущественно бизнес. Во-вторых, это стремительность их принятия, не позволяющая бизнесу оперативно и эффективно адаптироваться. Актуальность проблемы также обусловлена длительным эффектом санкций; принимаемые изначально на определенный срок, они могут оказывать длительное воздействие на бизнес, а многие отрицательные последствия выявляются лишь со временем. За последний год выработаны механизмы снижения санкционных рисков, которые могут помочь бизнесу оптимизировать свою деятельность в современных реалиях.

Ключевые слова: международные экономические санкции, односторонние ограничительные меры

Односторонние ограничительные меры, не являясь международно-правовым институтом, являются национальным институтом права в русле внешней политики конкретного государства/государственного объединения и направлены на защиту национальных интересов. Приравнение односторонних ограничительных мер и международных экономических санкций – юридически некорректно (в рамках настоящего доклада используется термин санкции по отношению и к односторонним ограничительным мерам, и к международным экономическим санкциям, как собирательный термин в целях избегания терминологической путаницы).

В современных условиях российский бизнес поставлен в сложную ситуацию и оказался зажатым с двух сторон. С одной стороны, иностранные

регуляторы вводят санкции и активно применяют ответственность за их неисполнение. С другой стороны, российскими властями активно вводятся контрсанкции, которые также негативно влияют и на российские компании – здесь речь про ограничения в части проведения платежей и заключения сделок с компаниями из недружественных государств, проблемы с финансированием своих структур за пределами страны, необходимость получения согласования государственных структур на изменение корпоративной структуры компании в ряде случаев и иное.

При этом за прошедший год высказано множество законодательных инициатив ввиду санкций, часть из которых оформлены в законопроекты. Например, Законопроект № 102053-8 от 7 апреля 2022 г. вводящий ч. 2 ст. 201 УК РФ, которая предусматривает ответственность за соблюдение санкций иностранного государства (рассмотрение было отложено). Также предлагалось конфисковать активы (Законопроект № 103072-8 от 8 апреля 2022 г., был возвращен инициатору) принадлежащие лицам из недружественных стран (перечень недружественные стран утвержден Правительством РФ и включает в себя страны ЕС, США и ряд других стран). Были высказаны инициативы по одностороннему прекращению договорных обязательств в виду санкций (Законопроект № 92282-8 от 22 марта 2022 г., рассмотрение приостановлено). Или принятое дополнение УК РФ ст. 284.2, которая закрепляет уголовную ответственность за призывы к введению санкций.

В настоящий момент международные санкции затронули следующие сферы жизни субъектов экономики.

1. Имущественные интересы и права субъектов экономики. Решение о заморозки активов принимается в соответствии с Регламентом Совета ЕС от 17 марта 2014 г. № 269, который дополнительно устанавливает исключения из режима заморозки схожие с ООН. Указанный регламент предоставляет право заморозки активов и подразумевает запрет всех операций в отношении движимого и недвижимого имущества, ценных бумаг, а также прав требования, которые осуществляются в интересах лица, подпавшего под санкции. Эта широкая формулировка распространяется на сделки с неустановленными сторонами, принадлежащими или контролируемые указанными сторонами. Примечательно, что некоторые

страны, такие как Новая Зеландия, разработали специальное регулирование в целях заморозки российских активов (Russia Sanctions Act 2022).

Заморозка активов в США устанавливается Исполнительными указами Президента во исполнение действующего законодательства. Например, Исполнительный указ 14024 от 15 апреля 2021 г., вводит перечень лиц, чье имущество и имущественные интересы, находящиеся в США (или в будущем перейдут), заблокированы и не могут быть переданы, оплачены, экспортированы, изъяты или иным образом обработаны. Режим заморозки может распространяться и на имущество супругов и совершеннолетних детей.

С заморозкой ресурсов всегда тесно связан риск конфискации. Недружественные страны стали разрабатывать законодательные механизмы конфискации замороженных средств. Ранее механизм конфискации приняла Канада. **В США конфискации исторически происходила на основании судебного решения, при этом, первым делом в США по конфискации замороженного имущества подсанкционного российского лица стало дело К. Малофеева. 22 декабря 2022 г. Сенат США утвердил поправку в проект Оборонного бюджета о конфискации замороженных российских активов для помощи Украине.**

9 июня 2022 г. Европарламент рекомендовал создать механизм конфискации замороженных активов РФ. В большинстве стран-участниц в настоящий момент имеются механизмы конфискации, но исключительно в рамках уголовной ответственности.

2. Ограничения в предпринимательской деятельности. Ограничение предпринимательской деятельности в первую очередь связано с ограничением торговых отношений и наличием запретов на взаимодействие с подсанкционными лицами, товарами. Страны-субъекты санкций пытаются ввести ограничения в наиболее значимых экономических областях страны объекта-санкций. Так, Великобритания согласно The Russia Sanctions Amendment № 8 Regulations 2022 запретила операции черными и стальными изделиями из России. Великобритания ввела ограничения в области оказания услуг – запрет на предоставление бухгалтерских, деловых и управленческих консультаций, лицам, связанным с Россией, включая российских резидентов, которые временно находятся в другой стране; ограничен доступ к IT

консультационным, архитектурным, инженерным, аудиторским, рекламным услугам, юридическим консультациям по сделкам.

Поправкой № 12 Великобритании запретила прямое приобретение любой собственности на территории РФ и в компаниях, связанных с Россией; косвенное приобретение любой собственности на территории РФ и в компаниях, связанных с Россией, с целью предоставления средств, ресурсов лицам, связанным с Россией.

ОФАС США принял Определение в соответствии с разделом 1(A)(i) Исполнительного указа 14071, согласно которому лицам, связанным с США, запрещается оказывать бухгалтерские услуги, услуги по созданию компаний и трастов, консультационные услуги по вопросам управления любому лицу, находящемуся на территории России. Отдельные ограничения действуют согласно Исполнительного указа 14024 от 15.04.2021 г., согласно разделу 1(a)(vi)(B) запрещено предоставление подсанкционному лицу материальной помощи, финансовой или технологической поддержки, а также товаров или услуг. Это фактически блокирует ведение любой предпринимательской активности с лицами, включенными в санкционный список на основании данного указа. США введено правило «**Russia FDP rule**», которое запрещает поставку в Россию американского программного обеспечения или технологий, которые подлежат лицензированию согласно правилам экспортного контроля. Активно вводятся секторальные санкции.

Европейский регулятор также вводил ограничения на оказание европейскими компаниями юридических, инжиниринговых, IT услуг. Введен запрет на продажу, поставку, передачу товаров, включенных в Приложение II к Регламенту № 833 от 2014 г. в Россию или с целью использования в ней.

Значительные экспортные ограничения практически заставили российские компании отказаться от европейских и американских рынков.

3. Валютные ограничения. Так со 2 марта 2022 г. введен запрет на продажу, поставку и экспорт в Россию физическим и юридическим лицам, а также госструктурам банкнот евро. 11 марта 2022 г. США запретили экспорт, реэкспорт, продажу или поставку из США банкнот любому человеку, находящемуся в России. Ограничения распространяются в том числе на американских граждан, компании в других странах.

4. Изменение привычных механизмов расчетов. Ведущие российские банки были включены в блокирующие списки ЕС и США, тем

самым утратили возможность проводить операции в евро и долларах США. ЕС отключает от системы межбанковских платежей SWIFT ряд российских банков. С 12 марта 2022 года запрещается предоставлять услуги обмена финансовыми сообщениями, которые используются для обмена финансовыми данными, санкционным, их дочерним/аффилированным структурам по правилу 50%. Бизнес был вынужден переходить на альтернативные варианты расчетов и новые валюты в платежах.

5. Ограничение возможности судебной/арбитражной защиты.

Санкции негативно повлияли и затронули возможность привлечения внешних консультантов. Отметим, что, не смотря на вопрос адвокатской этики и тот факт, что оказание юридических услуг прямо не запрещено ни санкциями США, ни ЕС (в отличие от аудиторских, бухгалтерских), а также есть опция получения лицензии на оказание подобных услуг санкционным лицам, российские компании столкнулись с массовыми отказами ведущих европейских, американских консалтинговых компаний от оказания услуг российским компаниям.

Международные санкции в значительной мере повлияли на инициацию арбитражного разбирательства и уплату арбитражного сбора, повлияли на возможность отмены, признания и приведения в исполнение арбитражного решения. Перед истцом возникает вопрос о том, нарушает ли приведение в исполнение арбитражного решения общественный порядок государства, в котором должно быть приведено в исполнение арбитражное решение.

6. Санкция оказали существенное влияние на трудовые отношения с иностранным элементом. Во многих юрисдикциях был введен запрет на занятие должностей. Например, европейским лицам запрещено замещать какие-либо должности в органах управления отдельных компаний (в частности, контролируемых государством или в которых государство имеет право на получение доходов).

7. Отдельно стоит отметить влияние санкций на транспортные отношения с иностранным элементом. Страны Евросоюза с 2022 г. перестали пропускать автотранспорт, зарегистрированный в России и Белоруссии в целях грузоперевозок и транзита по территории ЕС. В качестве ответной меры российские власти ввели запрет на въезд грузовиков из стран Евросоюза, Великобритании, Норвегии и Украины. Согласно президентом Законом Украины «О санкциях» от 10 сентября 2014 года запрещен транзит

и перевозки по территории Украины для российских перевозчиков.

После 16 апреля 2022 г. ЕС запрещен доступ в порты (а далее в шлюзы/доки) стран ЕС любого судна под российским флагом. Следует отметить, что перевалка с кораблей под российским флагом на любые другие также была запрещена, если она направлена на обход санкций. Также ЕС запретил участие европейской инфраструктуры, территории и экономических операторов из ЕС в транспортировке, перевалке, трейдинге, страховании и оказании иных услуг в отношении подсанкционных лиц и товаров.

21 апреля 2022 г. США введен запрет судам под флагом РФ или судам, принадлежащим или эксплуатируемым российскими лицами заходить в порты США. Аналогичные ограничения ввела и Украина – был введен запрет на заход судов под флагом РФ в любые порты Украины. Великобритания согласно Регламенту «О санкциях в отношении России в связи с выходом из ЕС» запретила доступ в свои порты для судов принадлежащих, контролируемых, зафрахтованных или управляемых подсанкционным лицом.

8. Влияние санкции на международные корпоративные отношения. Говоря про дочерние структуры иностранных компаний, отдельной проблемой является, когда в состав исполнительного органа российской дочерней компании входят граждане ЕС. Формально обязанности у российской компании не возникает по соблюдению санкций. Но при этом, граждане ЕС обязаны их соблюдать. При этом «четвертый антироссийский пакет» ЕС ввел запрет на оказание услуг компаниям ряда секторов и, следовательно, граждане ЕС не могут входить в состав органов управления соответствующих компаний. Граждане ЕС столкнулись с коллизией двух правопорядков: места их гражданства и России.

Можно выделить следующие **способы минимизации** негативных последствий международных санкций для бизнеса: корпоративный; общий; преддоговорной / договорной; судебный; административный; непосредственное соблюдение санкционных режимов.

Первой реакцией на санкции стало **изменение корпоративной структуры российских компаний**. В течение марта-апреля 2022 г. многие компании, мажоритарные владельцы которых попали под санкции, были вынуждены поменять корпоративную структуру снизив долю участия собственников до менее 50%. В рамках санкционных режимов и США, и ЕС действует правило 50%+ согласно которому лицо находится под санкциями,

если его материнская компания/акционер, владеющие более 50% в его капитале, находятся под санкциями, при этом учитывается доля подсанкционных лиц в совокупности [1, 2]. Аналогичное правило действует и в Великобритании [3].

Общий способ минимизации негативных последствий международных санкций выражается в построении системы санкционного комплаенса. Полноценно действующая система комплаенса позволит выявить санкционные риски и принять решение с их учетом. Хорошим решением будет разработка и внедрение соответствующей локальной политики, а также назначение уполномоченного лица. Рекомендуются проверять каждого контрагента, с которым планируется заключение сделки, платежей на предмет ограничений (и банков на предмет возможности провести платеж за рубеж). Для снижения санкционных рисков стоит отдельно проверять руководителей контрагента, учредителей, бенефициаров, а также дочерние компании на предмет их нахождения под санкциями. Стоит также учитывать правило 50% +.

Отдельно следует проверять связь контрагента с Ираном или Сирией. Такая связь может проявляться как напрямую через осуществление деятельности на территории данных государств, так и косвенно через контролирующих лиц и бенефициаров. Ярким примером того, что на квалификацию сделки с позиции санкционных рисков влияет ее подписант, является дело ExxonMobil. Министерство финансов США оштрафовало американскую нефтяную компанию ExxonMobil на 2 миллиона долларов за то, что подписантом договора с Роснефтью выступило лицо, включенное в список SDN [4]. Также, необходимо помнить про секторальные санкции, необходимо проверять сферу деятельности компании, место эксплуатации закупаемого товара.

На **преддоговорном этапе** рекомендуется взять у контрагента письменное заверение, что он, его связанные лица не находятся под санкциями, сделка не совершается в обход санкций; закрепить обязанность уведомить в случае введения санкций или подобной угрозы. Здесь необходимо учесть особенности применимого законодательства. Так для английского права возможным является указать размер заранее оцененных убытков в случае нарушения заверений. В рамках российского законодательства данные заверения стоит структурировать по ст. 431.2 ГК РФ, указав размер штрафной

неустойки, это исключит возможность снижения по ст.333 ГК РФ. Также заверения могут закрепить последствия для сторон, если из-за санкций договор не удастся исполнить, порядок прекращения/отказа от договора, возможность сторон пересчитывать валюту платежа и менять цену в зависимости от нового регулирования [5]. На этапе заключения договора стоит продумать основания его одностороннего внесудебного расторжения и включить в текст санкционную оговорку. Санкционные оговорки в российском праве можно разделить на два вида: indemnity – формулируемые по типу возмещения потерь (в контексте ст. 406.1 ГК); representation – формулируемые по типу заверений об обстоятельствах (в контексте ст. 431.2 ГК).

С 2017 года российская судебная практика стала допускать квалификацию санкций как обстоятельства непреодолимой силы. Например, *дело № А40-32123/2017 (Определение ВС РФ от 14 августа 2018 г.)*: «При этом суды учли, что недопоставка комплекса моделирования боевой реальности производства компании «Райнметалл Дефенс Электроник ГмБХ» (Германия) в согласованный срок не зависела от воли сторон контракта, а явилась следствием введения ЕС экономических санкций в отношении РФ». При этом до 2017 г. суды преимущественно относили санкции к предпринимательскому риску (*Постановления ФАС СЗО по делу № А21-8837/2012 от 27.06.2014, АС МО по делу № А40-208650/2015 от 03.11.2016, АС ЦО по делу № А83-7219/2016 от 15.01.2019 и т.д.*). Следует отметить, что новейшая российская судебная практика по данному вопросу однозначно не сформирована.

Кроме этого компании могут ссылаться на правило о непреодолимой силе, когда сторону освобождают от ответственности, если та докажет чрезвычайность и непредотвратимость обстоятельств по п. 3 ст. 401 ГК. Так в *деле АС г. Москвы № А40-14071/2020*, суды установили, что из-за введенных против России санкций со стороны ЕС ПАО «Курганмашзавод» лишилось возможности исполнить обязательства по государственному контракту. Указанные обстоятельства не зависят от поставщика и находятся вне сферы его контроля, то есть это обстоятельства непреодолимой силы.

Актуальной является возможность прекращения договорных отношений в условиях санкций будь то с подсанкционным контрагентом, товаром или же, когда исполнение сделки невозможно в принципе ввиду

санкционных ограничений со ссылкой на ст. 416 ГК РФ. Если необходимо прекратить договор, заключенный по российскому праву, но с внешнеэкономическим элементом (контрагент, предмет или иное), в ряде случаев российских контрсанкций возможно сослаться на юридическую невозможность исполнения, которая автоматически прекращает обязательство. В ряде случаев можно воспользоваться ст. 417 ГК РФ о невозможности исполнения обязательства на основании акта органа государственной власти или органа местного самоуправления. Например, на основании Указа Президента РФ от 4 мая 2022 г. № 254 Минфин РФ может не разрешить резидентам выплачивать прибыль иностранным кредиторам.

Судебный способ минимизации рисков [6] может существовать в двух плоскостях. 1. Ссылка на санкции как основание для невозможности исполнения договорных обязательств, для переноса судебного процесса в российскую юрисдикцию. 2. Обжалование включения лица в санкционный список.

Говоря про судебный способ минимизации рисков, стоит отметить, что стали появляться решения, в которых суды ссылаются на санкционный режим в обосновании своей позиции. Здесь речь не только в отказе истцам из «недружественных» стран в судебной защите их прав (в дальнейшем отмененное, *Решение АС Кировской области от 3 марта 2022 г. по делу № А28-11930/2021*), но и о некоторых послаблениях для стороны, оказавшейся под санкциями или пострадавшей от них. Например, суд Новосибирской области поддержал ответчика по налоговому спору и ввел обеспечительные меры на исполнение решения налогового органа до конца судебного разбирательства ввиду того, что ответчика затронули экспортные ограничения США (*Определение АС Новосибирской области от 16.03.2022 г. по делу № А45-6504/2022*).

Одной из рекомендаций бизнесу является обжалование заморозки активов в ЕС в судебном порядке (General Court). В качестве основного аргумента может быть отсутствие в Регламентах 269/2014 и 833/2014, а также в ст. 215 Договора о функционировании Европейского Союза соответствующих полномочий (а также расширенного толкования ограничительных мер) по заморозке активов во внесудебном порядке. В случае проигрыша в данной инстанции, решение можно обжаловать в следующей (The European Court of Justice). Отметим, что в виду политических

решений и выхода РФ из Совета Европы, российские граждане утратили опцию обращения в ЕСПЧ. Также важно рассчитать потенциальные расходы на ведение судебных процессов.

Другой опцией по защите, в частности, бизнеса с европейским элементом подсанкционных лиц с замороженными активами является продажа европейского бизнеса согласно изменениям от 8 апреля 2022 г. в Регламент Совета ЕС от 17 марта 2014 г. № 269/2014 – компетентными органами ЕС может быть разрешена разморозка ранее заблокированных активов в целях их продажи подсанкционными лицами. При этом передача активов членам семьи не допускается. Интересной в этой части видится передача активов в благотворительный фонд по опыту В. Потанина.

Также можно обжаловать факт включения лица в санкционные списки. В США отсутствует механизм разблокировки замороженного на территории США имущества лиц, попавших в санкционный список», но все же такая минимальная возможность имеется через суд. Здесь можно привести в пример дело О. Дерипаски попавшего в список SDN. Позднее ему удалось прийти к соглашению с регуляторами, снизить свою долю участия и компании En+ и РУСАЛ были исключены из блокирующего списка после того, как О. Дерипаска снизил свою долю участия и контроля.

На настоящий момент Суде ЕС зарегистрировано, несколько десятков дел по искам российских физических и юридических лиц (*T-235/22; T-335/22; T-248/22; T-270/22* и иные). Заявители использовали следующие аргументы: отсутствие связи с текущим российским политическим режимом (в подтверждение приводились: гражданство иного государства, ведение деятельности в негосударственном секторе и т.д.); дистанцирование от российского политического режима (в т.ч. открытое осуждение российского правительства и явное выражение несогласия с российской политикой); отчуждение акций и прекращение полномочий в органах управления компании (стоит отметить массовость отчуждения акций в марте 2022 г. подсанкционными предпринимателями в целях недопущения распространения санкций на компании). Использовались и процессуальные аргументы – нарушение принципа пропорциональности, права собственности и права свободного ведения бизнеса.

По мнению С. Гландина [7] существует два наиболее частных аргумента, к которым истцы прибегают, чтобы оспорить санкции. Так,

например, под нарушением доступа к правосудию и справедливому рассмотрению суд считает отсутствие доступа ко всем материалам, которые также содержат секретную информацию, полученную разведывательной службой. Этот аргумент неэффективен, поскольку санкции являются инструментом внешней политики и политики безопасности ЕС, в США они являются инструментом обеспечения национальной безопасности, то есть предполагается, что интересы государства превыше интересов личности. Аргумент о нарушении прав собственности является также слабым, поскольку замораживание активов формально не является лишением прав собственности. Если процедура введения санкций полностью соблюдена, то данное основание не может послужить поводом для отмены санкций.

Административный способ минимизации негативных последствий международных санкций заключается в получении лицензий регуляторов на соответствующие санкционные действия. Так, например, 28 марта 2022 г. Министерство финансов Великобритании выдало лицензию для РЖД и всех ее дочерних структур сроком действия до 23 мая 2022 г. на завершение всех контрактов и обязательств/платежей по ним. Здесь интересен пример группы ГАЗ, которые в апреле 2018 г. попали под блокирующие санкции США, не стали в судебном порядке обжаловать данное решение, а регулярно продлевали выданные OFAC лицензии на осуществление деятельности.

Непосредственное соблюдение санкций также является эффективным способом минимизации рисков. В большинстве случаев соблюдение санкций не имеет смысла, если сделки заключаются между национальными компаниями, расчеты происходят в национальной валюте и исполнение сделки на территории этого же государства. Но при появлении иностранного элемента, то соблюдение санкций имеет смысл, но не в ущерб национальному законодательству. В России на настоящий момент отсутствует прямой запрет на соблюдение санкций иностранных государств. Но ответственность за соблюдение санкций может возникнуть и в рамках нарушения антимонопольного законодательства или законодательства о государственном оборонном заказе. В настоящий момент высокая степень риска за несоблюдение американских санкций – риск вторичных санкций (санкции за соблюдение санкций). Но не при любом нарушении американских ограничений этот риск реализуем. Например, Исполнительный указ 14024 от 15 апреля 2021 г. запрещает предоставление каких-либо ресурсов

заблокированным лицам по этому указу, но не запрещает покупать у них товары и услуги. Исполнительный указ 13661 от 16 марта 2014 г., закрепляет, что вторичные санкции могут наступить как за предоставление услуг/товаров подсанкционному лицу, так и за получение их от него.

Современный бизнес функционирует в беспрецедентных условиях международных санкций. Помимо общего риска вторичных санкций, предприниматели столкнулись с ограничениями в экспортных, банковских, имущественных, корпоративных и иных отношениях. К сожалению, ни один из вышеприведенных способов не может являться гарантией полного исключения санкционных рисков для компаний. В условиях непредсказуемости и формирования абсолютно новой практики в современную санкционную эпоху, разумным является максимально аккуратное комбинирование вышеизложенных способов. При этом, ни один из приведенных способов минимизации санкционных рисков не должен входить в противоречие и нарушать национальное законодательство России, а также любые интересы страны.

Список использованных источников:

1. Asset freeze and prohibition to make funds and economic resources available related provision: council regulation 269/2014 frequently asked questions – as of 24 July 2023, question 8 // URL: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2023-07/faqs-sanctions-russia-assets-freezes_en.pdf (date of access: 14 September 2023).

2. FAQs Entities owned by blocked persons (50% RULE) // <https://ofac.treasury.gov/faqs/topic/1521> (date of access: 14 September 2023).

3. UK financial sanctions: general guidance (December 2020) // URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1062452/General_Guidance_-_UK_Financial_Sanctions.pdf (date of access: 14 September 2023).

4. The U.S. Department of the Treasury's Office of Foreign Assets Control Assesses a Civil Monetary Penalty Against ExxonMobil Corporation // URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/recent-actions/20170720> (date of access: 14 September 2023).

5. Повесть о дружбе и недружбе, редакция судебная. Обзор КИАП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kiaplaw.ru/press-centr/public/8520.html>. – Дата доступа: 14 сентября 2023.

6. Юридические последствия ограничений для внешнеторговых и внутренних контрактов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/the-legal-implications-of-restrictions-on-foreign-trade-and-domestic-contracts>. – Дата доступа: 14 сентября 2023.

7. Гландин, С. Начнется война конфискаций, и под угрозу будет поставлена стабильность делового оборота во многих странах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.ru/publication/igzakon/9946>. Дата доступа: 14 сентября 2023.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА ПРОКУРОРА В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

М. Г. Ващебрович

*Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Республика Беларусь,
ru*

В статье рассматриваются отдельные аспекты осуществления надзора органами прокуратуры за соблюдением законодательства в исполнительном производстве. В статье определяется важность и значимость участия прокурора в исполнительном производстве. Также автор исследует определение статуса прокурора в исполнительном производстве и предлагает включить прокурора в состав участников исполнительного производства.

Ключевые слова: судебный исполнитель; органы принудительного исполнения; участники исполнительного производства; прокурор; органы прокуратуры; исполнительное производство.

Исполнительное производство регламентировано Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – ГПК Республики Беларусь), Хозяйственным процессуальным кодексом Республики Беларусь

(далее – ХПК Республики Беларусь), а также Законом Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве), Законом Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. №440-З «О судебных исполнителях» (далее – Закон о судебных исполнителях) и Постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 7 апреля 2017 г. № 67 «Об утверждении инструкции по исполнительному производству» (далее – Инструкция № 67).

Задачами исполнительного производства являются восстановление нарушенных прав и законных интересов граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, организаций, не являющихся юридическими лицами, соблюдение и охрана интересов государства посредством правильного, полного и своевременного исполнения исполнительных документов (ст. 4 Закона об исполнительном производстве).

Вопросы законного и полного исполнения требований исполнительного документа возложены на органы прокуратуры, согласно нормам содержащимся в Законе Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре).

Согласно нормам Закона об исполнительном производстве, прокурор в исполнительном производстве имеет право принесения протеста на постановления, действия (бездействие) судебного исполнителя, иного работника органа принудительного исполнения как во внесудебном порядке (ч. 1 ст. 124 Закона об исполнительном производстве), так и в судебном порядке, путем принесения протеста в суд без соблюдения внесудебного порядка обжалования (опротестования) постановлений, действий (бездействия) судебного исполнителя, иного работника органа принудительного исполнения (ч. 3 ст. 124 Закона об исполнительном производстве). По форме и содержанию протест должен соответствовать требованиям предусмотренным ст. 126 Закона об исполнительном производстве, а именно протест прокурора должен быть обоснованным и к протесту должны быть приложены документы подтверждающие фактическое нарушение судебным исполнителем законодательства Республик Беларусь, а для этого прокурор должен быть наделен правами, которыми обладают участники исполнительного производства, а прокурор участником исполнительного производства не является.

Несомненно, можно судить о проблеме определения правового статуса

прокурора в Законе об исполнительном производстве. Согласно гл. 12 Закона об исполнительном производстве, прокурор имеет возможность опротестовать постановления, действия (бездействие) судебного исполнителя, иных работников органов принудительного исполнения, что свидетельствует о наличии у прокурора права на осуществление надзора в исполнительном производстве (ст. 4 Закона о прокуратуре). Но, нормы Закона об исполнительном производстве не относят прокурора к участникам исполнительного производства, чем лишают прокурора тех прав, которыми обладают участники исполнительного производства. По мнению В. П. Скобелева «прокурор не имеет тех прав, которые Закон об исполнительном производстве предоставляет участникам исполнительного производства, и соответственно, должностные лица органов принудительного исполнения не обязаны выполнять в отношении прокурора лежащие на них и корреспондирующие указанным правам обязанности» [1, с. 35]. Возникают трудности для прокурора по сбору материалов и документов для обоснования протеста. Также, наряду с иными полномочиями, прокурор имеет право истребовать материалы исполнительного производства, на любой стадии, вплоть до вынесения судебным исполнителем постановления об окончании исполнительного производства, при рассмотрении обращений граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и юридических лиц для решения вопроса о принятии мер прокурорского реагирования (ст. 9 Закона об Исполнительном производстве). И наконец, прокурор имеет право выносить исполнительный документ, в форме постановления прокурора о выселении в административном порядке (ст. 10 Закона об исполнительном производстве) и так далее.

На основании вышеизложенного, можно утверждать, что прокурор в исполнительном производстве имеет широкий круг полномочий, но на законодательном уровне данные полномочия не урегулированы должным образом.

Согласно редакции ГПК Республики Беларусь от 9 января 2017 г. возбудить исполнительное производство судебный исполнитель мог по инициативе: прокурора; суда; государственных органов, юридических лиц и граждан, от собственного имени защищающих права других лиц.

Если обратиться к действующей редакции Закона об исполнительном производстве, судебный исполнитель возбуждает исполнительное

производство при поступлении в орган принудительного исполнения в срок, установленный ст. 34 Закона об исполнительном производстве: заявления (представления) о возбуждении исполнительного производства, составленного в соответствии с требованиями ст. 43 Закона об исполнительном производстве, и исполнительного документа, предъявленных взыскателем (абз. 1 ч. 1 ст. 42 Закона об исполнительном производстве); исполнительного документа, направленного судом, в части имущественных взысканий по уголовным делам, делам об административных правонарушениях (абз. 2 ч. 1 ст. 42 Закона об исполнительном производстве).

Заявление подается взыскателем или его представителем. Представление о возбуждении исполнительного производства составляется взыскателями, указанными в абз. 2 ч. 2 ст. 17 Закона об исполнительном производстве. К ним относятся: органы, ведущие административный процесс, вынесшие постановления о наложении административного взыскания, за исключением суда, – по исполнительным документам в части имущественных взысканий по делам об административных правонарушениях (абз. 2 ч. 2 ст. 17 Закона об исполнительном производстве).

С 1 января 2014 года создана единая система органов принудительного исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов с включением в ее состав судебных исполнителей общих судов и Службы судебных исполнителей хозяйственных судов, иных работников аппаратов общих и хозяйственных судов (п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 530) и принято Положение об органах принудительного исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов, которое утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2013 г. № 1190. Однако, нормы, содержащиеся в ГПК Республики Беларусь и ХПК Республики Беларусь, регулирующие вопросы исполнительного производства, были перенесены в Закон об исполнительном производстве, но право возбуждения исполнительного производства прокурора и право вступления прокурора в дело на любой стадии утратили свое урегулирование в Законе об исполнительном производстве, что считается не совсем верным.

Так, по мнению В. С. Каменкова «прокурор может вступить в дело в любой его стадии, если этого требуют интересы государства, а также с целью защиты прав и охраняемых законом интересов граждан» [2, с. 93–94].

Лишение прокурора статуса участника исполнительного производства и право возбуждения исполнительного производства противоречит основным задачам прокурорского надзора по защите нарушенных прав и охраняемых законом интересов граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, предусмотренных Законом о прокуратуре.

В итоге проведенного исследования, необходимо в ст. 16 Закона об исполнительном производстве, отнести прокурора к участникам исполнительного производства, а также определить в Законе об исполнительном производстве его процессуальные права на стадии исполнительного производства (знакомиться с материалами дела, делать выписки из них и другое).

Список использованных источников:

1 Скобелев, В. П. Концептуальные вопросы исполнительного производства в контексте нового правового регулирования / В. П. Скобелев // Право.by. – 2017. – № 2. – С. 34.

2 Каменков, В. С. Прокурор в гражданском и хозяйственном процессе – одна из гарантий защиты прав и законных интересов: сравнительный анализ / В. С. Каменков. – Минск: Тесей, 2001. – 212 с.

РОЛЬ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СУБЪЕКТОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ³

А. В. Гавриленко

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
ant_gavrilenko@mail.ru*

Необходимым условием сохранения суверенитета Республики Беларусь на современном этапе выступает обеспечение национальной экономической безопасности. Эффективное функционирование национальной экономики

³ Статья подготовлена представителем научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета.

предполагает достижение сбалансированного развития государственного и частного секторов, улучшение делового климата. Сказанное опосредует актуальность тематики защиты прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности. Особый интерес вызывает роль негосударственных субъектов в указанной сфере.

Ключевые слова: хозяйственное право, субъекты хозяйственной деятельности, защита прав и законных интересов, формы и способы защиты прав и законных интересов.

Общественно-политическая ситуация в вокруг Республики Беларусь, а также в целом на постсоветском пространстве на современном этапе продолжается оставаться динамичной и сложной. В число соответствующих угроз входят реализуемая рядом государств санкционная политика, эскалация вооружённых конфликтов, падение авторитета ряда международных и региональных структур в сфере безопасности, иные факторы. Обозначенные угрозы и вызовы оказывают и будут продолжать оказывать влияние на национальную экономику Республики Беларусь в течение длительного времени.

Ограничения на осуществление внешнеэкономической деятельности на территории некоторых традиционных для белорусских организаций и предприятий рынков, обусловленные политическими причинами, образуют серьезные вызовы для национальной экономики, выполнением государством своих обязательств по обеспечению достойного уровня жизни граждан. Безусловно, решением названной проблемы может стать переориентация части субъектов хозяйствования на новые рынки Азии и Африки, усиление экономической кооперации с Российской Федерацией, иными партнёрами по линии интеграционных образований. В то же время не следует забывать, что важнейшим драйвером экономического роста может стать внутренний спрос. Данный процесс предполагает как обеспечение устойчивого потребительского спроса, так и привлечение инвестиций всех видов.

Указанные цели могут быть достигнуты только при условии поддержания благоприятного делового климата, важным составным элементом которого выступает уровень защиты прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности. Применительно к сфере правовой политики данное направление реализуется посредством наличия

разработанной нормативной правовой основы, а также эффективно функционирующих институтов, реализующих соответствующие правовые нормы в правоприменительной практике.

Следует отметить, что проблематика защиты прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности нашла свое отражение и в современной белорусской юридической науке, что нашло свое отражение в работах Н. Л. Бондаренко и Ю. Н. Конаневича [1, с. 27–34], В. С. Каменкова [2, с. 134–142], Е. Н. Гладкой [2, с. 46–51] и др.

Однако ряд вопросов, касающихся, например, роли негосударственных субъектов в достижении соответствующих целей, требуют проведения дополнительных научных изысканий.

Следует отметить, что Законодательство Республики Беларусь в сфере защиты прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности отличается разрозненностью и в целом носит фрагментарный характер.

Отдельные нормы по искомой тематике нашли свое отражение в следующих нормативных правовых актах: Конституция Республики Беларусь, Гражданский кодекс Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. «О поддержке малого и среднего предпринимательства», Закон Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», Закон Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. «О хозяйственных обществах», Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. «Об инвестициях», Директива Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь», Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» и пр.

Важное значение имеет также анализ системы государственных органов и иных структур, к компетенции которых относятся вопросы защиты прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности. Безусловно, в первую очередь в фокусе правовых исследований оказываются государственные институты, реализующие свои полномочия в искомой сфере. Среди них следует отметить роль Президента Республики Беларусь, Национального собрания Республики Беларусь, Совета Министров

Республики Беларусь, Конституционный Суд Республики Беларусь; органы республиканского управления; систему общих судов; органы прокуратуры; Комитет государственного контроля Республики Беларусь, органы местного управления и самоуправления.

В то же время вызывает интерес деятельность негосударственных субъектов в обеспечении защиты прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности.

Так ст. 1 Закона Республики Беларусь от 16 июня 2003 г. № 208-З «О торгово-промышленной палате» содержит определение торгово-промышленной палатой, под которой понимается добровольное объединение юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, являющееся негосударственной некоммерческой организацией, созданное в целях содействия развитию предпринимательской деятельности в Республике Беларусь, интегрирования ее экономики в мировую хозяйственную систему, создания благоприятных условий для упрочения внешнеэкономических связей субъектов предпринимательской деятельности с иностранными партнерами.

В настоящий момент единственной торгово-промышленной палатой, функционирующей в Республике Беларусь, является Белорусская торгово-промышленная палата (далее – БелТПП), функционирующей на основании названного Закона, а также Устава БелТПП.

Анализ ст. 3 Закона, которая закрепляет основные задачи торгово-промышленной палаты, позволяет выявить отдельные направления деятельности, которые связаны с тематикой защиты прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности – членов соответствующей палаты, например – представление и защита интересов членов торгово-промышленной палаты при осуществлении внешнеэкономической деятельности как в Республике Беларусь, так и в иностранных государствах. Аналогичная задача закреплена и в ст. 8 Устава БелТПП.

В то же время, анализ Закона и Устава БелТПП позволяет сделать однозначный вывод, что основным направлением деятельности торгово-промышленных палат на территории Республики Беларусь, в т.ч. собственно и БелТПП, предполагается в основном внешнеэкономическая деятельность. Направление для национальной экономики важное, но, безусловно, не иные сферы, ориентированные на внутренний рынок, заслуживают, как

представляется, не меньшего внимания.

Применительно к тематике исследования несомненный интерес вызывает деятельность Совета по развитию предпринимательства. В качестве правовой основы его деятельности выступает Указ Президента Республики Беларусь от 10 октября 2017 г. № 370 «О Совете по развитию предпринимательства». Указанный акт Главы государства содержит Положение о Совете по развитию предпринимательства, а также определяет персональный состав Совета.

Отметим, что первоначально Указ определял Совет как постоянно действующий консультативный орган при Президенте Республики Беларусь, созданный для выработки рекомендаций по развитию и комплексной государственной поддержке субъектов хозяйствования негосударственной формы собственности в целях структурной перестройки экономики, формирования конкурентных отношений и координации деятельности общественных объединений предпринимателей. Впоследствии в Указ вносились изменения и дополнения в 2019, 2020 и 2021 гг. Некоторые были довольно существенными.

Так, в настоящий момент Совет функционирует при Совете Министров Республики Беларусь, а не при Главе государства, как ранее. Однозначно был разрешен вопрос о руководстве структуры – в настоящий момент определено, что председателем Совета является по должности Заместитель Премьер-министра Республики Беларусь, курирующий вопросы экономики.

В соответствии со ст. 4 Положения о Совете по развитию предпринимательства Совет обладает рядом прав информационного, коммуникативного и аналитического характера. Нормы п. 5 названного Положения определяют, что консультативный орган осуществляет свою деятельность на общественных началах, а его решения носят рекомендательный характер. Анализ открытых источников показывает, что Совет активно участвует в обсуждении актуальных проблем в сфере предпринимательства, предлагает варианты решения указанных проблем, способствует налаживанию эффективной коммуникации между государственными органами и субъектами хозяйственной деятельности [4].

Отметим, что в соответствии с п. 6 Положения о Совете по развитию предпринимательства Персональный состав Совета формируется из числа руководителей (собственников) субъектов хозяйствования и утверждается

Премьер-министром Республики Беларусь. В качестве меры по развитию правовой основы функционирования Совета считаем возможным предложить возможность включения в состав Совета не только руководителей (собственников) субъектов хозяйствования, но и представителей объединений предпринимателей, субъектов инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, научного сообщества, физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, осуществляющие виды деятельности, признаваемые объектом налогообложения единым налогом с индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц, предусмотренные законодательными актами виды ремесленной деятельности, а также деятельность по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма.

Подчеркнем, что схожие нормы закреплены в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 9 сентября 2019 г. № 604 «Об утверждении типового положения об областном (районном) совете по развитию предпринимательства» (Глава 3 Типового положения об областном (районном) совете по развитию предпринимательства).

Считаем, что отнесение предпринимательских союзов (ассоциаций) к категории официальных партнеров снижает их потенциал по участию в работе структуры.

Кроме того, следует отметить, что в соответствии со ст. 20 Закона Республики Беларусь «Об общественных объединениях» к числу прав общественных объединений, союзов отнесено право участвовать в работе коллегиальных образований государственных органов, общественно-консультативных советов, заседаниях местных исполнительных и распорядительных органов по их приглашению. Как представляется, этот факт также должен быть учтен в случае корректировки правовых норм, регулирующих формирование состава Совета.

Отметим также, что в нормах Указа № 370 в числе задач Совета прямо не названы вопросы защиты прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности. При этом де-факто Совета по развитию предпринимательства работает по указанной тематике, например, в 2022 г. Советом по развитию предпринимательства была организована «горячая линия» для аккумуляции информации различных нарушениях в деятельности контролирующих (надзорных) органов [5].

Положения постановления Совета Министров Республики Беларусь от 9 сентября 2019 г. № 604 включают в число задач региональных советов тематику рассмотрения спорных вопросов и конфликтных ситуаций, возникающих между субъектами предпринимательской деятельности и местными исполнительными и распорядительными органами, выработка и продвижение мер по их решению, что, как представляется, является частным случаем обеспечения защиты прав и законных интересов подобных субъектов.

В положениях Закона Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. № 148-З «О поддержке малого и среднего предпринимательства» указаны такие субъекты, как советы по развитию предпринимательства (ст. 17 Закона), деятельность которых мы уже анализировали, а также объединения субъектов малого и (или) среднего предпринимательства (ассоциации и союзы) (ст. 18 Закона). Отметим, что нормы ст. 18 Закона весьма кратко определяют сферу деятельности подобных объединений и опять же прямо не закрепляют тематику защиты прав и законных интересов соответствующих субъектов, хотя и упоминают о таком направлении деятельности, как оказание помощи в решении других задач, необходимых для развития малого и среднего предпринимательства.

Таким образом, анализ нормативных и доктринальных источников позволяет выявить следующие проблемные аспекты деятельности негосударственных субъектов в обеспечении защиты прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности в Республики Беларусь на современном этапе:

- разрозненность нормативных правовых актов, регулирующих данное направление деятельности, их неполная согласованность;
- отсутствие в ряде нормативных правовых актов указания на возможность негосударственных субъектов осуществлять защиту прав и законных интересов соответствующих субъектов;
- несовершенный характер формирования советов по развитию предпринимательства в отдельных случаях.

Для устранения названных проблем считаем целесообразным:

- включить положения о необходимости защиты прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности в отдельные нормативные правовые акты, закрепляющие сферы деятельности негосударственных

субъектов (Закон Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. № 148-З «О поддержке малого и среднего предпринимательства» Указ Президента Республики Беларусь от 10 октября 2017 г. № 370 «О Совете по развитию предпринимательства», постановление Совета Министров Республики Беларусь от 9 сентября 2019 г. № 604 «Об утверждении типового положения об областном (районном) совете по развитию предпринимательства» и т.д.);

– предусмотреть возможность включения в состав Совета по развитию предпринимательства не только руководителей (собственников) субъектов хозяйствования, но и иных лиц (по аналогии с соответствующими нормами Типового положения об областном (районном) совете по развитию предпринимательства);

– обеспечить эффективную нормотворческую деятельность в сфере разработки нормативных правовых актов, регулирующих порядок создания и функционирования негосударственных субъектов, обеспечивающих поддержку, развитие и защиту прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности.

Реализация указанных предложений, как представляется, будет способствовать повышению эффективности деятельности негосударственных субъектов в обеспечении защиты прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности в Республики Беларусь, будет способствовать реализации принципа системности и комплексности правового регулирования общественных отношений обеспечивается, что позволит успешнее противостоять современным проблемам и вызовам в экономической сфере.

Список использованных источников:

1. Бондаренко, Н. Л., Конаневич, Ю. Г. Принципы равенства и баланса интересов как основные начала законодательства, регулирующего осуществление хозяйственной деятельности / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. Вып. 5 / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2020. – С. 27–34.

2. Каменков, В. С. Хозяйственное право – аудит эффективности управления экономикой / В. С. Каменков // Юридическая наука,

законодательство и правоприменительная практика: закономерности и тенденции развития : сборник науч. статей междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 5-6 марта 2020 г. : в 2-х ч. – Гродно : Гродненский государственный университет, 2020. – Ч. 1. – С. 134–142

3. Бондаренко, Н. Л. Фискальное регулирование и фискальное право: проблемы идентификации и институционализации / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая // Право.by. – 2022. – № 1 (75). – С. 46–51.

4. Сайт Совета по развитию предпринимательства [Электронный ресурс] // Совет по развитию предпринимательства. – Режим доступа: <http://ced.by/ru/>. – Дата доступа: 9.10.2023.

5. Горячая линия по фактам перегибов и формализма при осуществлении контрольно-проверочных мероприятий [Электронный ресурс] // Совет по развитию предпринимательства. – Режим доступа: <http://ced.by/ru/news-by-tags/~shownews/2022-09-08-gorjchaj-linia-po-facta/>. – Дата доступа: 9.10.2023.

ФУНКЦИИ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ И ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО И ФИСКАЛЬНОГО ПРАВА⁴

Е. Н. Гладкая

*ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси», ул. Сурганова, 1, корп. 2,
220072, г. Минск, Беларусь,
gladkaya@economics.basnet.by*

В работе путем определения правового режима драгоценных металлов и драгоценных камней как объектов гражданских и фискальных прав выявлены функции указанных объектов. Полученные результаты исследования могут быть использованы в дальнейших исследованиях, направленных на решение существующих проблем в сфере правового регулирования общественных отношений с драгоценными металлами и драгоценными камнями.

Ключевые слова: гражданское право, фискальное право, объекты гражданских прав, объекты фискальных прав, функции объектов гражданских

⁴ Статья подготовлена представителем научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета.

прав, функции объектов фискальных прав, драгоценные металлы, драгоценные камни.

Основу гражданско-правового регулирования деятельности с драгоценными металлами и камнями на территории Республики Беларусь составляют Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) и Закон Республики Беларусь от 21 июня 2002 г. № 110-З «О драгоценных металлах и драгоценных камнях». Согласно классификации объектов гражданских прав, изложенной в ст. 128 ГК Республики Беларусь, драгоценные металлы и драгоценные камни относятся к имуществу (вещам). Как вещи драгоценные металлы и камни могут выступать объектами вещных и обязательственных правоотношений. Так, упоминание о драгоценных металлах и камнях содержится в следующих нормах ГК Республики Беларусь:

1. ч. 4 п. 5 ст. 339 ГК Республики Беларусь «Залог вещей в ломбарде»:

«Особенности осуществления ломбардом операций с драгоценными металлами и драгоценными камнями, в том числе особенности реализации драгоценных металлов и драгоценных камней, не востребованных из ломбарда, устанавливаются законодательством в сфере деятельности с драгоценными металлами и драгоценными камнями.»;

2. ч. 2 ст. 773 ГК Республики Беларусь «Договор банковского вклада (депозита)»:

«Во вклад (депозит) по договору банковского вклада (депозита) могут быть внесены также драгоценные металлы и (или) драгоценные камни.».

Справочно: правовое регулирование банковского вклада (депозита) драгоценных металлов и (или) драгоценных камней детализировано в ст. 191 Банковского кодекса Республики Беларусь (далее – БК Республики Беларусь). В соответствии с ч. 1–3 указанной статьи, *«Под банковским вкладом (депозитом) драгоценных металлов и (или) драгоценных камней понимаются драгоценные металлы и (или) драгоценные камни, размещаемые физическими и юридическими лицами в банке или небанковской кредитно-финансовой организации в целях получения дохода на срок, до востребования или наступления (ненаступления) определенного в договоре обстоятельства (события). Доход по банковскому вкладу (депозиту) драгоценных металлов и*

(или) драгоценных камней выплачивается в виде процентов на условиях и в порядке, определенных договором банковского вклада (депозита) драгоценных металлов и (или) драгоценных камней.

Проценты по банковскому вкладу (депозиту) драгоценных металлов и (или) драгоценных камней могут быть выплачены в виде денежных средств, драгоценных металлов и (или) драгоценных камней по договоренности сторон с соблюдением требований законодательства.

Доход по вкладу (депозиту) драгоценных металлов и (или) драгоценных камней может выплачиваться также в иной форме на условиях и в порядке, определенных договором банковского вклада (депозита) драгоценных металлов и (или) драгоценных камней.»;

3. п. 1 ст. 811 ГК Республики Беларусь «Хранение ценностей в банке или небанковской кредитно-финансовой организации»:

«Банк или небанковская кредитно-финансовая организация могут принимать на хранение ценные бумаги, драгоценные металлы и камни, иные драгоценные вещи и ценности, в том числе документы.»;

4. п. 2 ст. 1067 ГК Республики Беларусь «Меры по охране наследства»:

«Входящие в состав наследства наличные деньги (валюта) вносятся в депозит нотариуса, дипломатического агента дипломатического представительства Республики Беларусь и консульского должностного лица консульского учреждения Республики Беларусь, а валютные ценности, изделия из драгоценных камней и металлов и ценные бумаги, не требующие управления ими, передаются банку или небанковской кредитно-финансовой организации для хранения по договору в порядке, предусмотренном статьей 811 <...> Кодекса.».

Наряду с этим, правовое регулирования общественных отношений, объектом которых выступают драгоценные металлы и драгоценные камни, обеспечивают нормы ГК Республики Беларусь о находке (ст. 228–230 ГК Республики Беларусь), кладе (ст. 234 ГК Республики Беларусь), о приобретении права собственности на археологические артефакты (ст. 234-2 ГК Республики Беларусь), о приобретательной давности (ст. 235 ГК Республики Беларусь), об общей собственности (гл. 16 разд. II ГК Республики Беларусь), о договоре розничной купли-продаже (§ 2 гл. 30 разд. IV ГК Республики Беларусь), о договоре дарения (гл. 32 разд. IV ГК Республики

Беларусь), о доверительном управлении имуществом (гл. 52 разд. IV ГК Республики Беларусь), о составе наследства (ст. 1033 ГК Республики Беларусь) и другие.

Таким образом, правовая природа и правовой режим указанных объектов предопределили группы гражданских правоотношений, объектом которых они могут выступать. В соответствии с доктриной права, последние можно разделить на вещные и обязательственные.

Новейшие результаты исследований показывают, что такие объекты могут выступать элементами имущественных комплексов и в этом виде представлять собой объекты исключительных прав. В частности, результаты исследований коллектива авторов в составе Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая показывают, что казну Республики Беларусь следует рассматривать в качестве имущественного комплекса.

Согласно легальному определению казны, которое нашло свое отражение в ч. 2 п. 2 ст. 215 ГК Республики Беларусь, средства республиканского бюджета, *золотовалютные резервы*, другие объекты, находящиеся только в собственности государства, и иное государственное имущество, не закрепленные за республиканскими юридическими лицами, *составляют казну Республики Беларусь*. Критикуя легальное определение казны, Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая отмечают, что «Казна является более широкой категорией, чем категория собственность государства, поскольку казна – имущественный комплекс государства, в правовой и организационной конструкции которого присутствуют как объекты права собственности (которые как раз и следует именовать государственным имуществом), так и объекты прав, в отношении которых у государства существуют лишь обязательственные или исключительные права (причем права как гражданские, так и политические), составляющие государственную монополию, либо объективно сложившиеся права на использование объектов, не находящихся в юрисдикции государства (континентальный шельф; космическое пространство и небесные тела и др.)» [1, 84]. При этом под имущественным комплексом Е. Н. Гладкая предлагает понимать «совокупность имущества, обязательственных и исключительных прав, нематериальных благ, имеющих денежную оценку, находящуюся в собственности субъекта гражданских правоотношений, принадлежащую ему на праве хозяйственного ведения или оперативного управления» [2,

с. 32]. Таким образом, ученые приходят к выводу о том, что «<...> казной следует именовать имущественный комплекс, принадлежащий государству <...>, а фискальная функция государства состоит в обеспечении функционирования казны, ее наполнения и управления объектами, ее составляющими» [3, с. 47].

Из вышеуказанного следует вывод о том, что *золотовалютные резервы* в составе казны как имущественного комплекса выступают объектами исключительных прав (исключительных правоотношений), а принимая во внимание фискальную функцию государства, – объектами фискальных прав (фискальных правоотношений). Поскольку категория «фискальные правоотношения» является недостаточно изученной в доктрине права, поясним, что согласно предложенному определению Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкой под фискальными правоотношениями следует понимать преимущественно эквивалентные правоотношения, которые можно классифицировать как имущественно-организационные правоотношения – специфическую разновидность правоотношений, не свойственную предмету ни одной из известных правовой доктрине отраслей права [3, с. 48].

Следовательно, золото, как отдельный вид драгоценных металлов, может выступать не только объектом вещных и обязательных прав, но также объектом исключительных и фискальных прав. Последние в свою очередь не являются видом гражданских прав, а выступают самостоятельной правовой категорией. Вместе с тем, имущественно-организационная природа указанных прав позволяет их использовать для определения правовой природы золота как вида драгоценных металлов в рамках темы исследования.

Принимая во внимание вышеуказанное, можно заключить, что в контексте гражданского права драгоценные металлы и драгоценные камни могут выступать в качестве:

- объектов вещных прав;
- бесхозяйного имущества;
- средств обеспечения исполнения обязательства;
- объектов обязательственных прав (в том числе для достижения инвестиционных целей);
- средств сбережения и накопления;
- объектов управления;

- объектов индивидуальных прав;
- элементов наследственной массы.

Драгоценные металлы и драгоценные камни, как составляющие казны Республики Беларусь, также выступают в качестве объекта фискальных прав.

Перечисленное есть не что иное, как функции драгоценных металлов и драгоценных камней в гражданском праве и смежном с ним фискальном праве. Среди них в качестве основных видятся следующие функции: функция сбережения и накопления, функция обеспечения исполнения обязательств (например, драгоценные металлы и драгоценные камни, как составляющие казны Республики Беларусь, наряду с иными функциями, обеспечивают выполнение Республикой Беларусь взятых на себя обязательств).

Список использованных источников:

1. Бондаренко, Н. Л. Казна как объект государственного управления и комплексный правовой институт / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая // Проблемы управления : научно-практический журнал. Серии А и В. – 2022. – № 1 (83). – С. 81–86.
2. Гладкая, Е. Н. Основные направления развития вещных правоотношений в контексте внедрения цифровых технологий / Е. Н. Гладкая // Актуальные проблемы гражданского права. – 2021. – № 2 (18). – С. 27–43.
3. Бондаренко, Н. Л. Фискальное регулирование и фискальное право: проблемы идентификации и институционализации / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая // Право.by. – 2022. – № 1 (75). – С. 46–51.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

С. М. Глебко

ОАО «МТЗ», ул. Долгобродская, 29, 220070 г. Минск, Беларусь

Lana4444@mail.ru

В связи со сложившимися в 2022–2023 годах внешнеэкономическими и внешнеполитическими условиями ведения хозяйственной деятельности, необходимо принятие ряда мер, направленных на преодоление последствий введенных санкций и иных ограничений в отношении Республики Беларусь. Одной из важнейших мер, направленных на адаптацию осуществления деятельности хозяйствующих субъектов к новой реальности, является совершенствование правового регулирования инвестиционной деятельности с целью защиты интересов национальных производителей.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность; санкции; государственная поддержка; новые механизмы.

Российская Федерация традиционно является основным торговым партнером Беларуси с крупнейшим экспортным рынком для белорусских товаров. Российская Федерация и Республика Беларусь члены Евразийского экономического союза, которым необходимо стремиться к созданию равных условий ведения хозяйственной деятельности. Осознавая острую необходимость в государственной поддержке с целью адаптации хозяйствующих субъектов России к новым условиям ведения бизнеса, правительством этой страны в течение 2022–2023 гг. предложен внушительный комплекс новых или существенно измененных механизмов и мер стимулирования инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений. Их условно можно разделить на семь групп:

1. Механизм промышленной ипотеки;
2. Механизм кластерных инвестиционных платформ;
3. Субсидирование в виде имущественного взноса Российской Федерации в Государственную корпорацию развития «ВЭБ.РФ» на возмещение части затрат, связанных с поддержкой высокотехнологичной

продукции и предоставление субсидий государственному специализированному Российскому экспортно-импортному банку в рамках Федерального проекта «Промышленный экспорт» национального проекта «Международная кооперация и экспорт» для поддержки производства высокотехнологичной продукции;

4. Обновленный механизм специальных инвестиционных контрактов;

5. Проект разрабатываемого механизма оказания финансового содействия при реализации государствами-членами ЕАЭС кооперационных проектов (субсидирование уплаченных процентов по привлеченным долгосрочным кредитам);

6. Механизм поддержки участников промышленных кластеров в рамках производства импортозамещающей продукции;

7. Правила предоставления субсидий в целях компенсации недополученных доходов по кредитам, выдаваемым в рамках поддержки производства высокотехнологичной продукции гражданского и двойного назначения организациями оборонно-промышленного комплекса.

Кратко разработанные меры и механизмы, их правовое сопровождение можно описать следующим образом.

1. В конце 2022 г. в Российской Федерации постановлением Правительства от 6 сентября 2022 г. № 1570 был введен механизм промышленной ипотеки. И если изначально предусматривалось исключительно «ипотечное кредитование недвижимости», то учитывая высокий спрос российских промышленников на кредитование строительства, реконструкции и модернизации производственных площадей, было принято постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2023 г. № 526. Нормативным правовым актом расширены параметры программы промышленной ипотеки, и в настоящее время получить льготный кредит хозяйствующим субъектам возможно не только на покупку недвижимости для промышленного производства, но и на строительство, модернизацию и реконструкцию таких объектов.

2. Согласно Федеральному закону от 31 декабря 2014 г. № 488 и постановлению Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2023 г. № 295 в 2022–2023 гг. в России также разработан механизм «кластерных инвестиционных платформ» или механизм предоставления льготного кредитования промышленным предприятиям на реализацию инвестиционных

проектов по производству приоритетной продукции. Перечень приоритетной продукции утвержден Межведомственной комиссией Минпромторга России на основе отраслевых планов импортозамещения и перечня критических материалов, комплектующих и сырья.

3. Механизм финансирования посредством финансовой аренды (лизинга) или субсидирование поставок высокотехнологичного оборудования производства Российской Федерации введен в рамках Федерального проекта «Промышленный экспорт» национального проекта «Международная кооперация и экспорт». Для поддержки производства высокотехнологичной продукции коммерческим банкам России, российским компаниям, в том числе, субъектам малого и среднего предпринимательства, выплачивается компенсация процентной ставки по кредитам и иным инструментам финансирования, аналогичным кредитам по экономической сути, предоставленным иностранным покупателям российской продукции и их обслуживающим банкам. Также в соответствии с Федеральным законом от 5 декабря 2022 г. № 466-ФЗ, АО «Российский экспортный центр» выделены бюджетные ассигнования на цели компенсирования процентных ставок по экспортным кредитам, предоставляемым коммерческими банками.

4. В настоящее время механизм специальных инвестиционных контрактов (СПИК) в России представлен в двух вариантах (СПИК 1.0 и СПИК 2.0). СПИК 1.0 применяется для инвестиционных проектов по созданию либо модернизации и (или) освоению производства промышленной продукции. Федеральным законом от 14 марта 2022 г. № 57-ФЗ возобновлена возможность заключения СПИК 1.0 на условиях постановления Правительства от 16 июля 2015 г. № 708 с целью стимулирования привлечения инвестиций в проекты по созданию новых промышленных производств. СПИК 2.0 применяется для инвестиционных проектов по внедрению или разработке и внедрению современной технологии из утвержденного перечня в целях освоения серийного производства промышленной продукции на основе этой технологии. Мера поддержки функционирует согласно Федеральному закону от 31 декабря 2014 г. № 488 и правилам, установленным Постановлением Правительства от 16 июля 2020 г. № 1048.

5. Проект механизма оказания финансового содействия при реализации государствами-членами ЕАЭС кооперационных проектов (субсидирование

уплаченных процентов по привлеченным долгосрочным кредитам). Предполагается введение меры поддержки на основании проекта Решения Евразийского межправительственного совета «Об утверждении Положения о порядке отбора совместных кооперационных проектов в отраслях промышленности и оказания финансового содействия при их реализации государствами-членами Евразийского экономического союза».

6. Механизм поддержки участников промышленных кластеров в рамках производства импортозамещающей продукции. Здесь речь идет о запущенной в 2016 г. программе компенсации затрат для инвесторов – до 30% расходов на реализацию проекта, но не более 300 млн руб. С 2023 г. в программе действуют новые условия, предусматривающие возмещение за счет бюджета до 50% затрат на приобретение стартовых партий комплектующих, произведенных другими участниками кластера, но в пределах 150 млн руб. Данный механизм регламентирован постановлением Правительства от 23 декабря 2022 г. № 2407.

7. Правила предоставления субсидий в целях компенсации недополученных доходов по кредитам, выдаваемым в рамках поддержки производства высокотехнологичной продукции гражданского и двойного назначения организациями оборонно-промышленного комплекса. Для адаптации действующего механизма к новым условиям, Правительством Российской Федерации 19 августа 2022 г. постановлением № 1452 внесены изменения в постановление от 17 апреля 2018 г. № 459.

На основе проведенного краткого обзора разработанных и обновленных механизмов государственной поддержки можно отметить колоссальную работу, которую провело Правительство Российской Федерации в 2022–2023 гг. в исследуемом направлении. По информации из официальных источников, только в 2022 г. общая поддержка хозяйствующих субъектов Российской Федерации по программам льготного кредитования компаний составила почти 5,5 трлн. руб. [1]. При этом, в настоящее время хозяйствующие субъекты Республики Беларусь также остро ощущают на себе последствия введенных санкций и ограничений. Это невозможность закупки импортного высокотехнологичного оборудования, невозможность получения банковских гарантий от Европейских банков на возврат денежных средств иностранными поставщиками, девальвация как национальной валюты, так и российского рубля, снижение покупательской способности и объемов финансирования в

рамках различных региональных программ в России, блокирование поставок продукции на европейский рынок, всевозможные проблемы с проведением платежей в банковской сфере, закрытие доступа к ближайшим морским портам. Незамедлительного решения также требуют такие вопросы как: выработка единой позиция стран Союзного государства по преимущественному (приоритетному) применению в основных отраслях национальных экономик продукции собственных промышленных предприятий, в частности специального машиностроения, имеющих соответствующие подтверждения в сфере производства продукции; взаимное признание выполняемых хозяйствующими субъектами Беларуси и России технологических операций (в соответствии с Соглашением между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о признании технологических операций, осуществляемых на территории Союзного государства (вступило в силу 27 декабря 2022 г.) путем внесения соответствующих изменений в нормативные акты, в первую очередь для дальнейшего развития совместных проектов на территории Российской Федерации; принятие решения по участию сборочных производств техники в Российской Федерации в программах поддержки производителей, принятых для фактического нивелирования затрат российских производителей с/х техники на уплату утилизационного сбора, либо временное снятие требований по уплате утилизационного сбора при производстве и поставках продукции в Российскую Федерацию производителями сельскохозяйственной техники и оборудования Союзного государства; выработка эффективных мер таможенного регулирования в части защиты внутреннего рынка стран ЕАЭС и Союзного государства (повышение ввозных таможенных пошлин на промышленную продукцию третьих стран, производство которой освоено в странах Союзного государства и др.).

Созданной правовой базы, направленной на нивелирование отрицательного воздействия введенных санкций на отечественных производителей пока явно недостаточно. Конечно ряд механизмов поддержки и стимулирования в области инвестиционной деятельности были разработаны ранее, приняты или находятся в стадии разработки. Это, прежде всего, возможность получения кредитных средств в рамках кредитной линии Российской Федерации на финансирование перспективных

импортозамещающих инвестиционных проектов, кредитные средства по линии «1 регион-1 продукт», средства различных иностранных кредитных линий. При этом процентные ставки по таким продуктам остались на достаточно высоком уровне. Нисколько не смягчены жесткие требования и условия кредитования со стороны финансово-кредитных организаций. В частности, по финансовой реализуемости, валютоокупаемости, высокой готовности к практической реализации, наличию полных комплектов проектно-сметной и иной документации, залоговому обеспечению по планируемым к реализации инвестиционным проектам.

Министерством экономики была предпринята попытка частично заимствовать у российского законодателя механизм специальных инвестиционных контрактов и ввести его в действие с принятием Закона «О содействии и стимулировании реализации инвестиционных проектов в Республике Беларусь». Общественное обсуждение закона завершилось в декабре 2022 г. По состоянию на 1 сентября 2023 г. Закон не принят.

Еще одним направлением государственной поддержки хозяйствующих субъектов в Республике Беларусь остается финансирование из Белорусского инновационного фонда (на условиях платности и возвратности), а также на безвозмездной основе из средств Республиканского централизованного и местных инновационных фондов. Вместе с тем для выделения таких средств, получатель должен соответствовать целому ряду требований. К примеру, в 2022 г. был принят Указ от 14 марта 2022 г. № 93 «О дополнительных мерах по обеспечению стабильного функционирования экономики», направленный на нивелирование для экономики Республики Беларусь последствий введенных санкций и иных ограничений (далее – Указ № 93). При этом, анализируя его через призму исследуемых вопросов, можно отметить, что согласно подпункту 2. 10. п. 2 Указа № 93, изначально исключительно в 2022 г. Совет Министров Республики Беларусь (его Президиум) при принятии решений, оформленных в виде постановлений Совета Министров Республики Беларусь, был вправе: «определять направления использования средств республиканского централизованного инновационного фонда и местных инновационных фондов, отличные от предусмотренных Указом Президента Республики Беларусь от 7 августа 2012 г. № 357 «О порядке формирования и использования средств инновационных фондов» (далее – Указ № 357). Затем действие норм Указа № 93 было продлено на 2023 г. Однако вплоть до

настоящего времени нет решения о продлении срока действия подпункта 2.10. п. 2 Указа № 93 на 2024 г. Следовательно, по состоянию на сентябрь 2023 г. Совет Министров Республики Беларусь также не уполномочен принять Постановление «О направлении использования средств инновационных фондов, отличных от предусмотренных Указом № 357», в том числе и на финансирование перспективных импортозамещающих инвестиционных проектов в 2024 г.

При этом уже сейчас Минский горисполком и облисполкомы объявили и фактически завершили открытые конкурсные отборы инновационных проектов (работ, мероприятий) для финансирования за счет средств инновационных фондов в 2024 г. Это обусловлено п. 8 Главы 2 Указа № 357, согласно которому Государственному комитету по науке и технологиям Республики Беларусь (ГКНТ) ежегодно до 15 ноября года, предшествующего очередному финансовому году, необходимо согласовать планируемый объем расходов на финансирование проектов (работ, мероприятий) за счет средств местных инновационных фондов в соответствующем году на основе предложений облисполкомов и Минского горисполкома с учетом результатов государственной научно-технической экспертизы проектов (работ). Предложения по объемам расходов местных инновационных фондов представляются облисполкомами и Минским горисполкомом в ГКНТ не позднее 1 октября года, предшествующего очередному финансовому году.

То есть изменения в Указ № 93 о том, что в предстоящем году (2024) средства республиканского централизованного инновационного фонда и местных инновационных фондов могут направляться на финансирование проектов на условиях, отличных от Указа № 357, вносятся поздно. Ко времени внесения изменений в Указ № 93, Мингорисполкомом и Облисполкомы уже фактически должны не только провести экспертизу проектов, определить победителей объявленных конкурсов, но и согласовать объемы финансирования на 2024 г. с ГКНТ. По данному направлению в области использования средств Республиканского централизованного и местных инновационных фондов необходимо оперативно, не позднее апреля текущего года, еще до начала объявления открытых конкурсов на финансирование инновационных проектов за счет средств республиканского централизованного и местных инновационных фондов на предстоящий год, вносить изменения в Указ № 93 для продления действия его норм на

предстоящий год, а также принимать соответствующее Постановление Совета Министров Республики Беларусь в его развитие не позднее мая текущего года.

Далее, к примеру, для получения льгот и поддержки в рамках Государственной программы инновационного развития, согласно п. 4 Положения «О порядке формирования и использования средств инновационных фондов», утвержденного Указом № 357 «Финансирование инновационных проектов, указанных в абзаце втором части первой пункта 10 настоящего Положения...за счет средств республиканского централизованного и местных инновационных фондов осуществляется при условии их соответствия следующим критериям: организация технологического процесса, обеспечивающего средний уровень добавленной стоимости на одного работающего, аналогичный среднему уровню добавленной стоимости на одного работающего по соответствующему виду экономической деятельности в Европейском союзе либо превышающий этот уровень» и др. критериям. Однако сегодня все более очевидно, что в Республике Беларусь и государствах Европейского союза разные подходы к регулированию экономической деятельности и тем более условия ее осуществления. Республика Беларусь является социальным государством, где «государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества; обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях» согласно ч. 7 Статьи 13 Конституции Республики Беларусь. Также страны ЕС не ощущают на себе такого беспрецедентного давления из-за санкций и иных ограничительных мер определенного мирового сообщества в отношении Беларуси. На данном этапе тем более видится необходимым в области установления критериев отнесения проекта к инновационному, в части критерия «организация технологического процесса, обеспечивающего средний уровень добавленной стоимости на одного работающего, аналогичный среднему уровню добавленной стоимости на одного работающего по соответствующему виду экономической деятельности в Европейском союзе либо превышающий этот уровень» установить его в национальной валюте, а не в валюте Европейского союза во избежание воздействия на него изменений курса Евро, и далее пересмотреть его в сторону снижения.

Видится, что обозначенные проблемные вопросы и предложенные некоторые варианты их решения будут способствовать повышению эффективности инвестиционной деятельности в создавшихся новых условиях хозяйствования и защиты экономических интересов национальных производителей, а также созданию равных условий хозяйствования на рынках Российской Федерации и Республики Беларусь.

Список использованных источников:

1. Ежегодный отчет Правительства в Государственной думе [Электронный ресурс]: Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – Режим доступа : <http://government.ru/news/48055/>. – Дата доступа: 28.09.2023.

О НЕОБХОДИМОСТИ ВНЕДРЕНИЯ МЕХАНИЗМА КОМПЕНСАЦИИ ВРЕДА СУБЪЕКТУ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ ИЗМЕНЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В. В. Григорьева

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
valeriia.grigorieva@gmail.com*

Автором поднимается вопрос о необходимости внедрения механизма компенсации вреда субъекту хозяйствования, причиненного в результате недостижения цели изменения правового регулирования. Представляется, что указанный механизм будет выступать стабилизирующим фактором при установлении баланса между частным и публичным интересами в ходе правового регулирования предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: правовое регулирование; публичный интерес; частный интерес; административный интерес; предпринимательская деятельность; субъект хозяйствования; механизм компенсации вреда.

В отсутствии единства мнений среди ученых относительно определения понятия «интерес», большинство из них определяют природу интереса как субъективное либо объективное явление, и даже как единство объективного и субъективного. В зависимости от взглядов на природу интереса его рассматривают как явление общественного бытия или явление сознания человека, или эти явления во взаимосвязи [2, с. 156].

Наряду с вышеуказанным остается открытым вопрос о разграничении публичного и частного интересов. Так, Ю. А. Тихомиров под публичным интересом предлагает понимать «признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит гарантией ее существования и развития». По мнению Н. М. Мусаева, «разновидностью публичного интереса является интерес государства, его части, муниципального образования, партии, общественный интерес» [4, с. 139]. Отметим, что исходя из содержания ст. 1 Модельного закона «О праве на доступ к информации», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств от 17 апреля 2004 г. № 23-14, под общественным интересом понимается интерес любого лица (лиц), связанный с обеспечением благополучия, стабильности, безопасности и устойчивого развития общества.

Приведем иные точки зрения по рассматриваемой проблематике. В частности, коллектив авторов статьи «Некоторые подходы к классификации видов интересов» приходит к выводу о том, что публичные интересы отражают интересы государства, а частные интересы – потребности отдельных лиц [3, с. 84–88].

По мнению Н. М. Мусаева, частный интерес обеспечивает самостоятельность и свободу отдельных лиц, их объединений, а также от него зависят сила и возможности государства, что является выгодным для государственных интересов [4, с. 140–141].

В свою очередь В. Б. Пастухов делает заключение о том, что «Мы говорим «государственное», подразумеваем – «бюрократическое» [1, с. 93].

Применительно к сфере предпринимательства С. М. Халин полагал, что частные интересы субъектов предпринимательской деятельности существуют в виде активного стремления к удовлетворению своих потребностей именно через предпринимательство, в том числе в виде стремления к

удовлетворению самой потребности в предпринимательской активности [5, с. 11].

Шувалов И. И. рассматривает взаимодействие субъектов публичного и частного интереса через общественные отношения, которые складываются в процессе обеспечения баланса между публичными и частными интересами. Он указывает на то, что нормы публичного права направлены на защиту публичных интересов, которые также обеспечивают защиту частных интересов. Нормы частного права, в свою очередь, призваны обеспечить преимущественно частные интересы, что также способствует защите интересов всего общества в целом. Шувалов подчеркивает, что частные и публичные интересы взаимосвязаны и взаимозависимы, и отсутствие надлежащей защиты одних или других может привести к дестабилизации развития экономики страны в целом [6, с. 25].

Принимая во внимание приведенные точки зрения, выразим авторское видение исследуемой проблематики. Поскольку публичный интерес включает в себя интересы государства и интересы общества, полагаем необходимым признать, что разграничение интереса на публичный и частный не в полной мере оправдано. Следует признать, что в публичном интересе наряду с общественным интересом усматривается наличие административного интереса.

В отсутствии легального определения административного интереса под ним предлагается понимать *потребность в реализации государственно-властных полномочий и (или) обеспечения выполнения функций государственными органами или должностными лицами в целях удовлетворения потребностей частных лиц и общества в целом.*

В рамках правового регулирования предпринимательской деятельности административный интерес проявляется через установление для субъектов хозяйствования обязательных требований к организации и осуществлению деятельности, а также путем создания благоприятных условий для их развития и конкуренции.

Учитывая, что изменения правового регулирования в сфере предпринимательства должно быть направлено на достижение экономического, социального и экологического эффектов, считаем необходимым в случае недостижения указанного результата использовать механизм компенсации вреда субъекту хозяйствования, причиненного

в результате изменения правового регулирования. Предполагается, что внедрение такого механизма будет являться стабилизирующим фактором при установлении баланса между публичным и частным интересами в ходе правового регулирования предпринимательской деятельности.

Список использованных источников:

1. Пастухов, В. Б. Национальный и государственный интересы России: игра слов или игра в слова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/2001_1_Pastukhov.pdf. – Дата доступа: 11.10.2023.
2. Гирин, С. А. О соотношении понятий «интерес» и «личная заинтересованность» в конфликте интересов на государственной гражданской службе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2016. – № 10 (231). – 155–160 с.
3. Куковский, А. А. Некоторые подходы к классификации видов интересов / А. А. Куковский, А. В. Петров, С. В. Шигапова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2017. – Т. 17, № 4. – 84–88 с.
4. Мусаев, Н. М. Понятие интереса, его виды и соотношение публичного и частного интереса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/9999-0195_West_pravo_2000_1\(2\)/19.pdf](http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/9999-0195_West_pravo_2000_1(2)/19.pdf) – Дата доступа: 11.10.2023.
5. Халин, С. М. Социология предпринимательства: (попытка теоретической интерпретации понятия): Учебное пособие. / С. М. Халин. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2004. – 82 с.
6. Шувалов, И. И. Соотношение частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.21686/2411-118X-2022-1-21-28>. – Дата доступа: 11.10.2023.

СТАНОВЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ⁵

Е. А. Гурьева

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
alenahuryeva@gmail.com*

Электронное правосудие в настоящее время находится на этапе активного развития, обеспечивая цифровой экономике доступность к юридическим услугам на должном уровне. Гражданам, юридическим лицам, государственным органом предоставлено право использовать информационные технологии на каждом этапе судебного процесса. При этом постоянно появляются новые сервисы, позволяющие облегчить процесс судопроизводства, но на данный момент существует ряд проблем, препятствующих развитию электронного правосудия и требующих решения.

Ключевые слова: цифровая экономика, электронное правосудие, электронное правительство, информатизация.

История становления электронного правосудия в мире неразрывно связана с информатизацией широких сфер общественной, экономической и политической жизни, проникновением компьютера в повседневность граждан и организаций. Ведь право, как универсальный социальный регулятор, не только упорядочивает общественное бытие, но также, зачастую, фиксирует его основные изменения и, уловив перспективные тенденции, актуализирует то или иное направление.

Наиболее динамичное и активное развитие электронного правосудия за рубежом началось в современный период – в XXI веке [1, с. 23-24].

В частности, впервые попытку применить компьютерное моделирование для изучения возможностей принятия в суде логичных, непротиворечивых и состоятельных решений предприняли Т. Алэн, М. Айкенхэд и Р. Виддисон.

Чанг и Д. Байер пишут: «по всей Америке и в уголовном, и в гражданском судопроизводстве суды, адвокаты, присяжные обнаруживают,

⁵ Статья подготовлена представителем научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета.

что информация, сохраненная в электронной форме, часто содержит решающие доказательства» [2].

По мнению С.В. Васильковой «картина развития электронного правосудия за рубежом не является целостной, ее можно назвать довольно разрозненной, противоречивой и находящейся в постоянной динамике. Лишь отдельные государства обладают относительно развитой системой электронного правосудия, а в большинстве стран мира внедрение электронного правосудия по-прежнему далеко от насущных приоритетов правового развития» [1, с. 24].

Внедрение электронного правосудия в Республике Беларусь также имеет свои исторические корни.

Информатизация осуществления государственной власти сегодня является объективно необходимым ответом на вызовы современного мира, способом удовлетворения потребностей в развитии на современном научном уровне способов государственно-правового управления обществом [1, с. 26].

Лорд Вулф в докладе «Access to Justice» («Доступ к правосудию») писал, что «информационные технологии будут не только помогать оптимизации и улучшению существующих систем и процесса; вероятно, со временем они сами станут катализатором для радикальных изменений. Информационные технологии в ближайшем будущем станут основой судебной системы и по этой причине уже сейчас заслуживают особого внимания на самом высоком уровне» [3, с. 75–80].

Ярков В. В. справедливо отмечает, что «стремление использовать технологические изменения определяет необходимость для судебной и нотариальной систем идти в ногу с быстро меняющимся миром, который все больше и больше зависит от технологий. Тем самым будет изменен юридический ландшафт, который ранее ассоциировался с бумажной горой, а в будущем будет ассоциироваться с электронными системами» [4].

С вышеприведенными высказываниями нельзя не согласиться, при этом необходимо отметить, что «кардинальная смена парадигмы развития отношений между государством и обществом с ее виртуализацией и переходом преимущественно к электронному взаимодействию вызвала появление концепции электронного правительства и от нее к электронному правосудию» [1, с. 27].

Правовые основы электронного правительства в Беларуси выстраивались практически «с чистого листа», в отсутствие каких-либо нормативных правовых актов в данной сфере [1, с. 27]. Вследствие этого нормативная база организации электронного правительства фактически стала фундаментом для разработки норм об электронном правосудии.

Одним из первых шагов в данной сфере стало принятие Государственной программы информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 г.г. и на перспективу до 2010 г. «Электронная Беларусь», утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2002 г. № 1819.

Данная программа выделила основные проблемы, существующие в сфере информатизации деятельности органов государственной власти в Республике Беларусь и наметила некоторые пути их решения. Также определила необходимость формирования национального информационного ресурса и создания «электронного Правительства».

Позднее также была принята Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23.03.2016 № 235.

Необходимо отметить, что принятие данной Государственной программы имело важное значение и для развития электронного правосудия в Республике Беларусь, поскольку по итогам ее реализации было запланировано и реализовано мероприятие № 40 «проведение второго этапа модернизации автоматизированной информационной системы судов общей юрисдикции (АИС СОЮ). Автоматизация процессов судебного делопроизводства, формирования статистической отчетности, создание мобильного клиента и системы защиты информации», а также усовершенствовано материально-техническое обеспечение органов государственной власти, в том числе судебной власти, которое стало основой для дальнейшей информатизации осуществления правосудия.

Следующим важным шагом стало принятие Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016 – 2022 годы, одобренной Президиумом Совета Министров Республики Беларусь (протокол от 3 ноября 2015 г. № 26), в которой был проведен анализ проблем становления информационного общества в Беларуси и определены принципы

государственной политики Республики Беларусь в сфере информатизации и основные направления развития информационного общества с учетом совокупности факторов, влияющих на его прогресс.

На основе вышеуказанных основополагающих документов была принята Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021 – 2025 годы», утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 61, целью которой является обеспечение внедрения информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества.

Принятие концептуальных нормативных правовых актов в сфере информатизации деятельности органов государственной власти повлекло за собой широкое применение данного принципа в деятельности различных государственных органов, в том числе и судебных. Как отмечают исследователи, «уже ни у кого не вызывает сомнения заключение договоров между хозяйствующими субъектами посредством электронных сообщений по электронной почте (e-mail) и обмена электронными файлами, содержащими текстовые сообщения о всех существенных условиях договора. Кроме того, налоговые и другие государственные органы используют электронные каналы для доставки информации, необходимой для выполнения своих функций по отношению к физическим и юридическим лицам. Всевозможные декларации, заявления, отчеты подаются в эти органы в электронном виде. Этот порядок закреплен на нормативном уровне» [5, с. 117–120].

Таким образом, в Беларуси был запущен процесс реализации принципа информатизации деятельности органов государственной власти, который последовательно охватывает все большее количество государственных органов и привел к внедрению самой идеи перехода на новую форму взаимодействия власти и общества, в том числе в сфере реализации судебной власти. В частности, в этой сфере эта идея приобрела концептуальную форму электронного правосудия.

Электронное правосудие, как передовой продукт информатизации судебной системы, на современном этапе своего существования не только обеспечивает эффективный механизм реализации защиты своих прав гражданами, но и выступает инструментом по развитию информационного

общества. Его инструменты делают некоторые процессуальные действия участников судопроизводства виртуальными, за счет использования научно-технических средств. Регулирование таких отношений не в полном объеме закреплено в действующих процессуальных законах, что делает необходимым обновление и принятие новых действующих нормативных правовых актов.

Список используемых источников:

1. Василькова, С. В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / С. В. Василькова. – СПб., 2018. – 251 л.
2. Голоскоков, Л. В. О перспективах применения сетевых технологий для автоматизации арбитражного процесса / Л. В. Голоскоков // Арбитр. и гражд. процесс. – 2006. – № 5. – С. 2–7.
3. Woolf, Н. К. Access to justice: final report to the Lord Chancellor on the civil justice system in England and Wales / Н. К. Woolf. – London : Stationery Office, 1996. – 370 p.
4. Ярков, В. В. Электронное правосудие / В. В. Ярков// ЭЖ-Юрист. – 2006. – № 41. – С. 12–19.
5. Рогожин, С. П. О некоторых особенностях электронного обеспечения правосудия / С. П. Рожин // Цивилист. – 2012. – № 2. – С. 117–120.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «УМНЫЕ ГОРОДА БЕЛАРУСИ»

Д. М. Демичев

доктор юрид. наук, профессор

ddm65@mail.ru

В статье исследуются правовые основы функционирования цифровой платформы «Умный город» в Республике Беларусь, анализируется содержание нормативных правовых актов, составляющих юридическую

основу реализации проекта «Умные города Беларуси», а также ход реализации указанной программы в стране.

Ключевые слова: правовые основы; информационно-коммуникационные технологии (ИКТ); «умный город»; городская инфраструктура; городская среда; цифровое развитие; региональное цифровое развитие; цифровизация; цифровая трансформация; проект «Умные города Беларуси».

Увеличение численности населения нашей планеты, проживающего в современных мегаполисах, привело к существенным проблемам: инфраструктура не поспевала за ростом населения; многие города перестали быть комфортным местом для жизни; перегруженность общественного транспорта; огромные пробки на дорогах; отсутствие необходимого количества автопарковок; ухудшение экологической ситуации, загазованность городских территорий выбросами автомобилей и промышленных предприятий; перегруженность границ мегаполисов и многое другое. Выход из ситуации виделся в необходимости разработки концепции «умных городов» – мест, где симбиоз информационных технологий, активности жителей и гибкости управленцев позволяет эффективно решать возникшие проблемы. Власти городов стали решать эти проблемы с помощью информационных технологий. В результате за последние десятилетия все большее количество крупных мегаполисов по всему миру переходят в разряд *smart city*, или так называемых «умных городов».

К настоящему времени в различных регионах планеты реализовано большое количество технологий под маркой «умный город». Однако единого определения этого понятия наука и практика пока не выработали.

Один из признанных авторитетов в разработке теории концепции умных городов профессор Университета Нейпира в Эдинбурге (Великобритания) Марк Дикин выделяет такие ключевые свойства поселения «умный город», как: применение в городах большого набора электронных и цифровых технологий; использование цифровых технологий для преобразования рабочей и жизненной среды в регионе; внедрение цифровых технологий в государственные системы; территориализация, то есть объединение цифровых технологий и жителей [1, с. 140–152]. Вместе с тем, в своей статье «От интеллектуальных к умным городам»,

опубликованной в 2013 г., исследователь отмечает, что умный город – это такой город, в котором используются и реализуются ИКТ для удовлетворения потребностей рынка (жителей города) и положительного влияния на местные сообщества [2, с. 15].

В статье «Умные города – рыночная возможность стоимостью 1,5 триллиона долларов», опубликованной 19 июня 2014 г. под эгидой международной консалтинговой компании Frost & Sullivan, дается следующее определение понятию «умный город»: «Мы определили восемь ключевых аспектов, которые определяют «умный город»: умное управление, умная энергетика, умный дом, умная мобильность, умная инфраструктура, умная технология, умное здравоохранение и умный гражданин» [3].

В то же время Департамент по делам бизнеса, инноваций и навыков Великобритании относительно определения понятия «умный город» в 2013 г. отмечал: «Концепция не статична, нет точного определения «умного города», нет конечной точки, но есть процесс, или последовательность шагов, с помощью которых города становятся более пригодными для жизни и устойчивыми, и, следовательно, способны быстрее реагировать на новые вызовы» [4].

В целом в общепринятом понимании «умный город» – это населенный пункт, в котором эффективность инфраструктуры и услуг нацелена на улучшение качества жизни населения города за счет применения информационных технологий городской информатики, упрощая и улучшая повседневную жизнь горожан. «Умный город» способен решить вопрос с организацией автопарковок, с пробками на дорогах, с бесперебойной работой общественного транспорта, предприятий связи, освещением улиц, борьбой с преступностью, вывозом мусора, предотвратить крупный пожар и многое другое.

Сбор, обработка и анализ данных, поступающих от жителей города, происходит за счет использования датчиков, функционирующих в режиме реального времени. Полученные сведения позволяют своевременно реагировать и устранять неисправности. Использование ИКТ позволяет повысить качество, производительность и интерактивность городских служб, снизить расходы и потребление природных и энергетических ресурсов, улучшить качество реальной связи между жителями городов и государственными органами.

Одним из основных направлений цифрового развития Республики Беларусь является региональное цифровое развитие, цель которого – создание условий для ускоренного социально-экономического развития регионов, сокращение межрегиональной дифференциации путем создания равных возможностей для достижения высокого уровня и качества жизни населения за счет внедрения и развития технологий «умных городов», которые должны стать удобными, безопасными и информативными для людей. В таких городах должно осуществляться комплексное применение современных решений в жилищно-коммунальном хозяйстве, строительстве и территориальном планировании, транспортной инфраструктуре, здравоохранении, образовании, обеспечении правопорядка и других областях.

Термин «умный город» обозначает разработку и внедрение инновационных решений для управления городской инфраструктурой, обеспечивающих сбор и обработку больших массивов данных, анализ которых позволяет прогнозировать «поведение» отдельных объектов инфраструктуры, предотвращать опасные ситуации, оказывать жителям и гостям города многочисленные услуги, повышая комфорт их жизнедеятельности.

В настоящее время приоритет внедрения и развития технологий «умных городов» в решении задач цифровой трансформации национальной экономики Республики Беларусь определен всеми основными программно-стратегическими документами в сфере социально-экономического развития страны и, прежде всего, Указом Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы» [5].

Кроме того, дополнительным инструментом для реализации задач внедрения и развития технологий «умных городов» явился Указ Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 «Об органе государственного регулирования в сфере цифрового развития и вопросах цифровизации», в соответствии с которым регулирование деятельности по созданию и развитию государственных цифровых платформ, информационных систем и ресурсов (за исключением банковских систем, а также систем, предназначенных для осуществления особого контроля в сфере предотвращения легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования

распространения оружия массового поражения, и ресурсов, используемых для этих целей) было возложено на Министерство связи и информатизации Республики Беларусь [6].

В целях реализации концепции «Умный город» Программой деятельности Правительства Республики Беларусь на период до 2025 г. предполагается активизация работы по развитию технологий «умных городов» во всех регионах, внедрение региональной государственной типовой цифровой платформы «Умный город (регион)» в г. Минске, областных центрах, городах и районах с численностью населения 80 тыс. человек и более, обеспечение на их базе сервисов в различных сферах жизнедеятельности и управления. Данная задача нашла свое отражение также в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. [7]

Механизмом реализации работы по развитию технологий «умных городов» во всех регионах выступает проект «Умные города Беларуси», который с учетом масштабности и значимости включен в перечень «проектов будущего» Республики Беларусь. Проект будущего «Умные города Беларуси» является составляющей процесса цифровой трансформации республики в целом, направленного на достижение поставленной цели по развитию IT-ориентированного государства.

Основным инструментом реализации проекта «Умные города Беларуси» является Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг., включающая подпрограмму «Региональное цифровое развитие», в рамках которой осуществляется реализация проекта «Умные города» Беларуси [8].

В марте 2021 г. перечень «проектов будущего» одобрен Президентом Республики Беларусь, которым дано поручение по обеспечению реализации указанных проектов с разработкой соответствующих планов мероприятий.

Комплексный проект «Умные города Беларуси» был разработан Министерством связи и информатизации Республики Беларусь и ориентирован на новые производства, технологии и товары, соответствующие мировым тенденциям, относящихся к цифровым информационно-коммуникационным и междисциплинарным технологиям и соответствующим приоритетным направлениям научной, научно-технической и инновационной деятельности до 2025 г.

В настоящее время реализация проекта «Умные города Беларуси» осуществляется в рамках Плана мероприятий по реализации «проекта будущего» «Умные города Беларуси» на 2021–2025 гг., разработанного Министерством связи и информатизации и утвержденного Первым заместителем Премьер-министра Республики Беларусь от 20 июля 2021 г. № 34/37/310-301/6926р. План мероприятий включает системообразующие и инфраструктурные мероприятия, пилотные и экспериментальные проекты, нормативно-правовое и научное обеспечение, а также организационные, образовательные и популяризационные направления.

Мероприятия Плана скоординированы с мероприятиями Государственной программы по заказчикам (исполнителям), срокам, источникам финансирования.

Проект предусматривает:

- объединение совокупности «умных городов» в рамках единой цифровой экосистемы «цифровое государство»;
- интеграцию существующих и перспективных «умных» решений (государственных, отраслевых, общественных, частных и других) в границах административно-территориальной единицы;
- предоставление сервисов и услуг цифровой платформы для решения широкого круга задач обеспечения комфортной среды проживания и деятельности.

Плановая работа по комплексной системной цифровой трансформации регионов инициирована и проводится Министерством связи и информатизации Республики Беларусь как регулятором единой государственной политики в области связи и информатизации при поддержке Национальной академии наук Беларуси и с участием местных органов управления и самоуправления с 2019 г. В этих целях в масштабах республики была разработана типовая Концепция развития «умных городов» в Республике Беларусь, которая положена в основу при формировании планов по реализации проекта «Умные города Беларуси» и его масштабирования на региональном уровне. В стране созданы достаточные инфраструктурный и информационный «заделы» – базовые условия в направлении развития технологий «умных городов», сформированы четкие планы дальнейшего движения, определены приоритеты и перспективы.

Основой для практической реализации проекта «Умные города Беларуси» является развитая национальная информационно-коммуникационная инфраструктура, создающая новые возможности для всестороннего и устойчивого развития, в том числе и преодоления цифрового разрыва между городом и регионом. Созданы развитая и соответствующая мировым стандартам сеть передачи данных, надежные центры их хранения и обработки, механизмы идентификации, инструменты для совершения электронных платежей, современные электронные сервисы и средства защиты информации. Кроме того, за последние годы сформирована устойчивая теоретическая база в направлении развития технологий «умных городов».

В рамках Государственной программы **«Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 гг.**, включающей подпрограмму «Региональное цифровое развитие», предусмотрена реализация системообразующего мероприятия Плана «Реализация комплексного проекта «Умные города Беларуси». Заказчиками создания типовой региональной государственной цифровой платформы «Умный город (регион)» являются Минсвязи, Национальная академия наук Беларуси, Минский городской исполнительный комитет и областные исполнительные комитеты. Данное мероприятие предназначено для системной интеграции решений в области цифровой трансформации процессов регионального управления, решения задач социально-экономического и общественного развития, организации информационного взаимодействия, включая выстраивание обратной связи с гражданами.

В настоящее время в целях реализации проекта «Умные города Беларуси» выполняется научно-исследовательская работа «Разработка и обоснование требований по созданию первой очереди типовой региональной государственной цифровой платформы «Умный город (регион)», в рамках которой в 2022 г. осуществлена разработка концепции создания цифровой платформы, технического задания на создание первой очереди платформы «Умный город» (включая требования к базовым компонентам ядра платформы и общесистемным приложениям и сервисам), частных технических заданий на реализацию прикладных приложений и сервисов первой очереди платформы «Умный город», частного технического задания на создание системы защиты информации платформы «Умный город».

К 2025 году планируется: создание региональной государственной типовой цифровой платформы «Умный город (регион)»; создание и (или) совершенствование геоинформационных систем; развитие региональной информационно-коммуникационной инфраструктуры для обмена данными между цифровыми устройствами в целях обеспечения работоспособности цифровых платформ и их сервисов; масштабирование путем адаптации и внедрения региональной государственной типовой цифровой платформы «Умный город (регион)» в первую очередь в областных центрах и городах с численностью населения свыше 80 тыс. человек, определенных в республике потенциальными центрами экономического роста, создание и развитие типовых сервисов на базе региональной государственной типовой цифровой платформы «Умный город (регион)» в различных сферах (с последующим их масштабированием).

Государственной программой **«Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 гг.** предусматривается к концу пятилетия охват 17 городов и регионов типовой региональной государственной цифровой платформой «Умный город (регион)», включая все областные и 11 районных центров республики, а также наиболее крупные города Орша, Барановичи, Пинск, Новополоцк, Полоцк, Мозырь, Лида, Борисов, Солигорск, Молодечно, Бобруйск.

В перспективе проектом «Умные города Беларуси» предусматривается объединение совокупности «умных городов» в цифровую экосистему «цифровое государство», с интеграцией существующих и перспективных «умных» решений (государственных, отраслевых, общественных, частных и других) в границах административно-территориальной единицы, предоставление сервисов и услуг цифровой платформы для решения широкого круга задач обеспечения комфортной среды проживания и деятельности.

Таким образом, в Республике Беларусь создана правовая и организационная база для регулирования и реализации цифровой платформы «Умные города Беларуси», позволяющая в необходимом объеме успешно решать стоящие в данной сфере проблемы, а внедряемые и масштабируемые цифровые инновации будут способствовать повышению качества жизни населения страны и инвестиционную привлекательность регионов, обеспечат

создание необходимых условий для формирования в республике реальных «точек экономического роста».

Список использованных источников:

1. Deakin, Mark. From Intelligent to Smart Cities // Journal of Intelligent Buildings International: From Intelligent Cities to Smart Cities. – 2011. – Т. 3. – № 3. – Р. 140 – 152.

2. Deakin, Mark. From intelligent to smart cities // Smart Cities: Governing, Modelling and Analysing the Transition. – Taylor and Francis. – 2013. – 248 P.

3. Sarwant, Singh. Smart Cities - A \$1.5 Trillion Market Opportunity. – Forbes. – 2014. – 19 июн.

4. Smart Cities: Background paper. Department of Business, Innovation and Skills (окт. 2013 г.). – Дата обращения: 27 сент. 2016 г.

5. О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. №156 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

6. Об органе государственного регулирования в сфере цифрового развития и вопросах цифровизации [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. №136 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

7. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. №292 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

8. О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. №66 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

К ВОПРОСУ О ПРЕКРАЩЕНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ ПРОТИВ ВОЛИ СОБСТВЕННИКА

Ю. В. Емельянова

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь,
juliav_resh@mail.ru*

В статье рассматриваются вопросы принудительного прекращения права собственности на жилое помещение вследствие утраты жилого помещения, признанного не соответствующими установленным для проживания санитарным и техническим требованиям и непригодными для проживания либо аварийными или грозящими обвалом вследствие чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, боевых действий и актов терроризма. Отмечается, что существующий механизм компенсации, предоставляемой гражданину-собственнику за утрачиваемое жилое помещение, нуждается в совершенствовании.

Ключевые слова: жилое помещение, компенсация за утрачиваемое жилое помещение, право собственности, прекращение права собственности, принудительное отчуждение жилого помещения, утрата жилого помещения

В ст. 44 Конституции Республики Беларусь закреплено, что «государство гарантирует каждому право собственности и содействует ее приобретению. Собственник имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами. Неприкосновенность собственности, право ее наследования охраняются законом. Собственность, приобретенная законным способом, защищается государством». Принцип неприкосновенности собственности является одним из основных в регулировании отношений собственности, поскольку, как справедливо отмечается в научной литературе, «от надлежащего обеспечения неприкосновенности собственности в значительной мере зависит стабильность всего гражданского оборота» [1, с. 168].

Гарантируя принцип неприкосновенности собственности, вместе с тем законодатель не исключает возможности прекращения права собственности

против воли собственника. Так, согласно ч. 5 ст. 44 Конституции Республики Беларусь и абз. 6 ч. 2 ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь принудительное отчуждение имущества допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества, а также согласно судебному постановлению.

Одним из оснований принудительного прекращения права собственности на жилые помещения является утрата жилого помещения, признанного не соответствующим установленным для проживания санитарным и техническим требованиям и непригодным для проживания либо аварийным или грозящим обвалом вследствие чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, боевых действий и актов терроризма.

Обеспечение сохранности жилищного фонда является одним из основных принципов жилищного законодательства, поэтому собственники жилых домов частного жилищного фонда, организации, осуществляющие эксплуатацию жилищного фонда и (или) предоставляющие жилищно-коммунальные услуги, обязаны обеспечивать сохранность жилых помещений. Вместе с тем, согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь общая площадь жилых помещений, находящихся в ветхом и аварийном состоянии на конец 2022 г., составляет 196 120 кв. м, из которых 133 634 кв. м являются ветхим жильем, а 62 486 кв. м признано аварийным жильем [2], что составляет 0,07 % жилищного фонда Республики Беларусь.

Условия, при которых жилые помещения признаются не соответствующими санитарным и техническим требованиям, предъявляемым к жилым помещениям и непригодными для проживания, утверждены постановлением Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь от 2 мая 2000 г. № 4 по согласованию с Министерством архитектуры и строительства Республики Беларусь и Министерством здравоохранения Республики Беларусь. Согласно п. 6 данных условий жилые помещения признаются непригодными для проживания:

– при физическом износе каменных жилых домов свыше 70%, а деревянных жилых домов и жилых домов со стенами из прочих материалов – свыше 65%;

– в случае аварийного состояния жилого помещения, устранение которого невозможно.

Решение о признании жилого помещения не соответствующим установленным для проживания санитарным и техническим требованиям и непригодным для проживания принимается районным, городским исполнительным комитетом, местной администрацией района в городе, администрацией Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень», когда жилое помещение расположено на территории индустриального парка, в порядке, предусмотренном Положением о порядке обследования состояния многоквартирных, блокированных и многоквартирных жилых домов и их придомовых территорий, квартир в многоквартирных и блокированных жилых домах, общежитий в целях определения их несоответствия установленным для проживания санитарным и техническим требованиям и принятия решений об их восстановлении для использования по назначению, либо о переводе в нежилые, либо о сносе непригодных для проживания жилых домов, общежитий, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 марта 2013 г. № 221.

В случае принятия решения о несоответствии жилого помещения установленным для проживания санитарным и техническим требованиям районный, городской исполнительный комитет, местная администрация района в городе, администрация Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень», когда жилое помещение расположено на территории индустриального парка, принимает решение об их восстановлении собственниками для использования по назначению, либо о переводе жилого помещения в предусмотренных законодательством случаях в нежилые, либо о сносе непригодного для проживания жилого помещения. Решение о переводе жилого помещения в нежилое или решение о сносе непригодного для проживания жилого помещения являются крайней мерой. Если имеется возможность устранить несоответствия жилого помещения, установленным для проживания санитарным и техническим требованиям, то жилые не подлежат переводу в нежилые или сносу. Устранить несоответствия в данном случае обязаны собственники этих жилых помещений.

Особенности прекращения права собственности на жилые помещения, в

случае признания их не соответствующими установленным для проживания санитарным и техническим требованиям и непригодными для проживания либо аварийными или грозящими обвалом вследствие чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, боевых действий и актов терроризма, а также права собственников при утрате таких жилых помещений регулируются ст. 141 и ст. 142 Жилищного кодекса Республики Беларусь и зависят от того, кто является собственником утрачиваемого жилого помещения, а именно, гражданин или организация.

Так, если организации на праве собственности принадлежит жилой дом или жилое помещение, находящееся в многоквартирном или блокированном жилом доме, признанное не соответствующим установленным для проживания санитарным и техническим требованиям и непригодным для проживания либо аварийным или грозящим обвалом вследствие чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, боевых действий и актов терроризма, то по решению местного исполнительного и распорядительного органа данной организации выплачивается денежная компенсация в размере рыночной стоимости этого жилого помещения, определяемой в соответствии с законодательством об оценочной деятельности.

В тех случаях, когда собственником жилого помещения, признанного не соответствующим установленным для проживания санитарным и техническим требованиям и непригодным для проживания либо аварийным или грозящим обвалом вследствие чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, боевых действий и актов терроризма, является гражданин, то ему по решению местного исполнительного и распорядительного органа:

– предоставляется жилое помещение типовых потребительских качеств, не уступающее по благоустройству и по общей площади ранее занимаемому им жилому помещению, в течение одного года на условиях договора найма арендного жилья. При этом гражданин-собственник вправе с письменного согласия совершеннолетних членов его семьи, проживающих совместно с ним, требовать предоставления ему арендного жилья по общей площади менее общей площади принадлежащего ему жилого помещения либо письменно отказаться от предоставления арендного жилья;

– а также выплачивается денежная компенсация за утрачиваемое жилое помещение в размере рыночной стоимости этого жилого помещения, определяемой в соответствии с законодательством об оценочной деятельности. Если утрачиваемое жилое помещение находилось в общей долевой собственности, то денежная компенсация выплачивается соразмерно доле в праве общей собственности на это жилое помещение. Выплата денежной компенсации и оплата расходов, связанных с оценкой стоимости жилых помещений, осуществляются местными исполнительными и распорядительными органами из средств местных бюджетов.

В случае отказа от предоставления арендного жилья граждан, которому принадлежит на праве собственности жилое помещение, вместе с членами его семьи, проживающими совместно с ним, после выплаты ему компенсации, подлежит выселению из занимаемого им утрачиваемого жилого помещения без предоставления другого жилого помещения (п. 2 ст. 142 Жилищного кодекса Республики Беларусь).

Аналогичный подход к обеспечению жилищных прав собственников при утрате жилых помещений предусмотрен законодательством Республики Казахстан. Так, согласно п. 4 ст. 29 и п. 1-1 ст. 67 Закона Республики Казахстан от 16 апреля 1997 г. № 94-І «О жилищных отношениях» при принудительном прекращении права собственности на жилище в случае сноса аварийного многоквартирного жилого дома, собственнику предоставляется жилище из государственного жилищного фонда.

Иной подход к обеспечению жилищных прав собственников при утрате жилых помещений установлен законодательством Российской Федерации и Республики Кыргызстан.

В Российской Федерации объем прав собственников утрачиваемого помещения зависит от ряда факторов, а именно: включен ли аварийный дом в региональную адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, когда было приобретено жилое помещения и по какому основанию. Так, если многоквартирный дом не включен в региональную адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, то жилищные права собственника жилого помещения в таком доме обеспечиваются в порядке, предусмотренном ст. 32 Жилищного кодекса Российской Федерации, то есть путем выкупа изымаемого жилого помещения. При этом органы государственной власти или местного

самоуправления не обязаны обеспечить собственника изымаемого жилого помещения другим жилым помещением. В тех случаях, когда аварийный и подлежащий сносу жилой дом включен в региональную адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, то собственник жилого помещения вправе требовать либо выплаты выкупной цены за изымаемое жилое помещение, либо предоставления другого благоустроенного жилого помещения на праве собственности. Выбор любого из названных способов остается за собственником жилого помещения. Исключение составляют граждане, которые приобрели право собственности на жилое помещение (кроме приобретения права собственности в порядке наследования) после признания дома в установленном порядке аварийным. Указанные лица имеют право только на выплату возмещения (ч. 8.2 ст. 32 Жилищного кодекса Российской Федерации).

Что касается Кыргызской Республики, то в соответствии с п. 30 Положения о порядке сноса ветхих, аварийных зданий и сооружений на территории населенных пунктов Кыргызской Республики, утвержденным постановлением Правительства Кыргызской Республики от 13 августа 2009 г. № 518, при решении вопроса о сносе ветхих, аварийных, непригодных для проживания зданий и сооружений уполномоченным органом выплачивается собственнику компенсация за сносимую недвижимость в виде:

1) предоставления равноценного по стоимости здания, сооружения, жилого помещения из муниципального фонда либо приобретенного на вторичном рынке;

2) в денежной форме;

3) предоставления права собственности или пользования на другой земельный участок;

4) в форме других видов компенсаций, не противоречащих законодательству Кыргызской Республики.

Следовательно, законодательством Российской Федерации и Республики Кыргызстан предусмотрена возможность передачи собственнику другого жилого помещения в собственность взамен утрачиваемого жилого помещения.

Следует отметить, что до 1 апреля 2014 г., то есть до вступления в силу Указа Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2013 г. № 563 «О некоторых вопросах правового регулирования жилищных отношений» при

утрате жилого помещения, принадлежащего гражданину на праве собственности, в случае признания его, не соответствующим установленным для проживания санитарным и техническим требованиям и непригодным для проживания либо аварийным или грозящим обвалом вследствие чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, боевых действий и актов терроризма, по решению местного исполнительного и распорядительного органа гражданам-собственникам предоставлялось в собственность жилое помещение типовых потребительских качеств, равноценное по благоустройству и по общей площади не менее ранее занимаемого жилого помещения, либо по их выбору выплачивалась денежная компенсация за утрачиваемое жилое помещение.

Следовательно, Указом Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2013 г. № 563 «О некоторых вопросах правового регулирования жилищных отношений» белорусским законодательством был установлен иной подход к реализации прав граждан-собственников при утрате жилого помещения.

По мнению Н. Н. Гулятьевой данный подход нарушает конституционные права граждан, такие как право собственности и право передачи ее по наследству [3]. Эта позиция является спорной, так как за утрачиваемое жилое помещение собственники получают компенсацию. Вместе с тем, в тех случаях, когда собственник жилого помещения и проживающие совместно с ним члены его семьи утрачивают единственное имеющееся у них жилое помещение, предусмотренная законодательством компенсация представляется недостаточной. В таких случаях собственник будет вынужден согласиться на получение жилого помещения типовых потребительских качеств на условиях договора найма арендного жилья, поскольку денежной компенсации, выплачиваемой за утрачиваемое жилое помещение может быть недостаточно для приобретения собственником аналогичного жилого помещения в собственность.

Договор найма арендного жилья относится к числу срочных и возмездных договоров, поэтому проживая в арендном жилье, собственник, утративший жилое помещение, будет заинтересован в приобретении нового жилого помещения в собственность. В связи с этим полагаем, что размер платы за пользование арендным жильем, предоставленным собственнику вместо утраченного жилого помещения будет иметь для него существенное значение.

По общему правилу, определенному ч. 3 п. 2 ст. 31 Жилищного кодекса Республики Беларусь, размер платы за пользование арендным жильем определяется исходя из размера базовой ставки платы за пользование арендным жильем, устанавливаемой Советом Министров Республики Беларусь, с применением коэффициентов, определяемых областными, Минским городским исполнительными комитетами в зависимости от степени благоустройства и места нахождения жилых помещений, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь. Базовая ставка платы за пользование арендным жильем установлена Советом Министров Республики Беларусь в размере 0,2 базовой величины на 1 кв. м общей площади жилого помещения в месяц. В отдельных случаях, при определении размера платы за пользование арендным жильем также применяются понижающие коэффициенты, определяемые областными, Минским городским исполнительными комитетами в случаях, установленных Президентом Республики Беларусь. Вместе с тем, действующим законодательством не предусмотрена возможность применения к арендному жилью, предоставленному собственнику взамен утрачиваемого жилого помещения понижающих коэффициентов.

Таким образом, положения действующего законодательства, регулирующего права граждан-собственников при утрате жилого помещения, признанного не соответствующим установленным для проживания санитарным и техническим требованиям и непригодным для проживания либо аварийным или грозящим обвалом вследствие чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, боевых действий и актов терроризма, нуждается в совершенствовании.

Полагаем, что в тех случаях, когда собственник не обеспечен иным жильем и утрачиваемое жилое помещение является единственным жилым помещением, находящимся в собственности или во владении и пользовании у собственника утрачиваемого жилого помещения и членов его семьи, проживающих совместно с ним, арендное жилье, предоставляемое взамен утрачиваемого должно предоставляться с возможностью применения к нему понижающего коэффициента. Это будет способствовать расширению возможностей граждан для самостоятельного решения жилищного вопроса и приобретению в будущем иного жилого помещения в собственность.

Список использованных источников:

1. Бондаренко, Н. Л. Принципы гражданского права Республики Беларусь и проблемы их реализации в правотворчестве / Н. Л. Бондаренко // Право и демократия. – Выпуск 25. – Минск : БГУ, 2014. – С. 167–180.

2. Общая площадь жилых домов, находящихся в ветхом и аварийном состоянии на конец периода [Электронный ресурс] / Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=192378>. – Дата доступа: 30.09.2023.

3. Гультяева, Н. Н. Отселение из жилого помещения, признанного непригодным для проживания вследствие физического износа [Электронный ресурс] : [по состоянию на 21.05.2014 г.] / Н. Н. Гультяева // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

В. Н. Ершова

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
veronika20112033@gmail.com*

Одной из самых востребованных в экономическом обороте правовых форм юридических лиц является хозяйственное общество. Правовое регулирование хозяйственных обществ в Республике Беларусь за последние годы претерпело существенные изменения. Понятие хозяйственных обществ, его учредительные документы, процедура создания, порядок формирования уставного фонда, полномочия и порядок деятельности органов управления, порядок совершения крупных сделок и сделок с заинтересованностью аффилированных лиц, порядок продажи акций ЗАО и многие другие нормы законодательства о хозяйственных обществах были существенно

модернизированы и дополнены. При этом белорусский законодатель учитывал практику других государств в регулировании данных вопросов. Однако некоторые пробелы, обнаруженные в процессе правоприменения, остались невосполненными. Поэтому, на наш взгляд, требуется дальнейшая доработка законодательства о хозяйственных обществах.

Ключевые слова: коммерческий, юридическое лицо, хозяйственные общества, товарищества, организационно-правовая форма, акционерная коммандита, акционерное соглашение, законодательство.

Хозяйственные общества являются одной из наиболее распространенных форм юридических лиц. Данные коммерческие организации известны законодательству многих стран мира, однако имеют различное правовое регулирование. Законодательство об обществах и товариществах имеет не менее чем двухсотлетнюю историю развития. С достаточной долей условности можно считать, что первым прообразом обществ и товариществ были регулируемые римским правом объединения частных лиц в форме *universitas* — субъекта права, все члены которого входят в образованное ими объединение. По утверждению Томаса Хайдемания, такая организационно-правовая форма, как общество с ограниченной ответственностью, впервые была образована в Германии [1, с. 34]. Российскому законодательству XIX века также были известны юридические лица, которые по сути представляли собой подобие хозяйственных обществ в современном понимании. В 20-е годы XX века в России существовало развитое акционерное законодательство. Однако исследователи отмечали, что оно не обеспечивало надлежащий контроль за формированием уставного фонда открытых акционерных обществ, позволяло дельцам оформлять фиктивные покрытия уставного капитала, не предусматривало достаточную ответственность учредителей [2, с. 21].

В дальнейшем же, в результате установления советской власти, коммерческие юридические лица прекратили свое существование. Даже советский энциклопедический словарь, изданный в 1985 году, не содержит такого понятия, как коммерческая организация. Более того, практически все термины словаря, которые начинались со слова «коммерческий», рассматривались применительно только к капиталистическому обществу [3, с. 609]. Тем не менее, некоторые виды хозяйственных обществ все же были

известны законодательству СССР. Распад СССР и отказ от социалистического строя повлияли на возникновение первых в Беларуси за длительный промежуток времени коммерческих юридических лиц. Наличие потребности в их создании обусловило формирование нового законодательства. Правда, первые законодательные акты, призванные заложить базу для развития хозяйственных обществ, были не только недостаточно юридически грамотны, но и в ряде случаев противоречили друг другу.

Основы будущего законодательства о коммерческих хозяйственных обществах заложили Закон Республики Беларусь от 14 декабря 1990 г. № 462-ХІІ «О предприятиях» и Закон Республики Беларусь от 11 декабря 1990 г. № 457-ХІІ «О собственности в Республике Беларусь». Нельзя сказать, что данные нормативные правовые акты в достаточной степени освещали все вопросы создания и деятельности хозяйственных обществ. Это вполне закономерно, так как именно эта сфера правового регулирования в наибольшей степени отражала те коренные изменения, которые произошли в политической сфере и общественной жизни, более того у законодателя еще не было опыта регулирования таких вопросов.

Наиболее важным актом стал Закон Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-ХІІ «Об акционерных обществах, обществах с ограниченной ответственностью и обществах с дополнительной ответственностью», на основе которого и сформировалось действующее законодательство о хозяйственных обществах. Данный Закон в первоначальной редакции состоял из четырех разделов и пятидесяти шести статей. Он раскрывал общие положения о хозяйственных обществах и устанавливал особенности правового регулирования акционерных обществ, обществ с ограниченной и дополнительной ответственностью. В 2006 году Законом Республики Беларусь от 10 января 2006 г. № 100-З текст Закона «Об акционерных обществах, обществах с ограниченной ответственностью и обществах с дополнительной ответственностью» был изложен в новой редакции. Изменилось и его название – с 2006 года и по сей день указанный закон называется «О хозяйственных обществах». Наряду с Гражданским кодексом Республики Беларусь (далее – ГК), указанный закон является основным нормативным правовым актом, регулирующим вопросы создания и деятельности хозяйственных обществ.

Не столь кардинальные, как в 2006 году, но весьма значимые изменения вносились в Закон «О хозяйственных обществах» в 2008, 2010, 2015, 2021 году. На наш взгляд, стоит подробнее остановиться на изменениях и дополнениях, которые были внесены Законом Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. № 168-З «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» (далее – Закон № 168-З), вступившим в силу через шесть месяцев после официального опубликования. Им были внесены следующие изменения: упразднена необходимость представления передаточного акта, разделительного баланса в регистрирующий орган; исключено одно из оснований для принудительной ликвидации – снижение стоимости чистых активов хозяйственного общества менее минимального размера уставного фонда, установленного законодательством; формулировка «проведение экспертизы достоверности денежной оценки имущества, вносимого в виде неденежного вклада в уставной фонд» заменена на «осуществление оценки стоимости неденежного вклада в уставной фонд»; вслед за изменениям, внесенными в ГК, изменен порядок продажи акций закрытых акционерных обществ.

По мнению П. Смыковской, поскольку указанные изменения приводили Закон «О хозяйственных обществах» в соответствие с существующими нормативными правовыми актами, они не повлияли на деятельность хозяйственных обществ после вступления в силу Закона № 168-З, так как данные нормы уже применялись. Одни изменения носят технический характер, другие детализируют уже действующие нормы законодательства [4, с. 3].

Законом № 168-З внесен также ряд изменений, которые не предусматривались ранее действующим законодательством:

– усовершенствовано определение хозяйственного общества. Теперь под хозяйственным обществом понимается коммерческая организация, уставный фонд которой разделен на доли (акции) ее участников;

– внесены изменения в регулирование порядка совершения крупных и взаимосвязанных сделок хозяйственным обществом;

– статья 12 Закона «О хозяйственных обществах» дополнена нормой, в соответствии с которой учредительное собрание хозяйственного общества проводится в очной форме, предусматривающей совместное присутствие

учредителей хозяйственного общества. Особую важность данное положение имеет для иностранных учредителей;

– лицам, уполномоченным созывать внеочередное общее собрание, предоставляется право созыва очередного общего собрания участников хозяйственного общества, если уполномоченным органом хозяйственного общества в установленном порядке не созывается годовое общее собрание участников хозяйственного общества. Введение данной нормы поможет урегулировать некоторые возникающие в настоящий момент сложности в управлении обществом. Например, в ситуации конфликта между руководителем хозяйственного общества (как правило, именно единоличный исполнительный орган наделен полномочиями по созыву общих собраний участников) и его участниками руководитель может намеренно не созывать годовые собрания участников, лишая тем самым участников общества возможности ознакомиться с содержанием бухгалтерских отчетов общества до их подачи в налоговые органы, а также затрудняя принятие неблагоприятных для руководителя решений [4, с. 19].

Согласно изменениям и дополнениям, внесенным в 2015 году, общество с ограниченной ответственностью может создать один учредитель. В литературе встал вопрос об упразднении унитарных предприятий частной формы собственности.

Изменения, вступившие в силу в конце апреля 2021 года, предусматривали ряд нововведений, которые были направлены на создание новых форм инвестирования хозяйственных обществ, снятие ограничений, направленных на защиту корпоративных отношений, прав и интересов участников хозяйственных обществ: уточнены вопросы слияния хозяйственных обществ, присоединения к хозяйственному обществу, реорганизации в форме разделения и выделения; введена возможность зачета денежных требований участников и кредиторов к хозяйственному обществу при внесении дополнительных вкладов в уставный фонд по решению общего собрания участников общества, принятому всеми участниками единогласно; расширен круг аффилированных лиц; упразднено преимущественное право акционеров ЗАО и право ЗАО приобрести акции, продаваемые другими акционерами, если реализация данного права не предусмотрена уставом ЗАО. Предусмотрен переход акций ЗАО к наследникам акционеров без согласия самого ЗАО и др.

Исходя из приведенных выше положений, можно с уверенностью сказать, что законодательство о хозяйственных обществах в Республике Беларусь постоянно развивается. При этом белорусский законодатель во многом берет пример с законодательства других стран о хозяйственных обществах, в особенности с законодательства Российской Федерации. В целом нормы российского законодательства о хозяйственных обществах содержат сходные положения с нормами белорусского законодательства. Однако в них присутствуют и некоторые более прогрессивные положения – например, нормы о возможности заключения акционерных соглашений.

Нормы об акционерном соглашении существуют не только в России, но и во многих других развитых странах мира. Из-за отсутствия в законодательстве Республики Беларусь такого важного средства формализации взаимоотношений между участниками общества, как акционерное соглашение, наше государство теряет в налоговых поступлениях (поскольку многие сделки и расчеты проводятся за рубежом с участием иностранных юридических и бизнес-консультантов) и в инвестиционной привлекательности [5, с. 103]. Поэтому, на наш взгляд, следовало бы предусмотреть возможность заключения акционерных соглашений и в белорусском законодательстве.

Аналогом акционерных соглашений для обществ с ограниченной ответственностью в российском законодательстве с 2009 года является договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью. Данный договор не является обязательным и заключается по желанию участников общества. Он не является учредительным документом, поскольку может быть заключен только после государственной регистрации общества. Договор об осуществлении прав участников общества носит неимущественный, организационный и конфиденциальный характер [6, с. 71]. Полагаем, что было бы целесообразно включить нормы о возможности заключения договора об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью и в белорусское законодательство.

В других странах, особенно англо-саксонской правовой семьи, положения о хозяйственных обществах существенно отличаются от норм, существующих на постсоветском пространстве. Так, в Великобритании выделяются три группы компаний в зависимости от характера ответственности их участников по долгам (компания с ответственностью,

ограниченной суммой, подлежащей уплате за акции; компания с ответственностью, ограниченной гарантированной суммой; компания с неограниченной ответственностью). Кроме того, все компании в Соединенном Королевстве делятся на частные и публичные. Акт о компаниях 2006 года устанавливает два принципиальных отличия между данными организациями: частная компания не вправе предлагать свои ценные бумаги широкой публике; требования к капиталу частных компаний отсутствуют [7, с. 71]. Любая компания может быть создана одним лицом (физическим или юридическим), максимальное количество участников не ограничено. Данное положение существенно упрощает процесс создания юридических лиц. Следует отметить, что в Российской Федерации для создания хозяйственного общества также достаточно одного участника.

В законодательстве некоторых стран (например, Франции, ФРГ) предусмотрена возможность создания так называемой акционерной командиты. Суть акционерной командиты (так, как она сложилась во Франции) заключается в том, что данное товарищество имеет два вида участников. С одной стороны, полные товарищи-коммерсанты, которые несут полную имущественную ответственность по обязательствам товарищества, с другой – акционеры, которых не может быть менее трех. Таким образом товарищество как бы заставляет «созительствовать» внутри одного и того же юридического лица полных товарищей и акционеров [8, с. 285]. Основным достоинством такой организационно-правовой формы является стабильность управления.

Не раз были озвучены предложения по внедрению такой организационно-правовой формы в законодательство как Республики Беларусь, так и Российской Федерации. При обсуждении проекта нынешнего ГК Республики Беларусь предлагалось закрепить акционерную командиту – «товарищество, в котором наряду с одним или несколькими участниками, несущими ответственность всем своим имуществом (полными участниками), имеется несколько участников (командитных акционеров), которые отвечают по обязательствам товарищества в пределах стоимости принадлежащих им акций» [2, с. 18]. Однако подобное положение не нашло достаточной поддержки. Тем не менее, Модельный Гражданский кодекс государств участников СНГ (ст. 105, 106) урегулировал данную организационно-правовую форму юридического лица.

Подводя итог изложенному, можно заметить, что законодательство Республики Беларусь о хозяйственных обществах имеет длительную историю развития. Оно отражает потребности своего времени и модифицируется в зависимости от развития других нормативных правовых актов. Принимаемые изменения способствуют наиболее правильному регулированию деятельности хозяйственных обществ, устраняют пробелы и проблемы, возникающие на практике. Кроме того, белорусский законодатель анализирует и учитывает практику других государств в регулировании данного вопроса.

Список использованных источников:

1. Могилевский, С. Д. Общества с ограниченной ответственностью : учеб.-практ. пособие / С. Д. Могилевский. – Изд. 2-е. – М. : Дело. – 2000. – 512 с.
2. Русак, Л. Г. Правовое Регулирование создания и деятельности хозяйственных обществ в Республики Беларусь / Л. Г. Русак. – Минск : ООО «Технология», 1994. – 158 с.
3. Советский энциклопедический словарь / Главный редактор А. М. Прохоров; редкол.: А. А. Гусев и др. – Изд. 4-е. – М. : Сов. Энциклопедия, 1987. – 1600 с.
4. Смыковская, П. Изменения в Законе об обществах: на что обратить внимание / П. Смыковская // «Библиотечка журнала «Юрист». Право и бизнес». – 2011. - № 1. – С. 3–10.
5. Галич, В. Новый закон – новые проблемы / В. Галич // «Библиотечка журнала «Юрист». Право и бизнес». – 2011. – № 1. – С. 103 – 109.
6. Архипченко, Е. Договор об осуществлении прав участников ООО / Е. Архипченко // Хозяйство и право. – 2010. – № 3. – С. 71-77.
7. Шевченко, А. П. Организационно-правовые формы объединения капиталов в праве зарубежных государств / А. П. Шевченко // Промышленно-торговое право. – 2009. – № 2. – С. 69–72.
8. Функ, Я. И. Курс бизнес-права: гражданско-правовые основы организации предпринимательской деятельности : учеб. пособие : в 3 кн. / Я. И. Функ. – Минск : Амалфея, 2005. – кн. 1. – 544 с.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В. Г. Жамойта

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
vlad2094v43@gmail.com*

О. М. Куницкая

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
volhakun@mail.ru*

В данной научной статье рассматриваются правовые основы осуществления внешнеторговой деятельности в Республике Беларусь, предлагаются пути их совершенствования.

Ключевые слова: внешнеторговая деятельность; национальная экономика; таможенное регулирование.

В пункте 1.3 статьи 1 Закона Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. № 347-З «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» (далее – Закон) закреплено понятие внешнеторговой деятельности, которая означает деятельность по осуществлению внешней торговли товарами, и (или) услугами, и (или) объектами интеллектуальной собственности [1].

Внешняя торговля объектами интеллектуальной собственности – это полная или частичная передача исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности резидентом Республики Беларусь нерезиденту Республики Беларусь или нерезидентом Республики Беларусь резиденту Республики Беларусь на основании возмездных сделок. Внешняя торговля товарами – импорт и (или) экспорт товаров. Внешняя торговля услугами – оказание услуг, осуществляемое способами, предусмотренными Законом.

Если мы рассматриваем внешнеторговую деятельность как экспорт товаров, то во многом целью является получение определенной договором суммы за товар, распространение своего товара за рубежом. Если

рассматривать импорт, то целью обычно является получение товара, сырья и т.д. которых в государстве нет, либо есть, но в малых количествах. В случае обмена интеллектуальной собственностью между государствами целью обычно является освоение новых технологий, новых программ и дальнейшее внедрение их в определённую сферу.

Международные нормативные правовые акты играют важную роль в регулировании осуществления внешнеторговой деятельности. К основным международным соглашениям регулирующими внешнеторговую деятельность относятся: Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980 г.) (ратифицирована в Республике Беларусь), Конвенция ООН об исковой давности в международной купле-продаже товаров (Нью-Йорк, 1974 г.) (ратифицирована в Республике Беларусь), Таможенная конвенция о международной перевозке грузов с применением книжки международной дорожной перевозки (Женева, 1975 г.) (не ратифицирована в Республике Беларусь), Конвенция ООН о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ) (Женева, 1956 г.) (ратифицирована в Республике Беларусь) [2]. На наш взгляд, наличие транспортных соглашений, соглашений в области инвестиционного сотрудничества, соглашений, касающихся объектов интеллектуальной собственности и о разрешении соответствующих споров являются основополагающим в области сотрудничества Республики Беларусь с другими государствами по налаживанию внешнеэкономических связей. Данные соглашения позволяют осуществлять деятельность, заключать договоры купли-продажи, содействовать развитию инвестиционного климата, а также разрешать возникающие практические проблемы. Особенностью регулирования в сфере внешнеэкономической деятельности, особенностью общего характера является приоритет международно-правового и публично-правового регулирования [3].

Национальная экономика Республики Беларусь зависит от внешнеэкономических связей, так как по своей структуре и масштабам производства она является экспортно-ориентированной, поскольку внутренний рынок не в состоянии потребить всю производимую в стране продукцию, поэтому внешняя торговля является важнейшим фактором социально-экономического развития страны [2, с.214—215].

Для осуществления внешнеторговой деятельности в Республике Беларусь принимаются нормативные правовые акты, регламентирующие ведение данной деятельности: Закон Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З «Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь», Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. № 347-З «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», Указ Президента Республики Беларусь от 5 апреля 2016 г. № 124 «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», Закон Республики Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании».

Законодательство Республики Беларусь содействует развитию внешнеторговой деятельности через таможенное регулирование (тарифное и нетарифное). В законе Республики Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании» Республики Беларусь, а также в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г. (ратифицирован в Республике Беларусь 25 октября 2017 г.) закрепляются основные положения о таможенном регулировании. Тарифное регулирование позволяет государству устанавливать пошлины на товары, которые ввозятся из других стран. Нетарифное регулирование позволяет государству контролировать количество и виды ввозимых товаров. Эти методы позволяют государству получать доход от ввозимых товаров, а также контролировать их, в том числе с целью обеспечения национальной экономической безопасности.

На наш взгляд, для повышения уровня внешнеторговой деятельности следует открывать новые рынки сбыта товаров и услуг, осуществлять импортозамещение иностранных товаров, товарами собственного производства, привлекать иностранные инвестиции, содействовать развитию бизнеса. Открытие новых экспортных рынков позволяет расширить экономический потенциал страны, повышает приток денежных средств в государство. От этого напрямую зависит уровень развития экономики в государстве. Чем больше будет налажено экономических связей с иностранными государствами, тем больше отечественного товара мы сможем продать, а значит и получить денежные средства, которые в дальнейшем можем использовать на расходы государства, а также на развитие высокотехнологичного производства. Следует учитывать, что экспорт важен не только как источник дохода, но и как средство для финансирования

импорта новой технологии, необходимой для экономического роста, повышения уровня жизни и укрепления конкурентоспособности на мировом рынке [1]. Очень важно осуществлять импортозамещение товаров и услуг. Это связано с тем, что государство тратит свои средства для покупки товаров и услуг. Если мы будем перенимать новые технологии производства товаров, исследовать их, то таким образом мы сможем производить товары сами и не нуждаться в импорте. Однако, полностью исключить импорт не удастся. Есть те товары, которые государство произвести не сможет ввиду отсутствия сырья, которое оно вынуждено закупать у других стран.

Толочко О. Н. писала, что «характер, направленность и эффективность внешнеэкономических связей государства и внешнеэкономической деятельности субъектов хозяйствования во многом зависят от внешнеторговой политики» [5, с.6].

Законодательство Республики Беларусь содержит в себе планы содействия развитию внешнеэкономической деятельности. Примером может быть постановление Совета Министров от 7 сентября 2023 г. № 585 «О повышении эффективности внешнеэкономической деятельности». В целях создания благоприятных условий для осуществления внешнеэкономической деятельности создано открытое акционерное общество «Агентство внешнеэкономической деятельности» (далее – Агентство), которое является специализированным институтом, осуществляющим поддержку внешнеэкономической деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, зарегистрированных в Республике Беларусь (далее – участники ВЭД), в соответствии с актами законодательства и уставом Агентства.

Постановление Совета Министров от 7 сентября 2023 г. № 585 «О повышении эффективности внешнеэкономической деятельности» было разработано на основе программы социально-экономического развития, а также развития промышленного комплекса Республики Беларусь, концепции национальной безопасности (программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2023 года; программа социально-экономического развития Республики Беларусь; концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь»). Согласно п. 38 данной

Концепции в экономической сфере основными внешними источниками угроз национальной безопасности являются: ухудшение условий внешней торговли, привлечения кредитных и инвестиционных ресурсов вследствие неблагоприятной конъюнктуры мировых рынков; принятие зарубежными государствами протекционистских мер, установление барьеров и дискриминационных условий осуществления экспортно-импортных операций; развитие транзитных коридоров, систем транспортировки энергоресурсов, альтернативных имеющимся в Республике Беларусь, целенаправленное ограничение транзитных возможностей Республики Беларусь; дискриминация Республики Беларусь в рамках международных союзов и образований [4].

Стоит отметить важность принятия Договора о ЕАЭС от 29.05.2014 г. (1 января 2015 года вступил в законную силу в Республике Беларусь). В нём закрепляются основные положения, в рамках которых обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики [5]. Однако в данном договоре существуют определённые проблемы: в Союзе государств не предусмотрены нормы, которые закрепляли бы желание глав государств-членов улучшать взаимодействие по определённым направлениям, у комиссии ЕАЭС нет достаточных полномочий в сфере правового регулирования.

Таким образом, осуществление внешнеторговой деятельности является важным элементом экономической политики государств и играет значительную роль в развитии национальной экономики. Внешнеторговая деятельность имеет большое значение для экономического развития государства. Она способствует укреплению его позиций на мировом рынке, повышению благосостояния населения и улучшению качества жизни, поэтому ее развитию следует уделять большое внимание. Для содействия внешнеэкономической деятельности предлагаем уделять большое внимание развитию национального законодательства в области экспорта и импорта товаров, в частности укрепления экспортного потенциала, освоения и внедрения высоких технологий в экономику, устранения негативного влияния принятия зарубежными государствами протекционистских мер, установления барьеров и дискриминационных условий осуществления экспортно-импортных операций. Законодательство ЕАЭС в области внешнеторговой

деятельности требует сближения по вопросам сотрудничества государств и регламентации определённых аспектов, а именно: создание норм, регламентирующих улучшение взаимодействия между главами государств-членов по определённым направлениям (например, норм по согласованию беспрепятственного перемещения товаров между государствами участниками), а также норм о закреплении полномочий в определённой сфере (например, в сфере товарного регулирования).

Список использованных источников:

1. Беларусь в современном мире : материалы XIV Междунар. науч. конференции, посвященной 94-летию образования БГУ, Минск, 29 окт. 2015 г. / БГУ, Фак. междунар. отношений [и др.] ; редкол.: В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – 351 с.– Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/148581>. – Дата доступа: 12.10.2023.

2. Беларусь и мировые экономические процессы : сб. науч. ст. Вып. 9 / редкол. : А. В. Данильченко (пред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – 178 с.– Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91870>. – Дата доступа: 12.10.2023.

3. Гусейнова, А. А. Международно-правовое регулирование внешнеэкономической деятельности [Электронный ресурс] / А. А. Гусейнова, Ю. А. Ткачева // Молодой ученый. – 2014. – № 21.2 (80.2). – С. 20-23. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/80/14405/>. – Дата доступа: 12.10.2023.

4. Кудрявец, Ю. Н. Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности : учеб.-метод. пособие для студ. учреждений высш. образования, обуч. по спец. 1-24 01 01 «Междунар. право» / Ю. Н. Кудрявец ; БГУ. – Минск : БГУ, 2015. – 203 с. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/151435>. – Дата доступа: 12.10.2023.

5. Маслов, Д. Г. Государственное регулирование внешней торговли в условиях таможенного союза (Россия, Белоруссия и Казахстан) : учеб. пособие для студ., обуч. По напр. «Экономика» / Д. Г. Маслов, В. Ю. Елисеева, А. Е. Дуплин. – Санкт-Петербург : Интермедия, 2015. – 265 с.

6. Нечай А. Внешнеторговая политика развивающихся стран: от импортозамещения к экспортоориентированной модели / А. Нечай // Журн. Междунар. права и междунар. отношений. – 2006. – № 1. – С. 77–81.

7. О Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: Договор от 29.05.2014 : с изм. и доп.: вступил в силу 01.01.2015. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=f01400176> – Дата доступа: 12.10.2023.

8. Республика Беларусь. Законы. О государственном регулировании внешнеторговой деятельности [Электронный ресурс]: Закон, 25 нояб.2004 г., № 347-З: с изм. и доп. от 12 июля 2023 г. № 280-З. – Режим доступа : https://etalonline.by/document/?regnum=h10400347&q_id=9062059. – Дата доступа: 12.10.2023.

9. Республика Беларусь. Законы. О таможенном регулировании в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 10.01.2014, № 129-З: Принят Палатой представителей 16.12.2013 : Одобрен Советом Республики 19.12.2013. – Режим доступа: [https://etalonline .by/document/](https://etalonline.by/document/). – Дата доступа: 12.10.2023.

10. Республика Беларусь. Законы. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь Указ Президента Республики Беларусь, 09.11.2010, № 575. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=p31000575&q_id=9061816 – Дата доступа: 12.10.2023.

11. Толочко, О. Н. Государственное регулирование внешнеэкономической деятельности : пособие по одноименному спецкурсу для студ. спец.: 1-24 01 02 – Правоведение; 1-24 01 03 - Экономическое право / О. Н. Толочко ; М-во образования Респ. Беларусь, УО «Гродненский гос. ун-т им. Я. Купалы». – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2009. – 144 с.

БАНКОСТРАХОВАНИЕ В РФ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Д. А. Жмулина

СПбГУ, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

В статье анализируются действующее законодательство, регламентирующее банкострахование. Целью исследования является оценка достаточности и эффективности существующего правового регулирования

для регламентации отношений по банкострахованию. В ходе исследования выявлен ряд существенных нарушений прав потребителей при осуществлении банкострахования. Сделан вывод, что подобная ситуация является следствием злоупотреблений в ходе осуществления банками посреднической деятельности в сфере страхования, и недостаточного специального правового регулирования в данной сфере. Обосновывается необходимость принять изменения в Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», регулирующие деятельность банков в качестве страховых агентов.

Ключевые слова: банкострахование, страхование предмета залога, страхование жизни и здоровья заемщика, накопительное страхование жизни, инвестиционное страхование жизни

Банкострахование – это современный экономический термин, обозначающий способ организации продаж страховых продуктов на территории банка или с использованием торговой сети банка и предполагающий возможность потенциальному клиенту заключить договор страхования без обращения в страховую организацию [1, с. 14]. Банк в такой ситуации выступает в качестве посредника.

Страховые организации при осуществлении своей деятельности довольно часто прибегают к услугам посредников. Это характерно для страховой сферы. Правовой статус таких посредников закреплен в ст. 8 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации». По правилам указанной статьи специализированные посредники могут в интересах страховых организаций осуществлять разнообразную деятельность. Это может быть оказание услуг по подбору страхователя, условий страхования, оформление, заключение и сопровождение договора страхования, внесение в него изменений, оформление документов при урегулировании требований о страховой выплате, осуществление консультационной деятельности и т.п. Специализированные посредники – это страховые брокеры и страховой агент. Страховые брокеры – это коммерческие организации или индивидуальные предприниматели, получившие лицензию на осуществление разновидности страховой деятельности – оказание услуг страхового брокера. Деятельность страховых агентов не лицензируется. Они действуют

на основании гражданско-правового договора от имени и за счет страховой организации в соответствии с предоставленными им полномочиями. В качестве страхового агента может выступать любое физическое и юридическое лицо.

Статья 5 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее – Закон о банках) прямо запрещает банкам заниматься страховой деятельностью, однако, посредничество в этой сфере не запрещено. Таким образом, банки вправе выступать в качестве страховых агентов и от имени и за счет страховых организаций, в том числе, заключать договоры страхования.

В России банкострахование развивается стремительными темпами [2, с. 180]. В настоящее время банками предлагаются своим клиентам следующие виды страхования:

– страхование имущества (страхование предмета залога). В ряде случаев страхование имущества является обязательным. Так, ст. 343 ГК РФ устанавливает, что залогодатель обязан за свой счет застраховать заложенное имущество от рисков утраты и повреждения на сумму не ниже размера обеспеченного залогом требования, если иное не предусмотрено законом или договором. Аналогичное правило содержится в п. 1, 2 ст. 31 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (далее – Закон об ипотеке), п. 10 ст. 7 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (далее – Закон о потребительском кредите). В случаях, когда клиент заключает с банком кредитный договор, банк предлагает услуги по страхованию предмета залога;

– страхование ответственности заемщика. Такой вид страхования не является обязательным. Однако, в силу п. 4 ст. 31 Закона об ипотеке, заемщик – физическое лицо, являющееся должником по обеспеченному ипотекой обязательству, вправе застраховать риск своей ответственности перед кредитором за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства по возврату основной суммы долга и по уплате процентов за пользование кредитом (заемными средствами) (страхование ответственности заемщика). Банки предлагают услуги по страхованию ответственности заемщика;

– страхование жизни и здоровья заемщика, финансовых рисков заемщика. Согласно п. 10 ст. 7 Закона о потребительском кредите, при

заключении договора потребительского кредита (займа) банк в целях обеспечения исполнения обязательств по договору вправе потребовать от заемщика застраховать страховой интерес заемщика. Заемщик вправе отказаться от страхования, однако, в таком случае он не вправе претендовать на льготные условия по кредиту (займу), например, пониженную процентную ставку. Как правило, заемщик имеют намерение сохранить льготные условия по кредиту (займу), а банки предоставляют услуги по страхованию жизни и здоровья заемщика, а также иных страховых интересов (риска утраты работы и т.п.);

– накопительное и инвестиционное страхование жизни. При накопительном страховании страхователь на протяжении всего срока действия договора страхования выплачивает страховой организации определенные договором суммы, образно говоря, «осуществляет накопления». Страховая организация производит страховую выплату, даже если страховой случай не наступил, по окончании срока действия договора. Если страховой случай наступил, выплата производится в определенном договором размере вне зависимости от размера реально «накопленной» страхователем суммы. При рисковом страховании страховая выплата производится, только если страховой случай наступил. К накопительному страхованию относится страхование жизни. Различают простое, собственно, накопительное, страхование жизни, и инвестиционное страхование жизни. В последнем случае страховая организация инвестирует часть полученных от страхователя сумм, и помимо «накопленной» суммы, страхователь также получает часть инвестиционного дохода страховой организации. Такие виды страхования довольно сильно схожи с банковским вкладом, поэтому банки, как правило, предлагают подобные услуги клиентам, имеющим намерение открыть банковский вклад.

Следует отметить, что в ходе осуществления деятельности страхового агента страховой организации, предлагая те или иные страховые услуги физическим лицам – потребителям, банки зачастую действуют не вполне добросовестно, и нарушают права потребителей, предусмотренные Законом РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». Среди подобных нарушений можно выделить следующие:

- навязывание услуг по страхованию;
- отказ предлагать альтернативные условия по договору кредита

(займа) в случае отказа клиента от заключения договора страхования;

– существенное завышение стоимости услуг по страхованию (в дальнейшем часть стоимостной разницы между среднерыночной ценой страховых услуг и ценой из договора страхования с конкретным клиентом выплачивается банку как его агентское вознаграждение);

– мисселинг (недобросовестная практика продаж, при которой информация об услуге преднамеренно искажается, вследствие чего клиент вводится в заблуждение относительно необходимости ее приобретения).

Следствием означенных нарушений является дискредитация страхования как эффективного механизма защиты интересов заемщиков и иных категорий граждан, клиентов банков, нивелирование обеспечительной функции страхования.

В качестве инструмента решения вышеуказанных проблем может выступать законодательно закрепленный механизм, ограничивающий банки в посредничестве при осуществлении страхования.

Список использованных источников:

1. Бабенко, И. В., Бабенко, А. И. Банкострахование как финансовая категория: оценка российского рынка банкостраховых услуг / И. В. Бабенко, А. И. Бабенко // Финансы и кредит. – 2016. – № 4 (676). – С. 11–25.

2. Мазаева, М. В. Современные тенденции рынка банкострахования в России: новые вызовы / М. В. Мазаева, Е. Н. Иванова, Ю. С. Кудельская // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2016. – Т. 2. – № 1. – С. 179–189.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ: ВОПРОСЫ И ТЕНДЕНЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ

М. С. Исаенко

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь,
isayenka@gmail.com*

Географические указания являются средством индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг, которое наряду с товарными знаками может эффективно продвигать продукцию отечественных производителей, в первую очередь агропромышленного сектора, однако ввиду ряда причин не получившее должного распространения. Поэтому анализ действующего законодательства и поиск новых возможностей для правовой охраны и использования географических указаний представляется нам весьма актуальным.

Ключевые слова: гражданское право; интеллектуальная собственность; средство индивидуализации; географическое указание; наименование места происхождения товаров.

В современном мире все большее внимание уделяется покупателями не только качеству товаров, но и их происхождению. Этот фактор становится одним из ключевых при выборе продукции, особенно в сфере потребительского спроса. Однако, именно в этой области наблюдаются проблемы, связанные с использованием некорректных географических указаний. Разные страны имеют разные традиции, ожидания и законы относительно использования географических указаний. Это часто создает сложности для производителей, особенно для тех, кто работает на мировом рынке. Анализ действующего законодательства и поиск новых возможностей для правовой охраны и использования географических указаний представляется нам весьма актуальным.

Законодательство Республики Беларусь предусматривает правовую охрану географических указаний. Гражданский кодекс Республики Беларусь относит географическое указание к средствам индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг (гл. 67 Гражданского кодекса

Республики Беларусь). Специальным законом в данной сфере является Закон Республики Беларусь «О географических указаниях» (далее – Закон) 2002 года, действующий в редакции 2019 года. За время действия Закон претерпел существенные изменения, основным из которых является трансформация структуры охраняемых объектов. Прежняя редакция Закона включала в себя два объекта правовой охраны: наименование места происхождения товара (далее – НМПТ) и указание происхождения товара.

НМПТ определялось как обозначение, представляющее собой либо содержащее современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное наименование географического объекта, а также обозначение, производное от такого наименования и ставшее известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого исключительно или главным образом определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами.

Указание происхождения товара определялось как обозначение, прямо или косвенно указывающее на место действительного происхождения или изготовления товара.

Термин же «географическое указание» являлся родовым по отношению к вышеуказанным и определялся как обозначение, которое идентифицирует товар как происходящий с территории страны либо из региона или местности на этой территории, где определенные качество, репутация или другие характеристики товара в значительной степени связываются с его географическим происхождением.

Противоречие термина «указание происхождения товара» родовому термину «географическое указание» в части обязательной связи географического происхождения товара с определенным качеством, репутацией или другими характеристиками товара критиковалось цивилистами. В частности С. С. Лосев обращал на это противоречие внимание, кроме того, им ставилась под сомнение природа субъективного права, которое возникает у лица в отношении используемого им указания происхождения товара при отсутствии государственной регистрации [1; с. 176].

Действующая в настоящее время редакция Закона содержит понятия: географическое указание и НМПТ.

Термин «географическое указание» определяется как обозначение, которое идентифицирует товар как происходящий с территории определенного географического объекта, если качество, репутация или иные характеристики товара в значительной степени обусловлены его географическим происхождением.

НМПТ определяется как обозначение, представляющее собой либо содержащее современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное наименование географического объекта, а также обозначение, производное от такого наименования и ставшее известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого исключительно или главным образом определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами.

В соответствии с Законом географическое указание включает с себя НМПТ, т.е. является более общим термином. На языке логики это можно представить так: любое НМПТ является географическим указанием, но не любое географическое указание является НМПТ. Однако, термин НМПТ встречается в Законе лишь в первой статье «Определение географического указания» и далее весь Закон посвящен правовому регулированию регистрации и использования географического указания. Положение «О порядке предоставления права пользования географическим указанием», утвержденное Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 07.08.2020 № 468, тоже не упоминает НМПТ.

Таким образом, при отсутствии отдельной процедуры регистрации и особенностей использования и защиты НМПТ, наличие этого термина в Законе представляется нецелесообразным.

С другой стороны, Республика Беларусь является частью мирового рынка, законодательство в этой сфере, на наш взгляд должно быть максимально унифицированным, в этой связи полагаем необходимым исследовать международные договоры в этой сфере. Понятие НМПТ широко используется в зарубежных законодательствах и международных соглашениях. Так Женевский акт Лиссабонского соглашения о наименованиях мест происхождения и географических указаниях от 20 мая 2015 года (далее Женевский акт) использует оба понятия. Анализируя определения «географическое указание» и «наименование места

происхождения», закрепленные во второй статье Женевского акта [2], основная разница между этими двумя понятиями заключается в том, что в случае наименования места происхождения связь с местом происхождения должна быть более прочной (в этом месте должно быть добыто или произведено сырье и там же должна осуществляться его переработка) и должны быть доказаны особые свойства полученного в итоге продукта. В случае географического указания достаточно только одного признака связи с географическим происхождением, это может быть качественное или иное свойство продукта или его репутация. В соответствии с Женевским актом правовой охране подлежат и «географическое указание» и «наименование места происхождения».

Такой подход к разделению понятий, на наш взгляд, является уместным, потому что дает больше правовых инструментов производителям в первую очередь сельскохозяйственных регионов для коммерциализации накопленной репутации. Возможность использовать защищенное географическое указание безотносительно доказывания специфических свойств товара, тесно связанных с местом производства, а основываясь на репутации производителей, стабильно высоком качестве продукции, может способствовать росту занятости и благосостояния в соответствующем регионе, например, за счет развития перерабатывающей отрасли, общественного питания, туризма [3; с. 19].

Кроме Лиссабонского соглашения 1958 г. об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации и Женевского акта Лиссабонского соглашения 2015 г. к системе международных соглашений, включающих охрану географических указаний и наименований мест происхождения товаров также относятся Мадридское соглашение 1891 г. о пресечении ложных или вводящих в заблуждение указаний источника на товарах и Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС). Республика Беларусь участницей этих соглашений не является, но в соответствии со Стратегией Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24.11.2021 № 672, будет рассмотрен вопрос о присоединении Республики Беларусь к Женевскому акту Лиссабонского соглашения о наименованиях

мест происхождения и географических указаниях от 20 мая 2015 года и другим международным договорам.

За более чем 20 лет действия Закона в Республике Беларусь были зарегистрированы лишь три отечественные наименования мест происхождения товаров. Присоединение к Женевскому акту сможет придать новый импульс к более широкому использованию отечественных географических указаний и их успешной коммерциализации.

Список использованных источников:

1. Лосев, С. С. Актуальные проблемы развития институтов права интеллектуальной собственности в Республике Беларусь: монография / С. С. Лосев. – Минск : Колорград, 2018. – 254 с.

2. Женевский акт Лиссабонского соглашения о наименованиях мест происхождения и географических указаниях от 20 мая 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/376542> – Дата доступа: 15.10.2023.

3. Географические указания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo-pub-952-2021-ru-geographical-indications-an-introduction-2nd-edition.pdf> – Дата доступа: 13.10.2023.

К ВОПРОСУ ОБ АНТИМОНОПОЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

О. С. Кадыш

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
0810oli.in@gmail.com*

В статье рассмотрена роль антимонопольного регулирования в Республике Беларусь. Антимонопольное законодательство устанавливает организационные и правовые основы антимонопольного регулирования и направлено на обеспечения конкуренции, а также создание для этого благоприятных условий, оно нацелено на противодействие монополистической деятельности. Также отдельное внимание уделяется

мегарегулятору, содействующему и контролирующему антимонопольное регулирование.

Отдельное внимание акцентируется на том, что ключевая задача антимонопольной политики заключается в обеспечении национальной безопасности, одним из направлений которого выступает обеспечение законного осуществления деятельности организаций на внешнем и внутреннем рынке.

Ключевые слова: антимонопольное регулирование; конкуренция; рыночная экономика, национальная экономическая безопасность.

Директивой Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» закреплена принципиальная основа развития предпринимательской инициативы и стимулирования деловой активности. Так, принцип, лежащий в основе развития конкуренции, закреплён следующим образом: «Конкуренция – везде, где возможно, государственное регулирование – там, где необходимо». Развитие конкуренции представляет собой одно из важнейших направлений антимонопольной политики, ведь способствует не только развитию рыночных отношений, но и экономики в целом.

Для функционирования рыночной экономики развитие конкуренции выступает в качестве необходимого условия, что обусловлено наличием множества хозяйствующих субъектов, каждый из которых обладает экономической свободой и обособленностью, стремится достичь экономический эффект (в соответствии с Положением о коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 4 февраля 2013 г. № 59 экономический эффект – это экономическая выгода от реализации результатов научно-технической деятельности или товаров (работ, услуг), создаваемых (выполняемых, оказываемых) с применением данных результатов, выраженная в денежной или натуральной форме).

Рыночная экономика, функционирующая на базовых принципах свободных отношений субъектов рынка, несет в себе возможность неограниченного вхождения на рынок новых хозяйствующих субъектов, но

на современном этапе реализация данного условия – одного из определяющих факторов рыночной экономики – имеет определенные трудности. В мировом масштабе одной из наиболее острых проблем экономики является монополизация рынка, имеющая стойкий «иммунитет» к большому числу инструментов, которая автоматически влечет за собой весомый ряд серьезных проблем, в совокупности своей создающих существенные преграды для развития экономики как конкретной страны, так и всего мира в частности. Монополии «формируют» рост цен, сокращение производства и уровня качества товаров и т.п. [5, с. 6], что нарушает баланс публичного и частного интереса и, как следствие, негативно влияет на национальную экономическую безопасность.

Однако стоит ограничивать от такой характеристики публичную монополию. Она является легальной и не предполагает наличия признаков осуществления монополистической деятельности (обладающей нелегальной природой и являющейся объектом государственно-правового воздействия в рамках антимонопольного регулирования). В отличие от нелегальной монополии, публичная монополия объектом антимонопольного регулирования является лишь в исключительных случаях (например, естественная монополия). При этом суть публичной монополии состоит не в доминировании на товарных рынках, а в наличии закрепленных за субъектом общественных отношений исключительных прав на определенные функции, объекты владения и виды деятельности. Одним из основных критериев публичной монополии, является не субъектный состав, а выполняемая ею функция – реализация и защита публичного интереса и поддержание баланса публичного и частного интереса [4].

Остановим свое внимание именно на антимонопольном регулировании как неотъемлемом элементе обеспечения национальной экономической безопасности. Одним из основных национальных интересов в экономической сфере является экономический рост и повышение конкурентоспособности белорусской экономики, а также её независимость [2]. Иногда монополизацию рынка приписывают к видам «государственного интереса». Однако в данном случае необходимо отметить, что государственная монополия не является классической монополистической деятельностью, а представляет собой вынужденную необходимость [3]. В соответствии со ст. 3 Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г.

№ 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон о противодействии монополистической деятельности) государственная монополия представляет собой систему общественных отношений, при которой исключительное право на осуществление отдельных видов деятельности, в том числе предпринимательской, имеет государство в лице отдельных государственных органов или хозяйствующих субъектов, специально уполномоченных законодательными актами. В свою очередь, наличие института государственной монополии обусловлено содержанием Закона Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. № 169-З «Об объектах, находящихся только в собственности государства и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государство». Соответственно, государственная монополия не является монополистической деятельностью, а представляет собой отдельный институт антимонопольного права, необходимый именно для обеспечения баланса публичного и частного интереса и, соответственно, обеспечения национальной экономической безопасности.

Ввиду необходимости противодействия монополистической деятельности и обеспечения национальной экономической безопасности разработана система нормативных правовых актов, направленных на развитие конкуренции и недопущение осуществления монополистической деятельности. Так, в Республике Беларусь основным нормативным правовым актом, регламентирующим конкурентные отношения, является упомянутый ранее Закон о противодействии монополистической деятельности. Однако ввиду сложности рассматриваемых отношений, антимонопольное регулирование базируется не только на названном нормативном правовом акте, но и, например, на нормах, содержащихся в Законе Республики Беларусь от 16 декабря 2002 № 162-З «О естественных монополиях», Законе Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-ХІІ «О хозяйственных обществах», Законе Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. № 148-З «О поддержке малого и среднего предпринимательства», Законе Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 231-З «О рынке ценных бумаг», Законе Республики Беларусь от 5 января 2009 г. № 10-З «О товарных биржах», Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З

«Об инвестициях», Законе Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» и др.

Рассматривая антимонопольное регулирование, необходимо обратить внимание и на мегарегулятор, обеспечивающий реализацию антимонопольной политики. Так, первым государственным органом по ограничению, пресечению и предупреждению монополистической деятельности и созданию нормальных условий конкуренции в Республике Беларусь стал образованный в 1992 году Государственный комитет Республики Беларусь по антимонопольной политике, преобразованный со стечением времени в Министерство антимонопольного регулирования и торговли.

Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь является республиканским органом государственного управления и подчиняется Совету Министров Республики Беларусь. В число его основных функций входит контроль над соблюдением антимонопольного законодательства, выявление нарушений антимонопольного законодательства, принятие мер по противодействию монополистической деятельности, недобросовестной конкуренции и иным нарушениям антимонопольного законодательства, а также содействие развитию конкуренции [1].

Подводя итог, можно сказать, что функционирование антимонопольного регулирования обусловлено необходимостью развития конкуренции. Оно обеспечивает единство экономического пространства, свободу экономической деятельности, защиту и развитие конкуренции, создание условий для эффективного функционирования внешних и внутренних товарных рынков. Для достижения целей антимонопольной политики имеется целая система антимонопольного регулирования, направленная на развитие конкуренции и, как следствие, обеспечение национальной экономической безопасности; создана система государственных органов, обеспечивающих непосредственную реализацию антимонопольной политики. С целью обеспечения национальной экономической безопасности функционирует институт публичной монополии, осуществление деятельности в рамках которого не означает осуществление монополистической деятельности.

Список использованных источников:

1. Антимонопольная деятельность [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/about>. – Дата доступа: 29.09.2023.
2. Исаенок, С. Всеу основа: что гаворится в проекте Концепции национальной безопасности об экономической сфере [Электронный ресурс] / С. Исаенок // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2023. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2023/june/74589/>. – Дата доступа: 10.10.2023.
3. Конаневич, Ю. Г. Публичный и частный интерес – правовые категории, определяющие сущность отношений в сфере управления государственной собственностью и правовой статус деятельности / Ю. Г. Конаневич // Актуальные проблемы гражданского права. – 2021. – № 1. – С. 119–136
4. Конаневич, Ю. Г. Публичная хозяйственная деятельность как вид хозяйственной деятельности / Ю. Г. Конаневич // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2023. – № 2 (72) – С. 75–83.
5. Тер-Саакян, А. С. Антимонопольная политика: отечественный и зарубежный опыт / А. С. Тер-Саакян. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т., 2018. – 36 с.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ КОМПЛЕКСЫ⁶

В. С. Каменков

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
v.kamenkov@gmail.com*

В данной научной статье определена система комплексов (систем) государственного регулирования в сфере инвестиций, доказана

⁶ Статья подготовлена основателем научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета.

необходимость включения в Закон об инвестициях норм о системе государственного правового регулирования общественных отношений в сфере инвестиций, о ее структуре и элементах, включая цели правового регулирования.

Ключевые слова: инвестиционная политика; системность в правовом регулировании инвестиций; государственное правовое регулирование.

Инвестиционная политика – система мер регулирования экономической деятельности соответствующих субъектов (государства, региона, юридического лица), направленная на формирование благоприятного инвестиционного климата и повышение эффективности использования инвестиционных ресурсов. Добиться позитивных результатов здесь без системного принципа практически невозможно.

В Республике Беларусь инвестициям и инвестиционной политике всегда придавалось большое значение, начиная с момента и самого факта принятия первого Инвестиционного кодекса [1]. На примере Российской Федерации (страны с богатыми сырьевыми и иными запасами) также «главной целью в подходе государства к экономической сфере деятельности является создание условий для ее успешного развития, где важной частью являются инвестиции, поэтому урегулирование инвестиционных процессов выходит на первый план» [1, с. 10].

В инвестиционной политике важно сохранять постоянную системность в правовом регулировании инвестиций и во всей организации работы с инвестициями. Государственное правовое регулирование – системный процесс целенаправленного воздействия государства на общественные отношения, в данном случае инвестиционные отношения, с помощью комплекса специальных правовых средств, механизмов и методов, направленных на их стабилизацию, упорядочение и совершенствование.

Правовое регулирование общественных отношений – это система целенаправленного воздействия, то без конкретных целей, без достижения этих целей такое регулирование теряет всякий смысл. В законодательстве о правовом регулировании общественных отношений стоит предусмотреть нормы о системе государственного правового регулирования общественных отношений, о ее структуре и элементах, назвав среди других, цели правового регулирования.

Системность государственного регулирования инвестиций, как характерная особенность данного регулирования, предполагает следующую систему комплексов (систем).

Во-первых, комплекс разнообразных и разноотраслевых сфер общественных отношений, в которых возможно использование инвестиций (хозяйственная, предпринимательская, строительная, страховая, биржевая, земельная, налоговая, финансовая и другие). Данная характеристика диктует необходимость, как минимум, поиска компромиссного подхода в регулировании.

Во-вторых, комплекс лиц, имеющих право выступать в качестве инвесторов (международные, иностранные и отечественные юридические лица, граждане, лица без гражданства и иные). Разность в правовом и экономическом статусе этих лиц, одновременное требование о равных условиях и иные обстоятельства требуют поиска неординарных решений в инвестиционном законодательстве.

В-третьих, комплекс объектов осуществления инвестиций (вновь создаваемые и модернизируемые объекты недвижимости, ценные бумаги, научно-техническая продукция, другие объекты собственности, имущественные права и права на интеллектуальную собственность и др.).

В-четвертых, система и комплекс государственных и иных органов, осуществляющих правовое регулирование инвестиционной деятельности. Действующий Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. (далее – Закон об инвестициях) в этой части содержит несколько двусмысленные нормы. При государственном регулировании упоминаются только государственные органы и должностные лица (ст. 7). Например, в Российской Федерации такое регулирование осуществляется и органами местного самоуправления (Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ (ред. от 28 декабря 2022 г.)). Неравенство в статусе и правомочиях перечисленных субъектов в отношении регулирования инвестиционной деятельности предполагают поиск разносторонних методов и форм регулирования данных общественных отношений.

В-пятых, комплекс-система правовых актов, ее регулирующих. Идеальным вариантом единого правового регулирования инвестиционной деятельности может быть инвестиционный кодекс или основы

инвестиционного законодательства. Но такая вероятность воспринимается в настоящее время не всеми позитивно по нескольким причинам, главные из которых – это множественность сфер общественных отношений, где возможны инвестиции, а также неудачный опыт первого Инвестиционного кодекса.

Тем не менее, если не единые, то близкие по смыслу, но гибкие принципы и правила правового регулирования инвестиционной деятельности в одном государстве, и даже в межгосударственных объединениях, должны соблюдаться, поскольку этого требует сама природа инвестиционной деятельности. В противном случае трудно добиться успехов в реализации инвестиционной политики. В этой политике, в том числе с помощью правовых механизмов нужно сочетать и практически применять: принцип свободы осуществления инвестиционной деятельности и принцип баланса (сочетания) интересов государства и инвесторов; принцип стабильности условий осуществления инвестиционной деятельности и принцип признания права государства на экспроприацию и выплаты компенсации при ее проведении и иные.

В Российской Федерации, например, действует несколько федеральных законов, регулирующих инвестиционные отношения: от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации», от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства», от 2 июня 2016 г. № 154-ФЗ «О Российском Фонде Прямых Инвестиций» и др. Насколько эти правовые акты согласуются между собой и отвечают требованию единого подхода в правовом регулировании, необходимо отдельное исследование. Но следует заметить, что все они регулярно обновляются и дополняются.

В-шестых, комплекс мер по защите и стимулированию инвесторов и инвестиций ((регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, лицензирование их деятельности, государственный контроль и надзор, предоставление бюджетных кредитов, средств в уставные фонды организаций, гарантий путем выпуска облигационных займов

и концессий и т.д.). Государство, как сторона инвестиционных отношений, должно взять на себя такую обязанность, и «для обеспечения надлежащих условий инвестиционной деятельности должны быть приняты финансово-правовые меры стимулирования инвестиций, связанные с защитой прав инвесторов» [2, с. 7].

В-седьмых, комплекс мер информационного обеспечения в сфере инвестиций, имеющий как минимум следующие особенности: 1) они должны быть урегулированы правовыми нормами, включая пределы ограничения воли сторон; 2) они могут быть двух видов: общего и конкретного характера; 3) последние частично могут зависеть от воли сторон инвестиционных отношений;

В-восьмых, система гарантий правовой защиты инвесторов и иных лиц в данной сфере, или иначе – система обязанностей государства, принимающего инвестиции, по отношению к инвесторам и иным участникам инвестиционных отношений. В эту же или в самостоятельную группу следует включить и гарантии правовой защиты государства, принимающего инвестиции, от неправовых деяний инвесторов;

В-девятых, комплекс и система источников финансирования инвестиций (государственные, частные, смешанные, собственные и привлеченные средства);

В-десятых, система стимулов, ограничений и запретов в инвестиционной деятельности для инвесторов и иных участников инвестиционных отношений, в том числе приоритетных или запрещенных для инвестиций сфер экономической деятельности;

В-одиннадцатых, система прав и обязанностей инвесторов. В правовых актах, регулирующих инвестиционные отношения, перечень прав инвесторов не должен быть закрытым, а список обязанностей – наоборот, исчерпывающим;

В-двенадцатых, комплекс мер, направленных на обеспечение государственной и общественной безопасности в сфере инвестиций (профилактика и пресечение преступных и противоправных действий в сфере инвестиций, неплатежей, борьба с коррупцией, теневой экономикой, производством и продажей контрафактной продукции).

При этом приведенный перечень систем (комплексов) не является исчерпывающим (например, в законах о банкротстве могут быть

предусмотрены особенности в отношении инвесторов) и каждый из них заслуживает отдельного научного исследования.

В связи с изложенным, является обоснованным отдельное выделение в инвестиционном Законе нормы, посвященной трем целям государственного регулирования инвестиционной деятельности: «...стимулирование деятельности инвесторов, привлечение в республику иностранных инвестиций и защита прав инвесторов на территории Республики Беларусь».

Но в действующем Законе об инвестициях отдельной статьи о целях регулирования инвестиционной деятельности нет. Есть только в преамбуле Закона текст с сокращенным смыслом о целях: «...Закон направлен на привлечение инвестиций в экономику Республики Беларусь, обеспечение гарантий, прав и законных интересов инвесторов, а также их равной защиты».

Трансформация правовых норм прямого действия в преамбульные нормы, не способствует активизации инвесторов. При этом стимулирование инвестиций «ушло» из целей государственного регулирования, что можно воспринимать и как уход такой цели и из государственной инвестиционной политики.

В статье 7 Закона об инвестициях, посвященной осуществлению государственного регулирования в сфере инвестиций речь идет только о перечне государственных органов и должностных лиц, полномочных в данной сфере в соответствии с законодательством. Цели этого регулирования, а также системный подход к регулированию инвестиций здесь не усматриваются (если не учитывать названную здесь систему государственных органов).

Системность в государственном регулировании частично просматривалась в ст. 8 Инвестиционного Кодекса. Она называлась «Формы и методы государственного регулирования инвестиционной деятельности». Хотя в ней речь шла только о двух общих формах (прямое участие государства в инвестиционной деятельности и создание благоприятных условий для развития ее), а также разных путях их реализации.

Правда, следует признать, что в п. 2 части первой указанной нормы назывались не только пути создания благоприятных условий, но и новые формы инвестиционной деятельности в некоторых сферах общественных отношений (земельные, бюджетно-финансовые, налоговые, денежно-кредитные, валютные и иные). На самом деле правовые нормы указанной

статьи содержали попытку создать неисчерпывающий комплекс системных мер государственного регулирования инвестиционной деятельности.

Представляется, что при улучшении законодательства об инвестициях следовало совершенствовать и систему их государственного регулирования. При этом именно кодифицированная форма правового акта является лучшей в данной сфере общественных отношений при множестве областей общественных отношений, которые имеют отношение к инвестициям.

Список использованных источников:

1. Лиликова, О. С. Механизм правового регулирования инвестиционной деятельности в Российской Федерации: проблемы и пути совершенствования / О. С. Лиликова // Юрист. – 2021. – № 10. – С. 9–13.

2. Правкин, С. А. Проблемы реализации инвестиционных проектов в соглашениях, основанных на государственно-частном партнерстве / С. А. Правкин, В. В. Смирнова // Российская юстиция. – №19. – № 4. – С. 6–8.

ПРОБЛЕМАТИКА И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Д. Ю. Канюков

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
stweer1@gmail.com*

Цель исследования – раскрыть особенности и проблематику недобросовестной конкуренции как институту хозяйственного права, внести предложения по усовершенствованию национального законодательства о недобросовестной конкуренции в Республике Беларусь. В результате проделанной работы предложены конкретные законодательные инициативы по улучшению законодательства о недобросовестной конкуренции, предложена структура модельного Закона.

Ключевые слова: хозяйственное право; недобросовестная конкуренция; хозяйственная деятельность.

Для начала стоит сказать, что конкуренция, выступая неотъемлемой частью современной рыночной экономической системы, является наиболее приемлемым средством регулирования не только распределения материальных благ, но и удовлетворения интересов потребителей. Необходимо подчеркнуть, что для обеспечения оптимального функционирования рынка требуется специальное законодательное регулирование отношений, уже существующих в условиях конкуренции.

Усиление торговых связей между странами, присоединение Республики Беларусь к международной торговле будет способствовать активизации конкуренции отечественных производителей как внутри государства, так и далеко за его пределами. К сожалению, помимо легальных способов осуществления конкуренции, данными государствами применяются методы и недобросовестной конкуренции.

В контексте нашего государства можно отметить положительную тенденцию, заключающуюся в предотвращении недобросовестной конкуренции, а также борьбы с ней. На данный момент времени государством уже выработана определенная судебная и правоприменительная практика по борьбе с недобросовестной конкуренцией.

В доктрине хозяйственного права выделено множество детерминант и предпосылок развития недобросовестной конкуренции. К таковым можно отнести: стремительный рост монополизации экономики, дифференциация субъектов предпринимательства на монополии и немонополизированные хозяйствующие субъекты (аутсайдеров), достаточно высокая степень интенсивности конкуренции, активное развитие научно-технического прогресса, появление инноваций и др. Помимо объективных детерминант, также существуют и субъективные факторы распространения недобросовестной конкуренции (использование конкурентами различного рода препятствий и осложнений к доступу на рынок для других конкурентов). Указанные способы побуждают субъектов хозяйствования на применение недобросовестных методов для осуществления хозяйственной деятельности [1, с. 22].

Как было отмечено, Республика Беларусь всячески стремится предпринимать определенные меры, направленные на предотвращение и борьбу с недобросовестной конкуренцией. Наиболее ярким примером

послужили различного рода мероприятия: конференции, симпозиумы, диалоговые площадки, круглые столы и семинары, которые, безусловно, полезны с точки зрения обмена опытом с зарубежными государствами. Так, 27 января 2017 г. прошел семинар «Противодействие недобросовестной конкуренции и контроль за рекламой», инициатором и организатором которого было Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (МАРТ). В семинаре приняло участие 130 представителей государственных органов, органов местного управления, хозяйствующих субъектов, а также представители Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации [2, с. 23].

На мероприятии была подчеркнута актуальность такой формы недобросовестной конкуренции, как недобросовестное приобретение и использование исключительного права на средства индивидуализации юридического лица, товаров, работ, услуг [3, с. 25–26].

Перейдем к непосредственному рассмотрению опыта зарубежных стран относительно предотвращения и борьбы с недобросовестной конкуренцией. Так, существенным недостатком белорусского законодательства, как нам видится, является отсутствие актов, носящий рекомендательный характер. Положительным примером является РФ, в которой было издано Письмо Федеральной антимонопольной службы России (далее – ФАС) от 24 декабря 2015 г. № ИА/74666/15 «О применении "четвертого антимонопольного пакета"», где разъяснено, каким образом проявляется та или иная форма недобросовестной конкуренции. Полагаем, что данный зарубежный опыт можно оценить скорее положительно и рекомендовать белорусскому законодателю проанализировать возможность его применения в Республике Беларусь.

Поскольку вопрос правового регулирования недобросовестной конкуренции назрел уже достаточно давно, белорусским законодателем было принято решение о создании отдельного самостоятельного нормативного правового акта – Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» от 12 декабря 2013 г. № 94-З (далее – Закон) [5]. Важно отметить, что законодательство о недобросовестной конкуренции в Республике Беларусь нуждается в определенных изменениях и усовершенствованиях.

Белорусским законодателем в п. 9 ч. 1 ст. 1 Закона дано легальное определение недобросовестной конкуренции, но, как нам видится, данное определение является не совсем полным, поскольку охватывает исключительно национальный уровень, что не совсем соответствует действительности. Наиболее удачным, на наш взгляд, является легальное определение недобросовестной конкуренции, данное российским законодателем. Так, согласно п. 9 ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», недобросовестная конкуренция – любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации [4]. На наш взгляд, данное определение полнее раскрывает данное понятие, поскольку оно охватывает «обычаи делового оборота», что свидетельствует уже о наднациональном уровне.

Формы недобросовестной конкуренции. Одни авторы считают, что недобросовестная конкуренция может выражаться в двух формах: как действия, так и бездействия. Данный подход нашел свое отражение в нормах Парижской конвенции, что говорит о достаточном количестве ученых, разделяющих данную позицию. Другие авторы, например, О. А. Городов, придерживаются другой позиции, согласно которой такая форма, как бездействие, априори не рассматривается, поскольку конкуренция подразумевает под собой активную направленную деятельность [6, с. 16].

Также можно отметить позицию В. И. Еременко, который полагает, что недобросовестной конкуренцией могут признаваться только действия, бездействие хозяйствующих субъектов (например, непредставление контрагенту необходимой информации о продаваемом товаре) не охватывается понятием недобросовестной конкуренции [7, с. 17]. Мы разделяем эту точку зрения, которая, является наиболее убедительной. Безусловно, белорусский законодатель уже предпринял определенные меры по правовому регулированию данной проблемы, но представляется целесообразным издать самостоятельный нормативный правовой акт,

который будет содержать в себе исключительно нормы, касающиеся недобросовестной конкуренции, «вычленив» данный феномен из уже действующего Закона. В свою очередь мы готовы предложить модельную структуру нового Закона. Так, новый Закон может состоять из пяти глав, в каждой из которых будут раскрываться свойства и качества недобросовестной конкуренции. Предлагаем следующую структуру нового Закона:

Глава 1. Общие положения, в которых будут раскрыты цели и задачи Закона, дано наиболее полное легальное определение (дефиниция) недобросовестной конкуренции, сфера применения Закона и критерии отнесения действий хозяйствующих субъектов к актам недобросовестной конкуренции).

Глава 2. Правовая защита от актов недобросовестной конкуренции (определенный перечень конкретных способов защиты и формы защиты).

Глава 3. Ответственность за совершение актов недобросовестной конкуренции.

Глава 4. Рассмотрение судебной практики, возникающей по делам о недобросовестной конкуренции.

Глава 5. Заключительные положения. Вступление в силу Закона.

В заключение стоит сказать, что совершенствование законодательства о недобросовестной конкуренции в Республике Беларусь является важным шагом для развития экономики и защиты интересов потребителей. Это требует комплексного подхода, включающего в себя разработку эффективных законов, усиление контроля и надзора, а также активное участие всех заинтересованных сторон.

Список использованных источников:

1. Тикин, В. С. О критерии недобросовестной конкуренции / В. С. Тикин // Право и экономика. – 2009. – № 5. – С. 32-36.

2. Крохина, Ю. А. Правовые средства защиты от недобросовестной конкуренции / Ю. А. Крохина // Юридический мир. – 2012. – № 9. – С. 21 - 24.

3. Боженко, С. Я. Правовое регулирование в сфере защиты конкуренции / С. Я. Боженко // Журнал российского права. – 2017. – № 1. – С. 24 – 29.

4. О защите конкуренции [Электронный ресурс]: Федеральный закон Российской Федерации от 26 июля 2006 г., № 135-ФЗ : в ред. Федерального Закона Российской Федерации от 03 июля 2016 г., № 264-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2023.

5. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 12 дек. 2013 г. № 94-З : с изм. и доп. от 18 декабря 2019 г. № 275-З. – Дата доступа: 03.10.2023.

6. Гукасян, Л. Е. Комментарий к статье 10 Закона Российской Федерации «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» / Л. Е. Гукасян // Вестник МАП России. – 2000. – № 3. – С. 82.

7. Городов, О. А. К понятию недобросовестной конкуренции / О. А. Городов // Конкурентное право. – 2011. – № 1. – С. 14 – 21.

О ПРОБЛЕМАХ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО, ГРАЖДАНСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

В. В. Кванина

*Южно-Уральский государственный университет (национальный
исследовательский университет), г. Челябинск, Российская Федерация
kvaninavv@susu.ru*

В статье на примерах институтов экологической сертификации и экологического страхования показаны системные сбои в межотраслевых связях предпринимательского, гражданского и экологического законодательства. Подобные проблемы, на взгляд автора, в будущем могут быть разрешены принятием специального закона о нормативных правовых актах, предусматривающего в том числе условия содержания в законе отсылочных норм и их характер.

Ключевые слова: межотраслевые связи; предпринимательское законодательство; гражданское законодательство; экологическое законодательство; экологическое страхование; экологическая сертификация; закон о нормативных правовых актах.

Одной из характерных особенностей современной системы права Российской Федерации является наличие межотраслевых связей. Как отмечал М. Ю. Челышев, формы проявления таких связей разнообразны. Чаще всего они проявляются: в правовых нормах (в нормативных правовых актах содержатся прямые и косвенные отсылки к другим правовым нормам других отраслей права); в отношении юридических фактов (то или иное обстоятельство в рамках одной отрасли права является основанием возникновения, изменения или прекращения правоотношений в иной правовой отрасли); применительно к правоотношениям (например, из гражданско-правового договора могут возникать процессуальные права и обязанности); в актах реализации прав и исполнения обязанностей; на стадии правоприменения [1, с. 62–85].

Межотраслевые связи характерны как для отраслей частного, так и публичного права. В рамках данной статьи остановимся на трех отраслях права – предпринимательском, гражданском и экологическом праве. Заметим, что предпринимательское право хотя традиционно и относится к отраслям частного права, тем не менее, в настоящий период оно является комплексной отраслью права, сочетающей в себе публично-правовые и частноправовые начала. Экологическое же право – это отрасль публичного права. Взаимосвязь между данными отраслями права наиболее ярко прослеживается через отсылку правовых норм экологического законодательства к нормам гражданского и предпринимательского законодательства, реже – наоборот. Межотраслевое взаимодействие различных отраслей права на уровне норм права, в том числе предпринимательского, гражданского и экологического права, в целом следует оценивать положительно, поскольку оно позволяет без дублирования положений «чужеродных» норм, которое неизбежно приводит к законодательным коллизиям, полноценно и комплексно урегулировать соответствующие правовые отношения. В то же время, на примере предпринимательского, гражданского и экологического законодательства просматривается и иная ситуация: отсылочные эколого-правовые нормы, апеллирующие к нормам предпринимательского и гражданского законодательства, зачастую свидетельствует об их неопределенности, коллизиях с нормами указанных отраслей законодательства.

Проиллюстрируем данный вывод на следующих примерах.

Экологическое страхование. Статья 18 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (далее – Закон об охране окружающей среды) посвящена одному из элементов экономического механизма охраны окружающей среды – экологическому страхованию. В данной статье, имеющей обозначение «Экологическое страхование», отсутствует определение данной категории, в ч. 1 ст. 18 закона лишь указывается на цель экологического страхования – «защита имущественных интересов юридических и физических лиц на случай экологических рисков», а в ч. 3 установлено – *«экологическое страхование в Российской Федерации осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации»*. С учетом главы 48 ГК РФ, страхование является договорным институтом гражданского права. И, следовательно, напрашивается вывод, что на экологическое страхование распространяется данная глава ГК РФ, а само оно является видом страхования. В то же время, в ГК РФ *экологическое страхование не названо среди видов специального страхования*, например, таких как морское, медицинское страхование, страхование банковских вкладов, пенсий и т. д., к которым правила главы 48 ГК РФ применяются, если иное не предусмотрено законами об этих видах страхования (ст. 970).

ГК РФ устанавливает разные условия страхования в зависимости от формы и вида страхования. Однако Закон об охране окружающей среды не указывает ни формы, ни виды экологического страхования. В нем только лишь декларативно провозглашается, что *«в Российской Федерации может осуществляться обязательное государственное экологическое страхование»* (ч. 2 ст. 18). С позиции ГК РФ, обязательное государственное страхование осуществляется за счет средств бюджетов, выделяемых на эти цели министерствам и иным федеральным органам исполнительной власти (страхователям). При этом его целью является обеспечение социальных интересов граждан и интересов государства посредством страхования жизни, здоровья и имущества государственных служащих определенных категорий (ст. 969). Страхователями же экологического страхования являются «загрязнители» окружающей среды – хозяйствующие субъекты, что явно свидетельствует о коллизии между гражданским и экологическим законодательством.

В системе видов страхования экологическое страхование относится к страхованию ответственности за причинение вреда (ст. 931 ГК РФ), которое

может быть как обязательным, так и добровольным. Действующее законодательство устанавливает, что обязательное страхование должно предусматривать определенную совокупность элементов договора страхования, предусмотренную законом (см. п. 3 ст. 936 ГК РФ, п. 4 ст. 3 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27 ноября 1992 г. № 4015-1). Анализ Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» позволяет «обнаружить» в нем и экологическое страхование – страхование гражданской ответственности организаций, эксплуатирующих опасные объекты (п. 18 ст. 32.9). Данный договор предусмотрен Федеральным законом «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ. В нем, единственном, в котором речь идет об обязательном экологическом страховании, определены *все условия*, предъявляемые Законом РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» к обязательному страхованию. Другие же законы, в которых речь идет о страховании опасных объектов (а следовательно, по определению относящихся к экологическому страхованию), сложно отнести к законам о конкретных видах страхования, поскольку в них отсутствуют необходимые элементы договора страхования. Более того, в них отсутствует единообразный подход к содержательной сущности экологического страхования и механизмов его реализации, преопределенных гражданским законодательством, ясный ориентир на закон, который подлежит применению при данном виде страхования (см., например, Федеральные законы «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ, «О безопасности гидротехнических сооружений» от 21 июля 1997 г. № 117-ФЗ, «Об использовании атомной энергии» от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ и «О соглашениях о разделе продукции» от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ; Закон РФ «О космической деятельности» от 20 августа 1993 г. № 5663-1).

Таким образом, институт экологического страхования, обладая большим потенциалом для своего развития в силу отнесения его по предмету ведения к исключительному ведению РФ (гражданское законодательство) и совместному ведению РФ и субъектов РФ (охрана окружающей среды), запутан, противоречив и в ряде случаев бессодержателен. Представляется, что данная ситуация произошла в том числе по причине включения в Закон

об охране окружающей среды отсылочных норм об экологическом страховании к законодательству Российской Федерации (ч. 3 ст. 18), которое на момент принятия данного закона не располагало соответствующей правовой базой. Предпринятые впоследствии инициативы по принятию специального закона об экологическом страховании не увенчались успехом.

К сожалению, для российского законодательства это становится уже нормой. В этих условиях более чем актуален систематически поднимаемый в специальной и научной литературе вопрос о принятии специального закона о нормативных правовых актах, в котором были бы предусмотрены в том числе условия содержания в законе отсылочных норм и их характер.

Экологическая сертификация. Данный институт закреплен в статье 31 Закона об охране окружающей среды. В ней лаконично обозначена цель данного института, а также указано, что экологическая сертификация осуществляется в соответствии с положениями ст. 21 Федерального закона «О техническом регулировании» от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ. Исходя из данных положений закона явно следует вывод, что экологическая сертификация является видом сертификация, предусмотренной техническим законодательством, входящим в систему предпринимательского законодательства.

Сертификация может носить обязательный или добровольный характер. Поскольку в ст. 21 Федерального закона «О техническом регулировании» речь идет о добровольной сертификации, то исходя из положений ст. 31 Закона об охране окружающей среды следует, что экологическая сертификация носит добровольный характер. Однако, наличие технических регламентов, касающихся сферы охраны окружающей среды (например, ТР ТС на табачную продукцию, 035/2014, ТР о безопасности зданий и сооружений – Федеральный закон от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ), свидетельствует и о существовании обязательной экологической сертификации. Более того, об обязательном подтверждении соответствия в сфере охраны окружающей среды речь идет и в иных нормативных правовых актах. Например, согласно ст. 17 Федерального закона «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ обязательное подтверждение соответствия агрохимикатов и пестицидов осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации о техническом регулировании.

Таким образом, анализ действующего законодательства свидетельствует о наличии как добровольной, так и обязательной экологической сертификации, а положения Закона об охране окружающей среды (предусматривающие только добровольную экологическую сертификацию), находятся в коллизии с положениями Закона о техническом регулировании. Следует также отметить, что до настоящего времени в системе экологического законодательства отсутствуют специальные акты об экологической сертификации, в котором была бы закреплена специфика экологической сертификации, обусловленная категориями «экологическая безопасность». Представляется, что данных проблем также не возникло бы в случае принятия закона о нормативных правовых актах.

Список использованных источников:

1. Чельшев, М. Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права / М. Ю. Чельшев. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 206 с.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

А. А. Квятович

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 20,
220006, г. Минск, Беларусь,
KviatovichAA@bsu.by*

Проанализированы разнообразны мнения ученых относительно понятия информационной безопасности. Рассмотрено значение применения информационных систем и технологий в деятельности таможенных органов, а также основные вопросы по обеспечению информационной безопасности таможенных органов Республики Беларусь и государств-членов ЕАЭС. Проведен анализ основных угроз безопасности информационных систем, а так же показана их актуальность. Сделан вывод о необходимости обеспечения информационной безопасности таможенных органов, как с

технической стороны вопроса, так и законодательной. Исследовано значение деятельности таможенных органов государств-членов ЕАЭС в обеспечении информационной безопасности, а также их деятельность по соблюдению национальных интересов государств-членов ЕАЭС.

Ключевые слова: информационная безопасность; таможенные органы; обеспечение информационной безопасности, национальная безопасность, государства-члены ЕАЭС.

На сегодняшний день информационная безопасность является одной из актуальных проблем, с которой столкнулось общество в процессе массового использования различных автоматизированных систем.

В современных условиях развития информатизации и цифровизации в области применения информационных систем и технологий в деятельности таможенных органов Республики Беларусь, ускорения темпов мировой глобализации возрастает количество угроз обеспечения информационной безопасности в таможенной сфере. Соответственно существенно возрастает значение обеспечения информационной безопасности в данной сфере.

Вопросам изучения информационной безопасности в таможенной сфере в научной литературе уделяется не достаточно внимания, кроме того дискуссионным является вопрос о понятии информационной безопасности. Следовательно, представляется необходимым проанализировать мнения ученых относительно данного понятия. Так, А. А. Сидоров под информационной безопасностью понимает комплекс мероприятий и действий практического характера, способных обеспечить сохранность и конфиденциальность информации, ее безопасность от других пользователей. Автор в данном определении рассматривает информационную безопасность лишь как комплекс мероприятий, способных обеспечить сохранность информации, следовательно, не дает детальную регламентацию данного понятия, не раскрывает его сущность [1, с.132]. Р. М. Юсупов считает, что информационная безопасность соответствующего субъекта (личность, общество, государство, любая система) может быть определена как состояние, в котором ему (субъекту) не может быть нанесен существенный ущерб путем воздействия на его информационную сферу. Предложенное Р. М. Юсуповым определение не позволяет полно и детально уяснить понятие и сущность информационной безопасности, т.к. исследуя данную категорию,

автор существенно ее сужает, указывает только на ущерб, который может быть нанесен субъекту [2, с. 87]. М. В. Арсентьев утверждает, что информационная безопасность – это снятие информационной неопределенности относительно объективно и субъективно существующих потенциальных и реальных угроз за счет контроля над мировым информационным пространством и наличия возможностей, условий и средств для отражения этих угроз, что в совокупности определяет уровень (степень) информационной безопасности каждого субъекта. Полагаем, что определение автора в полной мере отражает сущность информационной безопасности, т.к. он делает акцент не только на потенциальных и реальных угрозах за счет контроля над мировым информационным пространством, но и на возможностях отражения этих угроз [3, с.53]. Следует указать, что определение информационной безопасности содержится и в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1. Согласно указанной Концепции информационная безопасность – это состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере. Данное определение также в достаточной мере отражает сущность информационной безопасности, т.к. в нем законодатель учитывает сбалансированные интересы субъектов и защищенность их от внешних и внутренних угроз.

Одним из важных направлений деятельности таможенных органов Республики Беларусь является внедрение информационных систем и технологий, что содействует внешнеэкономическому развитию страны, повышению эффективности таможенного администрирования, улучшению качества предоставления таможенных услуг и др.

Применение информационных систем и технологий при осуществлении таможенных операций регулируется Законом Республики Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь». Так, согласно ст. 16 данного закона таможенные органы и их должностные лица в пределах своей компетенции имеют право осуществлять деятельность по технической защите информации, в том числе криптографическими методами, включая применение электронной цифровой подписи, в части удостоверения формы внешнего представления

электронного документа на бумажном носителе, представляемого в таможенный орган либо таможенным органом, а также в части оказания услуг по распространению открытых ключей проверки подписи. Ст. 72 вышеназванного закона гласит, что информационные системы и информационные технологии используются таможенными органами в целях обеспечения выполнения возложенных на них функций, в том числе обмена информацией с государственными органами, оказания государственных услуг населению, участникам внешнеэкономической деятельности по предоставлению информации в электронном виде.

На сегодняшний день применение информационных систем и технологий в деятельности таможенных органов является достаточно актуальным вопросом, т.к. их деятельность связана с обработкой и анализом значительного объема различной информации. Информационные системы и технологии определяют направления формирования и развития таможенных органов Республики Беларусь и механизмов таможенного управления.

Таможенные органы Республики Беларусь применяют в своей деятельности информационные системы и технологии для совершенствования реализации таможенного контроля и таможенных операций в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу. Кроме этого, основной задачей таможенных органов является недопущение нарушений в сфере национальной безопасности страны. Обеспечение информационной безопасности является гарантией защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, а также условием стабильности и эффективной жизнедеятельности общества.

Таможенные органы, согласно действующему законодательству, в целях выполнения возложенных на них задач и функций взаимодействуют с таможенными органами государств-членов ЕАЭС, государственными органами, иными органами и организациями государств-членов ЕАЭС и Евразийской экономической комиссией, в том числе с использованием информационных систем и информационных технологий, в соответствии с Таможенным кодексом ЕАЭС, Договором о ЕАЭС, иными международными договорами Республики Беларусь, актами, составляющими право ЕАЭС, Законом Республики Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь».

Образование единой таможенной территории, а также реализация совместной торговой политики государств-членов ЕАЭС выступает положительным эффектом для торгово-экономических отношений этих стран, однако есть и отрицательные моменты такого образования. С развитием информационных систем и технологий вопрос информационной безопасности в сфере деятельности таможенных органов имеет большое значение. Ведь значительный ущерб может быть нанесен интересам государств-членов ЕАЭС, субъектам, перемещающим товары через таможенную границу вследствие разглашения различной информации. При сборе, обработке, хранении и передаче таможенной информации возможно противоправное копирование информации, ее искажение вследствие неправомерных действий, несанкционированный доступ к ней и др.

Таможенные органы располагают значительными информационными ресурсами, информационными системами и специфическими информационными технологиями, ведут статистику внешней торговли, получают и используют при осуществлении таможенного контроля персональные данные лиц, перемещающих товары, имеют доступ к коммерческой тайне участников внешнеэкономической деятельности в процессе применения таможенных операций [4, с. 4]. Следовательно, такие информационные ресурсы, системы и технологии должны быть надежно защищены.

Таможенные органы государств-членов ЕАЭС должны обеспечивать информационную безопасность своих стран совместными усилиями, в частности, обмениваться важной информацией, проводить совместные операции в целях противодействия нарушениям обеспечения информационной безопасности в сфере таможенного дела. В ходе совместной деятельности национальные таможенные органы должны действовать в направлении развития и углубления интеграционных процессов и обеспечения информационной безопасности, как своего государства, так и ЕАЭС в целом. В связи с этим необходимо эффективное взаимодействие таможенных органов государств-членов ЕАЭС для реализации единых принципов и методов обеспечения информационной безопасности государств-членов ЕАЭС.

К обеспечению информационной безопасности таможенных органов можно отнести обеспечение информационной безопасности в целях защиты

национальной безопасности государства и обеспечение информационной безопасности в целях эффективного функционирования самих таможенных органов.

Обеспечивать информационную безопасность таможенных органов необходимо как на законодательном уровне, так и на программно-техническом. Обеспечение информационной безопасности предполагает большие материальные, интеллектуальные и трудовые затраты, однако ущерб от посягательств на информационную безопасность в таможенной сфере может быть намного выше предполагаемых затрат.

В целях обеспечения информационной безопасности в Республике Беларусь были приняты Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», в котором закреплены такие понятия как: информация, информационная технология, защита информации, конфиденциальность информации, предоставление информации, распространение информации и др., а также Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», содержащий понятия: персональные данные, предоставление персональных данных, распространение персональных данных и др.

В структуре Государственного таможенного комитета Республики Беларусь создано и осуществляет деятельность Главное управление информационных технологий. Указанное Управление осуществляет работу по организации и проведению единой политики в системе таможенных органов в части информационных систем и технологий, информационной безопасности, таможенной статистики, участвует в организации информационного взаимодействия с государственными органами и организациями в Республике Беларусь, таможенными органами государств-членов ЕАЭС и иных государств [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что информационная безопасность таможенных органов представляет собой защищенность информации от внутренних и внешних информационных угроз, при которой обеспечивается реализация прав субъектов, перемещающих товары через таможенную границу, эффективное функционирование таможенных органов, и в целом национальная безопасность государства.

Таможенные органы защищают национальные интересы Республики Беларусь, в связи с этим обеспечение информационной безопасности является

важной составляющей в их деятельности, а также серьезным показателем их эффективной деятельности. Таможенные органы должны оперативно противостоять различным информационным угрозам для обеспечения необходимого функционирования самих таможенных органов и в целом для защиты национальной безопасности Республики Беларусь.

Список использованных источников:

1. Сидоров, А. А. Информационная безопасность в системе обеспечения экономической безопасности предприятия / А. А. Сидоров // Наукосфера. – 2022. – № 5(1). – С. 131–134.

2. Юсупов, Р. М. Информационное обеспечение национальной безопасности / Р. М. Юсупов // Национальная безопасность. – 2010. – № 7/8. – С. 87.

3. Арсентьев, М. В. К вопросу о понятии «информационная безопасность» / М. В. Арсентьев // Информационное общество. – 1997. – № 4. – С. 50 – 52.

4. Недосекова, Е. С. Административно-правовые аспекты обеспечения информационной безопасности таможенных органов Российской Федерации : дисс. канд. юрид. наук. – Люберцы, 2011. – 261 с.

5. Таможенные органы Республики Беларусь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gtk.gov.by/tamozhennye-organy/struktura>. – Дата доступа: 12.10.2023.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТОЙНОГО ТРУДА В УСЛОВИЯХ НЕТИПИЧНОЙ ЗАНЯТОСТИ

Л. А. Киселева

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская 17, 220007, г. Минск, Беларусь,
kiselyowa@tut.by*

Одной из тенденций развития трудового права на современном этапе стало широкое распространение нетипичных форм занятости, которые стремительно развиваются под воздействием процессов глобализации и

внедрения информационных технологий. Однако отсутствие их должного правового регулирования создает условия, ухудшающие правовое положение работников, заключивших нетипичные трудовые договоры.

В статье рассматриваются наиболее распространенные подходы к пониманию нетипичных форм занятости. Особое внимание обращается на необходимость соответствующего правового регулирования нетипичной занятости, обеспечивающего защиту трудовых и социальных прав работников.

Ключевые слова: достойный труд, информационное общество, цифровые технологии, трудовые отношения, нестандартные формы занятости.

Конституция Республики Беларусь (далее – Конституция) провозглашает наше государство демократическим социальным правовым, а права и свободы человека и гарантии их реализации – высшей ценностью и целью государства. В частности, с целью реализации гражданами права на труд как наиболее достойного способа самоутверждения человека государство в соответствии с ч. 2 ст. 41 Конституции создает условия для полной занятости населения.

Занятость населения является важнейшим фактором экономического развития общества и выступает ключевым направлением социально-экономической политики государства. Создать условия для эффективной занятости и максимального вовлечения трудоспособных граждан в трудовую деятельность – одна из задач государства, содержащаяся в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292. Для решения данной задачи планируется расширить практику использования гибких (нестандартных) форм занятости населения в целях внедрения перспективных и востребованных на рынке труда форматов работы.

Основные направления реализации государственной политики в области занятости населения определены Государственной программой «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 годы», утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2020 г. № 777. Согласно вышеуказанной программе, эффективная занятость

предполагает экономически целесообразное и наиболее полное вовлечение трудовых ресурсов в экономику страны и направлена на совершенствование законодательства о труде по вопросам расширения гибких форм занятости населения.

В определяющей приоритетные направления развития законодательства Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 «О Концепции правовой политики Республики Беларусь», отмечается необходимость укрепления роли труда как основы жизнедеятельности человека, его самореализации и гармоничного развития посредством совершенствования правового механизма, регулирующего обеспечение эффективной занятости, развития нестандартных и гибких форм занятости (подп. 48.2 п. 48).

Глобализационные процессы, стремительное развитие информационных технологий и их внедрение в общественную жизнь вызывают трансформацию рынка труда и сферы занятости. Классический трудовой договор, сформированный в индустриальном обществе, в условиях цифровизации претерпевает изменения, что вызвано структурными и технологическими преобразованиями в экономике, выразившимися в сокращении отраслей тяжелой промышленности и расширении сектора услуг, где в основном заключаются нетипичные трудовые договоры. Появлению нетипичных трудовых отношений также способствует формирование рыночных отношений, сопровождающееся ростом численности малых предприятий, заинтересованных в более гибком регулировании отношений в сфере труда.

Традиционная модель трудового договора не отвечает в полной мере потребностям цифровой экономики. В условиях современной действительности все большую часть работающих охватывают нестандартные формы занятости. Однако отсутствие их должного правового регулирования может усилить уязвимость положения работников, заключивших нетипичные трудовые договоры. Особенно это касается таких уязвимых категорий граждан, как инвалиды, впервые вышедшая на рынок труда молодежь, которым тяжело выдержать конкуренцию на рынке труда.

Происходящие в современных реалиях преобразования в сфере труда требуют теоретического осмысления и новых подходов к правовому регулированию занятости с целью ее эффективного функционирования и

дальнейшего развития.

Традиционно занятость принято подразделять на стандартную (типичную) и нестандартную (нетипичную). К критериям стандартной занятости относятся наемные работники, выполняющие свои обязанности на основе бессрочного трудового договора, заключенного в письменной форме, полный рабочий день с фиксированным рабочим местом, на предприятии или в организации под контролем работодателя.

Стандартная занятость рассматривается исследователями как работа по найму в режиме полного рабочего дня на основе трудового договора, заключенного на неопределенный срок на предприятии или в организации под непосредственным руководством работодателя [1; 2; 3; 4 и др.].

Нестандартные формы занятости являются объектом пристального внимания ученых, однако, в науке трудового права не выработано единого определения нестандартных форм занятости. Вместе с тем многие исследователи к нестандартной (нетипичной) занятости относят все те ее виды, которые не соответствуют любому из признаков стандартной. Под нетипичной трудовой занятостью понимается деятельность граждан, основанная на таком трудовом правоотношении, в котором отсутствует либо видоизменен какой-либо из существенных (критериальных) признаков традиционного трудового правоотношения: личный, организационный или имущественный [5, с. 15]. По мнению А. М. Лушниковой нетипичные виды трудовых договоров характеризуются отсутствием или модификацией одного или нескольких перечисленных выше признаков, присущих классическому трудовому договору. «Так, в договоре о заемном труде видоизменен личный и организационный признаки в силу наличия, условно говоря, «двух работодателей». В трудовых договорах с «компьютерными надомниками» в значительной части видоизменен организационный признак трудового договора. В трудовых договорах с руководителями организаций в значительной мере модифицируется организационный и имущественный признаки» [6, с. 280].

С точки зрения К. Л. Томашевского «гибкие (нестандартные, нетипичные) формы занятости – это такая организация правоотношений, при которой трудящийся выполняет работу не по трудовому договору с неопределенным сроком, иной продолжительности рабочего времени, чем полное рабочее время, с особым режимом рабочего времени или на рабочем

месте, удаленном от его места работы» [7, с. 13].

Е. В. Чичина рассматривает нестандартную занятость как «трудовые правоотношения, у которых отсутствует хотя бы одна из пяти обязательных черт, характеризующих понятие «стандартная занятость»: работа у одного нанимателя; работа в производственном помещении и с орудиями труда, принадлежащими нанимателю; стандартная рабочая нагрузка в течение рабочего дня, недели, месяца, года; бессрочный трудовой договор; нахождение в сфере действия трудового права [8, с. 36].

Некоторые авторы определяют нетипичные формы занятости достаточно широко и относят к ним не только деятельность граждан на основании трудового договора с видоизмененным одним или более существенным признаком классического трудового правоотношения, но и виды деятельности на условиях гражданско-правовых договоров, связанные с применением труда, которые не регулируются трудовым законодательством [3].

В зарубежных странах критериями нетипичных форм занятости рассматриваются: уровень заработной платы (все, что ниже $2/3$ средней заработной платы, считается нетипичной занятостью); стабильность занятости (т. е. наличие и степень рисков увольнения, способность к получению занятости); доступ к повышению квалификации в организации; интеграция в систему социальных гарантий [2, с. 213].

Традиционно нестандартной занятостью признавались: временная занятость; неполная занятость; занятость, связанная с нестандартными режимами рабочего времени (гибкие графики рабочего времени, укороченная (сжатая) рабочая неделя); занятость на работах с нестандартными рабочими местами и организацией труда (надомный труд, вахтово-экспедиционная деятельность и др.). В последнее время все большее распространение получают такие нетипичные формы занятости, как совместительство, дистанционная работа, стали широко применяться такие принципиально новые формы занятости как работа на интернет-платформах, работа «по вызову».

В научной литературе отсутствует общее мнение относительно классификации нестандартных (нетипичных) форм занятости.

А. М. Лушников и М. В. Лушникова классифицируют трудовые договоры на типичные и нетипичные. Нетипичные трудовые договоры

авторами подразделяются на:

1) традиционно нетипичные трудовые отношения, условия которых уже давно регулируются трудовым законодательством (срочные трудовые договоры, договоры с неполным рабочим временем, трудовые договоры с надомниками и др.);

2) нетрадиционные нетипичные трудовые договоры (о предоставлении труда работников (персонала), о дистанционном труде);

3) новые виды трудовых отношений, правовая природа которых является спорной и связанная в значительной степени с компьютеризацией [9].

Е. А. Браун предлагает классифицировать формы нестандартной занятости по различным основаниям: 1) по субъектным признакам – договоры с женщинами, инвалидами, пенсионерами, руководителями и др.; 2) по степени индивидуализации – самостоятельный труд; 3) по режиму рабочего времени – частичная, недозанятость, сверхзанятость; 4) по легитимности трудоустройства – неформальная занятость; 5) по способу организации трудовой деятельности – работа в удаленном доступе, дистанционная занятость, работа на дому; 6) по длительности трудовых отношений – договоры на определенный срок [10].

В Республике Беларусь действует ряд нормативных правовых актов, регламентирующих занятость, основанную на трудовом отношении. Большую роль в обеспечении занятости населения играет Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК). Правовые основы государственной политики в области содействия занятости населения, гарантии государства по реализации конституционных прав граждан на труд и социальную защиту обеспечиваются Законом Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З «О занятости населения Республики Беларусь» (далее – Закон о занятости). В соответствии со ст. 10 Закона о занятости государственная политика в области содействия занятости направлена на содействие полной, продуктивной и свободно избранной занятости. В ст. 2 Закона о занятости названы виды деятельности, обеспечивающие занятость населения, одной из которых является занятость лиц, работающих по трудовому договору. Нормами трудового законодательства регламентируется только занятость лиц, работающих по трудовому договору. Некоторые формы нестандартной занятости отражены в ТК, а именно: регулирование труда временных,

сезонных работников, лиц, работающих по совместительству, работников-надомников, домашних работников, дистанционная работа. Однако далеко не все нетипичные формы занятости получили должное правовое регулирование в законодательстве Республики Беларусь, что не позволяет обеспечить необходимую правовую защиту занятых в них работников.

В трудовом законодательстве государств – членов ЕАЭС содержится достаточное количество норм, регламентирующих занятость, основанную на трудовом правоотношении. Последующее развитие постиндустриального общества в этих странах способствует возникновению новых форм труда и актуализирует их законодательное регулирование.

Нетипичная занятость позволяет расширить возможность трудоустройства социально уязвимых категорий граждан, неконкурентоспособных на рынке труда (инвалиды, одинокие и многодетные родители, лица, освободившиеся из мест лишения свободы и др.).

В частности, вступление в силу с 1 июля 2023 года Социального кодекса Республики Казахстан оказало влияние на совершенствование нормативной правовой базы в социальной сфере Казахстана и расширение гарантий трудовых прав работников. В Республике Казахстан введен новый гибкий формат работы – совместное трудоустройство, под которым понимаются прием работодателем нескольких (обычно двух) работников с целью совместного выполнения одной трудовой функции, которую выполнил бы один человек в полное рабочее время. В связи с этим, ст. 68 Трудового кодекса Республики Казахстан (далее – ТК Республики Казахстан) дополнена пунктом 4, закрепляющим категории работников, в отношении которых допускается по соглашению сторон применение совместного трудоустройства. В число указанных категорий включены работники, осуществляющие уход за больным членом семьи в соответствии с медицинским заключением, один из родителей (усыновитель, удочеритель), имеющий ребенка (детей) в возрасте до трех лет, одинокие матери, воспитывающие ребенка в возрасте до четырнадцати лет (ребенка с инвалидностью до восемнадцати лет), иные лица, воспитывающие указанную категорию детей без матери, учащиеся для выполнения в свободное от учебы время работы, не причиняющей вреда здоровью и не нарушающей процесса обучения, работники, которым до достижения пенсионного возраста,

установленного Социальным кодексом Республики Казахстан, осталось менее двух лет либо достигшие пенсионного возраста.

Развитие информационных технологий способствовало широкому распространению в последние годы такой новой форме занятости, как работа на основе интернет-платформ. Платформенная занятость представляет собой вид деятельности по оказанию услуг или выполнению работ с использованием интернет-платформ или мобильных приложений платформенной занятости. Для осуществления платформенной занятости заказчик и исполнитель регистрируются на интернет-платформе или в мобильном приложении.

Представляет интерес опыт законодателя Казахстана по вопросу регулирования платформенной занятости. Так, ТК Республики Казахстан дополнен статьей, согласно которой труд работников, занятых по трудовому договору у индивидуального предпринимателя или юридического лица, осуществляющего деятельность с применением интернет-платформ и (или) мобильного приложения платформенной занятости, регулируется в соответствии с ТК Республики Казахстан с учетом особенностей, установленных указанной статьей, трудовым договором и актом работодателя (п. 1 ст. 146-1 ТК Республики Казахстан). Указанной статьей определены особенности регулирования труда работников, нанимаемых индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом, осуществляющим деятельность с применением интернет-платформ и (или) мобильного приложения платформенной занятости.

Таким образом, из ряда конституционных положений вытекает право работников на достойный труд, который предполагает достаточные возможности для получения работы, вознаграждения, безопасность и здоровые условия труда.

В целях обеспечения достойного труда законодателю необходимо адекватно реагировать на процессы, происходящие на рынке труда, обусловленные появлением нетипичных форм занятости и вытекающих из них общественных отношений, нуждающихся в их надлежащей квалификации.

Важно законодательно определить понятие нанимателя с учетом стремительного развития нетипичных форм занятости, поскольку закрепленное в ст. 1 ТК определение нанимателя, рассматривающего его как

юридическое или физическое лицо, которому законодательством предоставлено право заключения и прекращения трудового договора с работником, не отвечает реальным общественным отношениям.

В частности, на наш взгляд, интернет-платформы, выступающие в качестве посредников между исполнителем и заказчиком, следует рассматривать в качестве нанимателя, исходя из законодательного закрепления новых критериев, характеризующих понятие нанимателя.

Список использованных источников:

1. Шабанова, М. А. Особенности правового регулирования нетипичных трудовых договоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. А. Шабанова. – Ярославль, 2008. – 28 с.

2. Закалюжная, Н. В. Нетипичные трудовые отношения в условиях глобализации и модернизации экономики / Н. В. Закалюжная // Вестник Брянского университета. – 2015. – № 2. – С. 213–215.

3. Чиканова, Л. А. Правовая защита граждан от безработицы в условиях информационных технологических новаций в сфере труда и занятости / Л. А. Чиканова, Л. В. Серегина // Право. Журнал высшей школы экономики. – 2018. – № 3. – С. 149–171.

4. Лушников, А. М. Нетипичные трудовые договоры: гибкость и стабильность юридической конструкции / А. М. Лушников, Л. С. Кириллова // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия гуманитарные науки. – 2017. – № 2 (40). – С. 46–50.

5. Мощная, О. В. Нетипичная трудовая занятость: некоторые проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Мощная. – М., 2009. – 25 с.

6. Лушников, А. М. Нетипичные трудовые договоры в начале XXI века / А. М. Лушников // Правовые средства обеспечения развития экономики Республики Беларусь : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9–10 ноября 2007 г. / редкол. : И. Н. Колядко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – С. 279–289.

7. Томашевский, К. Л. Гибкие формы занятости: понятие, формы и анализ рекомендаций / К. Л. Томашевский // Промышленно-торговое право. – 2011. – № 9. – С. 12–15.

8. Чичина, Е. В. Отдельные нестандартные формы занятости : правовой аспект: монография / Е. В. Чичина. – Минск : ИООО «Право и экономика», 2004. – 142 с.

9. Лушников, А. М. Типичность и нетипичность, как основания классификации трудовых договоров / А. М. Лушников, М. А. Лушникова // Типичная и нетипичная занятость: перспективы исследований и регулирования (Пятые Гусовские чтения) : материалы Междунар. науч.-практич. конф. / под общ. ред. Н. Л. Лютова, Ф. О. Сулеймановой. – М. : РГ-Пресс, 2020. – С. 28–30.

10. Браун, Е. А. Понятие нетипичной занятости и классификация ее видов / Е. А. Браун // Трудовое право в России и за рубежом. – 2014. – № 3. – С. 11–15.

РАЗВИТИЕ ОТКРЫТОГО БАНКИНГА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ⁷

В. А. Козловская

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
kozlovskayavaleria900@gmail.com*

В последнее время набирает популярность концепция открытого банкинга, которая основана на использовании открытых интерфейсов прикладного программирования. Статья посвящена анализу белорусского опыта регулирования открытого банкинга с точки зрения использования технологии API, позволяющей сторонним организациям удобным и безопасным способом использовать и анализировать данные внутренних банковских систем.

Ключевые слова: открытый банкинг, API, цифровизация банковского сектора.

В Концепции развития платежного рынка Республики Беларусь и цифровизации банковского сектора на 2023 – 2025 годы (далее – Концепция) к наиболее актуальным трендам развития системы розничных платежей

⁷ Статья подготовлена представителем научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета.

отнесено изменение инфраструктуры рынка. Среди целей развития цифрового банкинга в Республике Беларусь, обозначенных в Стратегии развития цифрового банкинга в Республике Беларусь на 2016 – 2020 годы (далее – Стратегия), отмечается формирование условий для внедрения мирового передового опыта в сфере цифрового банкинга.

Традиционно в банковской сфере высказывались опасения относительно возможности передачи данных своих внутренних банковских систем третьим лицам. Однако с постепенным формированием новой бизнес-модели «банка будущего» появилось понятие цифрового банкинга – концепция функционирования банка, основанная на применении цифровых технологий в банковских бизнес-процессах [2, с. 1747].

В современном мире лидирующим направлением в сфере развития цифрового банкинга является открытый банкинг (на англ. Open Banking), который в том числе можно рассматривать как концепцию, сформированную на основе директивы о платежных услугах (на англ. Payment Services Directive или PSD2) и программного интерфейса, именуемого Open API (или интерфейсы прикладного программирования), позволяющего банку и другим финансовым организациям обмениваться данными клиентов с их согласия с третьими лицами (например, поставщиками товаров и услуг) через стандартные протоколы взаимодействия. Участники экосистемы открытого банкинга взаимодействуют согласно логической структуре, описанной в Постановлении Правления Национального банка Республики Беларусь от 26 августа 2022 г. № 314 «Об утверждении стандартов проведения расчетов». В целом сама возможность использования информационных данных сторонними организациями отличает открытый банкинг от традиционного.

Основной задачей использования API выступает упрощение и ускорение процесса обмена цифровой информацией, что позволяет в целом повысить качество клиентского обслуживания за счет привлечения сторонних организаций к обслуживанию предоставляемых банками продуктов и услуг. Согласно положениям Концепции, посредством API предоставляется доступ к информации о счетах клиента, их балансу и выпискам по ним, иницируются платежи физических и юридических лиц.

При этом открытые технологии API позволяют разработчикам сторонних программ использовать применяемые банком стандарты безопасности. Аутентификация клиента посредством использования

банковской учетной записи гарантирует безопасность проводимых финансовых операций в сторонних приложениях и исключает утечку персональных данных, что особенно актуально в условиях участвовавших случаев мошенничества в банковском секторе [3, с. 92].

В Республике Беларусь еще в 2018 году с целью системного и компетентного подхода к внедрению цифровых технологий в банковском секторе, взаимовыгодного сотрудничества по вопросам реализации проектов и инициатив в сфере цифровых финансовых технологий в Республике Беларусь 23 июля 2018 г. между научно-технологической ассоциацией «Конфедерация Цифрового Бизнеса» и Национальным банком был подписан Меморандум о сотрудничестве, во исполнение которого проводится работа, в том числе по направлению

развития открытых интерфейсов прикладного программирования.

Определение API (интерфейса прикладного программирования) содержится в п. 1.5.3 Концепции, согласно которому под данной технологией понимается обмен данными между информационными системами организаций через стандартные протоколы взаимодействия, позволяющая предоставлять третьим сторонам безопасный доступ к сервисам организации-поставщика с возможностью простого и быстрого подключения организаций-потребителей (например, провайдеров сервисов для клиентов).

Для построения в Республике Беларусь открытого банкинга, который подразумевает удобный и безопасный способ обмена информацией между банками, клиентами и технологическими компаниями посредством открытых интерфейсов прикладного программирования, Правлением Национального банка 19 октября 2021 г. одобрена Концепция развития открытых банковских API Республики Беларусь, где рассмотрены открытые API, программные продукты их использующие, а также отношения, возникающие между заинтересованными сторонами при создании, реализации, использовании и выводе из эксплуатации открытых API. Отметим, что API могут быть как открытыми (к ним имеет доступ любое заинтересованное лицо) и закрытыми (к ним имеет доступ ограниченно число заинтересованных лиц). Банки заинтересованы в открытии API для продажи банковских и иных финансовых услуг, в том числе страхования.

Применительно к банковской сфере внедрение открытых API осуществляется по трем направлениям:

1. информационные API, которые предоставляют доступ к информации о банковских и финансовых продуктах, об условиях их предоставления клиентам, о комиссиях и платах;

2. статистические API, которые предоставляют республиканским органам государственного управления доступ к информации о деятельности банков и других участников финансового рынка;

3. платежные API, которые предоставляют доступ клиентам к платежной информации и платежным сервисам

Согласно информации, размещенной на официальном сайте Национального банка Республики Беларусь, в настоящее время активно ведется работа по внедрению платежных API в банковскую практику. При этом дальнейшее направление развития данной технологии будет связана с уточнением технического документа, содержащего обязательные для использования единые требования к информационным API. Кроме того, согласно положениям Концепции, планируется совместно с регуляторами стран ЕАЭС проработать возможные варианты использования открытых API для пилотных проектов на пространстве ЕАЭС.

В Республике Беларусь ярким примером использования данной технологии является мобильный и интернет-банкинг, позволяющие клиенту совершать различные банковские операции без обращения в банковские учреждения. Отметим, что в стране также функционирует система мгновенных платежей – это сервис, разработанный Национальным банком Республики Беларусь совместно с ОАО «Белорусский межбанковский расчетный центр», который позволяет физическим лицам осуществлять денежные переводы среди клиентов банков-участников данной системы, при наличии информации о наименовании банка и номера мобильного телефона получателя (сервис функционирует с 1 июля 2019 г.). В настоящее время сервисом могут воспользоваться клиенты ОАО «АСБ Беларусбанк» и ЗАО «Альфа Банк», однако список банков-участников будет расширяться в связи с увеличением потребительского спроса на использование цифровых каналов коммуникации.

На основе концепции открытого банкинга мировые банки в настоящее время изменяют свои бизнес-процессы в целях улучшения качества предоставления банковских услуг. В настоящее время ведущей страной в области развития открытого банкинга является Великобритания, где

реализуется программа Midata, направленная на обеспечение граждан доступом к информации о себе, сосредоточенной в различных государственных и частных структурах, в том числе банках (п. 3.5 Стратегии). В феврале опубликован документ «The Open Banking Standard», где содержатся рекомендации по разработке стандартов открытых API и их последующему внедрению [1, с. 127].

Таким образом, развитие открытых API на рынке банковских услуг в рамках концепции открытого банкинга является одним из основных направлений цифровой трансформации белорусского банковского сектора, поскольку позволяет упростить взаимодействие между банками, клиентами и технологическими компаниями.

Список использованных источников:

1. Дукян, С. С., Татаркин С. Н. Возможности и угрозы цифрового (открытого) банкинга в условиях внедрения API-интерфейса / С. С. Дукян, С. Н. Татаркин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 1. – С. 92.

2. Пономаренко, В. Е. Концепция «открытого банкинга» в регуляторном ландшафте России / В. Е. Пономаренко // Юридическая наука. – 2018. – № 3. – С. 127.

3. Самочетова, Н. В., Амосова, Н. А. Цифровой бандинг как новое направление развития банковского дела / Н. В. Самочетова, Н. А. Амосова // Экономика и социум. – 2017. – № 3(34). – С. 1747.

TELEGRAM-КАНАЛ «ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ» КАК ИСТОЧНИК ТОЛКОВАНИЯ

М. В. Колосова

*Белорусский государственный экономический университет,
пр-т Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь
margaritkaalay@gmail.com*

Изучая вопрос толкования и разъяснения норм официальными государственными органами и организациями, с учетом внедрения

информационно-коммуникационных технологий и фактическим использованием государственными органами социальных сетей и мессенджеров, актуальным вопросом является достоверность содержащейся в них информации и возможность такую информацию использовать в дальнейшем.

Ключевые слова: закупки; государственные закупки; Министерство антимонопольного регулирования и торговли; юридическая сила; толкование

По вопросам государственных закупок в Министерстве антимонопольного регулирования и торговли (далее – МАРТ) функционирует управление государственных закупок, которое осуществляет в том числе консультирование по имеющимся вопросам у заказчиков и исполнителей. Для реализации имеющихся целей МАРТ по вопросам государственных закупок создало свой канал в рамках мессенджера «Telegram» – «Государственные закупки» (далее Telegram-канал). Данный Telegram-канал является официальным, информация о нем также размещена на официальном сайте МАРТ в сети интернет. Помимо этого, Telegram-канал имеет открытое обсуждение в комментариях, в рамках которого можно задавать вопросы и получать ответы, в том числе от представителей управления государственных закупок.

Ежедневно посредством Telegram-канал поступает от 20 вопросов относительно порядка проведения государственных закупок, толкования норм законодательства в сфере закупок товаров (работ, услуг) и иных нормативных правовых актов. Возникает вопрос о юридической силе таких консультаций и в целом информации, размещаемой в таких источниках.

Для целей получения официальных ответов государственных органов и организаций необходимо руководствоваться положениями Закона Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» (далее – Закон об обращениях граждан и юридических лиц).

Граждане Республики Беларусь реализуют право на обращение путем подачи (внесения):

письменных (за исключением замечаний и (или) предложений, вносимых в книгу замечаний и предложений) и устных обращений в организации;

электронных обращений в государственные органы и иные государственные организации;

замечаний и (или) предложений в книгу замечаний и предложений организации, индивидуального предпринимателя, реализующих товары, выполняющих работы, оказывающих услуги.

Юридические лица Республики Беларусь, индивидуальные предприниматели реализуют право на обращение путем подачи:

письменных (за исключением замечаний и (или) предложений, вносимых в книгу замечаний и предложений) и устных обращений в организации;

электронных обращений в государственные органы и иные государственные организации.

Из вышеизложенного делаем вывод, что по определению видов обращений, порядка их подачи, предъявляемым требованиям, вышерассмотренные комментарии «вопрос-ответ» посредством социальных сетей не являются обращениями.

Рассматривая вопрос перспективы использования в дальнейшем информацию, полученную в источниках-мессенджерах, в качестве доказательств обратимся к требованиям, предъявляемым к доказательствам.

В соответствии со ст. 54 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2004 г. № 305-З «О нотариате и нотариальной деятельности» нотариусы обеспечивают письменные доказательства для рассмотрения дел в судах общей юрисдикции Республики Беларусь.

Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь относит к письменным доказательствам официальные и частные документы, а также общедоступную информацию, записанную буквами либо выполненную в форме цифровой, графической записи, размещенную в глобальной компьютерной сети Интернет, полученную в установленном законодательством порядке, переписку и записи делового или личного характера, содержащие сведения о фактах, имеющих значение для дела. Документы, полученные с помощью электронной, вычислительной и другой техники, являются доказательствами при условии их надлежащего оформления.

Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь относит к письменным доказательствам акты, договоры, справки, товарно-

транспортные накладные, деловую корреспонденцию, общедоступную информацию, записанную буквами либо выполненную в форме цифровой, графической записи, размещенную в глобальной компьютерной сети Интернет, полученную в порядке, установленном законодательством, иные документы и материалы, содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, в том числе выполненные в форме цифровой, графической записи, полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи либо иным способом, позволяющим установить достоверность документа.

В порядке обеспечения письменных доказательств нотариус производит осмотр письменных доказательств, представленных лицом, обратившимся за совершением нотариального действия, в том числе общедоступной информации, записанной буквами либо выполненной в форме цифровой, графической записи, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет.

Особенностью нотариального удостоверения является то, что при удостоверении таких доказательств они могут быть представлены только суду.

Проанализировав вышеизложенное можно отметить, что информация, размещаемая в официальных социальных сетях государственных органов и организаций, переписка с ними советуется предъявляемым критериям: размещена в глобальной компьютерной сети Интернет, получена на законных основаниях и выполнена в предусмотренной форме. Получить такой доступ нотариус может не только с устройства заявителя, но и используя собственный компьютер. На основании изложенного, полагаем, что такая информация может быть представлена суду в качестве доказательства.

ПАРАФИСКАЛИТЕТЫ В СИСТЕМЕ ФИСКАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ⁸

Ю. Г. Конаневич

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
konanewitsch@yahoo.com*

В статье характеризуется правовая природа такого фискально-правового института как парафискалитеты, проводится отграничение данной разновидности обязательных взносов, отчислений и платежей от налоговых и параналоговых платежей. Наряду с определением круга субъектов парафискальных отношений приводится авторская классификация парафискалитетов, известных правовой системе Республики Беларусь.

Ключевые слова: фискальные правоотношения, парафискалитеты, налоговые платежи, параналоговые платежи, парафискальные фонды, страховые парафискалитеты, накопительные парафискалитеты, инвестиционные парафискалитеты

Парафискалитеты – обязательные взносы, отчисления и иные платежи, установленные нормами национального и наднационального права, не поступающие в казну государства (не только в бюджетную систему, но и в казну в целом), но:

– направляемые в парафискальные фонды, средства которых впоследствии используются для финансирования расходов или осуществления инвестиций в целях уменьшения публичных расходов государства или для защиты прав и законных интересов физических лиц, домохозяйств и организаций;

– компенсации ущерба при наступлении неблагоприятных последствий определенного рода;

⁸ Статья подготовлена представителем научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета в рамках научного проекта научного проекта «Трансформация организационно-правового механизма управления государственной собственностью в Республике Беларусь», осуществляемого в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы (№ ГР 20212053).

– либо используемые для оплаты услуг субъектов, уполномоченных государством на совершение юридически значимых действий, обеспечивающих защиту прав и законных интересов субъектов различных правоотношений [1, с. 126].

Общим с фискальными платежами у парафискалитетов является то, что осуществляемые обязанными лицами обязательные взносы и отчисления выбывают из собственности или ограниченного вещного права плательщика парафискалитета. После того, как парафискалитет поступает в парафискальные фонды, право собственности на него переходит к владельцу соответствующего фонда финансовых ресурсов (например, к страховой организации, осуществляющей обязательное страхование).

Парафискалитеты не являются фискальными платежами, поскольку:

– парафискалитеты не соответствуют критериям налоговых платежей, установленным нормами ст. 1 и п. 3 ст. 6 Налогового кодекса Республики Беларусь, критериям параналоговых платежей и фискальных платежей таможенного характера;

– взносы и отчисления, осуществляемые в рамках парафискальных отношений, не поступают в бюджетную систему государства;

– сформированные за счет парафискальных взносов и отчислений фонды не используются для осуществления публичных расходов хотя и призваны заменить собою такие расходы, которые осуществлялись бы в случае неустановления парафискалитета.

Субъектами, обязанными осуществлять парафискальные взносы и отчисления, являются:

– физические лица (например, потребители жилищно-коммунальных услуг);

– физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуального предпринимателя (если осуществляемый ими вид хозяйственной деятельности предполагает участие в парафискалитетах);

– юридические лица;

– организации, не являющиеся юродскими лицами;

– государство (например, в рамках формирования «материнского капитала» в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 9 декабря 2014 г. № 572 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, воспитывающих детей»).

Целями формирования парафискальных фондов являются:

1. Формирование страховых фондов, используемых для выплат по страховым случаям в рамках обязательного страхования.
2. Формирование резервных и гарантийных фондов для обеспечения исполнения субъектами парафискальных отношений договорных и внедоговорных обязательств, а также для нивелирования рисков неплатежеспособности субъекта, осуществляющего парафискалитеты (например, в рамках страховой или банковской деятельности).
3. Формирование накопительных фондов, используемых для модернизации или обновления активов (например, накопления для осуществления капитального ремонта жилищного фонда).
4. Формирование фондов, используемых для компенсации понесенных субъектами хозяйствования затрат или для выплаты вознаграждения владельцам имущественных прав (например, вознаграждения за воспроизведение в личных целях аудиовизуальных произведений и произведений, воплощенных в фонограммах).
5. Формирование фондов инвестиционного характера, используемых для осуществления государственных, частных и смешанных инвестиций.

В силу сложившейся экономической и правоприменительной практики для отдельных категорий субъектов хозяйствования законодательством, международными договорами Республики Беларусь или правовыми актами Евразийского экономического союза могут устанавливаться требования об их обязательном участии парафискальных правоотношениях уже со стадии создания и государственной регистрации. Такие требования обусловлены:

1. *Характером хозяйственной деятельности (примечание:* требования об участии юридического лица в формировании страховых и резервных парафискальных фондов могут предусматривать такое участие с момента создания организации или в последующем). Например:

– любое юридическое лицо с момента его государственной регистрации становится субъектом правоотношений, связанной с обязательным страхованием рисков, связанных с несчастными случаями на производстве и профессиональными заболеваниями (именно для этих целей регистрирующий орган производит регистрацию юридического лица в РУП «Белгосстрах»). Формирование парафискальных фондов по страхованию

рисков, связанных с несчастными случаями на производстве и профессиональными заболеваниями, обусловлено необходимостью формирования системы гарантированного возмещения вреда, причиненного вследствие производственного травматизма без привлечения средств из государственного бюджета;

– осуществление деятельности в сфере оказания услуг по налоговому консультированию предполагает осуществление обязательного страхования ответственности перед контрагентами (Подпункт 1.2. п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 19 сентября 2017 г. № 338 «О налоговом консультировании»);

– при осуществлении видов деятельности, связанных с эксплуатацией отдельных объектов, такая деятельность подлежит обязательному страхованию гражданской ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей за вред, причиненный деятельностью, связанной с эксплуатацией отдельных объектов (п. 431 Положения о страховой деятельности в Республике Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 530 «О страховой деятельности»; Размеры лимитов ответственности и годовых страховых взносов по обязательному страхованию гражданской ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей за вред, причиненный деятельностью, связанной с эксплуатацией отдельных объектов, утвержденные Указом Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 531 «Об установлении размеров страховых тарифов, страховых взносов, лимитов ответственности по отдельным видам обязательного страхования») и др.

2. Отраслевой принадлежностью субъекта хозяйствования – в силу отраслевой принадлежности субъекта хозяйствования могут устанавливаться требования для осуществления хозяйственной деятельности в данной отрасли, включающие обязанность по осуществлению парафискальных отчислений (например, операторы криптоплатформ, операторы обмена криптовалютой обязаны обеспечивать наличие на счетах в банках Республики Беларусь денежных средств в размере не менее 1 000 000 белорусских рублей для оператора криптоплатформы, не менее 200 000 белорусских рублей для оператора обмена криптовалютой (подпункт 2.3. п. 2 Декрета Президента

Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики».).

3. Секторальной принадлежностью субъекта хозяйствования – например, формирование парафискалитетов является одним из основных требования для осуществления первичной финансовой деятельности и банковской деятельности резидентами финансового сектора национальной экономики.

4. Принадлежностью субъекта хозяйствования к категории субъектов, осуществляющих определенные виды деятельности либо группы специфических видов деятельности (например, субъекты таможенного дела).

К категории парафискалитетов относятся:

1. *Страховые парафискалитеты* – парафискалитеты, устанавливаемые в форме взносов по обязательному страхованию.

Страховые парафискалитеты представляют собою эффективный способ аккумуляции средств для возмещения вреда в социально-значимых и экономически значимых случаях.

2. *Резервные и гарантийные парафискалитеты* – это парафискалитеты, устанавливаемые в форме взносов и (или) отчислений в парафискальные фонды, предназначенные для:

– для покрытия расходов, связанных с неэффективным осуществлением хозяйственной деятельности, в том числе, для покрытия убытков;

– для формирования технических резервов и резервов дополнительных выплат с целью обеспечения исполнения договорных и внедоговорных обязательств;

– для обеспечения исполнения обязательств в случае наступления состояния неплатежеспособности субъекта хозяйствования (например, отчисления, осуществляемые банками в ГУ «Агентство по гарантированному возмещению банковских вкладов (депозитов) физических лиц»);

– для страхования ликвидности кредитно-финансовых организаций.

3. *Накопительные парафискалитеты* – парафискалитеты, устанавливаемые в форме отчислений в парафискальные фонды, предназначенные для финансирования или осуществления инвестиций в социально-значимые или экономически-значимые объекты.

Накопительные парафискалитеты представляют собою способ совместного участия их плательщиков в формировании средств, необходимых для восстановления, усовершенствования или полного обновления социально-значимых или экономически-значимых объектов.

Примером накопительных парафискалитетов являются отчисления потребителями жилищно-коммунальных услуг средств в накопительные фонды для осуществления капитального ремонта жилищного фонда, осуществляемые в рамках оплаты жилищно-коммунальных услуг (п. 27 Положения о порядке расчетов и внесения платы за жилищно-коммунальные услуги и платы за пользование жилыми помещениями государственного жилищного фонда, утвержденного Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 июня 2014 г. № 571 «Об утверждении Положения о порядке расчетов и внесения платы за жилищно-коммунальные услуги и платы за пользование жилыми помещениями государственного жилищного фонда, внесении изменений и дополнений в постановления Совета Министров Республики Беларусь и признании утратившими силу постановлений Совета Министров Республики Беларусь и их структурных элементов»).

4. *Компенсационные парафискалитеты* – парафискалитеты, устанавливаемые в форме отчислений (сборов), осуществляемые в целях выплаты вознаграждения владельцам определенных объектов гражданских прав (например, прав на объекты интеллектуальной собственности).

Примером компенсационных парафискалитетов в Республике Беларусь является сбор вознаграждения за воспроизведение в личных целях аудиовизуальных произведений и произведений, воплощенных в фонограммах, осуществляемый Общественным объединением «Белорусское общество авторов, исполнителей и иных правообладателей» (Статья 35 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах»; Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 3 марта 2008 г. № 321 «О некоторых вопросах выплаты вознаграждения за воспроизведение в личных целях аудиовизуальных произведений и произведений, воплощенных в фонограммах»).

5. *Инвестиционные парафискалитеты* – парафискалитеты, устанавливаемые в форме отчислений парафискальные фонды инвестиционного характера с целью централизованного осуществления

инвестиций в объекты, установленные национальным законодательством, международными договорами Республики Беларусь, правовыми актами Евразийского экономического союза, и осуществления инновационной деятельности на базе таких объектов инвестиций.

К категории инвестиционных парафискалитетов относятся:

– парафискалитеты в инновационные фонды, формируемые специализированными организациями, выполняющими публичную функцию (например, платежи в такие инновационные фонды, как инновационные фонды общественных объединений «Белорусское общество глухих» и «Белорусское товарищество инвалидов по зрению»);

– парафискалитеты во внебюджетные централизованные инвестиционные фонды (подпункт 2.4. п. 2 Указа Президента Республики Беларусь от 7 августа 2012 г. № 357 «О порядке формирования и использования средств инновационных фондов»);

– концессионные парафискалитеты;

– парафискалитеты, осуществляемые резидентами территорий со специальным режимом использования в пользу администрации таких территорий (например, резиденты Парка высоких технологий обязаны производить Администрации Парка высоких технологий отчисления в размере 1 процента от выручки (дохода), полученной (полученного) за предшествующий квартал при осуществлении видов деятельности, допустимые для резидентов Парка высоких технологий и от отчуждения цифровых знаков (токенов) за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги (п. 17 Положения о Парке высоких технологий, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики»))

– и другие инвестиционные парафискалитеты.

6. *Правообеспечительные парафискалитеты* – парафискалитеты, устанавливаемые в форме тарифов или сборов, используемых для оплаты услуг субъектов, уполномоченных государством на совершение юридически значимых действий, обеспечивающих защиту прав и законных интересов субъектов различных правоотношений.

Правообеспечительные парафискалитеты представляют собою аналог государственной пошлины (которая является налоговым платежом), уплачиваемый субъекту, обладающему специальной правосубъектностью.

К категории правообеспечительных парафискалитетов относятся:

- нотариальный тариф;
- расходы, связанные с третейским разбирательством (ст. 44 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 301-З «О третейских судах»);
- арбитражные сборы (Статья 15 Закона Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 279-З «О международном арбитражном (третейском) суде»).

Список использованных источников:

1. Конаневич, Ю. Г. Фискальное право : монография / Ю. Г. Конаневич. – Минск : Ковчег, 2018. – 236 с.

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НОРМ О ЗАВЕРЕНИЯХ В ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ СТАБИЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О. К. Кремлева

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
(СПбГЭУ), Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
okremlev@mail.ru*

В ходе реформы обязательственного права Гражданский кодекс дополнен статьей 431.2 «Заверения об обстоятельствах» («Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»). В силу п. 1 ст. 431. 2 следует, что предоставившая при заключении договора до либо после его заключения недостоверные заверения об обстоятельствах, имеющих значение для заключения договора, его исполнения или прекращения (в том числе относящихся к предмету договора, полномочиям на его заключение, соответствию договора применимому к нему праву, наличию необходимых лицензий и разрешений, своему финансовому состоянию либо относящихся к третьему лицу), сторона обязана возместить другой стороне по ее требованию убытки, причиненные недостоверностью таких заверений, или уплатить предусмотренную договором неустойку другой стороне. Из данной нормы следует, что, во-первых, такие заверения должны были быть предоставлены

как таковые, то есть должны быть сформированы и оформлены в письменной виде и содержаться в договоре или приложении к нему; во-вторых, указанные сведения должны обладать важным в юридическом смысле значением для заключения, исполнения или прекращения договора; в-третьих, должно быть доказано, что данные сведения оказались недостоверными, а бремя доказывания возлагается на сторону, понесшую убытки; в-четвертых, сторона, пострадавшая от предоставления недостоверных сведений, должна потребовать от причинителя убытков их возмещения либо в качестве альтернативы уплаты договорной неустойки. Помимо этого, в силу п. 2 ст. 431.2 добросовестная сторона вправе отказаться от договора, если только иное не предусмотрено соглашением сторон.

При оценивании действий сторон в качестве добросовестных или, напротив, недобросовестных, следует опираться на пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». То есть при понимании добросовестности исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, что среди прочего подразумевает содействие контрагенту в получении необходимой информации. В пункте 34 Постановления № 49 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» разъяснено, что сторона договора, явно и недвусмысленно заверившая другую сторону об обстоятельствах, тем самым, принимает на себя ответственность за соответствие заверения действительности дополнительно к ответственности, установленной законом или вытекающей из существа законодательного регулирования соответствующего вида обязательств.

Модель заверений предназначена для договорного регулирования распределения рисков посредством возложения ответственности за предоставление осведомлённой в силу объективных обстоятельств стороной договора информации другой стороне. Модель конструирует возникновение ответственности за предоставление договорных заверений, исходя из презумпции свободы воли, то есть, из предположения, что принятие решения происходит в связи с предоставлением или непредоставлением достоверной

определенно информации, достаточной для формирования воли лица, чтобы установить его обязательства.

Смысл узаконения данной модели сводит к минимуму осуществление намерений не предоставлять контрагенту значимую информацию, утаить или исказить её, тем или иным образом пытаться воспользоваться неосведомленностью контрагента. В предпринимательских отношениях значение модели трудно переоценить, так как ответственность заверявшего лица наступает за сам факт объективного несоответствие заверений действительности. Таким образом, данная модель способствует обеспечению более справедливого договорного обеспечения и в перспективе стабильного хозяйственного оборота.

В теоретических, но ещё более того в прикладных целях следует определить категории заверений. Среди заверений виднейшее место занимает информирование, то есть предоставление необходимой и достаточной по содержанию и объёму информации для признания нарушений, допущенных в отношении заверений, удовлетворяющей основаниям возникновения требований возмещения ущерба или взыскание договорной неустойки, а возможно и отказ от исполнения договора. В данном контексте именно такую информацию следует считать важной в юридическом смысле. В первую очередь, такая информация охватывает существенные условия договора, среди которых всегда выступает предмет договора. В таком случае последствия недостоверности заверений вытекают из общих положений о договорах и обязательствах ст.431.1, ст.450, ст.451.1, ст.451.

Модель заверений весьма продуктивна для применения в договорных отношениях, поскольку позволяет возложить ответственность за информирование об обстоятельствах возникновения обязательств, способных в будущем стать причиной убытков приобретателя, то есть рассчитана на перспективное действие во времени. В этом контексте весьма интересна другая категория заверений, каковой являются заверения об обстоятельствах, касающихся состояния финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующих субъектов на момент совершения сделки с их имуществом, имеющие непосредственное отношение к предмету договоров об отчуждении данного имущества. В результате дачи таких заверений теряет всякий смысл введение в заблуждение контрагента, в т.ч. злонамеренное отчуждение имущества субъектов, находящихся в предбанкротном состоянии, а также

дезинформация о финансовом положении хозяйственных обществ при купле-продаже долей в уставном капитале и пакетов акций. Опираясь на толкование п. 35 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» и аб.3 п.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении», следует сделать вывод о возможности невиновного вменения в соответствии с п.4 ст.431.2 ГК РФ в отношении лиц, отвечающих критериям осуществления предпринимательской деятельности. Так, из Постановления следует, что в случае недостоверности заверения предусмотренные п.1 и п.2 ст.431.2 ГК РФ последствия применяются к предоставившему заверение лицу и не требуют доказывания независимо от его поведения и вне зависимости от того, было ли ему известно о недостоверности заверений. Важно расширительное толкование данного вывода: к заверениям предпринимателей приравниваются заверения данные в связи с заключением корпоративных договоров, договором об отчуждении акций (долей в уставном капитале) хозяйственных обществ. Например, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 марта 2023 г. № 305-ЭС22-17862 по делу № А40-167835/2021, где оспаривалось требование о солидарном взыскании неустойки за недостоверные заверения об обстоятельствах по договору купли-продажи доли в уставном капитале общества, установлено: «продавец долей в уставном капитале, давший заверения об отсутствии нарушений в деятельности Общества, по общему правилу отвечает перед покупателем за негативные последствия выявления соответствующих нарушений заинтересованными лицами, в том числе контролирующими органами, и не вправе выдвигать возражения, основанные на отсутствии причинно-следственной связи между его поведением и возникновением (выявлением) соответствующих нарушений, неизвестности ему фактов нарушений в деятельности юридического лица, отсутствии его вины в наступлении событий, произошедших после совершения сделки и т.п.»

Возникает вопрос о глубине ретроспективности сведений о хозяйственно-финансовой деятельности, способной повлечь искажение представлений об истинном положении дел и повлиять на принятие решения о приобретении активов или титулов собственности на них. Полагаем, что заверения даются лишь в отношении конкретных состоявшихся юридических фактах. Именно за такие факты одна сторона договора ручается перед другой. Поручиться за действия иных лиц было бы превышением полномочий, то есть достоверность всех иных фактов не подлежит заверению стороной отношений, а, следовательно, не подлежит ответственности и ущерб, причинённый действиями третьих лиц. Так, например, продавцы кооперативных паёв, акций и долей в уставном капитале хозяйственных обществ способны дать заверения только в пределах собственной правоспособности, не выходя в сферу компетенции деятельности хозяйствующих субъектов, а стало быть не подлежат взысканию убытков или в качестве альтернативы неустойки за результаты их деятельности и, разумеется, не возникает основания для расторжения договора о продаже паёв, долей и акций. Более того, в случае возникновения претензий к приобретателю, которому в договоре, опосредующем отчуждение имущества предоставлялись заверения, по поводу данного имущества возникают претензии, возникновение которых по мнению нынешнего обладателя обусловлено предшествующим периодом владения, ему следует привлечь заверявшего его при отчуждении лицо к судебному или административному процессу. В ином случае, воспользовавшись нормой ст. 431.2, истец рискует снижением меры ответственности заверителя. Действительно, в отношении обстоятельств. В предшествовавших отчуждению и по поводу которых собственно и давались заверения, отчуждатель был способен сократить или ликвидировать соответствующие претензии (ст. 404 ГК РФ), будучи способным дать разъяснения в процессе (ст.462 ГК РФ). Полагаем, что применение указанных норм возможно привлекать к аргументации в отношении не только купли –продажи, но и иных договоров, содержащих заверения по аналогии (п.1 ст.6 ГК РФ) вплоть до формирования специальных норм, регулирующих этот порядок.

Требует анализа степень влияния наличия информации о предшествующих нарушениях обязательств и (или) обязательных требований, допущенных контрагентом до момента совершения сделки на

намерение покупателя заключить договор или напротив воздержаться от его заключения. Такие нарушения качественно изменяют характер юридического трактования обстоятельств, создавая в дальнейшем основания для предъявления кредиторами, в том числе и органами публичной власти соответствующих претензий. В отношении новых владельцев данная ситуация создаёт эффект «неразорвавшейся бомбы», так как может привести как к последствиям в диапазоне от уменьшения реальной стоимости приобретённого имущества до полной его утраты. Иллюстраций подобных ситуаций огромное множество: снижение величины оценки уставного капитала хозяйствующего субъекта и соответственно стоимости долей в нём, отзыв лицензий и прекращение хозяйственной деятельности и т.п. Заверения могут и должны охватывать достоверное информирование о состоянии дел на момент заключения сделки и не способны гарантировать отсутствие риска наступления неблагоприятных событий в будущем. Однако вся предшествующая деятельность хозяйствующего субъекта должна быть охарактеризована исключительно полно и достоверно. В противном случае суды встанут на позиции компенсации потерь за наступление неблагоприятных последствий, возникших в результате несоответствий данным заверениям, побудившим совершить сделку на согласованных контрагентами условиях. Так, например, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 марта 2023 г. № 305-ЭС22-17862 по делу № А40-167835/2021, где оспаривалось требование о солидарном взыскании неустойки за недостоверные заверения об обстоятельствах по договору купли-продажи доли в уставном капитале общества, установлено: «продавец долей в уставном капитале, давший заверения об отсутствии нарушений в деятельности Общества, по общему правилу отвечает перед покупателем за негативные последствия выявления соответствующих нарушений заинтересованными лицами, в том числе контролирующими органами, и не вправе выдвигать возражения, основанные на отсутствии причинно-следственной связи между его поведением и возникновением (выявлением) соответствующих нарушений, неизвестности ему фактов нарушений в деятельности юридического лица, отсутствии его вины в наступлении событий, произошедших после совершения сделки и т.п.». Основываясь на этой логике, Суд, установив, что «условия заключенного сторонами договора

свидетельствуют о том, что ответчики – продавцы долей в уставном капитале предоставили покупателю информацию о соответствии Общества обязательным (лицензионным) требованиям на момент совершения сделки, дав заверения о достоверности этой информации ... Следовательно, последующий отзыв у Общества лицензии на ведение деятельности форекс-дилера в связи с нарушениями, допущенными до перехода прав на доли в уставном капитале ... образует основания для предъявления к продавцам долей соответствующих требований в силу пунктов 1, 2 статьи 431.2 ГК РФ». Возвращаясь к вопросу о важности предоставленной информации, следует отметить, что Высшая судебная инстанция отвергла выводы нижестоящих судебных инстанций о малозначительности допущенных нарушений, поскольку они относятся к предмету заключенного договора. Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации прямо указал, что субъект, полагавшийся на заверения предыдущих владельцев, «обезопасил себя от неблагоприятных имущественных последствий в силу самого факта получения заверений и, соответственно, не обязан обеспечивать оспаривание претензий, предъявленных контрагентами или органами публичной власти за счет Общества и (или) за свой счет, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из содержания заверения».

Теоретико-прикладные перспективы развития норм о заверениях в правовом обеспечении экономики состоят в том, что расширяют и упрочивают пределы допустимости привлечения к ответственности в пользу пострадавшей стороны не только в установленных законом случаях, но и на основании договора, то есть формируются в русле принципа диспозитивности регулирования частно-правовых отношений. Сопутствующим практическим выводом, отражающим курс на защиту добросовестных участников хозяйственного оборота, выступает допустимость взыскания неустойки с ответчиков в солидарном порядке, причём в связи с неисполнением данных соответчиками заверений более не требуется доказывания, а трактуется из общего смысла статье 322 ГК РФ. Кроме того, учитывая тенденцию расширения категорий объектов гражданских прав обладающих обязательственной природой, значение развития норм о заверениях трудно переоценить в силу генезиса таких объектов на основаниях доверия и информированности. В данном обстановке именно защита прав и законных

интересов добросовестных участников играет первостепенную роль в обеспечении стабильной экономической деятельности.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНЖЕНЕРИИ

Д. Д. Кузурова

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
law.kuzurova@bsu.by*

На современном этапе развития подход к использованию генетической инженерии носит весьма неоднозначный характер. В целях учета складывающихся реалий и новизны данного явления следует уделять особое внимание законодательству в этой сфере. Данная статья рассматривает понятие генетической инженерии и приводит легальные дефиниции ее составных частей. Осуществляется подробный анализ нормативно-правовой базы и исследуются имеющиеся отраслевые проблемы правового регулирования. Предлагаются возможные пути их решения, проводятся параллели с зарубежным законодательством и наднациональным правом.

Ключевые слова: генетическая инженерия; генно-инженерная деятельность; генно-инженерный организм; защита прав потребителей.

Легальное определение генетической инженерии содержится в Законе Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 96-З «О безопасности генно-инженерной деятельности» (далее – Закон о безопасности генно-инженерной деятельности). Так, в соответствии со ст. 1 Закона о безопасности генно-инженерной деятельности генетическая инженерия – это технология получения новых комбинаций генетического материала путем проводимых вне клетки манипуляций с молекулами нуклеиновых кислот и переноса созданных конструкций генов в живой организм, в результате которого достигаются включение и активность их в этом организме и у его потомства.

Дефиниция технологии, в свою очередь, закреплено в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 11 мая 2016 г. № 363-З «Об экспортном контроле»,

под которой понимается научно-техническая информация, в том числе секреты производства (ноу-хау) и другие результаты интеллектуальной деятельности (права на них), которая выражена в форме моделей, прототипов, чертежей, диаграмм, проектов, инструкций, программных продуктов либо в неосязаемой форме – обучение, техническое обеспечение (обслуживание) и которая требуется для разработки, производства или использования товара. Соответственно, если воспользоваться методом буквального толкования, то технология представляет собой научно-техническую информацию, под которой в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 5 мая 1999 г. № 250-З «О научно-технической информации» понимается сведения о документах и фактах, получаемых в ходе научной, научно-технической, инновационной и общественной деятельности.

На основании этого, резюмируем, что нормативное определение генетической инженерии как технологии равнозначно восприятию ее в качестве сведений, объектом которых выступают новые комбинации генетического материала. Результатом использования таких сведений является генно-инженерный организм – живой организм, содержащий новую комбинацию генетического материала, полученную с помощью генетической инженерии (п. 6 ст. 1 Закона о безопасности генно-инженерной деятельности) (далее – ГМО), активно использующийся в хозяйственной деятельности при производстве сельскохозяйственной и микробиологической продукции.

Вместе с тем, п. 11 Приложения 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономике» устанавливает, что к VI технологическому укладу относятся, в том числе, генно-инженерные технологии. Употребление такого словосочетания является плеонастическим по своей сути, ведь генная инженерия и так является технологией.

Научно-техническая информация получается при выполнении научной, научно-технической, инновационной и общественной деятельности. Понимая под инновацией введенные в гражданский оборот или используемые для собственных нужд новую или усовершенствованную продукцию, новую или усовершенствованную технологию, новую услугу, новое организационно-техническое решение производственного, административного, коммерческого или иного характера (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 19 июля 2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной

деятельности)), по своему смыслу использование генетической инженерии осуществляется именно в ходе инновационной деятельности: появляются новые генно-инженерные организмы, использующиеся в дальнейшем субъектами.

Инновационность генетической инженерии доказывается некоторыми положениями Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348. Устанавливается, что «основные усилия будут направлены на: стимулирование разработок технологий, товаров и услуг, соответствующих V и VI технологическим укладам, в том числе за счет приоритетного их финансирования, а также экспортоориентированных разработок ...». Генетическая инженерия, как уже было упомянуто, подпадает под понятие технологий VI технологического уклада.

Применение технологии получения комбинаций генетического материала также непосредственно связано с научной и научно-технической деятельностью. Так, Общегосударственный классификатор Республики Беларусь «Виды экономической деятельности», утвержденный постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 5 декабря 2011 г. № 85 (далее – Классификатор), относит исследования и опытно-конструкторские работы в области генной инженерии к научным исследованиям в области биотехнологий как к самостоятельному виду экономической деятельности.

Вместе с тем, легальное содержание понятия «генно-инженерная деятельность» значительно шире указанного в Классификаторе вида деятельности. Под генно-инженерной деятельностью следует понимать деятельность, связанную с созданием генно-инженерных организмов, осуществлением работ с генно-инженерными организмами в замкнутых системах, высвобождением их в окружающую среду для проведения испытаний, использованием в хозяйственных целях, ввозом в Республику Беларусь, вывозом из Республики Беларусь, транзитом через ее территорию генно-инженерных организмов, их транспортировкой, хранением и обезвреживанием (ст. 1 Закона о безопасности генно-инженерной деятельности).

Так, например, использование ГМО в хозяйственных целях корреспондирует с регламентированным в Классификаторе разделом «Растениеводство и животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях» – в него включается производство продукции растительного и животного происхождения, в том числе генетически модифицированной и экологически чистой продукции. Иначе говоря, данные правоотношения являются типично аграрными и подпадают под регулирование норм аграрного законодательства. При этом ч. 2 ст. 3 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 года № 102-З «О селекции и семеноводстве сельскохозяйственных растений» провозглашает приоритетность норм законодательства о безопасности генно-инженерной деятельности. Однако, относить такие отношения исключительно к аграрным также представляется ошибочным, ибо сам процесс создания рассматриваемого блага представляет собой ни что иное, как хозяйственную операцию, совокупность которых образует хозяйственную деятельность.

Отношения по возникающим в связи с ввозом в Республику Беларусь, вывозом из Республики Беларусь, транзитом через ее территорию и использованием генно-инженерных организмов, регулируются законодательством об экспортном контроле (ч. 4 ст. 2 Закона о безопасности генно-инженерной деятельности). Законодательство о безопасности генно-инженерной деятельности в данном случае носит субсидиарный характер.

В этой связи, можно утверждать об отсутствии реального внедрения понятия «генно-инженерной деятельности» в нормативно-правовой массив и разрозненности нормативной регламентации в данной сфере. Речь, скорее, ведется о множественности правоотношений, осложненных объектом ГМО, что значительно затрудняет их единое правовое регулирование. Поэтому, обособление генно-инженерной деятельности в отдельный вид экономической деятельности позволит распространить единые требования, предъявляемые к использованию генетической инженерии, с дальнейшим включением в Закон Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-З «О лицензировании».

Ст. 2 Закона о безопасности генно-инженерной деятельности устанавливает, что «действие настоящего Закона не распространяется на отношения, связанные с применением генетической инженерии к человеку, его органам и тканям, обращением с лекарственными средствами ... ».

Данные отношения являются предметом регулирования законодательства о здравоохранении и направлены, в первую очередь, на обнаружение и применение более эффективных методов лечения человека. Однако, к примеру, генно-модифицированные ветеринарные препараты вообще не упоминаются в законодательстве.

Вместе с тем, генно-инженерное вмешательство в человеческий организм прямо коррелирует с биоэтическими нормами. А. А. Мохов, в частности, отмечает: «Прежде чем внедрять новые методы, способы, технологии в повседневную практику, необходимо предпринять все возможные меры по изучению, исследованию рисков. При этом не все риски могут быть выявлены, а выявленные – получают правильную оценку в ограниченный период первичного наблюдения, исходя из имеющихся достижений науки и техники, в связи с чем, следует руководствоваться методом «малых шагов». Какое-либо необоснованное ускорение в данной сфере чревато наступлением непоправимых последствий для жизни и здоровья всей нации» [Цит. по: 1].

В этой связи, полагается должным наличие нормативного запрета на редактирование зародышевого генома (клонирование), что характеризует в большей степени законодательство западноевропейского региона. Так, например, статья 119/а Конституции Швейцарской Федерации строго запрещает клонирование и генетические модификации человеческих зародышевых клеток и эмбрионов. Закон ФРГ о защите эмбрионов, выступая дополнительным уголовно-правовым актом, устанавливает уголовную ответственность за искусственное изменение генетической информации клетки зародышевой линии человека; использование человеческой гаметы с искусственно измененной генетической информацией в целях оплодотворения также влечет уголовно-правовые последствия (ст. 5).

Однако, указанный аспект подлежит правовому учету отечественным законодателем не в полной мере. Так, согласно ч. 1 ст. 18-3 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении», под биомедицинскими клеточными продуктами следует понимать пересадочный материал, полученный на основе клеток человека, за исключением эмбриональных, фетальных стволовых и половых клеток человека. По смыслу диспозиции использование эмбриональных, фетальных стволовых и половых клеток человека не запрещается, а лишь не входит в

содержание дефиниции биомедицинских клеточных продуктов. Таким образом, белорусский законодатель никак не запрещает на уровне законодательства о здравоохранении изменение человеческого генома путем модификации эмбриональных, фетальных стволовых и половых клеток.

Ввиду возможности повлечь неспрогнозируемые последствия для жизни и здоровья населения наряду с регламентацией законодательного запрета также предлагается установить уголовно-правовую ответственность за совершение данного деяния, последовав по западноевропейской траектории.

Криминализация клонирования при этом не является типичной для уголовного законодательства государств, исторически входящих в состав СССР. Тем не менее, Республика Беларусь, вправе апробировать, к примеру, опыт Молдовы: статья 144 Уголовного кодекса Республики Молдова устанавливает уголовно-правовую ответственность за создание человеческих существ путем клонирования. Более подробное правовое отражение деятельности по клонированию человека получил Уголовный кодекс Республики Казахстан, предусмотрев три состава преступления (ст. 129).

Таким образом, отечественное законодательство не санкционирует действия по клонированию человека, что не может считаться допустимым. Потенциальная общественная опасность клонирования, вызванная недостаточностью изученности биологических и социальных последствий редактирования человеческого генома, должна корреспондировать с ответственностью за совершение названного деяния. Ввиду этого, предлагается внесение соответствующих изменений в нормативно-правовую базу.

Рассматривая более детально осуществление генно-инженерной деятельности как хозяйственной деятельности, следует обратиться к ее легальному пониманию. Так, использование генно-инженерных организмов в хозяйственных целях разъясняется как разведение и (или) выращивание (культивирование) генно-инженерных животных, сортов генно-инженерных растений и штаммов непатогенных генно-инженерных микроорганизмов для производства сельскохозяйственной и микробиологической продукции (ст. 1 Закона о безопасности генно-инженерной деятельности). Результат такой деятельности облечен в коммерческую форму и направлен на реализацию продукции потребителям.

В соответствии с подпунктом 2.4. пункта 2 статьи 7 Закона от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) информация о товарах (работах, услугах) в обязательном порядке должна содержать указание (т.е. маркировку) на то, что продукт питания является генетически модифицированным или в нем использованы генетически модифицированные составляющие (компоненты). Получение достоверной информации о товарах (работах, услугах) является правом потребителя (п.п. 1.2. п. 1 ст. 5 Закона о защите прав потребителей) и тесно связано со свободой выбора товара (работы, услуги) (п.п. 1.3. п. 1 ст. 5 Закона о защите прав потребителей).

Вместе с тем, Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 021/2011 О безопасности пищевой продукции, утвержденный решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 880, содержит следующее положение: «... содержание в пищевой продукции 0,9 процентов и менее ГМО является случайной или технически неустранимой примесью, и такая пищевая продукция не относится к пищевой продукции, содержащей ГМО ... » (п. 9 ст. 7). Данные требования распространяются в одинаковой мере на всех государств-участников Таможенного союза ЕАЭС, включая Республику Беларусь.

Целесообразно также прибегнуть к опыту европейских стран в части установления технических требований к маркировке продукции, содержащей ГМО. «Настоящий раздел не должен применяться к продуктам питания, содержащим материал, который содержит, состоит или произведен из ГМО в пропорции, не превышающей 0,9 процента ингредиентов продукта питания, рассматриваемого индивидуально, или продукта питания, состоящего из единственного ингредиента, при условии, что это присутствие случайное или технически неизбежное», – устанавливает пункт 2 статьи 12 Регламента № 1829/2003 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О генетически модифицированных продуктах питания и кормах».

Идентичное процентное соотношение ГМО на уровне Европейского союза интерпретируется кардинально иначе: маркировка генетически модифицированного товара (работы, услуги) является необязательной только при условии случайности или неизбежности попадания ГМО в пищевую продукцию. Требования Таможенного союза ЕАЭС, напротив, выступают презумпцией случайного или непреодолимого использования ГМО в

количестве, не превышающем 0,9 процента. При таком подходе доля маркированной продукции, содержащей в составе ГМО, сводится к минимуму.

Следовательно, продукты питания, содержащие указанный процент генетически модифицированных компонентов, де-юре не считаются товарами, произведенными в результате генно-инженерной деятельности. Так, исследования Федеральной службы Российской Федерации по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека продуктов питания на присутствие генетически-модифицированных организмов продемонстрировали нахождение ГМО в составе большей части продукции на российском продовольственном рынке [2]. Фактическое отсутствие информации о продукции, в которой присутствуют примеси ГМО, нарушает права потребителей и вводит их в заблуждение.

На этом основании, предлагается постепенно направлять отечественную методологию по европейскому курсу. Внешнее обозначение нахождения в продукции ГМО независимо от его количественного содержания позволит потребителю тем самым осуществлять свободный выбор товара (работы, услуги), опираясь исключительно на объективные фактические данные о нем (них).

Таким образом, настоящая статья выделяет следующие проблемные, не урегулированные достаточным образом нормами права, области:

1. Многообразие понимания понятия «генно-инженерная деятельность» и разрозненность законодательства;
2. Отсутствие четких критериев легальности вмешательства в человеческий геном и вместе с тем отсутствие уголовно-правовой ответственности за клонирование человека;
3. Недостаточно полная защита потребителя в рамках использования генетической инженерии в хозяйственных целях.

Учет законодателем вышеперечисленных аспектов позволит упорядочить генно-инженерную деятельность и обеспечить как проведение эффективной государственной политики, так и реализацию своих прав и законных интересов субъектами частного интереса. Представляется, что назрела необходимость переосмысления действующего законодательства, которое должно найти выражение в балансе между признанием примата

достоинств генетической инженерии и поэтапном проведении научных исследований с целью недопущения нарушения прав и свобод человека.

Список использованных источников:

1. Посулихина, Н. С. Правовые режимы развития генетических технологий в медицине: опыт зарубежных стран [Электронный ресурс] / Н. С. Посулихина // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 1. – С. 167–180. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-rezhimy-razvitiya-geneticheskikh-tehnologiy-v-meditsine-opyt-zarubezhnyh-stran>. – Дата доступа: 11.10.2023.

2. Арапов, К. В. Отдельные проблемы правового регулирования генно-инженерной деятельности в РФ [Электронный ресурс] / К. В. Арапов, О. Л. Коноваленко // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 71–6. – С. 9–12. – Режим доступа: elibrary.ru/download/elibrary_45567575_44699990.pdf. – Дата доступа: 11.10.2023.

ИНСТИТУТ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА

В. В. Кухарчик

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
valerialuce42@gmail.com*

Введение института банкротство физических лиц является актуальным ввиду активного роста потребительского кредитования в стране. В статье представлены основные преимущества и недостатки функционирования данной процедуры.

Ключевые слова: банкротство; физические лица; реструктуризация долга.

В белорусской экономике и правовой системе важное значение имеет институт банкротства. Так, организации и индивидуальные предприниматели, которые не могут исполнять обязательства перед своими контрагентами и,

как следствие, причиняющие им, а также государственному бюджету ущерб, исключаются из гражданского оборота. Их хозяйственная деятельность, причиняющая ущерб другим участникам гражданского оборота, прекращается [1, с. 77].

В настоящее время в национальном законодательстве регламентируется только экономическую несостоятельность (банкротство) юридических лиц индивидуальных предпринимателей. В зарубежной практике наблюдается тенденция включения в данный правовой институт норм о личном банкротстве граждан. На наш взгляд, внедрение данной процедуры будет способствовать нормализации финансового состояния должника, так как освободит добросовестного гражданина от «долговой кабалы» и поможет ему вернуться к активной экономической жизни. Таким образом, государство поможет своим гражданам выйти из финансовых трудностей. Кроме того, в перспективе механизм поможет разрешить проблемы, связанные с закредитованностью населения.

В странах свободного предпринимательства действует этико-правовой постулат: каждый после экономической неудачи должен иметь право начать всё сначала [2, с. 101].

Введение института банкротства физических лиц приобретает актуальность в условиях рыночной экономики ввиду нарастающего развития общества потребления. Покупка недвижимости, автомобиля, получение образования – все это становится дорогостоящими вложениями. Как следствие, в стране наблюдается стабильный рост потребительского кредитования.

Если правила о банкротстве юридических лиц необходимы для удаления из экономики неэффективных производств, то правила о потребительском банкротстве необходимы для обеспечения поддержки потребительского кредита, возвращения потребителя к активной экономической жизни, в частности, путем освобождения его от долгов.

В настоящее время долги с граждан взыскиваются в порядке исполнительного производства. Недостаток механизма заключается в осуществлении данной процедуры судебными исполнителями по требованию первого кредитора. В результате кредиторы, не успевшие предъявить свои требования, остаются ни с чем.

В случае же банкротства гражданина его имущество, вошедшее в конкурсную массу, распределяется между всеми кредиторами пропорционально суммам их требований. После признания гражданина банкротом и окончания конкурсных процедур все претензии кредиторов погашаются. В настоящий период из-за отсутствия законодательной возможности банкротства граждан погашение обязательств не происходит, т. е. кредиторы имеют право обратиться с взысканием на любое (когда бы оно ни появилось) имущество должника в течение неопределенного времени [2].

Основная проблема при использовании процедуры банкротства физических лиц заключается в том, что государство несет существенные затраты на функционирование данной системы. Кроме того, возникает следующая вероятность: недобросовестные заемщики будут переводить свои активы на аффилированных с ними лиц, родственников, а затем направлять заявление в суд для признания их банкротами. Поэтому для совершенствования данного правового института целесообразно ввести уголовную и административную ответственности физического лица за преднамеренное или фиктивное банкротство.

При построении системы банкротства физических лиц следует учитывать следующие аспекты:

- 1) процедура должна служить реабилитации должника, облегчению бремени задолженности;
- 2) необходимо обеспечить справедливое распределение активов между кредиторами;
- 3) процедура должна получить доверие не только в глазах кредиторов, но и в глазах общества [1, с. 80].

Для наглядного уяснения сути данного института обратимся к опыту Российской Федерации, где механизм осуществления процедур банкротства в отношении граждан работает с 2015 г.

Гражданину, который хочет себя признать банкротом стоит знать, что с даты признания гражданина банкротом все права в отношении его личного имущества осуществляются финансовым управляющим, оплата труда которого вносится банкротом в бюджет суда, который после дела выплачивает сумму финансовому управляющему [4, с. 59].

Далее существует несколько вариантов развития событий.

Первый – реструктуризации долга, а именно после взвешенного обдумывания и анализа заработной платы должника за последние 3 года, суд выносит решения о возможном частичном погашении долга за счет вычета из заработной платы части суммы, которая будет отправляться к кредитору.

Второй – признание банкрота окончательно неплатежеспособным, все долги отменяются, продается все имеющееся имущество, за исключением оговоренных законом предметов.

Третий – подписание мирового соглашения. Следует отметить, что его можно заключить на каждой стадии процесса.

В случае окончательного банкротства для должника начинается период санкций, которые выражаются в испорченной кредитной истории сроком на пять лет, невозможностью быть акционером и предпринимателем, а также занимать руководящие должности на протяжении трех лет [4, с. 60].

Процедура банкротства дает гражданам временный мораторий на удовлетворение требований кредиторов, снимает наложенные на имущество аресты и иные ограничения, прекращает исполнительное производство. Своевременное объявление должника банкротом позволит ему избежать накопления новых долгов, связанных с выплатой штрафных санкций. При реализации имущества требования кредиторов удовлетворяются в строго определенной очерёдности с учетом принципов пропорциональности, последовательности и социальной справедливости. Кроме того, кредиторы получают свои деньги гораздо быстрее, чем в процессе исполнительного производства [5].

При введении данного правового института у должника появляются более эффективные способы распоряжения имуществом, чем продажа его на торгах по экономически невыгодным ценам судебными исполнителями.

Освобождение должника от долгов вдохновляет его стать производительным членом делового сообщества, поскольку трендом современной политики является обеспечение эффективных механизмов восстановления платёжеспособности субъектов, прежде всего налогоплательщиков [6, с. 13].

Таким образом, основная цель введения института банкротства граждан – это защита граждан, столкнувшихся с финансовыми проблемами, освобождение безнадежно обремененных долгами частных лиц от их долгов.

По мнению О. М. Ленцевича, введение института банкротства физических лиц в белорусское законодательство позволит оздоровить и стабилизировать социально-экономическую ситуацию в государстве, вернуть обществу экономически активных субъектов, помочь кредиторам в оптимальном разрешении их проблем с должниками, экономя их средства и время, а также легитимизируя процедуру взыскания просроченных долгов [7, с. 217] .

Список использованных источников:

1. Садовников, С. В. Введение в правовую систему Республики Беларусь института банкротства физических лиц, проблемы и перспективы / С. В. Садовников // Теоретико-прикладные перспективы научного обеспечения современного развития экономики : материалы междунар. круглого стола, Минск, Беларусь, 23 мая 2019 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности; Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Институт управленческих кадров, Фак. управления, Каф. гражданского и хозяйственного права ; под ред. В. С. Каменкова, Н. Л. Бондаренко. – Минск : БГУ, 2019. – С. 77–81.

2. Говзич, В. Г. Институт банкротства физического лица: международный опыт и практика применения на постсоветском пространстве / В. Г. Говзич, О. М. Ленцевич // Вестн. Коми респ. акад. гос. службы упр. Сер.теор. и практика упр. – 2019. – 22. – С. 97–105.

3. Мордачева, Т. Н. Социально-экономические факторы, определяющие необходимость введения в отечественное законодательство института банкротства граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями [Электронный ресурс] / Т. Н. Мордачева // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. Тяпугина, А. М. Банкротство физических лиц: основные проблемы / А. М. Тяпугина // Синергия наук. – 2022. – 69. – С. 58–63.

5. Мордачева, Т. Н. Правовое регулирование банкротства (несостоятельности) граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями [Электронный ресурс] / Т. Н. Мордачева // ЭТАЛОН.

Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

6. Голубцов, В. Г. Зарубежные и национальные стандарты регулирования института несостоятельности (банкротства) гражданина / В. Г. Голубцов // Российский юридический журнал. – 2016. – 5. – С. 13–15.

7. Ленцевич, О. М. К вопросу о содержании понятия «банкротство физического лица» и целесообразности его введения в Республике Беларусь / О. М. Ленцевич // Государство и право в XXI веке : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета, 26–27 ноября 2020 года, г. Минск / БГУ, Юридический фак. ; редкол.: Т. Н. Михалева (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 214–218.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ОБЛАСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ (ХОЗЯЙСТВЕННОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. М. Липницкий

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
carneroid@gmail.com*

О. М. Куницкая

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
volhakun@mail.ru*

В статье исследуются правовые основы, основные принципы государственного регулирования, анализируются существующие механизмы регулирования в республике и предлагаются направления по повышению эффективности законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: государственное регулирование; экономическая политика; экономическая безопасность.

Государственная экономическая политика – элемент внутренней и внешней политики государства, призванный определять стратегию, тактику и содержание процессов, обеспечивающих производство и потребление материальных и нематериальных благ, экономический рост, безопасные условия функционирования национальной экономики и развитие социальной сферы общества [1, с. 28].

Правовые основы государственной экономической политики закреплены в таких нормативных правовых актах как: Конституция Республики Беларусь, определяющая конституционно-правовые основы государственной экономической политики; Закон Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» (далее – Закон), которые определяют принципы, стратегические цели, основные задачи и сферы внутренней и внешней политики государства; Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 (далее – Концепция). Она призвана обеспечить единство подходов к формированию и реализации государственной политики обеспечения национальной безопасности, а также методологическую основу совершенствования актов законодательства в различных сферах национальной безопасности, разработки документов стратегического планирования.

Постановлением Совета Министров и Национального банка от 18 января 2016 г. № 28/2 намечен комплекс мер по решению задач социально-экономического развития Беларуси и обеспечению макроэкономической сбалансированности. Указ Президента Республики Беларусь от 23 февраля 2016 г. № 78 «О мерах по повышению эффективности социально-экономического комплекса Республики Беларусь» определяет системные меры, направленные на повышение эффективности функционирования экономики за счет обеспечения надлежащего качества управления государственными предприятиями и снижения себестоимости продукции, развития добросовестной конкуренции на внутреннем рынке, роста и диверсификации экспорта, рационального импортозамещения.

Основные сферы, в которых реализуется внутренняя политика Республики Беларусь, определены в п. 4 Закона. Одной из них названа экономика, включая институциональные преобразования, бюджетно-

финансовую, налоговую, денежно-кредитную и валютную политику, развитие реального сектора экономики, таможенную политику, политику в сфере инвестиций, инновационную деятельность.

Постановлением Совета безопасности Республики Беларусь от 6 марта 2023 г. № 1 «О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» (далее – Проект Концепции) одобрен и в настоящее время проходит общественное обсуждение с привлечением представителей научного и экспертного сообщества. Как указано в Проекте Концепции он отражает трансформацию всего спектра современных угроз и определяет единые подходы к формированию и реализации *государственной политики в сфере национальной безопасности Республики Беларусь*. Новый проект затрагивает экономическую сферу и определяет экономическую безопасность как состояние защищенности отраслей и сфер экономики от воздействия *угроз*, препятствующих устойчивому социально-экономическому развитию Республики Беларусь. *Угроза национальной безопасности* – реально существующая опасность нанесения вреда национальным интересам Республики Беларусь. *Национальные интересы* – совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права и свободы, высокое качество жизни граждан, согласие в обществе, незыблемые устои народовластия и правового государства, его независимость, территориальную целостность и суверенитет.

Национальные интересы Республики Беларусь охватывают все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства, тесно взаимосвязаны и являются концептуальными ориентирами для ее долгосрочного развития.

В соответствии с п. 10 Проекта Концепции в экономической сфере основными национальными интересами являются:

экономический рост и повышение конкурентоспособности белорусской экономики на основе ее структурной перестройки, совершенствования системы управления, устойчивого инновационного развития, активного инвестирования в человеческий капитал и высокие технологии, снижения издержек и развития высокотехнологичных, экспортно-ориентированных и импортозамещающих производств;

обеспечение ценовой и финансовой стабильности;

развитие национального финансового рынка и регулируемой государством интеграции в международную финансовую систему;

недискриминационный доступ на мировые рынки товаров, услуг и финансов, а также сырьевых и энергетических ресурсов;

достижение уровня энергетической безопасности, обеспечивающего приемлемый уровень диверсификации топливно-энергетического баланса страны по видам и поставщикам потребляемых топливно-энергетических ресурсов, снижение энергоемкости ВВП;

обеспечение продовольственной безопасности;

внедрение перспективных технологий в экономику страны, в том числе за счет прямых иностранных инвестиций, доступность зарубежных кредитных ресурсов;

поддержание товарной и страновой диверсификации экспорта товаров и услуг, сбалансированность внешней торговли, обеспечение внешнеэкономической безопасности;

взаимовыгодное и недискриминационное экономическое сотрудничество в рамках международных интеграционных объединений;

сбалансированное развитие государственного и частного секторов;

создание условий для сбалансированного развития регионов;

развитие цифровых технологий и регулируемой цифровой трансформации экономики.

Стратегическими национальными интересами являются, в том числе, устойчивое социально-экономическое развитие и высокая конкурентоспособность белорусской экономики (п. 8 Проекта Концепции).

Концепция правовой политики Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 наряду с иным, определяют приоритетные направления развития законодательства. В данной Концепции под правовой политикой понимается научно обоснованная деятельность государства при участии граждан, общественных институтов по формированию и развитию всех элементов правовой системы (п. 1). В главе 5 «Правовая политика в области развития законодательства» определены мероприятия по законодательству о государственном управлении, где сложно выявить связи с проанализированными нами актами законодательства. В сферах законодательства об обороне и национальной безопасности предусмотрено усилить правовыми средствами обеспечение различных сфер

национальной безопасности (экономической, военной, экологической и иных) (п. 42.1).

В сферах гражданского, экономического (хозяйственного) законодательства предстоит:

1) совершенствовать нормативные правовые акты с учетом современных экономических потребностей государства, общества и граждан при сохранении устоявшихся эффективно действующих институтов;

2) реализовывать принцип социальной ответственности бизнеса перед государством, обществом и гражданами;

3) развивать организационно-правовые формы предпринимательской и иной экономической (хозяйственной) деятельности с учетом характера и видов такой деятельности, активно стимулировать переход к организованному ведению бизнеса;

4) урегулировать вопросы обращения цифрового имущества и цифровых имущественных прав, применения искусственного интеллекта, робототехники, киберфизических систем, беспилотного транспорта;

5) совершенствовать законодательство в сфере промышленности и сельского хозяйства в целях удовлетворения потребностей населения в качественной и доступной продукции, развития импортозамещающих технологий и производств, а также наращивания экспортного потенциала;

6) стимулировать развитие строительной отрасли, в том числе посредством: систематизации законодательства в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, преодоления излишней регуляторной нагрузки на отрасль, в том числе за счет внедрения дифференцированных подходов и альтернативных механизмов с учетом специфики объектов строительства и круга его участников, при безусловном обеспечении безопасности строительства, соблюдении его нормативных сроков; разработки, корректировки и внедрения строительных норм и строительных правил, а также стимулирования применения строительных правил как инструмента «мягкого» регулирования в строительстве; участия в разработке технических регламентов ЕАЭС на строительные материалы и изделия, соответствующие современным достижениям науки, техники и технологий; 7) провести кодификацию инвестиционного законодательства, а также систематизацию (кодификацию) национального законодательства в сфере интеллектуальной собственности; 8) развивать на постоянной основе

правовое регулирование жилищных отношений, в том числе посредством: расширения возможностей граждан для самостоятельного решения жилищного вопроса; повышения эффективности использования государственного жилищного фонда, в том числе путем закрепления приоритета первоочередного обеспечения арендным жильем работников бюджетной сферы, а также передачи в собственность арендного жилья отдельным категориям граждан; совершенствования порядка управления общим имуществом совместного домовладения, а также обеспечения надлежащей эксплуатации жилищного фонда, включая установление акцентов на ответственность каждого собственника за принадлежащее ему имущество.

Государственное регулирование экономики – это целенаправленная деятельность государства в лице соответствующих законодательных, исполнительных и контролирующих органов, которые посредством системы различных форм и методов обеспечивают достижение поставленной цели и решение важнейших экономических и социальных задач соответствующего этапа развития экономики, регламентируют хозяйственные отношения в обществе [2, с. 26].

Государственное регулирование хозяйственной деятельности, являясь по своей сути публичной деятельностью, основывается на функциональной заданности цели (например, реализация государственной экономической политики), средств ее достижения (наличие предусмотренных в нормах права приемов, способов воздействия на объект), форм, т.е. способов существования, выражения и преобразования (изменения или отмены) этих средств (все приемы и способы воздействия на объект имеют правовую форму таких актов, как целевая программа, разрешение, квота, лицензия)), процесса ее осуществления (предусмотренные нормами права процедуры) [3, с. 8].

Государство Республики Беларусь регулирует экономическую (хозяйственную) деятельность с помощью различных инструментов и механизмов, куда включается формирование и реализация государственной экономической политики. Государство разрабатывает стратегии и программы развития экономики, регулирует макроэкономические показатели (инфляцию, уровень безработицы, рост ВВП и пр.), а также определяет приоритетные отрасли для инвестиций и развития.

Будет уместным использовать некоторые способы эффективного государственного регулирования в области осуществления экономической (хозяйственной) деятельности Республики Беларусь.

Установление прозрачной и стабильной законодательной базы.

Один из ключевых способов эффективного государственного регулирования экономической (хозяйственной) деятельности – разработка и внедрение прозрачной и стабильной законодательной базы, в соответствии с *Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. №130-З «О нормативных правовых актах»*. Это включает в себя принятие законов, регулирующих различные аспекты хозяйственной деятельности, а также их последующую систематизацию и обновление в соответствии с изменяющимися условиями на рынке. Экономическое (хозяйственное) законодательство должно развиваться и совершенствоваться в соответствии с Концепцией правовой политики.

Создание эффективной системы контроля и надзора.

Для обеспечения эффективного государственного регулирования необходимо создать эффективную систему контроля и надзора за хозяйственной деятельностью, в соответствии с *Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2017 г. № 376 «О мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности»*. Контроль должен быть направлен на предотвращение незаконной деятельности, обеспечение соблюдения законодательства и равных условий конкуренции.

Разработка и внедрение инструментов стимулирования.

Государство может использовать различные инструменты стимулирования для эффективного регулирования экономической (хозяйственной) деятельности, в соответствии с *Директивой Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь»*. Например, введение налоговых льгот или субсидий для определенных отраслей экономики, создание специальных фондов для развития малого и среднего бизнеса, а также предоставление государственных гарантий и льгот при привлечении инвестиций [4, с. 18].

Развитие конкуренции. Закон Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» определяет организационные и правовые основы

противодействия монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции и направлен на обеспечение условий для развития конкуренции, создания и эффективного функционирования товарных рынков.

Еще одним способом эффективного государственного регулирования экономической (хозяйственной) деятельности в Беларуси является создание благоприятного инвестиционного климата. *Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. №53-З «Об инвестициях»* определяет правовые основы и основные принципы осуществления инвестиций на территории Республики Беларусь и направлен на привлечение инвестиций в экономику Республики Беларусь, обеспечение гарантий, прав и законных интересов инвесторов, а также их равной защиты.

Другим способом эффективного регулирования является разработка и реализация стратегий развития отдельных отраслей экономики, в соответствии с *Указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы»*. В основу разработки Программы положены предвыборная программа Президента Республики Беларусь, ключевые задачи Послания Главы государства белорусскому народу и положения, одобренные на VI Всебелорусском народном собрании. Программа подготовлена исходя из преемственности целей и задач Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года, директив Президента Республики Беларусь от 14 июня 2007 г. № 3 «О приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства», от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» и других правовых актов.

Список использованных источников:

1. Хозяйственное право: электронный учебно-методический комплекс для специальностей: 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право», 1-23 01 06-01 «Политология (политико-юридическая деятельность)» / Н. Л. Бондаренко [и др.]; БГУ, Юридический фак., Каф. хозяйственного права. – Минск: БГУ, 2022. – 197 с.

2. Антонова, Н. Б. Государственное регулирование экономики: учеб. : в 2 ч. / Н. Б. Антонова, О. Б. Хорошко. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2021. – Ч.2. – 286 с.

3. Синьков, Б. Б. Хозяйственное право: курс лекций для магистрантов / Б. Б. Синьков. – Минск: БНТУ, 2014. – 163 с.

4. Пелих, С. А. Байнев, В. Ф. Орешин В. П. [и др.] ; под общ. ред. проф. С. А. Пелиха ; Государственное регулирование переходной экономики. Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – Минск : Право и экономика, 2008. – 484 с.

ФИСКАЛЬНОЕ АГЕНТИРОВАНИЕ КАК ВИД АГЕНТСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ⁹

Ю. О. Лысаковская

*Академия Управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь
julia.lysakovskaya@gmail.com*

Понимание природы агентских отношений, их места в национальной системе права, в том числе в системе фискальных правоотношений, может стать эффективной правовой конструкцией функционирования организационно-правового механизма управления государственной собственностью.

Ключевые слова: агентские отношения, фискальное агентирование, хозяйственное право, фискальное регулирование, монополия на функцию, монополия на осуществление деятельности

Современное развитие информационного общества, предполагающее трансформацию государственных и общественных отношений, отмечается тенденцией объективного роста научного интереса к преобразованию ряда институциональных правовых структур в целях обеспечения их «адаптивной

⁹ Статья подготовлена представителем научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета в рамках научного проекта «Трансформация организационно-правового механизма управления государственной собственностью в Республике Беларусь», осуществляемого в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы (№ ГР 20212053).

эффективности» [1, с. 11–12]. Адаптивная эффективность национальной экономики неразрывно связана с институциональной эффективностью правовой системы.

В отечественной науке вопросам правовой институализации уделяется должное внимание представителями научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета, в частности Н. Л. Бондаренко и Ю. Г. Конаневич, труды которых в области хозяйственного права направлены на решение значимых для белорусской науки, общества и государства проблем в сфере хозяйственной деятельности [2, 3, 4, 5]. Автор рассматривает возможности применения агентских отношений в фискальной сфере.

Сфера действия агентирования представляется безграничной, усматривается целесообразность применения данного вида договора как в публичной хозяйственной деятельности, так и в частной. Такие отношения реализуются посредством общего для участников отношений волевого акта – договора. Об этом упоминал К. Маркс в своем «Капитале»: «Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами; таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный... Это юридическое отношение, формой которого является договор, – все равно закреплен ли он законом или нет, – есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением» [6, с. 94].

Вопрос социальной и экономической эффективности остро стоит на макро- и микроуровне, в связи с чем механизм эффективного управления государственной собственностью требует наличия актуального и эффективного юридического механизма. В настоящее время требуется совершенствование законодательной базы в сфере фискального регулирования [5, с. 48], а также объективно необходимо делегирование ряда функции государства, охватывающей все сферы экономически и социально значимых отношений, иным субъектам фискальных отношений на принципах государственно-частного партнерства в новом его понимании [7].

Как отмечают Н. Л. Бондаренко и Ю. Г. Конаневич, фискальные правоотношения являются самостоятельной и весьма обширной группой общественных отношений, институциональной средой которых выступает совокупность публично-правовых и частноправовых институтов, функционирующих на основе инфраструктуры государства, призванных обеспечить:

бесперебойное и эффективное функционирование казны;

непрерывное поступление средств в казну и в комбинированные фонды финансовых ресурсов (являющиеся свойством публичноправовых организаций);

функционирование механизма государственной власти и государственного управления;

возможность государства выполнять свои функции с использованием механизма государственной власти и механизма государственного управления, функционирующих на основе финансового, монетарного и пруденциального механизмов [5, с. 49].

Деятельность государства по управлению и контролю в экономической сфере, его участие в международных отношениях признается нами как государственная монополия на функции и монополия на осуществление отдельных видов деятельности [7]. Анализ опыта ряда зарубежных стран, опыта Российской Федерации доказывает эффективность делегирования ряда функций государства иным субъектам права.

К примеру, государство делегирует право на осуществление определенного вида хозяйственной деятельности (в некоторых случаях – творческой деятельности) (статья 3 Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», статья 10 Закона Республики Беларусь «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства»), в том числе посредством института концессий и т.п.

Делегирование государственной монополии на владение определенными объектами гражданских прав (статья 7 Закона Республики Беларусь «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства») осуществляется государством,

в том числе в рамках института концессий, института инвестиционного договора с Республикой Беларусь и т. п.

Исключительные права на выполнение функций субъекта международного права делегируются государством, например: делегирование отдельных функций военной организации государства так называемым «частным военным компаниям»; делегирование государством функций управления и использования ресурсами исключительной экономической зоны государства или континентального шельфа в соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций по морскому праву; использование механизма концессий и публично-частного партнерства, в том числе, в форме государственно-частного партнерства, известного правовой системе Республики Беларусь, и др.

Российское право позволяет государству делегировать исключительное право на управление территориальными единицами – передача коммерческой организации функции управления территорией опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации на основании Федерального закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» и др. [8, с. 78].

Агентские институциональные формы в государственном секторе должны быть ориентированные на достижение государственных (некоммерческих) целей, например, на формирование приоритетов государственной политики. В последние годы особое значение для продвижения государства на международной арене приобретает такой институт как «национальный бренд». Республика Беларусь обладает большим социально-экономическим потенциалом и уникальными продуктами, в связи с чем реализация эффективной концепции странового маркетинга представляется приоритетной. Принимая во внимание специфику странового маркетинга и продвижения национального бренда как части государственной политики очевидна целесообразность делегирования полномочий государства по управлению объектами интеллектуальной собственностью и иных функций государства профессиональным участникам хозяйственного оборота. Деятельность государства в сфере странового маркетинга – фискальная хозяйственная деятельность, являющейся крайне сложной экономической, правовой и организационной конструкцией, в каждый элемент которой вплетен политический элемент – необходимость реализации

и защиты национальных интересов [9, с. 531–532]. Полагаем, любая деятельность в сфере странового маркетинга непременно должна осуществляться либо государственными институтами со специальной публичной и гражданской правосубъектностью (субъекты государственной монополии) либо организациями и физическими лицами, которые наделены правовым положением субъекта государственной монополии [9, с. 534].

Большая доля хозяйственной деятельности государства приходится на *торги*. В настоящее время в литературе отсутствует приемлемая концепция правовой природы торгов, в том числе на право заключения государственных контрактов, предмет торгов как сделки не попадает в поле зрения исследователей. С точки зрения национального гражданского законодательства (статья 417 Гражданского кодекса Республики Беларусь) торги (аукцион, конкурс) можно рассматривать как одностороннюю сделку организатора торгов с некоторым кругом лиц (в случае открытых торгов – неопределенным кругом лиц, в случае закрытых – определенным). Представляется, что предметом торгов выступает выявление лучшего предложения, при этом функции и полномочия в этом процессе делегируются неопределенному или определенному числу лиц, то есть усматриваются признаки агентских отношений с неопределенным или определенным числом лиц (участников тендера).

Агентские институциональные формы в государственно-частном секторе. В основе формирования государственно-частного сектора лежит явление «смешанной» (государственной и коммерческой) направленности результатов хозяйственной деятельности. Проект, в отношении которого имеется публичный и частный интерес, реализуется в рамках государственно-частного партнерства, которое представляет собой неоднородное (двухцелевое) агентское отношение [10, с. 323]. Полагаем, в этом случае следует вести речь о специфических соглашениях о публично-частном партнерстве, отличных от соглашений о безусловном приоритете осуществления инвестиций в действующей редакции Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве», то есть закрепить правовую конструкцию базового предмета соглашений о публично-частном партнерстве.

Таким образом, многообразие хозяйственной деятельности, как публичной, так и частной, предполагает существенное делегирование

полномочий по передаче имущества и имущественных прав от одних лиц (принципалов) к другим (агентам), то есть в использовании агентских отношений, рассматриваемых в весьма широком смысле, далеко выходящем за рамки привычного для национальной правовой системы восприятия посредничества по модели договора комиссии или поручения, договора возмездного оказания услуг.

Таким образом, в основе делегирования функции государства находится механизм и методология агентирования [7, 8]. Иными словами, *фискальное агентирование* – это один из специфических сегментов системы агентских правоотношений, принципалом в которых выступает государство, и в отношении которого известные на данный момент договорные отношения агентского характера (комиссия, поручение) не применимы.

Список использованных источников:

1. Абрамова, А. И. Проблемы правовой институализации в контексте развития современного российского общества / А. И. Абрамова // Журнал российского права. – 2020. – № 10. – С. 16–24.

2. Бондаренко, Н. Л. Белорусская наука хозяйственного права : проблемы и перспективы развития / Н. Л. Бондаренко // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. Вып. 6 / ГрГУ им. Я.Купалы; редкол.: И.Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2021. – С. 39–47.

3. Бондаренко, Н. Л. Кондиционное право как самостоятельная отрасль права и как элемент механизма пруденциального регулирования / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Ю. А. Хилинская // Российский правовой журнал. – 2021. – № 2 (7). – С. 60–77.

4. Бондаренко, Н. Л., Конаневич, Ю. Г. Трансформация институтов собственности и хозяйственной деятельности в свете конституционных преобразований / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Современные проблемы белорусского законодательства в условиях конституционных преобразований / под общ. ред. Г. А. Василевича, А. Ф. Вишневого, В. А. Кучинского, К. Л. Томашевского. – Минск : Амалфея, 2022. – 360 с.

5. Бондаренко, Н. Л. Фискальное регулирование и фискальное право: проблемы идентификации и институционализации // Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая // Право.by. – 2022. – № 1 (75). – С. 46–51.

6. Маркс, К. Капитал. Т. 1 Кн. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. / Подг. к печати А. И. Малыш. – М. : Политиздат, 1960. – Т. 23. – 907 с.

7. Лысаковская, Ю. О. Перспективы институализации агентского договора в праве Республики Беларусь / Ю. О. Лысаковская, Ю. Г. Конаневич // *Ex Jure*. – 2022. – № 1. – С. 74–85.

8. Лысаковская, Ю. О. Фискальное агентирование как инструмент делегирования экологической функции государства / Ю. О. Лысаковская // Проблемы систематизации комплексных отраслей законодательства : Сборник статей по материалам круглого стола, посвященного 30-летию принятия закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», Минск, 17 марта 2023 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2023. – С. 166–168.

9. Лысаковская, Ю. О. Агентские отношения как основа функционирования системы странового маркетинга // Страновой маркетинг / состав.: Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич. – Минск : Ковчег, 2022. – С. 535–555.

10. Ерёменко, Г. А. Роль агентских отношений в сфере науки и инноваций / Г. А. Ерёмёно // Управление наукой и наукометрия. – 2008. – № 4. – С. 313–328.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ¹⁰

Е. В. Максименко

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
MAKSIMENKAEV@bsu.by*

В статье рассмотрены основные аспекты инвестиционной деятельности в строительстве, особенности правового регулирования складывающихся в этой сфере правоотношений, основные нормативные источники. Обозначены изменения правового регулирования строительной деятельности, влияющие

¹⁰ Статья подготовлена представителем научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета.

на привлечение инвестиций, а также направления дальнейшего развития законодательства в данной области.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, инвестиции, строительство, правовое регулирование

Инвестиционно-строительная сфера представляет собой экономические взаимоотношения между ее субъектами по осуществлению инвестиций в основной капитал в виде капитальных вложений. Строительство традиционно считается привлекательным видом экономической деятельности для инвестирования. Так, согласно данным Министерства экономики Республики Беларусь по итогам работы за январь-сентябрь 2023 г. темп роста инвестиций в основной капитал составил 111,9% к аналогичному периоду 2022 г., при этом темп роста объема строительно-монтажных работ – 106,4%, а доля строительства среди других отраслей для инвестирования составила 13,1% [1].

Эффективность вложения и использования инвестиций во многом зависит от инвестиционной политики государства, неотъемлемым элементом которой является регулирование данной сферы. Уровень нормативно-правового регулирования инвестиционной деятельности непосредственно характеризует инвестиционный климат в стране. Каждое государство определяет в законодательной форме правовые, экономические и социальные условия инвестиционной деятельности, влияющие на прибыльность, рискованность и ликвидность инвестиций. Суть правовых мер применительно к инвестиционной сфере заключается в разработке и принятии соответствующих нормативных актов, призванных обеспечить ее юридическое сопровождение.

Государственное же регулирование инвестиционно-строительной деятельности направлено на то, чтобы обеспечить упорядоченность процессов такой деятельности, поскольку ее правовое регулирование имеет комплексный характер.

Отношения, возникающие между субъектами строительной деятельности, регламентируются нормами гражданского, уголовного, административного, финансового права, а также других отраслей права. Особенность правового регулирования отношений, которые возникают в инвестиционно-строительной деятельности, заключается еще и в том, что

помимо многочисленных нормативных правовых актов в этой сфере действуют технические нормативные правовые акты.

Строительство представляет собой непрерывный инвестиционный процесс, осуществляемый на протяжении жизненного цикла возводимых объектов, участниками которого являются многочисленные субъекты.

В инвестиционно-строительных проектах участвует широкий круг субъектов, к которым относятся инвесторы, заказчики, застройщики, подрядчики в строительной деятельности, разработчики проектной документации, инженерные организации и другие субъекты. В строительстве также выделяются правоотношения с органами власти и государственными организациями, связанные такими процедурами, как получение прав на земельный участок для строительства, прохождение государственной экспертизы проектной документации, оформление разрешений на строительство и другими аналогичными процедурами [2; с. 269].

Инвестиционная деятельность опосредуется различными по природе отношениями, возникающими на основе договоров между ее непосредственными участниками, а также публичными отношениями, представляющими государственное регулирование и контроль инвестиционной деятельности.

Значительный спектр взаимодействий в сфере строительства и его юридическое закрепление определяет возникновение правовых проблем, как для самих хозяйствующих субъектов, так и судебных инстанций и других государственных органов.

Совершенствование правового регулирования строительной деятельности в Республике Беларусь, направленное, в том числе, на упорядочение процессов в данной сфере, нашло свое непосредственное отражение в Кодексе Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности от 17 июля 2023 г. № 289-З (далее – Кодекс), основные положения которого вступят в силу 23 июля 2024 г.

Правовое регулирование строительной деятельности является одной из наиболее сложных областей законодательства, учитывая его комплексный характер, а также многочисленные административные процедуры, которые способны снизить привлекательность сферы для потенциальных инвесторов, прежде всего для малого и среднего бизнеса.

Задачами, которые ставились перед разработчиками явились мероприятия по дальнейшему совершенствованию и упрощению требований к архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, минимизация административных процедур и вмешательства государственных органов в строительную деятельность, а также: обобщение и актуализация нормативных правовых актов в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности; дальнейшее сокращение, упорядочение и консолидацию требований технических нормативных правовых актов (включая противопожарные, санитарные и природоохранные требования) к строительству объектов [3].

Учитывая весь массив нормативных правовых актов назрела необходимость облечь их в понятную и доступную структуру, соответственно Кодекс объединил и систематизировал нормативные правовые акты, действующие в строительстве.

Термин «инвестор» используется в Кодексе, но его определение не дается, поскольку для целей Кодекса термин «инвестор» используется в значении, определенном Законом от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях», а также провозглашается принцип обеспечения равных прав субъектов архитектурной, градостроительной и строительной деятельности [3]. Данное обстоятельство свидетельствует о едином и комплексном подходе к инвестиционно-строительной деятельности.

В действующем законодательстве общие гарантии для инвесторов, которые распространяются, в том числе на инвестиционно-строительную сферу, закреплены в Законе Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях», а именно:

– беспрепятственный перевод за пределы Республики Беларусь прибыли (доходов) и иных правомерно полученных денежных средств, связанных с осуществлением инвестиций на территории Республики Беларусь, а также платежей, производимых в пользу иностранного инвестора и связанных с осуществлением инвестиций, после уплаты установленных законодательством Республики Беларусь налогов, сборов (пошлин) и иных обязательных платежей в республиканский и местные бюджеты, государственные внебюджетные фонды;

- право на предоставление им земельных участков в пользование, аренду, собственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь об охране и использовании земель;

- право на льготы и преференции при осуществлении инвестиций в приоритетные виды деятельности, и в иных случаях, установленных законодательными актами Республики Беларусь и (или) международно-правовыми актами, обязательными для Республики Беларусь;

- право на привлечение в Республику Беларусь иностранных граждан и лиц без гражданства для осуществления трудовой деятельности;

- право на заключение договора (договоров) с Республикой Беларусь;

- защиту имущества от национализации и реквизиции;

- право на досудебное разрешение споров.

С 2009 г. в Республике Беларусь действует институт «инвестиционных договоров». Инвестиционный договор определяется как самостоятельный договорный тип, а механизм его реализации закреплен Декретом Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 г. № 10 «О создании дополнительных условий для осуществления инвестиций в Республике Беларусь» и принятым в его развитие рядом иных нормативных правовых актов.

Декретом установлено, что инвестиционный договор между инвестором и Республикой Беларусь может заключаться только в целях реализации на территории Республики Беларусь инвестиционного проекта, соответствующего приоритетному виду деятельности (сектору экономики) для осуществления инвестиций. В свою очередь, строительство, в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 мая 2016 г. № 372 «О приоритетных видах деятельности (секторах экономики) для осуществления инвестиций и признании утратившим силу постановления Совета Министров от 26 февраля 2014 г. № 197», является непосредственно таким приоритетным видом деятельности.

Нормами данного Декрета установлены как льготы для инвесторов, так и механизмы реализации имущественных прав участников инвестиционных правоотношений, в том числе и в случае неисполнения ими своих обязательств.

Законом Республики Беларусь от 22 июля 2003 г. № 226-З «О валютном регулировании и валютном контроле» закреплены права нерезидентов без ограничений открывать счета в белорусских рублях и (или) иностранной

валюте в банках Республики Беларусь, без ограничений переводить белорусские рубли и (или) иностранную валюту со своих счетов, открытых в иностранных банках, на свои счета, открытые в банках Республики Беларусь, без ограничений переводить белорусские рубли и (или) иностранную валюту со своих счетов, открытых в банках Республики Беларусь, на свои счета, открытые в иностранных банках, или другие свои счета, открытые в банках Республики Беларусь. Данное обстоятельство является весьма существенным при реализации имущественных прав иностранных инвесторов и закрепляет гарантии, регламентированные в Законе Республики Беларусь «Об инвестициях».

В Республике Беларусь в целом созданы надлежащие правовые условия для осуществления инвестиционной деятельности и реализации имущественных прав участников инвестиционных правоотношений в строительстве, законодательство, при этом, постоянно совершенствуется.

При этом, следует отметить, что в инвестиционно-строительной сфере принципиально важно обеспечить стабильность инвестиционной деятельности, особенно, связанной с реализацией приоритетных проектов, что, в свою очередь, предполагает наличие норм, обеспечивающих действие оговорки о защите инвестора от ужесточения национального законодательства в течение определенного периода времени.

Инвестиционная деятельность в строительстве носит предпринимательский характер и так же, как предпринимательство, характеризуется особенностями как самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое извлечение прибыли. Ее правовое регулирование должно строиться с учетом этого обстоятельства, а также отличительных признаков инвестиционных обязательств, прежде всего, их содержания и направленности, а именно как процесса многогранного, длительного, в котором много стадий.

Управление данным процессом, сокращение сроков и стоимости объектов строительства без снижения базовых требований безопасности является важнейшей задачей, которая должна быть обеспечена соответствующим правовым регулированием.

Список использованных источников:

1. Результаты инвестиционной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://economy.gov.by/ru/pezzultat-ru/> – Дата доступа: 13.10.2023.
2. Максименко, Е. В. Проблематика соотношения публичного и частного в правовом регулировании строительной деятельности / Е. В. Максименко// Межотраслевые связи в частном и публичном праве / отв. ред.: Д. Х. Валеев, А. В. Михайлов. – Казань : Издательство Казанского университета, 2022. – 376 с.
3. Комментарий к Кодексу Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности (часть 1) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2023/august/75094/> – Дата доступа: 13.10.2023.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С УЧЕТОМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СМЯГЧАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Д. А. Малец

*Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь,
ул. Красноармейская, 9, 220016, г. Минск, Беларусь,
malets@rozp.by*

В материале автор на основе действующего законодательства Республики Беларусь осуществляет анализ отдельных проблем освобождения от административной ответственности по такому основанию, как наличие обстоятельств, смягчающих ответственность.

По результатам исследования и в целях правильного и единообразного применения норм, регулирующих вопросы освобождения от административной ответственности, сформулировано предложение по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: административное право, административно-деликтное право, административный процесс

В соответствии со статьей 8.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП) может быть освобождено от административной ответственности совершившее административное правонарушение:

физическое лицо – при наличии одного из обстоятельств, предусмотренных п.п. 2, 3 и 6 ч. 1 ст. 7.2 КоАП;

юридическое лицо – при наличии обстоятельств, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 7.2 КоАП.

Указанными обстоятельствами являются: предотвращение лицом, совершившим административное правонарушение, вредных последствий; добровольное возмещение или устранение причиненного вреда либо исполнение возложенной на лицо обязанности, за неисполнение которой налагается административное взыскание; совершение административного правонарушения физическим лицом под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости.

Юридическое лицо, совершившее административное правонарушение, может быть освобождено от административной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 8.4 КоАП только при наличии обстоятельства, указанного в п. 3 ч. 1 ст. 7.2 КоАП, а именно в случае добровольного возмещения или устранения причиненного вреда либо исполнения возложенной на лицо обязанности, за неисполнение которой налагается административное взыскание. Указанное обстоятельство ставит юридические лица в худшее положение по отношению к другим субъектам административной ответственности, таких как физических лиц, индивидуальных предпринимателей, которые могут быть освобождены от административной ответственности также при наличии смягчающих обстоятельств, указанных в п.п. 2, 6 ч. 1 ст. 7.2 КоАП.

В рассматриваемой ситуации неприменение по отношению к юридическим лицам п. 6 ч. 1 ст. 7.2 КоАП является оправданным, поскольку содержание такого смягчающего обстоятельства как совершение административного правонарушения физическим лицом под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости, прямо предусматривает его применение только по отношению к физическим лицам, совершившим административные правонарушения.

На наш взгляд, неприменение по отношению к юридическим лицам такого основания для освобождения от административной ответственности как предотвращение лицом, совершившим административное правонарушение, вредных последствий такого правонарушения, является достаточно спорным.

На основании изложенного предлагается изложить статью 8.4 КоАП в следующей редакции:

«8.4. Может быть освобождено от административной ответственности совершившее административное правонарушение:

физическое лицо - при наличии одного из обстоятельств, предусмотренных пунктами 2, 3 и 6 части 1 статьи 7.2 настоящего Кодекса;

юридическое лицо - при наличии обстоятельств, предусмотренных пунктами 2, 3 части 1 статьи 7.2 настоящего Кодекса.»

Реализация указанного предложения позволит применять ст. 8.4 КоАП в отношении юридических лиц при наличии такого смягчающего обстоятельства как предотвращение лицом, совершившим административное правонарушение, вредных последствий, что обеспечит равный подход к освобождению от административной ответственности таких субъектов правонарушения как индивидуальные предприниматели и юридические лица.

К ВОПРОСУ О САМОЗАНЯТОМ ЛИЦЕ КАК СУБЪЕКТЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЧЛЕНЕ ДОМОХОЗЯЙСТВА¹¹

Н. А. Мешкова

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
nmeskova10@gmail.com*

Статья посвящена самозанятому лицу как субъекту хозяйственной деятельности и члену домохозяйства. Не смотря на наличие достаточно большого количества работ, посвященных исследованию самозанятости, в

¹¹ Статья подготовлена представителем научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета в рамках научного проекта научного проекта «Трансформация организационно-правового механизма управления государственной собственностью в Республике Беларусь», осуществляемого в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы (№ ГР 20212053).

настоящее время отсутствует сформированный категориально-понятийный аппарат самозанятости, что порождает ряд теоретических и практических проблем. В качестве одной из таких проблем является определение круга субъектов отношений, складывающихся по поводу осуществления деятельности в режиме самозанятости.

Ключевые слова: самозанятое лицо, субъект хозяйственной деятельности, публичная монополия, государственная монополия, домохозяйство.

Не смотря на достаточно большое количество работ, посвященных самозанятости, категориально-понятийный аппарат данного общесоциального явления не сформирован, что является проблемой как теоретического, так и практического характера. Ведь от надлежаще сформированного категориально-понятийного аппарата, позволяющего определить, что же такое самозанятость, выявить ее правовую природу, определить конструкцию таких отношений (как организационную, так и правовую), разграничить отношения, складывающиеся по поводу осуществления деятельности в режиме самозанятости, от иных отношений, зависит эффективность правового регулирования соответствующего институционального явления. Выявление субъектов, осуществляющих деятельность в режиме самозанятости, позволит достичь указанную цель, а также отграничить такие отношения от иных.

Самозанятое лицо – это субъект хозяйственных правоотношений, поскольку осуществляют совокупность хозяйственных операций, составляющих хозяйственную деятельность [1]. В свою очередь, хозяйственные операции – это действие или совокупность экономически значимых действий институциональной единицы, результатом совершения которой является создание товаров (продукции), работ, услуг, иных объектов гражданских прав, обладающих стоимостными характеристиками, либо предназначенных для удовлетворения личных, домашних, семейных и тому подобных потребностей, не имеющих стоимостных характеристик [2, с. 17]. В предыдущих исследованиях было выявлено, что деятельность самозанятых лиц осуществляется в форме хозяйственно-трудовой деятельности [3], особенностью которой является осуществление фактически трудовой

функции, но на основании гражданско-правового договора, а также выполнение трудовой функции домохозяйствами [4; 5].

В соответствии с п. 2 Методики по расчету чистых налогов на продукты в сопоставимых ценах, утвержденной Постановлением Национального статистического комитета Республики Беларусь от 15 декабря 2015 г. № 207, п. 5 Инструкции по организации и проведению выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни, утвержденную Постановлением Национального статистического комитета Республики Беларусь от 16 июля 2014 г. № 99 домохозяйство – это группа лиц, которые совместно проживают в жилом помещении, обеспечивают себя всем необходимым для жизни, ведут общее хозяйство, полностью или частично объединяя и расходуя свои средства, либо одно лицо, живущее самостоятельно и обеспечивающее себя всем необходимым для жизни. Анализ данной дефиниции позволяет сделать вывод, что член домохозяйства может быть самозанятым лицом, ввиду осуществления деятельности в форме хозяйственно-трудовой деятельности, целью которой является удовлетворение личных, семейных и прочих бытовых потребностей.

В качестве примера рассмотрим такое домохозяйство, как личное подсобное хозяйство. Так, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 11 ноября 2002 г. № 149-З «О личных подсобных хозяйствах граждан» (далее – Закон о личных подсобных хозяйствах) личное подсобное хозяйство – это форма хозяйственно-трудовой деятельности граждан по производству сельскохозяйственной продукции, основанная на использовании земельных участков, предоставленных для этих целей в соответствии с законодательством Республики Беларусь об охране и использовании земель.

Вывод, что личные подсобные хозяйства являются самозанятыми лицами обусловлен содержанием Закона о личных подсобных хозяйствах.

Во-первых, из самой дефиниции «личное подсобное хозяйства» вытекает, что личные подсобные хозяйства осуществляют хозяйственно-трудовую деятельность.

Во-вторых, в ст. 3 Закона о личных подсобных хозяйствах закреплено, что их деятельность не является предпринимательской (что совпадает с правовой природой деятельности, осуществляемой в режиме самозанятости).

В-третьих, ст. 6 Закона о личных подсобных хозяйствах закреплено, что сельскохозяйственная продукция, произведенная гражданами, осуществляющими ведение личных подсобных хозяйств, используется ими по своему усмотрению, в том числе она может быть реализована юридическим и физическим лицам согласно заключенным с ними договорам.

Анализ данной нормы позволяет констатировать, что цель осуществления деятельности личными подсобными хозяйствами заключается в удовлетворении личных, семейных и иных подобных потребностей по ряду факторов:

1. Личные подсобные хозяйства имеют право реализовывать продукцию юридическим и физическим лицам в рамках осуществления своей деятельности (что, однако, не является основной хозяйственной операцией, осуществляемой ими, а представляет собой по сути лишь возможность, которой они могут воспользоваться, например, при наличии излишков);

2. Возможность реализации именно продукции личными подсобными хозяйствами указывает на то, что они не являются участниками конкурентных отношений (т.к. могут реализовать продукцию, но не товар, под которым в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон о противодействии монополистической деятельности) понимается все виды объектов гражданских прав, в том числе работы, услуги, включая финансовые услуги, предназначенные для продажи, обмена или иного введения в гражданский оборот, а продукция согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 5 января 2004 г. № 262-З «О техническом нормировании и стандартизации» представляет собой результат деятельности, представленный в материально-вещественной форме и предназначенный для дальнейшего использования в хозяйственных и иных целях). Соответственно, результат деятельности, осуществляемый личными подсобными хозяйствами, выражается в создании именно продукции, которая не является товаров, т.е. не является объектом сделок на товарных рынках.

Не смотря на то, что самозанятое лицо по общему правилу осуществляет хозяйственно-трудовую деятельность, все же позволим себе констатацию, что его деятельность может быть и хозяйственной (т.е. *совокупностью хозяйственных операций, осуществляемых с целью производства*

материальных и нематериальных благ для личного, семейного или прочего бытового потребления, для удовлетворения публичного интереса, а также для целей расширенного производства и реализации товаров на товарных рынках [4; 5]). Деятельность самозанятых лиц будет иметь форму хозяйственной лишь в тех случаях, когда она осуществляется в режиме публичной монополии. Данный вывод обусловлен тем, что публичная деятельность – это всегда одна из четырех форм деятельности (хозяйственной, трудовой, хозяйственно-трудовой и творческой), которой присущи признаки одного из видов деятельности (профессиональной или институциональной), которая осуществляет для создания материальных и (или) нематериальных благ экономического характера или материальных и (или) нематериальных благ, содержащих в своей конструкции экономический элемент [6]. Так, не вызывает сомнений, что деятельность самозанятых лиц может быть публичной деятельностью, однако остается открытым вопрос, почему же деятельность, осуществляемая в форме хозяйственно-трудовой деятельности, не может осуществляться в режиме публичной монополии? Отметим, что деятельность самозанятых лиц будет являться хозяйственной лишь тогда, когда осуществляется индивидуально и является непредпринимательской деятельностью (в иных же случаях хозяйственная деятельность будет осуществляться в ином режиме, отличном от режима самозанятости). Так, деятельность самозанятых лиц является хозяйственной лишь в том случае, когда она является публичной и осуществляется в режиме государственной монополии в качестве вида публичной монополии. В качестве примера приведем частную адвокатскую деятельность, осуществление которой национальное законодательство может предусматривать в режиме самозанятости, содержанием которой, однако, будет именно публичная хозяйственная деятельность, а не хозяйственно-трудовая деятельность.

Вывод, что деятельность самозанятых лиц может являться публичной хозяйственной деятельностью лишь в случаях делегирования государственной монополии, обусловлен содержанием действующего законодательства. Так, ст. 10 Закона Республики Беларусь от 10 июля 2010 г. «Об объектах, находящихся только в собственности государства и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государство», в которой закреплено, что реализация исключительного

права государства на осуществление отдельных видов деятельности может осуществляться физическими лицами на основании актов Президента Республики Беларусь. В данном случае речь идет о государственной монополии на виды деятельности.

В соответствии со ст. 3 Закона О противодействии монополистической деятельности государственная монополия представляет собой систему общественных отношений, при которой исключительное право на осуществление отдельных видов деятельности, в том числе предпринимательской, имеет государство в лице отдельных государственных органов или хозяйствующих субъектов, специально уполномоченных законодательными актами.

При этом суть публичной монополии состоит не в доминировании на товарных рынках, а в наличии закрепленных за субъектом общественных отношений исключительных прав на определенные функции, объекты владения и виды деятельности. Основным критерием, позволяющим идентифицировать публичную монополию, является не субъектный состав складывающихся по поводу нее общественных отношений, а выполняемая ею функция – реализация и защита публичного интереса и поддержание баланса публичного и частного интереса [6].

Таким образом, анализ положений доктрины и нормативных правовых актов позволяет сделать вывод, что самозанятое лицо может являться субъектом хозяйственной деятельности и членом домохозяйства.

Список использованных источников:

1. Бондаренко, Н. Л. Правовой Статус самозанятых лиц / Н. Л. Бондаренко // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 7. – С. 23–27.
2. Хозяйственное право : электронный учебно-методический комплекс для специальностей: 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право», 1-23 01 06-01 «Политология (политико-юридическая деятельность)» / Н. Л. Бондаренко [и др.] ; БГУ, Юридический фак., Каф. хозяйственного права. – Минск : БГУ, 2022. – 197 с.
3. Мешкова, Н. А. Понятие и правовая природа самозанятости / Н. А. Мешкова // Актуальные проблемы гражданского права. – 2023. – № 1. – С. 266-279.

4. Конаневич, Ю. Г. Хозяйственная деятельность в системе общественных отношений / Ю. Г. Конаневич // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2021. – № 1 (71). – С. 68–72.

5. Бондаренко, Н. Л. Хозяйственные правоотношения: понятие и виды / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Право. Экономика. Социальное партнерство [Электронный ресурс] : материалы междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 92-летию учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», Минск, 28 апреля 2022 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: В. М. Поздняков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2023. – 692 с. – С. 169–171.

6. Конаневич, Ю. Г. Публичная хозяйственная деятельность как вид хозяйственной деятельности / Ю. Г. Конаневич // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2023. – № 2 (72) – С. 75–83.

ИНСТИТУТ ОТКРЫТЫХ ИННОВАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. В. Миличенко,

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь
a.milichenko123@gmail.com*

А. И. Титова

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь
linatitovva@mail.ru*

Статья посвящена изучению особенностей современного инновационного процесса и выявлению ключевых факторов, обеспечивающих успешную прорывную инновационную деятельность. В современном мире инновации — важнейший фактор, способствующий обновлению технической базы производства, появлению новых товаров и услуг, активного развития экономической сферы в целом. Для Республики Беларусь, как страны с малой открытой экономикой, деятельность по внедрению открытых инноваций имеет стратегическое значение.

Ключевые слова: открытые инновации; коммерческая тайна; инструменты открытых инноваций; информационные технологии

В современном мире развитие информационных технологий предопределяет направления научного дискурса. Все большее внимание уделяется институту открытых инноваций как наиболее значимой концепции последнего десятилетия. Стоит отметить, что исследования конца 20 и начала 21 века были сконцентрированы на обобщении эмпирических знаний посвященных преимущественно деятельности транснациональных корпораций.

В настоящее время академический интерес преимущественно сосредоточен на развитии методологии измерения воздействия процессов внутреннего и внешнего потока идей и знаний и его воздействия на деятельность компании [1]. В то же время, малоизученным остается вопрос того, насколько эффективно компании могут включать инновации в свои бизнес-процессы, как реализуется качество организационной «гибкости». Особую значимость эта проблема приобретает в условиях белорусской экономики, где традиционно даже самые эффективные разработки могут быть экономически нецелесообразными, из-за отсутствия организационной культуры адаптации к инновациям.

Открытые инновации можно определить как способ развития инновационной деятельности, при котором экономический субъект использует не только собственные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, но и получает доступ к инновационным ресурсам извне. С помощью института открытых инноваций экономическим субъектам предоставляется возможность использования лучших мировых технологий, и перспективы выхода на рынок со своими технологиями в целях диверсификации.

Особенности правового регулирования экономики в Республике Беларусь с преобладанием административного типа отношений сказываются на формировании отношений в экономическом поле. Субъекты хозяйствования Республики Беларусь имеют тенденцию к жёсткому контролю за осуществлением инноваций. Данная тенденция закономерно формируется как следствие существенной конкуренции в отрасли, а также повышенного внимания законодателя к охране инноваций как объекта

коммерческой тайны. Законом Республики Беларусь от 5 января 2013 г. № 16-З «О коммерческой тайне» определён широкий круг полномочий владельца коммерческой тайны, включающий в себя право разрешать и запрещать другим лицам доступ к этим сведениям, требовать соблюдения конфиденциальности этих сведений и соблюдения надлежащих охранных действий. Обязанными субъектами в данном случае выступает неограниченный круг лиц: работники, контрагенты, государственные органы и должностные лица, добросовестные приобретатели коммерческой тайны.

Таким образом, Республика Беларусь развивает инновационный сектор экономики, преимущественно придерживаясь концепции закрытых инноваций, подразумевающей, что компания-обладатель коммерческой тайны не будет выводить информацию наружу. Согласно данной концепции, минимизируется вероятность утечки информации за счёт повышения режима секретности внутри компании. Также путь инновационного развития в нашем государстве подразумевает, что внешние источники новых идей и технологий воспринимаются как подозрительные и ненадёжные. Мониторинг технологических тенденций показывает минимум эффективности, когда дело доходит до осуществления научно-исследовательской деятельности в условиях доминирования концепции закрытых инноваций. В обществе выражаются опасения перед некорректным использованием или неверной интерпретацией данных. Предприятия не склонны делиться стратегической информацией, несмотря на потенциальные возможности снижения рисков и повышения эффективности.

По мнению Н. Н. Герасимовой, у концепции закрытых инноваций существует несколько основных минусов:

- 1) для большого количества ресурсозатратных задач существуют достаточно эффективные решения, которые могут быть доступны по сравнительно невысоким ценам;
- 2) не любая запатентованная субъектом хозяйствования инновация в действительности используется внутри него (как правило, более 80% всех патентов не приносят прибыли);
- 3) многие проекты, неперспективные для компании в существующей стадии её развития и направлении деятельности, на самом деле ценны и могут быть реализованы другими субъектами экономических отношений [2].

Открытые инновации, напротив, относятся к той стратегии поведения на рынке и бизнес-философии, когда компании активно ищут идеи не только во внутренних, но и во внешних ресурсах. Предприятиям наукоёмкого сектора экономики необходимо отказаться от идеи собственности и контроля над инновационным процессом и открыть внешние пути для новых технологий и новых источников инноваций [3]. Таким образом, в перспективе внедрение концепции открытых инноваций может принести стратегическое преимущество для нашего государства и присоединение к глобальным трендам в науке. Развитие института открытых инноваций должно происходить в том числе при поддержке законодательства и дополнении соответствующей правовой базы; также необходимо настроить управленческие и бизнес-процессы сообразно указанному направлению.

Положительные стороны использования открытых инноваций в бизнесе можно проиллюстрировать несколькими примерами внутри крупных зарубежных корпораций. Так, компания P&G существенно увеличила продажи чипсов Pringles за счёт инновационной технологии применения съедобных чернил для создания рисунка на продукте. В свою очередь, фирма Elly Lilly используют концепцию открытых инноваций для разработки новых лекарственных средств и развития новых технологий производства. Платформа Lego Ideas создала прямую линию для фанатов, чтобы предлагать отличные новые идеи для наборов Lego, при этом компания ежегодно выпускает множество новых продуктов. Это помогло увеличить продажи и укрепило сообщество поклонников Lego. Данные примеры иллюстрируют важность мобильности бизнеса. Если ранее быстрое реагирование на изменяющиеся требования рынка было первостепенным, то в последние годы предприятия ориентируются в своей деятельности на повышение мобильности своих идей.

С.Л.К. Оттоникар и ряд других зарубежных учёных в наиболее свежих исследованиях отмечают, что существуют группы стран, в которых обнаруживается пробел в изучении концепции открытых инноваций, как и концепции открытой науки в целом. Актуальность данной тематики обусловлена нехваткой финансовых инвестиций и квалифицированного человеческого капитала, типичной для стран с переходной экономикой [4]. В действительности такая ситуация характерна и для Республики Беларусь: существует ряд препятствий развития белорусских предприятий научно-

технического сектора экономики. К таковым можно отнести различные внутренние причины: недостаточность опыта в сфере разработки новых решений, безынициативное отношение руководителей к инновациям, которые предлагают работники. Данные барьеры можно преодолеть путём эффективного использования инструментов открытых инноваций. Открытые инновации могут значительно ускорить разработку продуктов. Попросив более широкую группу людей поделиться своими идеями и опытом, субъекты хозяйствования могут намного быстрее выявлять и решать проблемы и совершенствовать свои продукты. Кроме того, участие в открытых инновациях может придать большое доверие растущей компании и, как следствие, стать отличным способом привлечь новый деловой интерес со стороны инвесторов, таких как фирмы венчурного капитала. Открытость источников, культуры и разработок предприятий научно-технического сектора экономики способствует укреплению доверия и развитию корпораций.

Для большинства людей открытые инновации соответствуют простому сотрудничеству, в основном рекламному, с внешними субъектами. В то время как внедрение открытых инноваций требует очень структурированной общей стратегии и приложения значительных усилий компании, как с точки зрения времени, так и ресурсов. Отдельного внимания научные исследования, посвященные анализу обмена данными между предприятиями и университетами, повышению информационной грамотности для стимулирования распространения информации и использованию лицензий открытых инноваций. Открытые инновации требуют иного подхода к управлению проектами. В частности, крайне важно, чтобы всегда учитывались три организационных аспекта: твердая приверженность высшего руководства компании достижению поставленных целей и их консенсус в отношении инструментов, определенных для их достижения; вовлечение руководства среднего звена в достижение целей, поставленных высшим руководством; чёткое и транспарентное определение ответственности за каждый из различных потоков открытых инноваций, которое расширит возможности всех участников отрасли. При правильном управлении этими шагами можно развивать корпоративную бизнес-модель и устойчивым образом повышать способность компании генерировать внутренние

инновации и извлекать максимальную пользу из инноваций, генерируемых другими компаниями.

Стремительное развитие информационных технологий напрямую влияет на объективные процессы развития компаний. Именно поэтому мониторинг технологических тенденций является неотъемлемым элементом культуры корпораций. С распространением открытых инноваций партнёрские отношения приобретают новую ценность, становясь инструментом роста, который больше не ограничивается импровизацией одного проекта, а рассчитан на долгосрочную перспективу и рассчитан на гораздо более широкую аудиторию. Таким образом, концепция открытых инноваций – один из наиболее эффективных способов обеспечения долгосрочного конкурентного преимущества на современном рынке.

Подводя итог вышесказанному, открытые инновации дают возможность компаниям выстраивать партнёрские отношения на основе обмена знаниями. Внедрение открытых инноваций обеспечит новый толчок экономическому росту Республики Беларусь за счёт повышения направленности инвестиционных планов на определённый экономический результат, а также повысит конкурентоспособности компаний.

Применение концепции открытых инноваций позволит осуществить уменьшение расходов на инновационное проектирование, снизить уровень инвестиционных рисков проектов, а также совершить общее сокращение расходов, понесённых в процессе реализации инноваций.

Список использованных источников:

1. Смирнов, О. А. Применение концепции открытых инноваций в высокотехнологическом секторе экономики / О. А. Смирнов, А. С. Грушицын, В. Б. Терновсков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – Том 13, № 5. – С. 287–293.

2. Герасимова, Н. Н. Открытые инновации: обзор теории и практики на основе анализа литературы 2003-2010 гг. / Н. Н. Герасимова // Инновации. – 2011. – №3(149). – С. 73-84.

3. Мингалеева, Ж. А. Формирование эффективных бизнес-моделей открытых инноваций на примере Apple, Nintendo и Nokia / Ж. А. Мингалеева // Инновации. – 2010. – № 7(141). – С 18-20.

4. Капинзаики Оттоникар, С. Л. Открытая наука и открытые инновации: новые возможности для стран с переходной экономикой / С. Л. Капинзаики Оттоникар, П. М. Аррайса, Ф. Армеллини // Форсайт. – 2020. – Т. 14, № 4. – С. 95–111.

МОДЕЛЬНЫЙ ЗАКОН «ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ»: ЦЕЛЬ, ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Н. С. Минько

Государственное научное учреждение

«Институт экономики Национальной академии наук Беларуси»,

г. Минск, Беларусь

Natallia.Minko@gmail.com

В статье раскрываются вопросы правового регулирования общественных отношений, связанных с использованием систем искусственного интеллекта в модельном законе СНГ «Об искусственном интеллекте». Обозначена цель подготовки модельного закона СНГ «Об искусственном интеллекте», предмет его правового регулирования. Выделен ряд сущностных аспектов, обусловленных внедрением искусственного интеллекта. Обращается внимание, что в модельном законе «Об искусственном интеллекте» должны быть определены не только состав законодательства в области искусственного интеллекта, но и установлено, в каком объеме может применяться смежное законодательство.

Ключевые слова: искусственный интеллект, модельный закон, предмет правового регулирования

Использование систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) влияет на инфраструктуру политических, экономических, социальных и иных отношений: ее наполнение и вектор развития. Всеобъемлющая информатизация экономики и общества обеспечит формирование качественно нового технологического уклада, увеличение спроса на наукоемкую продукцию, привлечение инвестиций и интеграцию национальных инновационных систем государств – участников Содружества Независимых государств (далее – Содружество, СНГ). Правовое

регулирование в сфере ИИ на уровне Содружества должно быть направлено на определение основных подходов к правовому регулированию создания и применения технологий ИИ в различных сферах экономики и социальной жизни при условии соблюдения прав граждан и обеспечения безопасности.

Исследователи отмечают ряд существенных аспектов, обусловленных внедрением ИИ, а также то, что остается не решенным целый ряд вопросов [1].

Во-первых, речь о собственности в отношении больших данных, их конфиденциальности и защите. Высказано дискуссионное предложение о защите работы ИИ в формате служебного произведения, если такая работа будет опубликована под именем работодателя. Во-вторых, серьезная озабоченность высказана в части антимонопольного законодательства. С учетом того, что регулирование данного вопроса отсутствует, государственные органы будут следить за отраслями, основанными на данных, на предмет нечестной торговли и конкуренции, а правительство объявило, что оно будет раскрывать публичные данные и представлять средства для доступа и использованная данных, содержащих частную информацию, принадлежащую государственным органам. В-третьих, проблема управления данными, обеспечивающего их высокое качество на протяжении жизненного цикла, с которым связано предложение о совершенствовании системы управления данными национальной статистики (независимость национального статистического управления, реинжиниринг бизнес-процессов, создание основы и системы использования частных данных в национальной статистике, сбор и объединение административных документов, находящихся в ведении правительства и органов местного самоуправления, создание автономной системы обеспечения качества для частных данных, чтобы обеспечить стандартизацию и достоверность, эффективная защита данных и их конфиденциальности). В-четвертых, поднимаются вопросы государственного вмешательства и охрана личной информации. В данном направлении отмечается следующее: анонимные данные не должны интерпретироваться как личные данные, устанавливаются сложные правила для комбинации псевдонимных данных, принадлежащих двум различным контролерам персональных данных (данное действие может выполняться только профессиональными агентствами), разрешается обработка псевдонимных данных для целей статистики, научных

исследований или учета интересов общественности с освобождением от основных обязательств, применимых к типичным персональным данным (т.е. без согласия пользователя). В-пятых, вопросы гражданско-правовой ответственности: компенсации ущерба или убытков, причиненных ИИ. В гражданском праве урегулированы различные механизмы возложения ответственности за причиненный вред, однако они не применимы к ИИ, поскольку ИИ не является человеком. Сделан вывод о недостаточности общепринятых принципов гражданской ответственности систем ИИ и необходимости разработки специальных новых принципов. В-шестых, проблемы уголовной ответственности ИИ. В законодательстве уже предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц. Соответственно, поднимается вопрос об ответственности ИИ за совершение преступного деяния. Разумеется, лицо, которое использует ИИ в качестве способа совершения преступления, будет нести уголовную ответственность. Однако могут ли программист или пользователь нести ответственность за автономное преступное поведение ИИ? Ответ на этот и другие вопросы возможен только в случае совершенствования уголовного законодательства. В-седьмых, вопросы нейтральности и непредвзятости ИИ. Исследователи высказывают опасения, что ИИ может стать дискриминационным и несправедливым, если машинное обучение будет осуществляться с использованием предвзятой базы данных. Требования об отсутствии социальной предвзятости – один из элементов этической составляющей ИИ. В-восьмых, анализируется использование ИИ в деле защиты национальной безопасности.

Целью подготовки модельного закона СНГ «Об искусственном интеллекте» является содействие формированию единых подходов к системе правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с использованием технологий ИИ, которая ориентирована на человека и направлена на улучшение качества жизни населения, заслуживает доверия, при обеспечении высокого уровня безопасности функционирования, а также обеспечивает повышение эффективности экономики и социальной сферы за счет стимулирования разработки, внедрения и использования ИИ.

Основными задачами Модельного закона «Об искусственном интеллекте» могут выступить:

1) создание благоприятных правовых и организационных условий для развития технологий ИИ, а также содействие инвестициям в исследования и разработки для стимулирования инноваций в области надежного ИИ;

2) формирование и развитие единого рынка безопасных и заслуживающих доверия систем ИИ;

3) содействие развитию доступных экосистем ИИ с цифровой инфраструктурой, современными технологиями и механизмами для обмена данными и знаниями;

4) осуществление трансграничного и межсекторального сотрудничества на пространстве СНГ в целях достижения прогресса ИИ;

5) повышение доступности и качества данных, необходимых для развития технологий ИИ;

6) повышение цифровой грамотности и информированности населения;

7) обеспечение рынка технологий ИИ квалифицированными кадрами;

8) обеспечение справедливого и оптимального баланса интересов между всеми участниками общественных отношений в области ИИ, который сочетает механизмы государственного регулирования и саморегулирования и основан на оценке рисков, которые создают значительную опасность для здоровья и безопасности или основных прав человека;

9) гарантирование безопасности использования и размещения систем ИИ, их соответствие принятым нормам и правилам, соблюдение прав человека;

10) создание гибких механизмов, позволяющих динамически адаптировать правовую основу по мере развития технологий и возникновения новых правоотношений, включая установление экспериментальных и/или специальных правовых режимов, в том числе «регуляторных песочниц».

ИИ – это свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека; кроме того, это наука и технология создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ, способных самообучаться. В свою очередь, интеллектуальная система – это техническая или программная система, способная решать задачи, традиционно считающиеся творческими, принадлежащие конкретной предметной области, знания о которой хранятся в памяти такой системы. Структура

интеллектуальной системы включает три основных блока – базу знаний, механизм вывода (принятия) решений и интеллектуальный интерфейс.

В технологиях принятия решений интеллектуальная система – это информационно-вычислительная система с интеллектуальной поддержкой, решающая задачи без участия человека – лица, принимающего решение (далее – ЛПР), в отличие от интеллектуализированной системы, в которой оператор присутствует.

К предмету правового регулирования будет относиться не просто условная компьютерная программа (технология), производство и применение которой может регулироваться действующим законодательством, а программа, которая может самообучаться, и в этом процессе не участвует человек (ЛПР): ИИ – это комплекс технологических решений в виде сложной кибернетической системы; система может имитировать когнитивные свойства человека; система способна самообучаться; система может действовать автономно. Кроме того, следует обратить внимание на то, что необходимо рассматривать вопросы не только создания или применения, но и производства систем с ИИ, поскольку на стадии их выпуска также могут быть заложены неверные алгоритмы действий.

Предмет правового регулирования – совокупность общественных отношений, на которые направлено воздействие правовых средств и методов. В сферу правового регулирования должны входить все те отношения, которые уже урегулированы правом – они составляют собственно предмет, а также те, которые только нуждаются в таком регулировании. В целом правовое регулирование в сфере ИИ должно быть направлено на:

создание основ правового регулирования новых общественных отношений, складывающихся в связи с разработкой и применением технологий ИИ и систем на их основе, имеющих стимулирующий характер и способствующих их развитию и применению;

определение основных подходов к правовому регулированию создания и применения технологий ИИ в различных сферах экономики и социальной жизни при условии соблюдения конституционных прав граждан и обеспечения высокого уровня защиты общественных интересов и безопасности функционирования;

определение правовых барьеров, затрудняющих и препятствующих разработке и применению систем ИИ в различных отраслях экономики и социальной сферы;

определение рисков применения систем ИИ и формирование системы стандартизации и сертификации систем ИИ.

Важнейшим для подготовки концепции модельного законодательного акта в области ИИ является то, что к предмету правового регулирования относится не просто условная компьютерная программа (технология), производство и применение которой может регулироваться действующим законодательством, а программа, которая может самообучаться, и в этом процессе не участвует человек/лицо, принимающее решение (далее – ЛПР): ИИ – это комплекс технологических решений в виде сложной кибернетической системы; система может имитировать когнитивные свойства человека; система способна самообучаться; система может действовать автономно.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что необходимо рассматривать вопросы не только создания или применения, но и производства систем с ИИ, поскольку на стадии их выпуска также могут быть заложены неверные алгоритмы действий. Круг общественных отношений, составляющих предмет правового регулирования многообразен, поскольку включает в себя различные виды деятельности, широкий перечень субъектов, обусловлен оценкой степени рисков и нуждается в развернутом обосновании. Наиболее общей является концепция, сформулированная Н. Петитом, которая предполагает формальный и технологический подходы при определении предмета правового регулирования. Согласно первому, следует исходить из общих особенностей правовой системы и ее институтов, обеспечивая последовательную трансформацию правовых норм, составляющих институты юридической ответственности, конфиденциальности, кибербезопасности, которые могут быть применены к любому ИИ. Второй подход – технологический, он строится на решении отдельных отраслевых вопросов, возникающих применительно к каждой категории ИИ в разных сферах [2].

Внедрение и использование ИИ может осуществляться применительно к широкому перечню видов экономической деятельности, при этом последствия развертывания систем искусственного интеллекта значительно

различаются от одного сектора к другому и требуют учета ряда особенностей, в том числе:

1. Масштаб развертывания технологических продуктов с ИИ, который как правило определяется количеством лиц, на которых воздействует или будет влиять система: пилотный проект, узкое развертывание (например, на уровне одной компании или одной страны), широкое развертывание (например, на уровне одного сектора), широкое распространение – на уровне нескольких стран или секторов.

2. Степень зрелости используемой системы ИИ. Уровни готовности технологий (TRL, Technology readiness level) могут использоваться для классификации искусственного интеллекта. Так, самый низкий уровень технологической готовности предполагает перевод исследований в прикладные НИОКР, формализуется такой результат, как правило, в виде научной статьи о принципах новой технологии. Второй уровень отличается тем, что сформулирована технологическая концепция и / или приложение на основе предположений, которые еще не доказаны и не проанализированы, которые могут быть оформлены в виде публикации или справочника, освещающего особенности новой технологии. Третий уровень включает аналитические и лабораторные исследования для эмпирической проверки гипотез, который может быть выражен в виде системы показателей, полученных в лаборатории. На четвертом уровне основные технологические компоненты интегрированы (например, интеграция «специального» программного или аппаратного обеспечения в лаборатории). На пятом уровне обеспечиваются базовые требования безопасности, а основные технологические компоненты интегрированы со вспомогательными элементами, которые можно протестировать в смоделированной среде. Шестой уровень – репрезентативная модель или прототип системы, седьмой включает тестирование прототипа на операционных платформах для тестирования (например, в реальных полевых условиях). На восьмом уровне доказано, что технология работает в ее окончательной форме и при ожидаемых условиях. В большинстве случаев этот уровень представляет собой завершение разработки системы. Наконец, девятый уровень предполагает фактическое применение технологических решений в реальных условиях. Для дальнейшего улучшения системы критически важны строгие процессы мониторинга и обновления.

3. Степень выбора, которую имеют пользователи в отношении того, будут ли они подвергаться воздействию системы ИИ автоматически или нет. Так, например, существуют системы ИИ, которые предполагают либо не предполагают возможность пользователей отказаться от вывода системы ИИ; также существуют системы, в которых пользователи могут отменять или корректировать вывод системы ИИ.

4. Характеристики пользователей системы ИИ, которые могут определяться различными профессиональными навыками и квалификацией экспертов ИИ. Например, системы искусственного интеллекта, развернутые в таких секторах, как здравоохранение или сельское хозяйство, часто используются практиками или экспертами в предметной области, которые обычно не являются экспертами в области искусственного интеллекта. Поэтому в общем можно выделить пользователей, которые не проходили специального обучения; обученных практиков, не являющихся экспертами в области искусственного интеллекта: пользователей, прошедших специальную подготовку по использованию данной системы ИИ; эксперт-практиков по ИИ, то есть пользователей со специальной подготовкой и знаниями в области ИИ (эксперт по ИИ или системный разработчик). К этой группе также примыкают характеристики иных заинтересованных сторон, чьи интересы затрагиваются при внедрении и эксплуатации ИИ, например, потребители, рабочие, служащие, бизнес, государственные агентства, регулирующие органы, дети или другие уязвимые либо маргинализированные группы.

5. Бизнес-модель, в рамках которой осуществляется использование ИИ: использование в коммерческих целях – модель абонентской платы, использование в коммерческих целях – рекламная модель, использование в коммерческих целях, а также некоммерческое использование или использование в режиме публичной услуги.

6. Функции системы ИИ и ее использование в критическом секторе или инфраструктуре. Так, система ИИ может выполнять важную функцию независимо от сектора, например, проведение выборов, поддержание цепочек поставок, обеспечение правопорядка, оказание медицинской помощи, поддержка финансовой системы. Кроме того, система ИИ может быть использована в критическом секторе или инфраструктуре (например, в энергетике, транспорте, водоснабжении, здравоохранении, цифровой

инфраструктуре и финансах), что значительно повышает риски и объем регуляторного бремени [3].

Таким образом, под общественными отношениями в области ИИ мы понимаем отношения, возникающие на всех этапах жизненного цикла системы искусственного интеллекта: исследования, проектирование, разработку, выпуск на рынок и использование, включая обслуживание, эксплуатацию, торговлю, финансирование, мониторинг и оценку, проверку, а также действия необходимые к выполнению после окончания срока службы. Субъектами в области ИИ могут быть определены любые субъекты, участвующие хотя бы в одном этапе жизненного цикла системы ИИ, и могут относиться как к физическим, так и к юридическим лицам, в том числе исследователи, программисты, инженеры, специалисты по обработке данных, конечные пользователи, коммерческие структуры, предприятия, учреждения образования, иные государственные и частные организации и др.

Вопрос о сознательно-волевом характере отношений в области ИИ уже не раз становился предметом дискуссии, в особенности применительно к отношениям machine-to-machine (M2M), а возможность их действия как моральных агентов детально рассматривается в рамках акторно-сетевой теории, этики ИИ и других областей научного знания. Тем не менее, с учетом уровня науки и техники однозначно ответить на вопрос о субъектности ИИ нельзя, однако с уверенностью можно утверждать, что отношения по моделям взаимодействия human-to-machine (H2M), human-to-human (H2H), возникающие при исследованиях, проектировании, разработке, выпуску на рынок и использовании, будут также включены в искомый предмет правового регулирования.

Наконец, последний признак общественных отношений, выступающих в качестве предмета правового регулирования, состоит в доступности для внешнего контроля, что также является проблемным в области ИИ, поскольку последний может функционировать по принципу «черного ящика», что в ряде случаев исключает объяснимость используемых им моделей рассуждения, следовательно, и внешний контроль. Это означает, что принципы и действия, заложенные в них, не в полной мере поддаются пониманию и контролю даже со стороны специалистов. В то же время, несмотря на неопределенность в процессе их использования, подобные алгоритмы уже очень прочно вошли в жизнь человека и применяются в

различных сферах: при трудоустройстве, страховании, медицинском обслуживании, а также при оказании ряда иных услуг.

Таким образом, спецификой Модельного закона «Об искусственном интеллекте» является необходимость построения концепции опережающего правового моделирования и включения в нормотворческий процесс вопросов оценки технологического воздействия, позволяющих свести к минимуму риски необоснованных решений и избежать отрицательного воздействия технологических достижений на человечество. Предмет регулирования в данном конкретном случае составляют общественные отношения, возникающие на всех этапах жизненного цикла системы ИИ: исследования, проектирование, разработка, выпуск на рынок и использование, включая обслуживание, эксплуатацию, торговлю, финансирование, мониторинг и оценку, проверку, а также действия необходимые к выполнению после окончания срока службы.

Подводя итог сказанному, к предмету правового регулирования в рассматриваемой сфере можно отнести сам ИИ, технологии (системы) ИИ, отношения производства и применения систем ИИ, это с одной стороны, с другой, предметом выступают регуляторные государственно-властные отношения, направленные как на стимулирование развития технологий ИИ, так и на обеспечение безопасности и установление ответственности за неправомерное создание, изготовление и применение систем ИИ, повлекшие определенные, в том числе отрицательные, последствия для общественной и личной безопасности.

Отметим, что в Модельном законе «Об искусственном интеллекте» должны быть определены не только состав законодательства в области ИИ, но и установлено, в каком объеме может применяться смежное законодательство – о персональных данных, об информации, о техническом регулировании и др.; закреплены общие права и обязанности каждого из субъектов правоотношений. За счет улучшения прогнозирования, оптимизации операций и распределения ресурсов, а также персонализации предоставления услуг использование ИИ может поддерживать социально и экологически выгодные результаты и обеспечивать ключевые конкурентные преимущества компаниям и экономике. Такие действия особенно необходимы в секторах с высоким уровнем воздействия, включая изменение климата, окружающую среду и здоровье, государственный сектор, финансы,

мобильность, внутренние дела и сельское хозяйство. Субъектами указанных общественных отношений выступают физические и юридические лица. В зависимости от сферы регулирования, субъектами права могут выступать: государство; физическое лицо – гражданин как носитель прав и обязанностей; юридическое лицо – соответствующим образом зарегистрированная организация; субъект международного права – участник международных отношений; субъект международного частного права.

Список использованных источников:

1. Globallegalinsights. – Режим доступа: <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/ai-machine-learning-and-big-data-laws-and-regulations/korea#chaptercontent1> – Дата доступа: 11.10.2023.
2. Petit N. Law and Regulation of Artificial Intelligence and Robots: Conceptual Framework and Normative Implications. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2931339 – Дата доступа: 11.10.2023.
3. OECD framework for the classification of AI systems – public consultation on preliminary findings. – Режим доступа: <https://oecd.ai/en/classification> – Дата доступа: 11.10.2023.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А. В. Михайлов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия, ул. Кремлевская, д.18, 420008,
avm@pravmail.ru*

В статье затронуты наиболее острые проблемы, связанные с правовым регулированием хозяйственных отношений. Высказана мысль о том, что в даже не в самых благоприятных для реформ условиях необходимо развивать экономику, передовые формы хозяйствования, ориентироваться развитие современные производств шестого технологического уклада. Сделан вывод,

что шестой технологический уклад приведет к усилению роли комплексных отраслей права, в том числе и права предпринимательского. Предложено начать работу над научной юридической концепцией правового регулирования хозяйственных отношений и созданием кодифицированных актов в соответствующей сфере.

Ключевые слова: хозяйственное право; предпринимательская деятельность; законодательство; экономическое развитие, технологический уклад

Политическая и экономическая ситуация и в России, и в Беларуси является достаточно сложной. Введение санкций, применение контрсанкционных мер, необходимость переориентации внешнеэкономической активности на другие государства не являются факторами, способствующими быстрому экономическому росту. Высказывается мнение, что в сложные времена «горизонт планирования» крайне невысок и сложно проводить концептуальные реформы. Но развивать экономику, заботиться о благосостоянии граждан, стремиться к росту ВВП необходимо в любых условиях. Более того, нужно понимать, что в современном мире технологии не стоят на месте. Необходимо как можно более эффективно развивать передовые формы хозяйствования, использовать лучшие практики. Поэтому нужно думать о том, какие средства в существующих условиях помогут экономическому развитию и как обеспечить работу этих средств инструментами юриспруденции.

Обращение к вопросам правового регулирования хозяйственной деятельности для российской юридической науки в настоящее время достаточно непривычно. От термина «хозяйственное право» в России практически отказались, фактически заменив его понятием «предпринимательское право». Но эти термины не равны по своему содержанию. Более того, можно утверждать, что предметом предпринимательского права являются хозяйственные отношения: практически все современные учебники предпринимательского права в России включают в предмет отношения организационные некоммерческие, внутрифирменные, которые сложно назвать предпринимательскими. Такие отношения, неразрывно связанные с отношениями непосредственной предпринимательской деятельности, также должны быть объектом научного

осмысления, анализа, должны учитываться законодателем при формировании благоприятного делового климата в стране. Термин «хозяйственное право» поэтому представляется незаслуженно забытым в России. Крайне важно развивать во взаимосвязи хозяйственные отношения, а не только предпринимательские. Подход Беларуси, где ученые смогли сохранить идею существования хозяйственного права [1], представляется правильным.

Важно отметить важную идею, которая лежит в основе понимания хозяйственного права – необходимость развития всех связанных между собой экономических отношений на основе сочетания частных и публичных методов воздействия. Эта идея совершенно естественна для представителей науки предпринимательского права, но она не всегда поддерживается цивилистами. Но именно межотраслевое регулирование, основанное на оптимизации межотраслевых связей, в современном мире является наиболее перспективным [2].

Как представляется, комплексное совершенствование законодательства в экономической сфере, основанное на принципах межотраслевого взаимодействия, во многом может и должно развиваться на научной основе, выработанной учеными в области предпринимательского (хозяйственного) права. Именно наука предпринимательского права является той системой знаний, которая апробировала межотраслевые методы исследования, которая сложилась и развивалась при конвергенции частного и публичного права, которая сумела освоить анализ системы взаимосвязанных юридических средств, работающих при взаимодействии субъектов экономической деятельности и органов публичной власти.

Вопрос о роли предпринимательского права в развитии экономики России поднимался в последнее время многими исследователями [2, с. 48–50, 153–223; 3, с. 33–38; 4, 50–77, 415–421], анализировались и аспекты влияния предпринимательского права на решение социальных задач [5, с. 3–8]. То, что право предпринимательское играет важнейшую роль в экономике, не подлежит сомнению. Более сложным представляется вопрос – как должно развиваться предпринимательское право, чтобы обеспечить поступательное развитие экономики в соответствии с современными требованиями. Речь в данном случае идет не о контрсанкционных мерах – в принципе механизмы «точечного» реагирования на санкции освоены и применяются. Что считать современными требованиями, лучшими практиками, на которые следует

ориентироваться? Какие технологии в настоящее время могут быть признаны самыми передовыми? В экономической литературе часто обращаются к категории «экономический уклад», под которым понимают некую совокупность связанных между собою производств, имеющих единый технический уровень и развивающихся синхронно. При этом переход от одного технологического уклада к другому происходит не революционно, элементы нового уклада постепенно проявляются, укрепляются, и через какое-то время новый уклад становится преобладающим. Обычно в каждой стране существуют одновременно производства двух-трех технологических укладов. Первый уклад – переход к машинному труду, второй – к паровым двигателям, третий связан с изобретением электричества, четвертый – с созданием двигателя внутреннего сгорания. Это т.н. «индустриальные уклады», на смену которым приходят более современные пятый (появление компьютеров и IT-технологий) и шестой уклад [6, с. 281–284]. Шестой технологический уклад в современном мире самый передовой, это нанотехнологии, когнитивные науки, наноматериалы, конвергенция нано- и био-когнитивных технологий. Главным фактором производства становится информация. Преимущество этого технологического уклада – в снижении энергоемкости и материалоемкости производства, в возможности разработки материалов и организмов с заранее заданными свойствами. Нужно отметить, что Россия только начинает вхождение в шестой технологический уклад, пока по разным оценкам к нему относится 1-3 % производств. Около половины российских производственных мощностей характеризуются как четвертый уклад. Для Беларуси ситуация достаточно схожая, хотя за последнее десятилетие в стране был период времени интенсивного роста IT-сферы. Отставание России и Беларуси от самых инновационных экономик очевидное, но, надо надеяться, не критичное. Развивая производства шестого уклада, надо держать в голове седьмой уклад, который, по мнению экспертов, будет отличаться включением в производство сознания человека, развитием биоэнергетики и т.п.

Важнейшие вопросы – как обеспечить то, чтобы право обеспечивало развитие современных технологических укладов? Должны ли как-то развиваться отрасли права? Нужны ли какие-то концептуальные изменения законодательства? Представляется, что условием эффективного правового обеспечения развития современных технологий должно стать

реформирование правового регулирования экономических отношений, в том числе и эволюционные изменения системы отраслей. Современные отрасли права формировались еще при индустриальных технологических укладах и не всегда вписываются в современные экономические тенденции.

Анализ перечисленных выше характеристик современных технологических укладов показывает, что все их характерные черты связаны с межотраслевой составляющей и предполагают взаимодействие права интеллектуальной собственности, информационного права, предпринимательского, экологического и т.д. Можно сделать вывод, что развитие современных технологических укладов (даже более привычного пятого) приведет к возрастанию роли комплексных отраслей права. На ведущие роли выйдут право информационное, космическое, медицинское, энергетическое и т.п. Это правовые образования, которые существуют «на стыке» частного и публичного права и основаны на взаимодействии частно-правового и публично-правового приемов регулирования. И здесь возникает интересная ситуация – для многих из новых более узких существующих (космическое, энергетическое, медицинское, спортивное) и образующихся комплексных отраслей (условно: право геномной инженерии) хозяйственное право (как намного больший массив правовой действительности) способно выступить в качестве некоего связующего звена. Хозяйственное право уже апробировало включение институтов, основанных на взаимодействии частного и публичного методов. В России в предмет предпринимательского права уже включают профессиональные корпоративные отношения. «Маркер» предпринимательского права – это взаимодействие субъектов и взаимодействие методов. В перспективе в хозяйственное (предпринимательское в России) право могут войти многие суботрасли. Нужно такое включение с точки зрения теории? Можно с уверенностью сказать, что нужно – это способствует формированию эффективного механизма регулирования, обеспечивает межотраслевое (межсуботраслевое) взаимодействие, способствует формированию целостного механизма защиты прав всех субъектов. Роль единого связующего звена новых элементов права крайне высока.

Но хозяйственное право сможет играть такую роль только при ряде условий, прежде всего субъективного характера. Нужно развивать научные концепции, научные школы хозяйственного права, отстаивать его

самостоятельность. Необходимы исследования правовой природы формирующихся правовых образований. В этой связи нельзя не отметить ученых из Беларуси, которые смело исследуют новые, непривычные пока правовые материи [7].

Развитие хозяйственного законодательства должно опираться на научно обоснованную концепцию. Пока, по крайней мере, в России, законодатель в экономической сфере занимается «точечным нормотворчеством», реагируя на возникающие вызовы. Конечно, в современных условиях это может быть обосновано. Но необходимо определить и стратегические пути направления совершенствования экономического законодательства. Назрела необходимость разработки Концепции развития законодательства о предпринимательской деятельности. Содержание этой Концепции – предмет для серьезных дискуссий. Но обязательно нужно оценить перспективы надгосударственного регулирования (в рамках ЕАЭС), принципы развития хозяйственной деятельности государства, найти средства для обеспечения экономической свободы субъектов предпринимательства. Вряд ли нужно разрабатывать единый для России и Беларуси документ. Для Беларуси подобная Концепция, безусловно, нужна. Но оценить целесообразность экономического развития страны должны именно ученые и практики из Беларуси. Если какие-то интеграционные экономические процессы будут Беларуси невыгодны – от них целесообразно отказываться. Но разработать Концепцию развития хозяйственного законодательства Беларуси считаю крайне интересной идеей. В итоге можно выйти и на принятие Хозяйственного кодекса. Российский законодатель крайне осторожно подходит к появлению новых кодексов, очевидно боясь нарушить некие традиции. В Беларуси отношение к кодексам более прагматическое. Но даже в России в Совете Федерации (в комитете по конституционному законодательству и госстроительству) в ноябре 2023 года поддержали концепцию Цифрового кодекса. Было отмечено, что он поможет собрать все правовые нормы в одном документе, заложить единую терминологию для всей сферы цифровых отношений. Но точно такие же доводы в России можно высказать и в отношении Предпринимательского кодекса. А в Беларуси вполне можно поднять вопрос разработки Хозяйственного кодекса. Целесообразно ли разрабатывать какие-либо соизмеримые нормативные акты для ЕАЭС – тоже вопрос для обсуждения.

Список использованных источников:

1. Хозяйственное право : учебник / В. К. Сидорчук. – Минск : Республиканский институт профессионального образования, 2018. – 311 с.
2. Межотраслевые связи в частном и публичном праве: монография / отв. ред. Д. Х. Валеев, А. В. Михайлов. – Казань : Издательство Казанского университета, 2022. – 507 с.
3. Право и реальный сектор экономики России : монография / под общ. ред. И. В. Ершовой, В. А. Лаптева. – Москва : Проспект, 2024. – 480 с.
4. Актуальные проблемы предпринимательского права : учебник / И. В. Ершова, Л. В. Андреева, А. Н. Беседин и др. ; отв. ред. И. В. Ершова. – Москва : Проспект, 2021. – 448 с.
5. Губин, Е. П. Предпринимательское право как инструмент решения социальных задач современного общества (социальная функция предпринимательского права России) // Предпринимательское право. – 2023. – № 3. – С. 2 – 10.
6. Арзамасов, Ю. Г., Назайкинская, В. А. О смене технологических укладов и трансформации права // Право . Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 3. – С. 278–286.
7. Страновой маркетинг : монография / Н. Л. Бондаренко [и др.] ; под ред. Н. Л. Бондаренко. – Минск : Ковчег, 2022. – 652 с.

УПРАЗДНЕНИЕ ПРОЦЕДУРЫ САНАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КАК СПОСОБ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Н. А. Нагорная

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь,
natali_mla@mail.ru*

Д. М. Карпович

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь,
diana.30491@mail.ru*

Авторами статьи анализируются нормы законодательства о правовом регулировании неплатежеспособности субъектов хозяйствования и обсуждается целесообразность упразднения процедуры санации в отношении индивидуальных предпринимателей.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель; упразднение процедуры санации; неплатежеспособность; субъекты хозяйствования; ликвидация.

Институт индивидуального предпринимательства является достаточно молодым для нашей республики. Термин «индивидуальный предприниматель» был впервые закреплен белорусским законодателем в Законе от 28 мая 1991 г. №813-ХП «О предпринимательстве в Республике Беларусь». Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) дает легальное определение предпринимательской деятельности. Так, в соответствии со ст. 1 ГК под предпринимательской деятельностью следует понимать самостоятельную деятельность юридических и физических лиц, осуществляемую ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если

эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления.

Экономические реформы, проведенные в последние десятилетия в нашей республике, значительно преобразовали институт индивидуального предпринимательства. Так, в 1991 году было узаконено частное предпринимательство, проведен ряд мероприятий, направленных на приватизацию, что и стало толчком для широкомасштабной коммерциализации и появления среднего бизнеса. Принятый 1 июля 2010 г. Закон №148-З «О поддержке малого и среднего бизнеса» создал необходимую базу для реального перехода к рыночным отношениям, повышения экономической эффективности белорусской экономики. Предоставленная гражданам свобода предпринимательской деятельности привела к более активному вовлечению граждан в данную сферу. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь количество физических лиц, получивших статус индивидуального предпринимателя с 2010 по 2020 г. возросло более чем на 25 процентов [1].

Однако, специфика деятельности данной группы физических лиц (осуществление лицензируемой деятельности), издание большого количества нормативных актов, среди которых следует выделить Указ Президента от 16 мая 2014 г. № 222 «О регулировании предпринимательской деятельности и реализации товаров и иными физическими лицами», Указ Президента от 8 апреля 2004 г. № 175 «О вопросах государственной регистрации и ликвидации (прекращения деятельности) юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», реформация системы налогообложения, детальная регламентация государственной регистрации и ликвидации (прекращения деятельности) деятельности индивидуальных предпринимателей вызывает ряд вопросов у физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Так, одним из таких вопросов является упразднение процедуры санации для индивидуальных предпринимателей. С 1 октября 2023 г. в Республике Беларусь вступил в силу Закон № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности» (далее – Закон № 227-З), который в значительной степени изменил институциональный механизм неплатежеспособности субъектов хозяйствования. Под урегулированием неплатежеспособности в соответствии с Законом № 227-З следует понимать совокупность мер и

процедур, которые применяют в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в целях предупреждения несостоятельности или банкротства, а также в отношении должников, признанных в соответствии с законодательством несостоятельными или банкротами. Данное определение указывает на изменение государственной политики в отношении субъектов хозяйствования, а именно возложение обязанностей на местные исполнительные и распорядительные органы принимать профилактические меры по реабилитации имущественного положения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Данный тезис был подтвержден заместителем председателя Верховного суда Республики Беларусь Юрием Кобецем, который подчеркнул следующее: «Идеология нового Закона сосредоточена именно в урегулировании неплатежеспособности. Смысл и глубина всего нормативного правового акта, его внутренних положений приходит именно через понимание данного посыла. Закон необходим для реализации экономической политики нашего государства с учетом ее социальной направленности. Человек является высшей целью и ценностью государства – посыл, который напрямую реализован с экономической точки зрения. И это не просто утверждение – это реально реализовано в положениях нового Закона, который подчеркивает ценность для государства всех предприятий независимо от формы собственности. Опираясь на Закон № 227, можно констатировать, что основная задача – помочь предприятию остаться на плаву. Не ликвидировать, а различными способами помочь сохранить и приумножить» [2].

Однако, если целью Закона № 227-3 является восстановление платежеспособности субъектов хозяйствования, то тогда возникает вопрос: почему в отношении индивидуального предпринимателя было принято решение об упразднении процедуры санации? Ведь именно санация, как отдельный вид производства при ликвидации субъекта хозяйствования направлена на восстановление платежеспособности в целях обеспечения эффективной хозяйственной деятельности.

Следует предположить, что законодатель принял такое решение, поскольку пошел по пути реформации малого бизнеса в соответствии с общемировыми стандартами, а именно ликвидации института индивидуального предпринимательства и перерегистрации его в качестве юридического лица или коммерческой организации. Позиция обосновывается

тезисом о создании равной конкурентной среды между физическими лицами, сохранением социальной стабильности. Безусловно, говорить о полной ликвидации института индивидуального предпринимательства еще рано, так как этот процесс требует значительных изменений не только с точки зрения реформирования законодательства, но и с точки зрения сохранения социальной стабильности и экономических интересов общества.

Список использованных источников:

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 15.10.2023.
2. Кобец Ю. Урегулирование неплатежеспособности – идеология нового Закона [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2023/october/75533/>. – Дата доступа: 15.10.2023.

НАЛОГОВОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ КАК СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ НАЛОГОВЫМИ ПРАВООТНОШЕНИЯМИ

И. В. Насонова

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220056, г. Минск, Беларусь,
irina.nasonova@list.ru*

Темой статьи является налоговое администрирование, его понятие, задачи, методы, виды, сущность и значение как для отношений в сфере налогового регулирования, так и для экономического процесса в целом. Автором рассмотрены основные термины, принятые в данном комплексе правоотношений и раскрыто их значение, а также подчеркнута прямая связь между эффективностью налогового администрирования и системным развитием экономического процесса в государстве.

Ключевые слова: налоговое администрирование; налогообложение; налоговое планирование; налоговое планирование; налоговый контроль.

Налоговое администрирование является одним из основных элементов эффективного функционирования как налоговой системы, так и экономики страны в целом. При этом и результативность процессов, связанных со сбором налогов, их поступлением в бюджет и распределением налоговых средств, и успешное развитие самих экономических отношений обусловлены полнотой выявления источников доходов в целях обложения их налогами и минимизацией расходов по их мобилизации и обязанности их уплаты [1,с.367].

Налоговое администрирование прежде всего представляет собой систему управления налоговыми отношениями. В Республике Беларусь налоговое администрирование осуществляется налоговыми и иными государственными органами. В узком смысле под налоговым администрированием понимают осуществляемый налоговыми органами контроль за соблюдением налогового законодательства.

Целью налогового администрирования является исполнение налоговой политики государства, которая проводится в отношении всех участников правоотношений, регулируемых налоговым законодательством. Считаем необходимым отметить в связи с этим, что согласие субъекта не является обязательным и необходимым условием возникновения налоговых правоотношений [2,с.15].

Исходя из цели налогового администрирования можно сформулировать сущность его задач, как на макроуровне, так и на микроуровне. Задачами налогового администрирования на макроуровне являются: анализ макроэкономических процессов налогообложения и выработка исходных данных для прогнозирования их развития; оценка отклонения фактических значений макропоказателей от прогнозируемых и выявление их причин; концептуальная и детальная разработка налогового законодательства.

Задачами налогового администрирования на микроуровне являются: ввод в действие принимаемых налоговых законов; обеспечение повседневной деятельности налоговых органов по мобилизации налогов и сборов; разработка и реализация организационных мероприятий, повышающих эффективность функционирования налоговых органов [3, с. 105].

Государственное администрирование в сфере налогообложения как организационно-управленческая система реализации налоговых отношений

включает в себя совокупность форм и методов, использование которых призвано обеспечить налоговые поступления в бюджет государства.

Основными методами налогового администрирования являются:

- налоговое планирование,
- налоговое регулирование
- учет и отчетность
- налоговый контроль.

Налоговое планирование как один из элементов налогового администрирования нацелено на определение объема изъятий в форме налогов и сборов для обеспечения формирования доходной части бюджетов (республиканского и местных) и оптимизации налоговой нагрузки. Оно обеспечивает решение следующих основных задач:

- оценка налогового потенциала по уровням бюджетной системы;
- прогнозирование налоговых поступлений;
- формирование и утверждение бюджетов по налогам;
- разработка контрольных заданий по уровням бюджетной системы;
- распределение налоговых ставок и льгот.

В теории и на практике налогового администрирования различают три вида налогового планирования: стратегическое, тактическое и оперативное.

Стратегическое налоговое планирование нацелено на прогнозирование и оценку налогового потенциала и объема налоговых поступлений в бюджеты всех уровней.

Тактическое налоговое планирование решает задачи налогового администрирования на ближайший период (чаще всего на один год), в то числе в части:

- определения налоговой базы по конкретным налогам;
- расчета возможных объемов налогов;
- оценки результатов изменения налогового законодательства;
- оценки собираемости отдельных налогов;
- объема выпадающих доходов;
- анализа задолженности (недоимок) по видам налогов, категориям налогоплательщиков, отраслям и регионам.

Оперативное налоговое планирование направлено на разработку краткосрочных плановых заданий, направленных на обеспечение выполнения текущих планов по налоговым поступлениям.

Налоговый учет призван служить интересам всех участников налоговых отношений и выступает как важнейшее средство руководства и управления налоговым производством. В системе налогового администрирования учет и отчетность обеспечивают реализацию следующих основных функций:

- регистрации налогоплательщиков;
- учета налоговых поступлений;
- контроля своевременности поступления платежей;
- формирования системы учетно-аналитических показателей в виде отчетности, пригодной для принятия управленческих решений и оценки налогового потенциала территории;
- оценки деятельности налоговых администраций;
- анализа использования средств на содержание налоговых органов и их финансово-хозяйственную деятельность.

Налоговый контроль в системе налогового администрирования имеет основную цель, которая заключается в осуществлении противодействия уходу от налогов и в обеспечение стабильных поступлений их в доход бюджетов. С учетом этого предметом налогового контроля являются своевременность и полнота уплаты налогов и сборов организациями и физическими лицами. Субъектами налогового контроля выступают Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь, Государственный таможенный комитет Республики Беларусь, их территориальные органы. Объектом налогового контроля являются налогоплательщики.

Налоговое администрирование направлено на достижение баланса общественных, корпоративных и личных экономических интересов участников налоговых отношений. Оно, с одной стороны, нацелено на финансовое обеспечение общественных интересов путем формирования необходимых на эти цели поступлений в бюджеты всех уровней. С другой стороны, оно должно стимулировать воспроизводственные процессы бизнеса, который и является базой для решения первой задачи. Налоговое регулирование реализуется в следующих формах: оптимизация системы налогов государства; налоговое стимулирование; система ответственности (санкций).

В целом, имеются все основания считать, что налоговое администрирование представляет собой один из важнейших рычагов управления экономическим процессом в государстве, от эффективного

функционирования которого напрямую зависят не только наполняемость бюджета и разумное его формирование, но и интересы самих субъектов хозяйствования, для которых вырабатываются единые, понятные и осуществимые на практике правила, позволяющие им тактически и стратегически планировать развитие своих проектов, что, в свою очередь, несомненно способствует общему росту как экономических показателей, так и уровня благосостояния общества.

Список использованных источников:

1. Насонова, И.В. Государственное администрирование в области налогообложения/ И.В. Насонова// Инновационное развитие общества: условия, противоречия, приоритеты/ Инновационное развитие общества: условия, противоречия, приоритеты / материалы X международной научной конференции; в 3 ч. / под ред.: А. В. Семенова; Ю. С. Руденко. – М. : изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте» – 2014. – Ч. 2. – 396 с.

2. Налоговое администрирование и контроль: учебник / под ред. Л. И. Гончаренко. – М. : Магистр: ИНФРА-М, 2019. – 448 с.

3. Прогнозирование планирование в налогообложении: учебное пособие / под. ред. Л. И. Гончаренко, О. В. Мандрошенко. – М. : Магистр: ИНФРА-М, 2019. – 208 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

И. А. Низовцов

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
igornizovtsov@mail.ru*

В настоящей статье рассматривается проблематика правового регулирования логистических правоотношений в Республике Беларусь. Автором проведено исследование источников правового регулирования, их правовой природы и метода правового воздействия. В результате проведенного исследования была поставлена перспективная проблема

выделения логистического права в отдельную отрасль хозяйственной системы права.

Ключевые слова: логистические отношения, инфраструктурно-пруденциальные правоотношения, акты международного и национального характера, метод правового воздействия, императивный характер, нормы диспозитивного характера, выделение логистического права из общей системы, кондиционный характер, комплексная подотрасль права.

Логистические отношения представляют собой урегулированные правом общественные отношения, складывающиеся в процессе управления логистическим комплексом и логистическими потоками. В данном ключе предмет правового регулирования логистических отношений представляется в большей мере механизмом, выражающемся в целенаправленных действиях субъектов по рациональному распределению ресурсов. *Следовательно, можно сделать вывод о первоочередном применении правовых норм кондиционного характера [1; 2], определяющих правила поведения субъектов логистической деятельности.* Помимо технических регламентов присутствует необходимость в материальных нормах, закрепляющих положения о логистических и инфраструктурно-пруденциальных правоотношениях, субъектах логистики и принципах их взаимодействия. Соответственно, логистическая деятельность требует особого кондиционного и материального регулирования.

Анализ правового регулирования логистических правоотношений показал, что:

1) *логистические правоотношения в Республике Беларусь обеспечены множеством нормативных актов международного и национального характера.* Прежде всего – нормы международного характера: Конвенция о договоре международной перевозки грузов автомобильным транспортом (КДПГ), Соглашение о международном железнодорожном грузовом сообщении (СМГС) и Соглашение о международном железнодорожном пассажирском сообщении (СМПС) и др. Необходимо отметить, что субъектами используются и обычные нормы, не подлежавшие официальной ратификации: ИНКОТЕРМС и УНИДРУА. Национальное законодательство представлено Законами «Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках», «О железнодорожном транспорте», Правилами перевозок

железнодорожным транспортом общего пользования (постановлением № 58 министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 21 апреля 2008 г.), Присутствует постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 24 октября 2012 № 9 для разъяснения вопросов при рассмотрении дел, возникающих из договоров автомобильной перевозки грузов и транспортной экспедиции.

2) *В силу того, что нормативное регулирование логистической деятельности носит различную правовую природу метод правового воздействия на рассматриваемые правоотношения не является строго определенным и однозначным.*

Предложенные выше нормы международного назначения не определяют единого подхода к определению метода правового регулирования. Так, метод КДПГ представляет собой в большей мере императивный характер, нормы диспозитивного характера присутствуют лишь в ст. ст. 24, 40. В отличие от КДПГ, СМГС имеет большое количество диспозитивных норм: ст. 24, 26, 31. УНИДРУА и ИНКОТЕРМС в свою очередь практически не устанавливают жестких правил для субъектов логистики, а лишь способствуют их эффективному взаимодействию. Так, стороны могут исключить применение установленных правил, отступить от них или изменять содержание любого из их положений, если иное не предусмотрено Принципами (ст. 1.5 УНИДРУА 2010).

Подход законодателя Республики Беларусь является более определенным: в большей мере используется императивный метод с исключениями в виде отсылок к международным договорам и принципу свободы договора. К примеру, если иное не установлено международными договорами Республики Беларусь, выполнение внутриреспубликанских автомобильных перевозок автомобильными перевозчиками иностранных государств не допускается... (ст. 19 Закона «Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках»). Правила перевозок представляют собой нормы технического (кондиционного) характера, которые также характеризуются преобладающей императивностью норм. *Прагматично рассматривать метод правового регулирования логистических правоотношений в Республике Беларусь как императивно-диспозитивный.*

3) Исследование правового регулирования логистической деятельности ставит перед собой проблему выделения логистического права из общей

системы хозяйственных правоотношений [3; 4]. Однако в ходе урегулирования логистических и иных смежных отношений, касающихся менеджмента, пруденциального права и других общественных отношений присутствует отраслевое пересечение источников. Важно отметить, что источники регулирования логистической подотрасли права не всегда исключительно «логистические». *Актуальные практика и доктрина доказывают необходимость обособления логистического права в особую комплексную подотрасль инфраструктурного и пруденциального права. По нашему мнению, выделение логистического права в самостоятельную подотрасль среди иных профилирующих отраслей и подотраслей хозяйственной системы права является прагматичным решением.*

Подводя итог исследованию правового регулирования логистических отношений в Республике Беларусь предлагаем следующие выводы:

1. правовое регулирование логистики носит в большей степени кондиционный характер, источники правового регулирования носят различную правовую природу и сущность, что в итоге определяет императивно-диспозитивный метод правового регулирования;

2. на данном этапе исследования актуальной становится задача выделения логистических отношений в отдельную комплексную подотрасль права, чему корреспондирует ряд актуальных предпосылок.

Список использованных источников:

1. Бондаренко, Н. Л. Понятие кондиционного права и его место в системе отраслей права / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Ю. А. Хилинская // Третьи цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной [Электронный ресурс] : сборник статей / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь; под общ. ред. Н. Л. Бондаренко, Т. М. Халецкой. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – 2021. – С. 37–41.

2. Бондаренко, Н. Л. Кондиционное право как самостоятельная отрасль права и как элемент механизма пруденциального регулирования / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Ю. А. Хилинская // Российский правовой журнал. – 2021. – № 2 (7). – С. 60–77.

3. Хозяйственное право : электронный учебно-методический комплекс для специальностей: 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право», 1-23 01 06-01 «Политология (политико-юридическая деятельность)» / Н. Л. Бондаренко [и др.] ; БГУ, Юридический фак., Каф. хозяйственного права. – Минск : БГУ, 2022. – 197 с. – Библиогр.: с. 189–197. библиогр. в подстр. примеч.

4. Бондаренко Н.Л., Конаневич Ю.Г. Хозяйственные правоотношения: понятие и виды // Право. Экономика. Социальное партнерство [Электронный ресурс] : материалы междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 92-летию учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», Минск, 28 апреля 2022 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: В. М. Поздняков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО, 2023. – 692 с. – С. 169–171.

АСПЕКТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА К ФОРМИРОВАНИЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Н. В. Пантелеева

*Учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова», ул. Космонавтов 1, 212009, Могилев, Беларусь
panteleeva@msu.by*

Исследование посвящено элементам институционального подхода к формированию и развитию предпринимательской деятельности. Рассматривается значение, взаимосвязь и степень влияния таких факторов как институт, институциональная единица и институциональная среда на правовую регламентацию общественных отношений в области предпринимательства.

Ключевые слова: институциональное явление; комплексный институт; предпринимательство, предпринимательское право,

Предпринимательское право имеет свои предпосылки и основополагающие начала становления его как независимой отрасли. Однако подходы к его формированию существенно иные, нежели механизм образования других отраслей права. Разность в подходах обусловлена

историей развития предпринимательства как такового, эволюцией правоотношений сфере предпринимательства, оперативной динамикой их трансформации, потребностей социума на данный момент и многими иными факторами.

Формирующим институциональный подход к различного рода сферам и областям правоотношений и в том числе – предпринимательству фактором является «институт». В сфере юриспруденции – институт права. Согласно интерпретации Большой юридической энциклопедии «институт права» – это обособленная группа юридических норм, регулирующих однородные общественные отношения, входящие в соответствующую отрасль права [1]. В тоже время, по утверждению Д. Норта, «институты – это разработанные людьми ограничения, которые структурируют политические, экономические и социальные взаимодействия. Они состоят как из неформальных ограничений (санкции, табу, обычаи, традиции, правила поведения), так и из формальных правил (конституции, законы, права собственности)» [4]. К структурирующим ограничениям можно отнести нормативно-правовое регулирование однородных и смежных с ними отношений в сфере предпринимательства. Однако любому структурирующему ограничению должна соответствовать мера возможного поведения субъекта, наделенного не только обязанностями, но и правами. В отличие от отраслей права институт права объединяет нормы, которые регулируют конкретную категорию отношений однородного вида, в этой связи институты права могут создаваться посредством соединения норм двух и более отраслей права [1]. В своем взаимодействии они образуют комплексный формат и складываются в институциональную структуру и систему.

Институциональная система изначально была принята во Франции как механизм построения гражданского права из трех частей: первая посвящена лицам, вторая содержит нормы, регулирующие имущество и собственность, третья – способы приобретения собственности. Данная система имеет значение также для построения Гражданского кодекса Франции и иных государств. Данная система противостоит пандектной системе, которая в свою очередь включает общую часть, вещное, обязательственное, семейное и наследственное право [1]. Однако, в контексте исследования вопроса о воздействии институциональных аспектов на формирование предпринимательства институциональная система представляется несколько

иначе. Более того на данный момент в Республике Беларусь отсутствует кодифицированный источник правового регулирования предпринимательства. Нормы о предпринимательской деятельности содержатся в Гражданском кодексе Республики Беларусь, статья 1 которого определяет, что такое предпринимательская деятельность на уровне понятия и приводит перечень деятельности, к предпринимательской не относящийся. Также нормы законов и иных нормативных правовых актов разграничиваются на определенные институты. Например, институт малого предпринимательства, институт поддержки малого и среднего предпринимательства, институт предпринимательской инициативы и иные. В. Скотт трактует институты как те, что «состоят из когнитивных, нормативных и регулятивных структур и форм деятельности, наделяющих социальное поведение стабильностью и значением» [4]. Он выделяет три типа их носителей: культура, социальные структуры и рутины. Рассматривая различные направления в литературе, А. Грейф предлагает такое определение института, центральное место в котором занимает понятие институциональных элементов, образующих взаимосвязанные компоненты общей системы. Это правила, убеждения, нормы и специальные субъекты, которые мотивируют, стимулируют и направляют непосредственных участников правоотношений [4].

Помимо приведенных примеров существует ряд иных позиций относительно контента понятия «институт». Если с юридической точки зрения институт права это, прежде всего, совокупность норм права, направленных на регулирование общественных отношений в конкретной и смежных с ней сферах, то с экономической точки зрения институты должны способствовать достижению цели и увеличению прибыли.

Так, по мнению О. Уильямсона, функция институтов заключается в увеличении эффективности экономической деятельности [4]. Следует также рассмотреть институт с позиции социологического учения, согласно которому институты формируют потребности и возможности тех, на чье поведение они влияют. В. Скотт считает, что институты влияют на индивида извне и состоят из «структур и форм действий, обеспечивающих социальному поведению стабильность и значимость» [4].

Из вышесказанного следует, что «институт», в том числе «институт права» многогранная по своему содержанию категория, имеющая свою

структуру, составляющие элементы и направленная на регулирование отношений однородной среды, обусловленные закономерностью развития процессов, происходящих в определенной сфере, в частности, в сфере предпринимательства.

В контексте этого вопроса существенное значение имеет влияние институциональных условий на развитие предпринимательства и предпринимательской деятельности. Так, в соответствии с утверждением У. Баумоля институты важны, потому что обеспечивают стимулы для всех видов экономической деятельности: «...правила игры, определяющие относительные вознаграждения за различные виды предпринимательской деятельности, играют ключевую роль в определении того, будут ли предпринимательские усилия размещены в производительной или непроизводительной сфере. Соответственно, такие правила игры могут влиять на интенсивность роста производительности экономики» [2]. В.Н. Козловская указывает два направления исследования предпринимательства с точки зрения институциональной теории:

- 1) исследовать его как институциональное предпринимательство;
- 2) исследовать соотношение институциональной среды и предпринимательства.

Представляется в этой связи, что в рамках институционального предпринимательства участник предпринимательских отношений как минимум:

- выступает не просто как предприниматель в общеизвестном смысле, а как институциональный предприниматель, то есть институциональная единица, которая генерирует новые идеи, движимая потребностью реализовать свой индивидуальный (персонифицируемый) ресурс к развитию и получению дохода,

- создает новые модели и направления развития предпринимательства, значительно отличающиеся от существующей. Это обусловлено тем, что предпринимательская деятельность часто сопряжена с творческой, инновационной и иной деятельностью, необходимость решать сложные задачи, обусловленные объективными явлениями приводят к выработке нестандартных решений, реакционно новых по сравнению с уже принятыми.

- обладает гибкой адаптивностью к изменяющимся условиям и творческим подходом к реализации своих идей;

- должен быть ориентирован на осуществление деятельности на высоком уровне науки и техники с использованием высших технологий не только материально-технического оснащения, но и построения бизнеса. На наш взгляд это неотъемлемое стремление для осуществления эффективной предпринимательской деятельности в условиях перманентной конкуренции.

- осознает и психо-эмоционально адаптирован к возможным рискам и их последствиям и ситуации неопределенности и иное.

Как справедливо отмечает В. Н. Козловская «...они рассматриваются как акторы, которые заинтересованы в изменении деятельности институциональных механизмов, как те, кто привлекает ресурсы для создания новых институтов (в которых они видят возможность реализовать свои интересы) или изменяет существующие» [4].

В качестве институциональных предпринимателей могут выступать институциональные единицы в виде юридических и физических лиц (групп физических лиц), которые владеют активами, принимают на себя обязательства, участвуют в экономической деятельности и операциях с другими юридическими и физическими лицами от собственного имени, а также обособленные подразделения юридических лиц, имеющие отдельный баланс, и представительства иностранных организаций [3].

Однако существенным аспектом в определении институциональных предпринимателей является их стремление к созданию новых норм, закрепляющих формы и механизмы реализации предпринимательства. Если модель построения институционального предпринимательства предполагает формирование новых институтов, то институциональный предприниматель является непосредственным участником их формирования, возникновения и последующего развития.

Правовые институты в области предпринимательства формируются институциональными предпринимателями в объективно существующих условиях, совокупность которых создает институциональную среду.

Д. Норт, отмечает, что «...создание институциональной среды, благоприятствующей надежному выполнению контрактов, требует сложной институциональной системы формальных правил, неформальных ограничений и контроля, которые сообща делают возможным осуществление транзакций с низкими издержками» [4]. В таком контексте мы можем

говорить об институциональном регламенте и рамках, определяющих меры возможного и должного поведения субъектов.

Применительно к сфере предпринимательства институциональная среда, по теории В. Скотта, состоит из регулятивной, нормативной и когнитивной частей. При этом, регулятивная структура включает законы, нормы, правила и направления государственной политики в области предпринимательства. К нормативной структуре В. Скотт относит социальные нормы, ценности, убеждения и позицию общества к предпринимательской деятельности. Под когнитивной структурой понимаются знания и навыки, используемые для организации и развития бизнеса.

В свою очередь В. Н. Козловская определяет институциональную среду как совокупность всех действующих в данный момент в государстве институтов, определяющих человеческое поведение и условия функционирования хозяйствующих субъектов [4].

Представляется, что институциональная среда это совокупность условий, предпосылок и стимула к развитию социально-экономических отношений, при которых формируется предприимчивость и непосредственно предпринимательская инициатива. Институциональная среда как концентрация окружающих субъекта социальных, экономических, правовых, геополитических и иных факторов воздействует на его решение к осуществлению либо неосуществлению предпринимательской деятельности. Например, предприимчивость будет разной в зависимости от того реализует ли ее субъект в условиях жесткой конкуренции или абсолютной монополии своего бизнеса. Отсюда необходимым условием институциональной среды для реализации предприимчивости и осуществления предпринимательской деятельности выступает спектр правомочий и возможного поведения, которые в свою очередь зависят от объема свободы субъекта предпринимательства.

Институциональная среда объединяет в себе институты, регулирующие составляющие элементы предпринимательства. Образующиеся как средство регулирования институционального явления они не сепарированы друг от друга, а должны взаимодействовать между собой на принципах взаимодополнения и поддержки, способствуя достижению наиболее эффективного результата. Институциональная среда тем самым призвана обеспечивать для участников предпринимательской деятельности наиболее

благоприятные условия, выявлять системные и структурные несоответствия и устранять обнаруживаемые и возникающие пробелы. Это возможно посредством четкой регламентации общественных отношений, доступности и прозрачности условий к осуществлению деятельности в предпринимательском режиме, наличию мотива и предпочтений для субъектов предпринимательства, возможностей для развития того вида деятельности, который они сами для себя избрали, государственной поддержке в этом направлении и обозримости конечного результата.

Глубинная роль институциональной теории заключается в том, что она позволяет выявить исконные и глобальные предпосылки становления предпринимательства, причины его кардинальной трансформации и направления его дальнейшего развития.

Список использованных источников:

1. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gufo.me/dict/law>. – Дата доступа : 9.10.2023.
2. Баумоль, У. Дж. Предпринимательство: производительное, непроизводительное и деструктивное / У. Баумоль // Рос. журн. менеджмента. – 2013. – Т. 11, № 2. – С. 61–84.
3. Краткий глоссарий статистических терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.belstat.gov.by/metodologiya/kratkiy-glossariy-statisticheskikh-terminov/index.php>. - Дата доступа : 9.10.2023.
4. Козловская, В. Н. Институциональная теория и предпринимательство в современной науке [Электронный ресурс] / Н. В. Козловская// Режим доступа : <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/154715/1/49-53.PDF>. – Дата доступа : 9.10.2023.

ИГОРНЫЙ БИЗНЕС РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

А. И. Пахоменко

*Ассоциация защиты интересов организаторов азартных игр,
ул. Тимирязева, д. 67, пом. 116 (пом.816), 220035, г. Минск, Беларусь,
a.l.e.s.y.a@mail.ru*

В докладе представлен обзор ключевых законодательных норм в сфере игорного бизнеса Республики Беларусь, что обеспечивает общее представление о правилах его ведения. Рассмотрены основные требования, обязательные для выполнения при осуществлении данного вида предпринимательской деятельности. Перечислены основополагающие нормативные правовые акты, предложены некоторые направления совершенствования правового режима.

Ключевые слова: азартные игры, игорное заведение, игорный бизнес, организатор азартных игр, игровое оборудование

Деятельность в сфере игорного бизнеса требует повышенного внимания со стороны государства. Опыт Республики Беларусь, других стран свидетельствует о том, что его бесполезно запрещать. Важно установить четкие правила работы игорного бизнеса [1].

Актуальность темы исследования заключается в том, что формирование эффективной законодательной базы, регулирующей данный институт гражданских правоотношений, отвечающей вызовам современности, её своевременная актуализация, исключение излишних требований, является необходимым и важным для каждого государства, где организация и проведение азартных игр разрешены, с целью обеспечения соблюдения баланса между интересами государства, бизнеса и общества.

Основная цель – представить обзор основных требований, установленных для игорного бизнеса, предложить направления развития регулирующего законодательства.

Научная новизна состоит в том, что выделены ключевые законодательные требования и условия, сформированы некоторые предложения по их актуализации, которые могут быть использованы при

корректировке законодательства в сфере игорного бизнеса. Результаты работы могут быть использованы в практической деятельности субъектами игорного бизнеса.

Правовую основу участия в названных общественных отношениях составляют нормы гл. 57 Гражданского кодекса Республики Беларусь, образующие гражданско-правовой институт «игры и пари», а также нормы специальных нормативных правовых актов, согласно которым на территории Республики Беларусь допускается участие физических лиц в: азартных играх, лотереях, электронных интерактивных играх, рекламных играх. Несмотря на то, что участие в перечисленных играх осуществляется в рамках гражданско-правовых отношений на основе заключенного гражданско-правового договора, процесс организации и проведения игр урегулирован нормами, закреплёнными в указах Президента Республики Беларусь [2]. Законодательство в сфере игорного бизнеса регламентирует порядок организации и проведения исключительно азартных игр, в то время как сфера регулирования гл. 57 Гражданского кодекса Республики Беларусь шире и распространяет своё действие и на другие виды игр.

Основополагающим нормативным правовым актом, регламентирующим порядок организации и проведения азартных игр, является Положение о порядке осуществления деятельности в сфере игорного бизнеса, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 10 января 2005 г. № 9 «Об утверждении Положения об осуществлении деятельности в сфере игорного бизнеса» (далее – Положение 9), которое определяет основные подходы к правовому режиму осуществления игорного бизнеса на территории Республики Беларусь.

Реализацию государственной политики в сфере игорного бизнеса, а также координацию деятельности республиканских органов государственного управления, местных исполнительных и распорядительных органов в данной сфере с 1 января 2011 г. осуществляет Министерство по налогам и сборам.

Приложением к Положению 9 утверждены основные термины, используемые в данной сфере гражданских правоотношений, и их определения. Так, деятельность в сфере игорного бизнеса – деятельность, направленная на заключение основанных на риске соглашений о выигрыше с участниками азартных игр и (или) организацию заключения таких

соглашений между несколькими участниками азартной игры, в том числе посредством использования глобальной компьютерной сети Интернет. Азартная игра определена как основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное участниками азартной игры между собой либо участником (участниками) азартной игры с организатором азартной игры. Положением 9 определен исчерпывающий перечень разрешенных в Республике Беларусь видов азартных игр (букмекерская игра, букмекерская онлайн-игра, игра бинго, игра в карты, игра в кости, игра на игровых автоматах, игра тотализатора, онлайн-игра в карты, онлайн-игра тотализатора, слот-игра, цилиндрическая игра (рулетка)) и видов деятельности в сфере игорного бизнеса (содержание букмекерской конторы, содержание зала игровых автоматов, содержание казино, содержание тотализатора, содержание виртуального игорного заведения). Онлайн игорный бизнес (содержание виртуального игорного заведения) легализован лишь с 1 апреля 2019 г.

Положение 9 устанавливает строгие требования к территориальному расположению игорных заведений. Так, игорные заведения не могут располагаться на объектах, не завершенных строительством, во временных постройках, под навесами и в других подобных сооружениях, в капитальных строениях (зданиях, сооружениях), в которых расположены учреждения образования, государственные организации здравоохранения, религиозные организации, в зданиях жилых домов, помещениях государственных органов, банков и небанковских кредитно-финансовых организаций, объектов почтовой связи и электросвязи, санаторно-курортных и оздоровительных организаций и организаций культуры, в физкультурно-спортивных сооружениях (кроме букмекерских контор и тотализаторов), при этом игорное заведение может размещаться только в капитальном строении (здании, сооружении), занимать это строение полностью либо его изолированные помещения (исключение составляют букмекерские конторы и тотализаторы, которые могут занимать часть помещения), общей площадью не менее 100 квадратных метров для залов игровых автоматов, не менее 250 квадратных метров для казино. Требование к минимальной площади залов игровых автоматов и казино, расположенных в помещениях гостиниц и гостиничных комплексов категории «три звезды» и выше, не предъявляются.

В настоящее время установлен законодательный запрет на использование игрового оборудования, не принадлежащего организатору

азартных игр на праве собственности (хозяйственного ведения). Данное требование, видится, утратившим свою актуальность. Наличие требования принадлежности игрового оборудования на праве собственности (хозяйственного ведения) влечет невозможность использования для организации азартных игр игрового оборудования на правах аренды, безвозмездного пользования, лизинга – институтов, которые широко используются в иных видах предпринимательской деятельности. Так сложилось исторически при формировании правовой регламентации порядка осуществления деятельности в сфере игорного бизнеса в Республике Беларусь еще в тот период, когда не был обеспечен прозрачный контроль за оборотами в сфере игорного бизнеса посредством подключения к специальной компьютерной кассовой системе, обеспечивающей возможность получения контролирующими (надзорными) органами в онлайн режиме информации о денежных потоках в игорных заведениях. В настоящее время запрет видится излишним, не способствующим цивилизованному развитию сферы и препятствующим наполняемости игорных заведений современным игровым оборудованием, а соответственно влекущим отсутствие конкурентоспособности национального игорного бизнеса на международном рынке, ввиду чего предлагается исключить данное требование при очередной корректировке законодательства в сфере. Современный международный опыт отражает востребованность института аренды для организации азартных игр. В частности, использование игровых автоматов, находящихся у организаторов азартных игр на праве аренды, допускается на территориях Германии, Словакии, Румынии, Хорватии, Испании, Бельгии, Мексики, США, Доминиканской Республики, Анголы, Нигерии, Коста-Рики и других государств.

С 1 декабря 2013 г. в Республике Беларусь функционирует единая система контроля игорных заведений – специальная компьютерная кассовая система, обеспечивающая контроль за оборотами в сфере игорного бизнеса (далее – СККС), без подключения к которой организация и проведение азартных игр не допускается. Введением в эксплуатацию СККС обеспечены прозрачность денежных потоков в сфере игорного бизнеса и действенный контроль за сферой.

В целях минимизации негативных проявлений игорного бизнеса, с 27 января 2013 г. в соответствии с нормами Положения 9 действует механизм

ограничения физических лиц в посещении игорных заведений и участии в азартных играх на территории Республики Беларусь, что обеспечивает защиту уязвимых физических лиц. С указанной даты физическое лицо может самостоятельно инициировать свое ограничение посредством подачи заявления в любом игорном заведении. А с 28 августа 2017 г. ограничение может быть наложено и в судебном порядке по заявлению определенного круга лиц в случае, если физическое лицо вследствие участия в азартных играх ставит себя и (или) свою семью в тяжелое материальное положение, оно может быть ограничено в посещении игорных заведений, виртуальных игорных заведений и участии в азартных играх. Минимальный срок ограничения, как самостоятельного, так и судебного, составляет шесть месяцев, максимальный – три года. Обеспечивается механизм ограничения физических лиц от участия в азартных играх посредством ведения единого перечня физических лиц, ограниченных в посещении игорных заведений, виртуальных игорных заведений и участии в азартных играх (далее – перечень). Каждый посетитель, прибывающий в игорное заведение, обязан предъявить документ, удостоверяющий его личность, а организатор азартных игр обеспечить проверку по перечню на предмет наличия ограничений, и в случае нахождения сведений о лице в перечне – отказать в посещении игорного заведения. В виртуальных игорных заведениях запрет обеспечивается посредством идентификации физических лиц. Организатор азартных игр при осуществлении деятельности по содержанию виртуального игорного заведения также обязан обеспечить проверку посредством СККС сведений о физическом лице на предмет наличия сведений о нем в перечне при регистрации игрового счета и (или) при приеме ставки, что установлено нормами Положения 9. То есть, перед допуском к игре субъект игорного бизнеса обязан убедиться в наличии права у физического лица принимать участие в азартных играх. Вместе с тем, ни один субъект игорного бизнеса не может гарантировать полное исключение случаев ненадлежащего исполнения обязанности по проверке документов, удостоверяющих личность, со стороны своих работников, и не застрахован от недобросовестного поведения посетителей, а также сговоров с работниками. Так, в практической деятельности имеют место случаи предъявления для входа в игорное заведение лицами, имеющими ограничения, документов, удостоверяющих личность иных лиц, в том числе с целью требования в дальнейшем возврата

денежных средств, потраченных на игру, учет которых в соответствии с действующим законодательством в игорных заведениях не ведется. Добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений предполагается в соответствии со ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь, в связи с чем в случае схожести фотоизображения представленного документа оснований заявлять об обмане и отказывать в посещении не возникает. С целью минимизации таких случаев целесообразно ввести запрет также и в отношении физических лиц, имеющих ограничения, посещать игорные заведения и ввести за нарушение запрета административную ответственность. С целью обеспечения ответственного отношения работников организаторов азартных игр к обязанности не допустить лиц, имеющих ограничения, видится целесообразным увеличение размеров налагаемых за это административных взысканий. Возможность отмены ограничения до истечения установленного срока законодательство Республики Беларусь не предусматривает, однако анализ десятилетней практики действия механизма, причин наложения ограничений, свидетельствует о целесообразности предоставления такого права, поскольку следствием наложения запрета является ограничение гражданских прав (запрет на заключение соглашений о выигрыше), а жизненные обстоятельства, в связи с наличием которых принималось решение об ограничении, у физических лиц могут существенно изменяться (например, может измениться финансовое и (или) семейное положение, вследствие чего необходимость ограничения будет исключена).

Порядок организации и проведения азартных игр достаточно подробно детализирован в разрезе видов игорного бизнеса – Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18 февраля 2011 г. № 211 утверждены положения о порядке осуществления деятельности в сфере игорного бизнеса по содержанию казино, зала игровых автоматов, тотализатора, букмекерской конторы, а Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 марта 2019 г. № 139 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 августа 2018 № 305» утверждено Положение о порядке осуществления деятельности в сфере игорного бизнеса по содержанию виртуального игорного заведения. Указанными нормативными правовыми актам должны строго руководствоваться субъекты игорного бизнеса.

Азартные игры организуются и (или) проводятся согласно правилам организации и (или) проведения азартных игр. Данные правила (за исключением азартных игр, правила организации и (или) проведения которых определяются их программным обеспечением и (или) технической документацией) утверждаются организаторами азартных игр по согласованию с Министерством по налогам и сборам, которое осуществляется посредством административной процедуры в соответствии с Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 сентября 2021 г. № 548 «Об административных процедурах, осуществляемых в отношении субъектов хозяйствования», и определяют основные условия соглашения о выигрыше. Требования к правилам, которые необходимо соблюсти, установлены Инструкцией о порядке оформления правил организации и (или) проведения азартных игр, утвержденной Постановлением Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь от 31 января 2019 г. № 9 «О правилах организации и (или) проведения азартных игр»

Индустрия развлечений в целом и игорный бизнес в частности воспринимаются правом как реалии современного общества, требующие достаточно четкой правовой регламентации. Одним из важнейших механизмов такого регулирования во многих странах выступает институт лицензирования, который позволяет государству осуществлять контрольные функции в сфере игровой индустрии [3].

Организация и проведение азартных игр в Республике Беларусь также допускается исключительно на основании специального разрешения (лицензии) на соответствующий вид деятельности в сфере игорного бизнеса. Порядок лицензирования игорного бизнеса определен главой 17 Закона Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-З «О лицензировании». Обеспечивается соблюдение требований законодательства в сфере игорного бизнеса как посредством применения мер лицензионной ответственности к организации, так и мерами административной ответственности, которая предусмотрена и для организаторов азартных игр, и для должностных лиц ст. 13.6 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях «Нарушение законодательства в сфере игорного бизнеса».

Подводя итоги изложенного, можно сделать вывод о том, что правовой режим осуществления игорного бизнеса в Республике Беларусь является достаточно эффективным, обеспечивает прозрачность денежных потоков,

действенный государственный контроль и защиту физических лиц от его негативных сторон, при этом видится целесообразным корректировка законодательных актов, в частности, в следующих направлениях:

1. исключение запрета на использование игрового оборудования, не принадлежащего организатору азартных игр на праве собственности (хозяйственного ведения);

2. введение административной ответственности в отношении физических лиц за посещение игорных заведений, при наличии сведений о них в перечне физических лиц, ограниченных в посещении игорных заведений, виртуальных игорных заведений и участии в азартных играх;

3. увеличение размера административных взысканий за умышленное нарушение запрета на допуск в игорное заведение (виртуальное игорное заведение) или к участию в азартных играх физических лиц, сведения о которых включены в перечень физических лиц, ограниченных в посещении игорных заведений, виртуальных игорных заведений и участии в азартных играх;

4. определение порядка и условий досрочной отмены в отношении физического лица ограничения в посещении игорных заведений, виртуальных игорных заведений и участии в азартных играх в случаях исключения обстоятельств, послуживших основанием для их наложения.

Список использованных источников:

1. Юрьева, К. Е. Налогообложение игорного бизнеса в Республике Беларусь и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ / К. Е. Юрьева // Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания : Сборник статей III Международной научно-практической конференции, Могилев, 10 дек. 2019 / Под ред. Н. В. Пантелеевой. – Могилев: Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, 2020. – С. 385–388.

2. Смотрикова, А. С. Проведение игр и пари в Республике Беларусь: правовое регулирование / А. С. Смотрикова // Актуальные проблемы правовых, экономических и гуманитарных наук : Материалы XII Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и студентов. В 3-х

частях, Минск, 21 апр. 2022 / Редколлегия: С.И. Романюк [и др.]. Том Часть 1. – Минск: Учреждение образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий», 2022. – С. 123–124.

3. Пехота, Т. М. Правовое регулирование лицензирования деятельности в сфере игорного бизнеса в Республике Беларусь / Т. М. Пехота // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2009. – № 1. – С. 102–113.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н. О. Рамазанова

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070,
г. Минск, Беларусь
nataly-ramazanova@yandex.ru*

В эпоху глобализации миграция становится ключевым фактором, влияющим на экономическое развитие страны. Акцентируется внимание на двойственной роли миграции: с одной стороны, она может способствовать росту производительности и инновациям, с другой – без должного регулирования может привести к социальной нестабильности и экономическим потерям. Рассматривается опыт Республики Беларусь в совершенствовании законодательства в области миграции, а также зарубежный опыт, сформулированы предложения по улучшению миграционной политики.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование; миграция; экономическая безопасность; национальная безопасность; незаконная миграция; административное принуждение

В эпоху глобализации миграционные процессы становятся одним из ключевых факторов, влияющих на экономическое развитие страны. С одной стороны, миграция рабочей силы может способствовать росту производительности, инновациям и экономическому росту. С другой – без должного правового регулирования эти процессы могут привести

к социальной нестабильности, угрозам национальной безопасности и экономическим потерям. В частности, незаконная миграция может стать источником социальных напряжений, угрозой для рынка труда и бюджетной системы. Поэтому разработка эффективных административно-правовых механизмов регулирования миграции, учитывающих как права мигрантов, так и интересы государства, становится приоритетной задачей для обеспечения стабильного экономического развития. Опыт Республики Беларусь в этой области может служить примером для многих стран, столкнувшихся с аналогичными вызовами.

На протяжении последних лет, Беларусь активно работала над совершенствованием своего законодательства в области миграции, стремясь обеспечить баланс между правами мигрантов и национальными интересами. Этот опыт, особенно в области административно-правового регулирования, может служить основой для разработки новых подходов и стратегий в управлении миграционными процессами. Поэтому ключевые аспекты миграционной политики Беларуси, ее успехи и вызовы, а также потенциальные направления для дальнейшего развития заслуживают пристального внимания ученых и практиков.

Миграция, в том числе нелегальная, вызвана множеством факторов: экономических, политических, демографических, военных, экологических и других. Часто разные причины переплетаются, что делает сложным определение способов борьбы с ней. Одна из главных целей государства – предотвращение социальных и политических рисков в области миграции, в частности, предотвращение национальной и расовой нетерпимости, ксенофобии и изоляции мигрантов. Учитывая текущую геополитическую ситуацию, можно ожидать роста миграционных потоков, что требует новых методов интеграции мигрантов в общество.

Однако для утверждения об угрозе национальной безопасности действительно она должна быть реальной, т.е. уже возникшей (либо угрожающей возникнуть в ближайшем будущем) и еще не миновавшей. Соответственно органы, призванные обеспечивать национальную безопасность, должны быть готовы в любой момент к предупреждению, выявлению, пресечению негативных процессов общественного развития и исходящих от них угроз безопасности с применением правовых, экономических, политических, организационных, информационных,

разведывательных, оперативно-розыскных и иных средств, а в случае необходимости – к отражению угроз путем применения средств непосредственной защиты [1, с. 42–44].

Основной угрозой миграционной безопасности Республики Беларусь является незаконная миграция в Республику Беларусь иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе нарушение правил транзитного проезда через ее территорию.

В литературе отмечается, что «по уровню прибыльности бизнес, обеспечивающий нелегальное перемещение мигрантов, занимает третье место после контрабанды наркотиков и оружия» [2]. «Незаконная миграция постепенно превратилась в четко организованный криминальный бизнес с иерархичной структурой, многомиллионным количеством вовлеченных лиц и огромным оборотом финансового капитала» [3, с. 20].

Решение миграционных проблем должно базироваться не только на ограничительных мерах в рамках борьбы с незаконной миграцией, но и на мерах по легализации мигрантов и привлечению их потенциала в экономику страны.

В современных условиях решить проблему незаконной миграции исключительно репрессивными мерами, путем привлечения к уголовной либо административной ответственности, нельзя. Необходимо комплексно использовать различные меры воздействия на нарушителей миграционного законодательства, в том числе экономические, психологические, организационные и др. Причем следует применять их не только к самим правонарушителям, но и к лицам, способствующим совершению правонарушений в миграционной сфере (например, к нанимателям, нелегально использующим труд мигрантов).

Республика Беларусь участвует в ряде соглашений, касающихся предотвращения незаконной миграции и борьбы с ней. Это, в частности Конвенция Международной организации труда № 97 «О трудящихся-мигрантах (пересмотренная в 1949 году)» (заключена в г. Женеве 1 июля 1949 г.); «Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств – участников Содружества Независимых Государств» (заключена в г. Кишиневе 14 ноября 2008 г.); Конвенция Международной организации труда № 143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения» (заключена в

г. Женева 24 июня 1975 г.); «Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией» (заключено в г. Москве 06 марта 1998 г.); «Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств» (заключено в г. Санкт-Петербурге 19 ноября 2010 г.) и др.

Благодаря совместным усилиям странам удастся проводить в определенной мере согласованную политику в области борьбы с незаконной миграцией, обмениваться информацией и накопленным опытом. Однако в большинстве случаев международные акты содержат общие программные положения либо отсылочные нормы к законодательству государств-участников соглашений. Поэтому основное внимание должно все же уделяться совершенствованию национального законодательства и правоприменительной практики в области борьбы с незаконной миграцией и включать в себя следующие меры: совершенствование законодательства в данной области, в том числе административной и уголовной ответственности; совершенствование системы иммиграционного контроля, определения компетентных органов и четкого закрепления их полномочий; оптимизация контрольных мероприятий за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь; внедрение новых идентификационных документов с повышенной степенью защиты; разработка действенного механизма и создание инфраструктуры для осуществления реадмиссии; создание особых мест для временного пребывания лиц, ожидающих депортации или реадмиссии; усиление межведомственного взаимодействия, а также международного и межгосударственного сотрудничества по вопросам противодействия незаконной миграции; усиление информационной и разъяснительной работы с потенциальными нанимателями иностранной рабочей силы о недопустимости нарушений миграционного законодательства; осуществление действенного контроля за соответствием продекларированной цели въезда в Республику Беларусь реальным целям въезда и нахождения в стране.

Наряду со значительным упрощением процедуры въезда в Республику Беларусь, весьма либеральными правилами пребывания в стране, зачастую возникает необходимость в адекватных правовых мерах воздействия на нарушителей установленных миграционных правил. Сложность борьбы с

такого рода правонарушениями заключается в том, что «нарушение законодательства в сфере миграции характеризуется высокой степенью латентности и ... неожиданным возникновением» [4, с. 5]. В такой ситуации «роль государства должна заключаться и в том, чтобы своевременно и оперативно реагировать на социальные процессы, грамотно определять угрозы, способные причинить вред членам общества» [5, с. 17].

Предупреждение и пресечение незаконной миграции обеспечивается различными средствами и методами, среди которых совершенствование контроля и надзора в данной сфере, укрепление Государственной границы, оптимизация контроля за транспортными потоками, совершенствование работы правоохранительных органов и др. Данные меры применяются в комплексе и, как правило, обеспечивают ожидаемый эффект. «Однако в том случае, если эти нормы реализуются не в полном объеме, а средства убеждения и воспитания не достигают желаемого результата, государство вынуждено применять принудительные меры воздействия, в том числе административное принуждение» [6, с. 3].

Очевидно, что административное принуждение широко применяется при реализации различных функций государственного управления в сфере миграции. Некоторые из этих функций требуют более существенного принудительного воздействия (например, осуществление контрольных мероприятий), другие – менее (например, стимулирование), но без мер принуждения государственное управление миграционными процессами невозможно. Административное принуждение «может применяться как при наличии вины субъекта, если она доказана в установленном законом порядке (административная ответственность за совершение правонарушения), так и в отсутствии вины или ее недоказанности при наступлении особых условий, предусмотренных правовой нормой» [7, с. 14]. Например, «для приведения в действие мер пресечения, установления вины не требуется, кроме того, они могут применяться и для прекращения объективно-противоправных деяний, совершаемых невменяемыми, душевнобольными лицами» [8, с. 9].

Наиболее действенной мерой государственного воздействия, применяемой к нарушителям миграционного законодательства, является административная ответственность.

При анализе общей динамики правовой регламентации вопросов административной ответственности за нарушения законодательства о

миграции, отметим две преобладающие тенденции: а) это перманентное ужесточение мер ответственности за правонарушения в данной сфере и б) количественное увеличение составов таких правонарушений. Практически ни одна из статей КоАП 2003 г., предусматривающих административную ответственность за правонарушения в миграционной сфере, в КоАП 2021 г. не сохранилась в первоначальном виде.

В ныне действующем КоАП содержится 8 статей, имеющих прямое либо косвенное отношение к миграции. Это: незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь (ст. 24.18); нарушение пограничного режима (ст. 24.19); нарушение режима Государственной границы Республики Беларусь (ст. 24.20); нарушение режима в пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь (ст. 24.21); проживание без регистрации либо без документов, удостоверяющих личность (ст. 24.33); незаконное изъятие или принятие в залог документов (ст. 24.34); нарушение законодательства о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства и законодательства о внешней трудовой миграции (ст. 24.35); незаконный ввоз лиц в Республику Беларусь (ст. 24.56).

Следует отметить, что перечень административно-наказуемых правонарушений в КоАП 2021 г. не претерпел существенных изменений в части формулировок объективной стороны, ни в части определения мер ответственности. К сожалению, не в полной мере были учтены предложения, высказанные И. В. Козелецким и А. И. Федорако, еще в 2013 г. о необходимости корректировки текста ряда статей и выделения в отдельную главу КоАП правонарушений в миграционной сфере [9, с. 292–299].

Изучение зарубежного опыта административно-принудительного воздействия на лиц, нарушающих правила пребывания в стране либо совершающих иные противоправные деяния, позволяет акцентировать внимание на отдельных моментах, которые могут быть учтены при совершенствовании законодательства Республики Беларусь.

Во-первых, в свете интеграционных процессов на постсоветском пространстве показательным является опыт Европейского Союза, граждане которого, наряду с гражданством (подданством) своего государства одновременно имеют гражданство Евросоюза. Соответственно, внутри данного экономико-политического образования не может применяться принудительное выдворение на территорию другого государства

Европейского Союза. В законодательстве СНГ, ЕАЭС или Союзного государства Беларуси и России следует закрепить норму о невозможности принудительной депортации на территорию друг друга, что способствует усилению интеграции данных межгосударственных объединений.

Во-вторых, показательным является пример Латвийской Республики в части постоянного наблюдения Уполномоченного по правам человека за деятельностью органов, применяющих административно-принудительные меры к иностранцам, и за процедурами их депортации, что позитивно влияет на соблюдение прав высылаемых субъектов и способствует предупреждению злоупотреблений со стороны должностных лиц миграционных и пограничных органов. С учетом отсутствия в Республике Беларусь должности Уполномоченного по правам человека функцию контроля за соблюдением законодательства о депортации представляется возможным возложить на иные государственные органы совместно с международными и неправительственными организациями.

В-третьих, в законодательстве, регулирующем применение депортации, следует, по аналогии с законодательством Армении, предусмотреть дополнительные гарантии соблюдения прав социально наименее защищенных групп лиц и в связи с чем дополнить п. 11 Положения «О порядке депортации иностранных граждан и лиц без гражданства», утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 марта 2007 г. № 333 абзацем следующего содержания: «Запрещается депортация иностранного лица, проживающего в Республике Беларусь, если он является несовершеннолетним, и его родители проживают в Республике Беларусь на законных основаниях, либо на его иждивении находится несовершеннолетний ребенок, либо его возраст составляет более 80 лет».

В-четвертых, В КоАП Республики Беларусь целесообразно предусмотреть возможность применения депортации в качестве альтернативного взыскания за любые правонарушения, совершаемые иностранными гражданами и лицами без гражданства.

В-пятых, можно согласиться с предложением И. А. Субботкиной о необходимости создания дополнительных баз данных, взаимосвязанных с базами иностранных государств, которые обеспечат оперативность определения принадлежности иностранного гражданина к тому или иному иностранному государству, в целях принятия законного решения и

безотлагательного привлечения иностранного гражданина к ответственности [10, с. 93]. Безусловно, данное предложение вряд ли возможно реализовать в мировом или даже европейском масштабе, но в пределах Союзного государства Беларуси и России или ЕАЭС – это осуществимо.

Таким образом, важно подчеркнуть, что «деятельность государства по минимизации и предупреждению неблагоприятных последствий нелегальной миграции... настоятельно требует постоянного всестороннего исследования данных процессов, оценку и прогноз его динамики, а также корреляции с последующими изменениями законодательства» [11].

Список использованных источников:

1. Конин, В. Н. Общественная безопасность как социально-правовое явление / В. Н. Конин // Адм. право и процесс. – 2012. – № 4. – С. 42–44, с. 42–44.

2. Доклад о миграции в мире 2020 [Электронный ресурс] // International Organization for Migration. – Режим доступа: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf. – Дата доступа: 07.09.2023.

3. Степанов, А. В. Нелегальная миграция как угроза национальной безопасности Российской Федерации: понятие, содержание, направления противодействия / А. В. Степанов // Адм. право и процесс. – 2013. – № 8. – С. 20–23.

4. Правонарушения в сфере миграции: классификация, доказательства, производство : учеб. пособие / Т. А. Прудникова [и др.] ; под ред. А. С. Прудникова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2012. – 135 с.

5. Гвоздев, Д. В. Социальные и политико-правовые основы государственного принуждения / Д. В. Гвоздев, Л. М. Рябцев // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь, Ин-т правовых исслед. – Минск, 2016. – Вып. 11. – С. 11–19.

6. Романов, С. В. О теоретических основах правового регулирования статуса иностранцев в Российской Федерации / С. В. Романов // Моск. журн. междунар. права. – 1996. – № 2. – С. 3–13.

7. Дубровский, Д. С. Меры административного пресечения, ограничивающие свободу личности / Д. С. Дубровский, Н. Г. Салищева. – М. : Рос. акад. правосудия, 2009. – 150 с.

8. Каплунов, А. И. О классификации мер государственного принуждения / А. И. Каплунов // Государство и право. – 2006. – № 3. – С. 5–13.

9. Козелецкий, И. В. Совершенствование административно-деликтных норм о нарушении миграционного законодательства Республики Беларусь / И. В. Козелецкий, А. И. Федорако // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь, Ин-т правовых исслед. – Минск, 2013. – Вып. 8. – С. 292–299.

10. Субботкина, И. А. Сравнительный анализ эффективности применения мер административного принуждения в миграционные отношения / И. А. Субботкина // Актуал. проблемы адм. права и процесса. – 2018. – № 2. – С. 90–93.

11. Сазонова, Н. В. Об административно-правовом регулировании незаконной миграции [Электронный ресурс] / Н. В. Сазонова, О. А. Сазонова // *Studia Humanitatis* : междунар. электрон. науч. журн. – 2019. – № 3. – Режим доступа: <http://st-hum.ru/content/sazonova-nv-sazonova-oa-ob-administrativno-pravovom-regulirovanii-nezakonnoy-migracii>. – Дата доступа: 07.09.2023.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ¹²

Н. И. Рудович

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
roodnik@mail.ru*

Статья посвящена анализу национального законодательства Республики Беларусь в сфере развития отношений партнерства государства и субъектов

¹² Статья подготовлена представителем научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета.

экономической деятельности. Значительное влияние на формирование отечественного законодательства в указанной сфере оказывает не только международное правовое регулирование, но и принятые нормативные правовые акты иностранных государств, с которыми Республика Беларусь имеет тесные интеграционные связи. Несмотря на множественность работ, посвященных исследованию публично-частного партнерства, в настоящее время отсутствует сформированный категориально-понятийный аппарат, что порождает ряд теоретических и практических проблем. Формулируются рекомендации по совершенствованию законодательства Республики Беларусь о публично-частном партнерстве, направленного на развитие взаимодействия государства в лице уполномоченных органов и организаций с субъектами частноправовых отношений.

Ключевые слова: инвестиционная политика, инновационная деятельность субъект частноправовых отношений, публичный партнер, публично-частное партнерство.

Повышение уровня жизни, обеспечение стабильности, реализация принципов социальной справедливости являются актуальными проблемами современного государства. Эффективная государственная политика способствует повышению качества человеческого потенциала, открывает новые перспективы для социально-экономического развития и является важнейшим фактором роста экономики в целом. В основном это касается тех сфер общественных отношений, которые были созданы государством и на протяжении длительного времени находились в его собственности и его управлении в силу их стратегической, экономической и социальной значимости.

Вместе с тем, невозможность отчуждения данных объектов (например, в порядке приватизации) по причине особой значимости, а также при ограниченном финансировании отсутствие грамотного менеджмента объективно замедляют прогрессивное развитие указанных общественных отношений, препятствуют оптимизации и повышению эффективности функционирования.

Следовательно, возникла необходимость внесения изменений в систему государственного управления, основанную на принципах демократии и верховенства закона, которые в наибольшей степени соответствуют

требованиям современного уровня функционирования общественных отношений, а также определения стратегических целей социально-экономического развития страны с учетом накопленного ею потенциала, геополитического положения, тенденций изменений в современных международных отношениях.

Степень вовлеченности государства в социально-экономические отношения во многом зависит от избранной модели, выбор которых определяется рядом объективных и субъективных факторов. Развитие современных общественных отношений обуславливает необходимость эффективного применения новых форм и методов государственного управления и регулирования экономики особенно в тех сферах, которые могли бы стать на современном этапе драйвером инновационного развития.

Опыт многих стран свидетельствует о том, что одним из наиболее эффективных путей обеспечения развития государственной собственности является привлечение к финансированию и управлению частного сектора на основе партнерства государства и частного сектора. Появление и распространение различных форм публично-частного партнерства обусловлено также недостаточностью государственного финансирования значимых инфраструктурных проектов, стремлением диверсифицировать источники инвестиционных средств в такие проекты и разделить инвестиционные риски, связанные с реализацией проектов между государством и бизнесом.

В этой связи необходимо подчеркнуть значимость и актуальность проведения теоретико-прикладных исследований, связанных с определением возможности эффективного привлечения к решению государственных задач социально-экономической направленности субъектов частноправовых отношений. В научной литературе по экономике и юриспруденции отмечается, что разнообразие видов, форм и сфер применения механизмов публично-частного партнерства делают его универсальным механизмом для решения многих долгосрочных задач – от создания и развития инфраструктуры до решения многих долгосрочных задач инвестиционной и инновационной политики [1, с. 1].

В этой связи хотелось бы сказать о сложившихся в белорусской экономике благоприятных условиях для формирования и развития новых общественных отношений, которые могли бы в полной мере развиваться

через механизмы публично-частного партнерства при создании новой и поддержания существующей инфраструктуры публичного сектора.

Вместе с тем, принятый 30 декабря 2015 года Закон Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве», направленный на формирование правовых условий для привлечения инвестиций в экономику Республики Беларусь, регулирующий общественные отношения, складывающиеся в процессе заключения, исполнения и расторжения соглашений о государственно-частном партнерстве, не в полной мере востребован в качестве эффективного инструмента рыночной экономики в связи с отсутствием четкой правовой регламентации статуса участников, ответственности и порядка несения экономических рисков. Это понятие также часто используется как общий термин для обозначения целого ряда соглашений между государственным сектором и частными организациями, что в свою очередь, объективно снижает эффективность применения механизмов публично-частного партнерства как особой формы взаимодействия государства и частного сектора. Более того, множественность подходов к определению понятия «публично-частное партнерство» свидетельствует об отсутствии единого унифицированного подхода к пониманию данного юридического термина, а, следовательно, и его юридического закрепления в национальном законодательстве не только Республики Беларусь, но и стран, с которыми наше государство имеет тесные интеграционные связи в экономической сфере.

В современных общественных отношениях государство следует рассматривать не только в качестве важнейшего компонента политической системы общества, но и необходимого субъекта его экономической жизнедеятельности, регулятора общественного производства. Появление глобальных проблем общемирового масштаба, усложнение процессов и связей в рыночных отношениях способствует активизации интеграционных процессов во всех сферах жизнедеятельности современных государств, которые особо проявляются в экономической сфере. Не стало исключением формирование модельного законодательства по механизмам публично-частного партнерства. Так, в статье 2 модельного закона СНГ «О публично-частном партнерстве», принятого Межпарламентской Ассамблей государств – участников Содружества Независимых Государств 28 декабря 2014 года публично-частное партнерство рассматривается как юридически

оформленное на определенный срок, основанное на объединении ресурсов (денежных средств и иного имущества, профессиональных и иных знаний, опыта, навыков и умений) и распределении рисков (в том числе рисков финансирования, строительства, обеспечения доступности или спроса в отношении объекта публично-частного партнерства или соответствующих публичных услуг и связанных с ними рисков) взаимовыгодное сотрудничество публичного и частного партнеров в целях решения государственных, муниципальных и иных общественно-значимых задач, находящихся в сфере публичного интереса и контроля [2].

Вместе с тем, несмотря на принятый в 2014 году в рамках СНГ Модельный Закон «О публично-частном партнерстве», имплементация, а, следовательно, и реализация его положений в национальном законодательстве Республики Беларусь проходит достаточно сложно и непоследовательно. По мнению Н.Л. Бондаренко этому препятствует «обусловленный ментальными особенностями отечественных правоведов методологический подход к идентификации существующих общественных отношений» [3].

В настоящее время активно обсуждаются вопросы формирования национальных законодательств о публично-частном партнерстве стран СНГ. Вместе с тем, остается достаточно дискуссионным вопрос о его содержании. По утверждению многих исследователей такой закон может общим рамочным законом, который будет регулировать основы отношений, связанных с сотрудничеством государства и бизнеса; сферу применения закона, основные понятия, принципы публично-частного партнерства, основы правового положения участников соглашения о публично-частном партнерстве, гарантии их прав и законных интересов, несение рисков, ответственность и т.д. [4, с.110]. Поэтому наряду с общим законом о публично-частном партнерстве должна быть сформирована система нормативных правовых актов, его дополняющих и одновременно детально регламентирующих ту или иную форму публично-частного партнерства с учетом специфики сферы взаимодействия.

Современное состояние показывает, что регулирование отношений по взаимодействию органов государственного управления с субъектами частного сектора осуществляется точно, не на системной основе, по мере возникновения потребности в этом. Тем не менее, интерес субъектов

частного сектора к проектам, осуществляемым на условиях публично-частного партнерства, имеется. Об этом свидетельствуют заинтересованность и готовность участников частного сектора из различных сегментов экономики нашего государства.

При этом, следует отметить необходимость реализации ряда институциональных преобразований, а именно: совершенствование законодательной основы по реализации проектов публично-частного партнерства различных отраслях и сферах; оказание методологической поддержки подготовки данных проектов и создание института независимой экспертизы проектов; развитие системы образования по публично-частному партнерству для всех его участников, чтобы это стало для них обычной практикой.

В заключение необходимо отметить, что институт публично-частного партнерства, широко применяемый во многих экономически развитых странах мира, начинает применяться в Республике Беларусь и других государствах-участниках СНГ. Принятие модельного закона «О публично-частном партнерстве» способствует гармонизации национальных законодательств, создает легальную возможность привлечения частных инвестиций в различных формах публично-частного партнерства, а также обеспечивает единообразное и комплексное государственное регулирование указанных общественных отношений.

Список использованных источников:

1. Попондопуло, В. Ф., Шевелева, Н. А. Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты: монография / В. Ф. Попондопуло, Н. А. Шевелева; под ред. В.Ф. Попондопуло. – М. : Инфотропик Медиа, 2015. – 528с.

2. О публично-частном партнерстве [Электронный ресурс]: Модельный закон СНГ, 28 дек. 2014 г., – Режим доступа: [http://www.parliament.am/library/modelayin %20orenqner/305.pdf](http://www.parliament.am/library/modelayin%20orenqner/305.pdf). – Дата доступа: 05.11.2023.

3. Бондаренко, Н. Л. Публично-частное партнерство как социальный феномен и правовой институт: новый методологический подход к идентификации общественных отношений / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г.

Конаневич, М.С. Бондаренко, А. Г. Костенко // Право.by. – № 6. – 2022. – С. 24–32.

4. Попондопуло, В. Ф., Модельный закон «О публично-частном партнерстве» для государств – участников СНГ: концепция и структура / В. Ф. Попондопуло // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2012. – № 4 (28). – С. 110–114.

ВЕРТИКАЛЬНОЕ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ИНТЕРЕСА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА

А. В. Сасс

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь
anthony.sass@yandex.by*

Хозяйственное право является отраслью права, регулирующей отношения публично-частного характера. Вертикальное монополистическое соглашение является новым понятием для законодательства Республики Беларусь. Отечественный антимонопольный Закон содержит ряд норм, регулирующих отдельные вопросы запрета и допустимости указанных соглашений, в то же время комплексное понимание данного явления еще не сформировано, что, в числе прочих обстоятельств, приводит к коллизиям в правовом регулировании данного явления. В настоящей работе мы предлагаем комплексный взгляд на исследуемое явление с точки зрения хозяйственного права.

Ключевые слова: вертикальное монополистическое соглашение; хозяйственное право; публично-правовое ограничение; договоры торгового посредничества.

Термин «вертикальное монополистическое соглашение» отсутствует в праве Республики Беларусь. С целью уяснения отдельных аспектов правовой природы рассматриваемого явления предлагается проанализировать его в двух плоскостях: публично-правовой и частноправовой.

Прежде всего, Закон Республики Беларусь от 12 декабря 2013 года № 94-3

«О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон № 94-3) в абзаце тринадцатом части первой Ст. 1 определяет соглашение как таковое следующим образом: *«договоренность в письменной или электронной форме, содержащаяся в документе или нескольких документах, а также договоренность в устной форме»*.

По нашему мнению, данное определение нельзя считать в полной мере удачным.

Наравне с соглашениями, Закон № 94-3 оперирует понятием согласованных действий – иного вида монополистической деятельности. Соответствующий термин не определен в Ст. 1 Закона № 94-3, но при этом законодатель посвящает ему отдельную норму – Ст. 12 Закона № 94-3. Анализ нормы не позволяет точным образом провести границу между этими видами монополистической деятельности.

Данный вопрос находит продолжение в доктрине. Например, российский правовед В. Г. Истомин пишет: «Возникает вопрос: в чем отличие ограничивающих конкуренцию соглашений от согласованных действий? Отдельные попытки ответить на данный вопрос есть в литературе, однако единства мнения у авторов нет» [1, с. 68].

И действительно, можно выделить исследователей, которые высказывались в пользу разграничения данных понятий по признаку наличия или отсутствия документально подтвержденных договоренностей (что, однако, не может считаться верным с учетом дефиниции соглашения, указывающей на возможную форму его существования в качестве договоренности в устной форме) [2, с. 133]; или авторов считавших, что соглашение есть достигнутая договоренность о совершении неких действий или бездействия, в то время как согласованные действия представляют собой практическую реализацию соглашения [3, с. 84]. Некоторые исследователи и вовсе не видят различий между этими понятиями [4, с. 25].

По вопросу высказывался и сам регулятор, в данном случае – российский. В частности, начальник правового управления ФАС России С. А. Пузыревский отмечал, что отграничение соглашений и согласованных действий является непростой задачей и имеет определенные сложности не только в точки зрения научной, но и при правоприменении, а «связано это, в

первую очередь, с тем, что критерии определения согласованных действий, предусмотренные ч. 1 ст. 8 Закона о защите конкуренции, подходят как для действий хозяйствующих субъектов, которые имеют в своей основе соглашение, так и для независимых действий хозяйствующих субъектов, результатом которых являются последствия, предусмотренные ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции» [5].

При этом нормы отечественного Закона № 94-З до недавних пор (в том числе на момент публикации работы С. А. Пузыревского) регулировали данный вопрос образом аналогичным по отношению к названным нормам, закрепленным в Федеральном законе от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Федеральный закон).

Применительно к названным нормам, вопрос детально исследовался профессором

Т. Г. Дауровой, утверждавшей, что, с учетом наблюдающегося в научной литературе разброса мнений, необходимость остановиться на одной из существующих позиций являлась для российского законодателя крайне важной задачей, однако его решение, в итоге нашедшее отражение в нормах Федерального закона, «трудно признать удовлетворительным» [6, с. 224], что, в свою очередь, справедливо и для Закона № 94-З.

Важно указать, что в 2011 году в Федеральный закон, в том числе ст. 8, посвященную правовому регулированию согласованных действий хозяйствующих субъектов, были внесены изменения, в результате чего содержание части первой п. 1 ст. 8 Федерального закона было изменено и изложено в следующей редакции: «1. Согласованными действиями хозяйствующих субъектов являются действия хозяйствующих субъектов на товарном рынке *при отсутствии соглашения*, удовлетворяющие совокупности следующих условий:». Перечень самих условий при этом остался без изменений.

Стоит ли говорить, что подход, с которым российский законодатель подошел к решению данного вопроса, видится весьма механическим, и в действительности не позволяет каким-либо образом проследить отличия между рассматриваемыми понятиями? Внесенные изменения не устранили замечания, существовавшие в доктрине, а лишь прямо противопоставили друг другу два вида монополистической деятельности. Более того, они породили новую проблему, ведь теперь для доказывания факта наличия

согласованных действий, регулятору нужно не только доказать наличие совокупности соответствующих прямо перечисленных условий, но также доказать факт отсутствия соглашения, которое, как известно, может существовать в качестве «договоренности в устной форме».

В этой связи мы не рекомендуем отечественному законодателю вносить в нормы Закона № 94-З аналогичные изменения. Полагаем, что одной из целей текущего состояния правового регулирования монополистических (антиконкурентных) соглашений и согласованных действий хозяйствующих субъектов, в рамках которого эти явления частично «накладываются» друг на друга, может являться стремление законодателя включить в поле антимонопольного регулирования все формы поведения хозяйствующих субъектов – во избежание риска ситуации «неконтролируемого» антиконкурентного поведения, негативно влияющего на состояние конкуренции на товарном рынке. В то же время считаем, что данная цель, безусловно оправданная, может быть достигнута и при более четком и качественном нормативном разделении рассматриваемых явлений.

В частности, одним из возможных способов осуществления поставленной задачи является указание на то, что соглашениями являются соответствующие договоренности хозяйствующих субъектов в письменной или электронной форме, в то время как все иные практики и договоренности, достигнутые в устной форме и (или) базирующиеся на соглашениях, являются согласованными действиями.

К сожалению, вопрос квалификации антиконкурентного поведения хозяйствующих субъектов в качестве согласованных действий или монополистического соглашения не является единственной проблемой, проистекающей из дефиниции, закрепленной в абзаце тринадцатом части первой Ст. 1 Закона № 94-З.

Возвращаясь к нему, укажем, что не до конца понятным является использование законодателем термина «договоренность». В частности, определение этого термина в Законе № 94-З отсутствует, а сам термин больше не упоминается ни в одной из норм Закона № 94-З, кроме названной выше. Более того, легальный термин «договоренность» в целом отсутствует в праве Республики Беларусь.

В этой связи возникла ситуация, при которой законодатель ввел в нормы
Закона

№ 94-3 понятие абсолютно новое для отечественной правовой системы, при этом никак его не определив.

Более того, по тексту дефиниции понятие договоренности дополняется словами

«в письменной или электронной форме». С одной стороны, это указывает на противопоставление двух форм договоренности друг другу, что, в свою очередь, было бы неприменимо по отношению к формам сделок (ведь белорусское гражданское законодательство не определяет электронную форму в качестве самостоятельной формы сделки, а лишь приравнивает ее к простой письменной форме); с другой стороны, такой подход по формальному признаку может быть применен в отношении понятия договоренность, для которого какие-либо характеризующие признаки отсутствуют.

Подобная нормотворческая техника представляется не верной.

Ряд отечественных правоведов, в том числе профессор Г. А. Василевич, не раз указывали, что высокий уровень качества законодательства «предполагает отсутствие в нем какой-либо двусмысленности, поскольку без этого невозможно его единообразное применение. Иногда дефект в законодательстве проявляется в связи с неопределенностью формулировок, нечетким изложением норм» [7, с. 6]. В данном случае с мнением профессора Г. А. Василевича следует согласиться.

Исходя из этого, считаем устранение сложившейся неточности оправданным и возможным в рамках одного из следующих вариантов:

– изменить дефиницию термина «соглашение», исключив из него слово «договоренность», и приблизив данный термин по смыслу к одной из гражданско-правовых категорий, существующих в отечественном праве (например, понятию договора);

– оставить текущую дефиницию термина «соглашение» без изменений в части слов «договоренность в письменной или электронной форме», при этом дополнив Ст. 1 Закона № 94-3 понятием и определением договоренности, которые могут быть использованы для целей Закона.

Первый из вариантов видится более предпочтительным, поскольку количество законов и правовых норм не всегда перерастает в качество, а определить понятие договоренности таким образом, который позволит отграничить его от понятий соглашения и договора, избежав при этом

логических ошибок в определении, видится задачей весьма затруднительной и в действительности не необходимой.

Следовательно, с учетом ранее приведенных предложений, в том числе в части разделения соглашений и согласованных действий, полагаем, что итоговая редакция рассматриваемого понятия для целей Закона № 94-З может выглядеть следующим образом: *«соглашение – документ или несколько документов в письменной (в том числе электронной) форме, определяющие порядок совместной деятельности хозяйствующих субъектов по достижению общей цели».*

Что важно, такая дефиниция соглашения не противоречит смыслу Ст. 20 Закона № 94-З, устанавливающей запрет в отношении монополистических соглашений хозяйствующих субъектов (в том числе вертикальных). С ним по-прежнему сохранится возможность понимать под соглашением, а раз так, то и под монополистическим соглашением, гражданско-правовой договор, содержащий запрещенные законодателем положения, или любой иной документ, составленный в рамках деятельности хозяйствующего субъекта и названный каким-либо образом (решение общего собрания участников, соглашение о сотрудничестве / партнерстве / намерениях / и пр.), если такой документ представляет собой фиксацию договоренностей хозяйствующих субъектов, участвующих в соглашении.

Косвенно эту позицию подтверждает профессор В. Ф. Попондопуло, который утверждает, что в данном случае соглашения представляют собой более широкую категорию, нежели договор, поскольку «могут как устанавливать, изменять или прекращать права и обязанности сторон (т.е. способны быть гражданско-правовым договором), так и фиксировать лишь намерения сторон относительно будущих действий каждой из них в отношении себя или третьих лиц» [8].

Далее заметим, что понятие вертикального монополистического соглашения тесно связано с понятием публично-правового ограничения.

Представляется возможным определить публично-правовое ограничение следующим образом – это правовое ограничение, призванное обеспечить соблюдение публичного интереса. Поскольку формой выражения правовых ограничений является норма права или даже в некоторых случаях их совокупность (например, когда такая совокупность норм устанавливает

пределы допустимого поведения субъекта в границах одного конкретного общественного отношения), формой выражения публично-правового ограничения можно считать совокупность норм права, направленных на достижение определенного блага – удовлетворение общественных потребностей в целом либо, в более узком смысле, это может быть создание равных условий и возможностей для субъектов общественных отношений.

Отсюда следует, что если мы рассмотрим вертикальное монополистическое соглашение сквозь призму понятия публично-правового ограничения, то увидим, что вертикальными монополистическими соглашениями по праву Республики Беларусь, в соответствии с нормами Закона № 94-З, признаются соглашения (в том числе гражданско-правовые договоры) с определенным субъектным составом, содержащие условия, которые, по мнению регулятора, приведут или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции на товарном рынке, являющимся предметом такого соглашения. Иными словами, запрещая вертикальные монополистические соглашения к заключению хозяйствующими субъектами, законодатель запрещает и обозначенные гражданско-правовые договоры, по сути, нарушая один из элементов принципа «свободы договора», закрепленного в Ст. 421 ГК, не позволяя сторонами в полной мере самостоятельно и независимо определять условия их сотрудничества и соответствующим образом отражать такие условия в соглашении.

Как видно, в отношении свободы поведения субъектов по формированию условий соглашения, накладываются ограничения со стороны регулятора. Представляется, что это обстоятельство вызвано стремлением законодателя обеспечить эффективное функционирование товарных рынков и создать на них условия для развития конкуренции между хозяйствующими субъектами, в чем, согласно его позиции, видится ранее названное благо – создание равных условий и возможностей для субъектов общественных отношений. В вертикальных монополистических соглашениях законодатель усматривает угрозу для данного блага, ведь такие соглашения являются подвидом монополистических соглашений, которые названы в числе элементов, составляющих понятие монополистической деятельности, которая, в свою очередь, приводит к нарушению нормального функционирования товарных рынков, и которой законодатель прямо

противодействует, исходя из собственного наименования Закона № 94-З, а также общих положений, закрепленных в его преамбуле.

Ограничивая свободу хозяйствующих субъектов в части возможности заключения и исполнения вертикальных монополистических соглашений, законодатель, как представляется, в определенной степени ограничивает частный интерес и делает это не безосновательно.

Отсюда следует, что вертикальное монополистическое соглашение как явление сферы антимонопольного регулирования представляет собой не что иное, как форму выражения публично-правового ограничения, направленного на создание равных условий и возможностей для субъектов общественных отношений в части осуществления такими субъектами экономической (хозяйственной) деятельности

Исходя из изложенного, можно заключить, что в данном случае публично-правовое явление выражается через частноправовое явление, а именно – через конкретные соглашения, а точнее гражданско-правовые договоры, заключаемые субъектами хозяйствования. Иными словами, такие договоры являются цивилистической основой вертикального монополистического соглашения. В своих работах мы предлагаем разделять эти договоры на две самостоятельные группы, исходя из степени независимости и экономической самостоятельности стороны, осуществляющей исполнение, имеющее решающее значение для договора: договоры торгового представительства и договоры торгового посредничества [9, с. 38].

Таким образом, указанная взаимосвязь публично-правового и частноправового аспектов формирует целостное явление вертикального монополистического соглашения, относя его к сфере интересов хозяйственного права, как отрасли права, как науки, и как учебной дисциплины.

Список использованных источников:

1. Истомин, В. Г. Гражданско-правовые последствия заключения и исполнения ограничивающих конкуренцию соглашений / В. Г. Истомин // Журнал российского права. – 2021. – № 7. – С. 54–68.

2. Рынок и антимонопольное законодательство России / Отв. ред. Ю.И. Бурлинов. – М.: Центр «Юстишинформ», 1992. – 173 с.

3. Сулашкина, А. С. Правовые критерии определения согласованных действий и соглашений, ограничивающих конкуренцию / А. С. Сулашкина // Власть. – 2007. – № 8. – С. 74–84.

4. Николаев, И. П., Малютина, Л. И., Чернова, С. Г. Основы антимонопольного законодательства : учеб. пособие. – Чебоксары: Чуваш, кн. изд-во, 1998. – 159 с.

5. Пузыревский, С. А. Антиконтурентные соглашения и согласованные действия: основные тенденции [Электронный ресурс]. – Журнал «Конкуренция и право». – Режим доступа: <https://cljournal.ru/nomer03/66.html>. – Дата доступа: 10.10.2023.

6. Даурова, Т. Г. О языке российского конкурентного законодательства / Т. Г. Даурова // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 220–227.

7. Василевич, Г. А. Пробелы и иные дефекты в законодательстве и пути их устранения / Г. А. Василевич // Право в современном белорусском обществе : сборник научных трудов. – Минск. – 2009. – Вып. 4. – С. 4–14.

8. Комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный) / В. Ф. Попондопуло [и др.] ; под ред. В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петрова. – М.: Норма; ИНФА-М, 2013. – 304 с.

9. Сасс, А. В. К вопросу о понятии договоров торгового посредничества, признаваемых вертикальными монополистическими соглашениями по праву Республики Беларусь, и их соотношении с договорами «торгового представительства» / А. В. Сасс // Юстиция Беларуси. – 2023. – № 9. – С. 32–39.

ВРЕМЕННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ КАК МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН УПРАВЛЕНИЯ БАНКОМ

А. Г. Силивончик

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
artur.silivonchik@gmail.com*

В настоящей статье автор анализирует функции временной администрации при ограничении и приостановлении полномочий исполнительного органа банка, обращая внимание на ее значимость в обеспечении финансовой стабильности банка. Кроме того, статья предоставляет обзор практики назначения временной администрации в Республике Беларусь, что дает возможность понять особенности регулирования данной сферы в контексте национального банковского законодательства.

Ключевые слова: временная администрация; банкротство банка; меры по предупреждению банкротства банка.

Временная администрация представляет собой специальный орган управления банком, который назначается Национальным банком.

Временная администрация как мера по предупреждению банкротства направлена на обеспечение финансовой устойчивости как отдельных кредитных организаций, так и банковской системы в целом. Это обусловлено тем, что данная мера носит реабилитационный характер и направлена на предотвращение банкротства [1, с. 34].

Правовой основой функционирования временной администрации являются положения Закона Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. №227-З «Об урегулировании неплатежеспособности» (далее – Закон №227-З) и Инструкция о порядке деятельности временной администрации по управлению банком и небанковской кредитно-финансовой организацией, утвержденная постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 30 октября 2012 г. № 555.

В соответствии с пунктом 1 статьи 169 Закона №227-З Национальный банк вправе назначить временную администрацию, если:

1) банк в установленный срок не выполняет требования Национального банка об отстранении руководителя банка либо о принятии мер по улучшению финансового состояния или реорганизации банка;

2) в соответствии с законодательными актами имеются основания для приостановления действия или отзыва у банка специального разрешения (лицензии) на осуществление банковской деятельности;

3) имеются основания полагать, что сложилось положение, угрожающее безопасному функционированию банка, и (или) поддержанию стабильности банковской системы, и (или) интересам вкладчиков и иных кредиторов банка.

Временная администрация является многофункциональным способом управления и надзора за деятельностью банка, поскольку может назначена в качестве:

1) меры воздействия за нарушение банковского законодательства;

2) меры для предупреждения банкротства банка;

3) руководящего органа управления банком.

По общему правилу временная администрация назначается Национальным банком на срок до восемнадцати месяцев. Однако после отзыва специального разрешения (лицензии) на осуществление банковской деятельности срок действия временной администрации может быть продлен Национальным банком не более чем на шесть месяцев, либо до момента формирования органов, осуществляющих реорганизацию или ликвидацию банка, либо до момента назначения управляющего. Общий срок действия временной администрации не может превышать тридцати месяцев (статья 170 Закона №227-3).

Анализ правоприменительной практики в Республике Беларусь показывает, что временная администрация в подавляющем большинстве случаев вводится именно в качестве меры воздействия за нарушение банковского законодательства.

В качестве меры воздействия за нарушение банковского законодательства временная администрация вводилась в отношении «АКБ «МинскКомплексБанк» ЗАО, ОАО «ДЖЕМ-БАНК» и ОАО «Белгазпромбанк» [2].

В частности, в отношении ОАО «Белгазпромбанк» временная администрация вводилась на основании статей 94, 97, 134, 134-1 Банковского

кодекса Республики Беларусь с учетом информации Комитета государственного контроля о возбуждении Департаментом финансовых расследований Комитета государственного контроля в отношении должностных лиц ОАО «Белгазпромбанк» [3].

В отношении ЗАО «Дельта Банк» временная администрация вводилась на основании анализа показателей текущей деятельности белорусского ЗАО «Дельта Банк» на фоне негативных событий, происходящих в АО «Дельта Банк» (Украина), в том числе связанных с признанием его неплатежеспособным. Исходя из данной информации, полагаем, что в данном случае временная администрация вводилась в качестве меры по предупреждению банкротства банка [4].

В свою очередь полагаем, что основной целью введения временной администрации является предотвращение банкротства банка. Банк переходит под контроль «внешнего управляющего», который назначается Национальным Банком. Цель временной администрации заключается в том, чтобы взять под контроль деятельность банка, оценить его финансовое положение и разработать план восстановления платежеспособности банка.

Временная администрация наделяется рядом полномочий, чтобы помочь стабилизировать банк. Эти полномочия определяются в зависимости от того, ограничены или приостановлены полномочия исполнительных органов банка.

В соответствии с пунктом 1 статьи 173 Закона № 227-З при ограничении полномочий исполнительных органов, руководителя банка временная администрация:

- 1) участвует в разработке мер по улучшению финансового состояния банка и осуществляет контроль за их реализацией;
- 2) осуществляет контроль за распоряжением имуществом банка в пределах, установленных настоящей статьей;
- 3) осуществляет иные функции в соответствии с законодательством.

Согласно пункту 1 статьи 174 Закона 415-З при приостановлении полномочий исполнительных органов банка временная администрация:

- 1) исполняет полномочия исполнительных органов, руководителя банка;
- 2) разрабатывает меры по улучшению финансового состояния банка, организует их реализацию и осуществляет контроль за их реализацией;

3) принимает меры по обеспечению сохранности имущества и документации банка;

4) устанавливает кредиторов банка и их требования;

5) принимает меры по взысканию задолженности перед банком, в том числе в претензионном порядке, посредством обращения за совершением исполнительных надписей, в судебном порядке, в порядке принудительного исполнения исполнительных документов, посредством досудебного оздоровления, в том числе в период принятия мер по предупреждению несостоятельности или банкротства;

6) заявляет в Национальный банк ходатайство о приостановлении удовлетворения требований кредиторов банка;

7) осуществляет иные функции в соответствии с законодательством.

Таким образом, анализ законодательства и правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что ключевой целью временной администрации является предотвращение банкротства банка путем принятия своевременных мер по устранению положения, угрожающего безопасному функционированию банка. Благодаря раннему вмешательству Национальный банк путем назначения временной администрации может защитить интересы вкладчиков и иных заинтересованных лиц от банкротства банка. Стоит отметить, что временная администрация, как правило, является краткосрочной мерой, призванной стабилизировать финансовое состояние банка. После того как финансовое состояние банка восстановлено, временная администрация, как правило, прекращает свою деятельность.

Многофункциональность временной администрации заключается в том, что она может быть назначена как мера воздействия за нарушение банковского законодательства, и (или) мера для предупреждения банкротства банка, и (или) руководящий орган управления банком.

Список использованных источников:

1. Сергеева, Э. В. Временная администрация как мера по предупреждению банкротства кредитных организаций // Юрист. – 2011. – № 12. – С. 33–37.

2. Пресс-релизы Национального банка Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/bv/arch/314.pdf>. – Дата доступа: 01.10.2023.

3. О введении временной администрации в ОАО «Белгазпромбанк» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/press/10340>. – Дата доступа: 01.10.2023.

4. О введении временной администрации в ЗАО «Дельта Банк» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/press/3795>. – Дата доступа: 01.10.2023.

ИНТЕГРАЦИЯ ПРАВА И ЭКОНОМИКИ: РОЛЬ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫХ МЕР

Т. В. Телятицкая

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь
tvt@tut.by*

Рассматривается роль административно-предупредительных мер в контексте интеграции права и экономики, их значению как комплекса правовых и организационных действий, направленных на предотвращение административных правонарушений. Акцентируется внимание на ключевой роли таких мер в регулировании общественной жизни, особенно в экономической сфере. Центральное место занимает исследование преимуществ административно-предупредительных мер для экономической деятельности, включая создание благоприятных условий для бизнеса, снижение экономических рисков и обеспечение стабильности. В заключение рассматриваются современные вызовы, такие как глобализация и цифровизация, и необходимость междисциплинарного подхода к применению административно-предупредительных мер.

Ключевые слова: интеграция; право; экономика; административно-предупредительные меры; принуждение; правонарушения; правовое регулирование; экономическая политика

Административно-предупредительные меры – это комплекс правовых и организационных действий, направленных на предотвращение, пресечение и устранение административных правонарушений. Они играют ключевую роль в регулировании различных сфер общественной жизни, в том числе экономической, создавая благоприятные условия для стабильного функционирования субъектов хозяйствования.

Административно-предупредительные меры представляют собой специфический инструментарий в рамках правовой системы, цель которого заключается в профилактике административных правонарушений. Им присуща «ярко выраженная профилактическая направленность и основанием для их применения является не правонарушение, а наступление особых, установленных законодательством обстоятельств как связанных, так и не связанных с действиями лиц – участвующих в правоотношениях. Для их применения не требуется факта нарушения правовой нормы, а необходимо наступление, как правило, особых условий, предусмотренных гипотезой правовой нормы» [1, с. 85–86]. Эти меры, будучи прежде всего профилактическими, направлены на создание условий, при которых вероятность нарушения уменьшается до минимума.

В отличие от мер взыскания, предупредительные меры не предполагают наказания за совершенное правонарушение, а скорее стимулируют соблюдение законодательства. К таким мерам, прежде всего, относятся: информирование (распространение среди населения и юридических лиц информации о законодательстве, последствиях его нарушения и путях соблюдения); рекомендации (предоставление конкретных советов и методик, направленных на предотвращение нарушений в определенной сфере деятельности); предупреждения (уведомление субъектов о выявленных нарушениях с предложением их устранить до применения принудительных мер); меры, применяемые в целях предотвращения угрозы наступления неблагоприятных последствий (введение карантина, закрытие участков Государственной границы, ограничение движения транспортных средств) и др.

Несмотря на многообразие, все эти меры способствуют формированию правового поля для стабильного функционирования субъектов хозяйствования, уменьшают риски непредвиденных санкций и создают предсказуемую среду для бизнеса. Так, например, своевременное

информирование о изменениях в налоговом законодательстве позволяет компаниям адаптироваться к новым условиям без риска нарушения закона.

В современных условиях динамичного развития экономики и постоянных изменений в законодательстве особое значение приобретает гибкость и оперативность административно-предупредительных мер. Эффективное применение таких мер требует не только глубокого понимания текущего законодательного контекста, но и прогнозирования возможных изменений и рисков, то есть, как справедливо отмечает О. И. Чуприс, «для уяснения позиции о месте административно-правового принуждения (*предупредительных мер как его разновидности – Т.Т.*) в правовой системе следует обратиться к анализу его сущности» [2, с. 13].

Ключевую роль в применении административно-предупредительных мер играет аналитическая составляющая. «В условиях совершенствования государственно-правовой системы, поиска оптимальной модели государственного и общественного развития повышается актуальность определения границ правового регулирования, эффективных мер, используемых в процессе управления, изменения соотношения централизации и децентрализации» [3, с. 10–11]. Так, систематический анализ данных о правонарушениях, их причинах и последствиях позволяет выявлять «узкие места» в законодательстве и практике его применения. На основе этого анализа разрабатываются рекомендации и методики, направленные на профилактику нарушений.

Важным аспектом в разработке и применении административно-предупредительных мер является междисциплинарный подход. Взаимодействие специалистов в области права, экономики, социологии и других наук позволяет создавать комплексные решения, учитывающие все аспекты проблемы. Например, социологические исследования могут помочь понять мотивацию нарушителей и разработать меры, нацеленные на изменение этой мотивации.

Не следует недооценивать и технологический аспект, поскольку современные информационные технологии предоставляют широкие возможности для сбора, анализа и распространения информации. Электронные системы учета, мониторинга и контроля позволяют оперативно реагировать на нарушения, а также проводить их анализ для выработки предупредительных мер.

Поскольку административно-предупредительные меры являются неотъемлемой частью современной правовой системы, их эффективное применение способствует созданию стабильного и предсказуемого правового поля, что, в свою очередь, является ключевым фактором развития экономики, что можно проследить анализируя эволюцию этих мер. Так, в древних обществах право в основном имело репрессивный характер, и основное внимание уделялось наказанию за совершенные правонарушения. Однако даже тогда существовали элементы предупреждения, такие как обряды и ритуалы, направленные на профилактику нарушений. С развитием государства и формированием сложной системы законодательства начало проявляться понимание необходимости профилактики правонарушений. В средневековой Европе, например, появились первые законы, регулирующие торговлю и ремесла, которые содержали не только нормы взыскания, но и предписания, направленные на предотвращение мошенничества и недобросовестной конкуренции.

В новое время, с развитием капитализма и индустриализации, стало очевидным, что репрессивные меры недостаточно эффективны для регулирования сложных экономических отношений. Это привело к появлению и активному развитию административно-предупредительных мер. В этот период начинают активно формироваться институты государственного контроля и надзора, создаются специализированные органы, ответственные за профилактику правонарушений в различных сферах.

В XX веке, в контексте глобализации и развития международного права, административно-предупредительные меры стали еще более сложными и многогранными. Появились международные стандарты и нормы, регулирующие применение этих мер, а также механизмы международного сотрудничества в этой области.

Современные тенденции в развитии административно-предупредительных мер отражают стремление к интеграции различных подходов и методов. Это проявляется в слиянии традиционных правовых инструментов с новыми методами управления и регулирования, основанными на междисциплинарных исследованиях и практиках.

Особое внимание уделяется использованию новых технологий. Современные информационные системы позволяют автоматизировать процессы мониторинга, анализа и реагирования на потенциальные

правонарушения. Использование больших данных, искусственного интеллекта и машинного обучения позволяет создавать более точные и оперативные механизмы предупреждения и реагирования на нарушения.

В целом, современные тенденции в развитии административно-предупредительных мер отражают стремление к созданию более гибкой, адаптивной и интегрированной системы профилактики правонарушений, которая была бы в состоянии эффективно реагировать на сложные и быстро меняющиеся вызовы современного общества.

Административно-предупредительные меры базируются на ряде ключевых принципов, которые определяют их эффективность и направленность:

– принцип профилактики: основная цель этих мер – предотвращение правонарушений, а не их последующее преследование. Это позволяет снижать риски для экономической деятельности и создавать стабильные условия для бизнеса;

– принцип системности: предупредительные меры рассматриваются в комплексе, учитывая взаимосвязь различных элементов правовой системы и экономической среды;

– принцип адаптивности: в условиях постоянно меняющегося экономического ландшафта меры должны быть гибкими и способными к быстрой адаптации к новым условиям;

– принцип сотрудничества: эффективное применение мер требует взаимодействия различных сторон: государственных органов, бизнеса и общественных организаций.

Несомненными для экономического развития страны являются преимущества административно-предупредительных мер. Во-первых, организациям проще планировать свою деятельность, когда они знают правила игры и уверены, что эти правила будут стабильными. Во-вторых, профилактика правонарушений позволяет избежать потенциальных штрафов и санкций, что, в свою очередь, снижает экономические риски для бизнеса. В-третьих, в условиях стабильной и предсказуемой правовой среды компании могут инвестировать в исследования и разработки, не опасаясь внезапных изменений в законодательстве. В-четвертых, инвесторы предпочитают вкладывать свои средства в страны с развитой и стабильной правовой системой, где соблюдаются принципы профилактики и предсказуемости.

В целом, успешная интеграция административно-предупредительных мер в экономическую политику может способствовать созданию благоприятных условий для экономического роста и развития, обеспечивая стабильность, предсказуемость и защиту экономической деятельности от потенциальных рисков.

В то же время в современном мире существует несколько ключевых тенденций и вызовов, которые напрямую влияют на применение и эффективность административно-предупредительных мер. В частности, глобализация и цифровизация экономики приводят к тому, что экономическая деятельность становится все более сложной и межсетевой. Это создает новые возможности для правонарушений, особенно в цифровой сфере. Многие страны сталкиваются с проблемой избыточного и запутанного регулирования, что затрудняет контроль и предотвращение нарушений. Новых подходов к регулированию и предотвращению правонарушений требуют и такие проблемы, как изменение климата, социальные неравенства и миграция.

Чтобы адаптировать административно-предупредительные меры к этим меняющимся условиям, могут быть предприняты следующие шаги:

1. Активное внедрение цифровых технологий, что может усилить применение искусственного интеллекта и блокчейна для мониторинга и предотвращения экономических правонарушений.

2. Ревизия существующего законодательства с целью выявления устаревших или избыточных норм, которые могут затруднять экономическую деятельность.

3. Усиление международного сотрудничества в области предотвращения правонарушений с учетом географического положения и экономических связей Республики Беларусь.

4. Организация семинаров, тренингов и курсов для представителей бизнеса по вопросам соблюдения законодательства и применения лучших практик в области предотвращения правонарушений.

Применяя эти подходы, Республика Беларусь сможет усилить свои административно-предупредительные меры, адаптируя их к современным вызовам и обеспечивая устойчивое экономическое развитие.

Список использованных источников:

1. Сафоненков, П. Н. Административное принуждение, применяемое таможенными органами (теоретико-прикладное исследование): моногр. / П. Н. Сафоненков. – М. : РИОР: ИНФРА-М, 2016. – 226 с.
2. Административно-правовое принуждение в государственном управлении Республики Беларусь / О. И. Чуприс [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2018. – 382 с.
3. Василевич, С. Г. Право, государство, управление / С. Г. Василевич // Конституционализация национального правопорядка : материалы круглого стола, Полоцк, 12–13 дек. 2014 г. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Пугачев (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк, 2014. – С. 10–12.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ФОРМ
ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ СПОРТА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

М. Г. Тхарёва

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220030, г. Минск, Беларусь,
tharevamarina@gmail.com*

В статье проводится анализ правовых форм государственно-частного партнерства Республики Беларусь и Кыргызской Республики, используемых в сфере спорта. Исследуется практика применения договорной формы государственно-частного партнерства для строительства, реконструкции, технического обслуживания объекта соглашения о государственно-частном партнерстве. Осуществляется сравнительный анализ концессионного законодательства Республики Беларусь и Кыргызской Республики в рамках его возможного использования в сфере спорта.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; сфера спорта; договорная и институциональная формы; концессия.

Спорт представляет собой мощный социокультурный и экономический феномен, оказывающий глубокое воздействие на общество. В современном

мире спорт приобрел высокую значимость, влияя на здоровье и благополучие граждан, национальные и международные отношения, а также становясь одной из важнейших составляющих глобальной экономики. Развитие спорта требует значительных ресурсов, как финансовых, так и организационных, и поэтому важно находить эффективные механизмы и создавать партнерские отношения для поддержки спортивной деятельности и инфраструктуры.

В этом контексте государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) становится важным инструментом, при использовании которого могут быть достигнуты общие спортивные цели. ГЧП, представляя собой форму сотрудничества государственного и частного партнеров, где объединяются ресурсы обеих сторон, может быть направлено на создание и поддержание спортивных объектов, развитие массового спорта, финансовую поддержку спортивных мероприятий и многое другое.

Становление института ГЧП берет начало от появления концепции управления государственной собственностью – «Частная финансовая инициатива (Private Finance Initiative (PFI)), которая впервые была сформирована в Великобритании для проектов в сфере общественных услуг.

Со временем ГЧП также стало развиваться и применяться в других странах, включая страны Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), входящие в единое экономическое пространство. В настоящее время законодательство данных стран, регулирующее правоотношения ГЧП, является схожим, но, безусловно, не идентичным. Имеется ряд различий, в том числе и в формах ГЧП. Гармонизация законодательства о ГЧП и унификация правовых норм необходима для того, чтобы происходило равномерное социально-экономическое развитие государств в рамках интеграционных процессов. Ввиду чего целесообразно рассмотреть вопрос о том, каким образом применяется механизм ГЧП, включая сферу спорта, в отдельных странах-членах ЕАЭС, и каким образом регулируются данные правоотношения.

Законодательство о ГЧП Кыргызской Республики появилось в 2012 г., когда вступил в силу Закон Кыргызской Республики «О государственно-частном партнерстве в Кыргызской Республике» от 22 февраля 2012 г. № 7 (далее – Закон № 7) (утратил силу), в котором содержались положения о понятии ГЧП, сферах его применения, принципах ГЧП и др. Затем в 2019 г. был создан Центр государственно-частного партнерства Кыргызской

Республики (далее – Центр ГЧП КР) [1, с. 126]. В настоящее время действует Закон Кыргызской Республики «О государственно-частном партнерстве» от 11 августа 2021 г. № 98 (далее – Закон о ГЧП КР), который регулирует отношения в сфере ГЧП.

Кыргызская Республика нацелена на расширение круга возможного применения ГЧП во многих значимых для государства и его граждан сферах, включая социальную, куда относится сфера спорта. Это отражено в содержании Национальной программы развития Кыргызской Республики до 2026 года, утвержденной Указом Президента Кыргызской Республики от 12 октября 2021 г. № 435 «О Национальной программе развития Кыргызской Республики до 2026 года». В ней идет речь о применении ГЧП в различных сферах, включая сферу спорта, а именно указывается, что «будут широко внедряться принципы ГЧП в создание инфраструктуры физической культуры и спорта, повышение инвестиционной привлекательности отрасли физической культуры и спорта за счет формирования преференциальной благоприятной среды для развития бизнеса, инвестирующего в инфраструктуру физической культуры и спорта».

Статья 6 Закона № 7 – первого закона о ГЧП Кыргызской Республики включала в себя положения относительно форм соглашения о ГЧП. Так, в нем указывалось, что «участие частного партнера в проектах ГЧП может быть в различных формах в зависимости от вида инфраструктурного объекта или инфраструктурных услуг, их отраслевой принадлежности, цели проекта ГЧП и договоренностей сторон соглашения о ГЧП». Однако конкретные формы ГЧП в данном законе не уточнялись. В ныне действующем законодательстве о ГЧП Кыргызской Республики также не выделены конкретные его формы. В ст. 14 Закона о ГЧП КР только упоминается о том, что форма ГЧП должна содержаться в проекте соглашения о ГЧП. С точки зрения типологии ГЧП, которая определена в виду основы реализации проекта, ГЧП в Кыргызской Республике может осуществляться в договорной и институциональной формах, поскольку, во-первых, условия проекта ГЧП регулируются соглашением о ГЧП – письменным договором между сторонами ГЧП (п. 11, п. 13 ч. 1 ст. 5 Закона о ГЧП КР), во-вторых, закон также допускает создание проектной компании для реализации проекта ГЧП победителем конкурса (ч. 3 ст. 15 Закона о ГЧП КР), что указывает на институциональную форму.

Несмотря на то, что в отдельных странах, в том числе входящих в состав ЕАЭС, в качестве формы ГЧП рассматривается и концессия. Однако в Кыргызской Республике законодатель не относит концессию к форме ГЧП, определяя ее как разрешение инвестору на осуществление определенного вида предпринимательской деятельности с представлением ему во временное пользование имущества, земли и ее недр, со стороны правительства страны (ст. 1 Закона Кыргызской Республики от 6 марта 1992 г. № 850-ХП «О концессиях и иностранных концессионных предприятиях в Кыргызской Республике» (далее – Закон № 850-ХП). Таким образом, объектами концессии в данном случае являются земля, ее недра, имущество, а также отдельные виды хозяйственной деятельности на определенной территории (ст. 4 Закона о № 850-ХП). Помимо этого, в литературе многими авторами указывается на наличие и применение формы квази-ГЧП, куда относят договор аренды с инвестиционными обязательствами, долгосрочное инвестиционное соглашение, лизинг, контракт жизненного цикла и т.д. [2, с. 446], однако в законодательстве такие правовые формы не выделяются.

Согласно данным, представленным Центром ГЧП КР, сотрудничество государства и частного сектора в рамках ГЧП в сфере спорта осуществляется в форме соглашения о ГЧП. На текущий момент в Кыргызской Республике подписано 3 соглашения о ГЧП в сфере спорта и уже идет процесс их реализации. Указанные проекты связаны со строительством и реконструкцией инфраструктурных объектов. Один из них включает строительство спортивного борцовского зала Дворца спорта имени Каба уулу Кожомкула и является одним из проектов, для реализации которого Государственным управлением спортивными сооружениями и спортивного обеспечения Кыргызской Республики было заключено соглашение о ГЧП с частным партнером, где последний с момента начала эксплуатации спортивного зала производит фиксированные платежи государственному партнеру за счет собственных и (или) заемных средств, также обязуется дважды в год предоставлять борцовский зал государственному партнеру для проведения соревнований и чемпионатов по борьбе на бесплатной основе [3].

Таким образом, с точки зрения типологии ГЧП в Кыргызской Республике законодательно закреплена возможность использования двух форм ГЧП: договорной и институциональной. В сфере спорта имеет место применение только соглашения о ГЧП, которое чаще всего заключается для

строительства, реконструкции объекта соглашения о ГЧП, его технического обслуживания.

Схожий опыт запланированных проектов ГЧП в сфере спорта с Кыргызской Республикой имеет также и Республика Беларусь. При этом законодательство о ГЧП обеих стран также имеет похожие нормы. Основные положения о ГЧП содержатся в Законе Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве» (далее – Закон о ГЧП). Отдельной нормы, которая бы называла правовые формы ГЧП, нет. В то же время из Закона о ГЧП следует, что в Республике Беларусь используется договорная форма, поскольку ГЧП – это сотрудничество, которое осуществляется в форме соглашения о ГЧП, т.е. письменного соглашения между государственным и частным партнерами, где определяются права, обязанности и ответственность сторон, а также иные условия реализации проекта ГЧП (абз. 8 п. 1 ст. 1 Закона о ГЧП). До 2018 года Закон о ГЧП в п. 3 ст. 26 предусматривал возможность использования институциональной формы ГЧП. Так, данная норма выглядела следующим образом: «Частным партнером в целях исполнения соглашения о ГЧП может быть создана коммерческая организация в соответствии с законодательством Республики Беларусь, и государственный партнер вправе выступить соучредителем такой коммерческой организации». Однако Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 134-З «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам ГЧП» эта норма была исключена.

Несмотря на то, что реализованных проектов ГЧП в сфере спорта в Республике Беларусь нет, этому положено начало в виде обнародованных проектов ГЧП. Согласно представленным Национальным агентством инвестиций и приватизации Республики Беларусь данным Дорожной карты инвестора в 2023 году инициировано 3 проекта ГЧП в сфере спорта.

Одним из проектов является строительство картодрома в г. Полоцке на основе соглашения о ГЧП. Проектом предусмотрено строительство площадки для проведения тренировочных занятий детей в рамках организации дополнительного образования детей и молодежи. Инициатором предложен также и более широкий вариант проекта, куда также дополнительно включено создание таких объектов, как: трасса для проведения гонок с препятствиями; боксы для ремонта; судейские кабинки; трибуны;

административное здание с помещениями для брифингов, судей, раздевалки, классы, санузел, душевые; установка комплекса старт-финиш, сопряженной с системой видеофиксации и видеоконтроля и др. [4]

Второй проект – строительство ледовой арены в г. Бресте. По проекту планируется строительство ледовой площадки, включающей в себя спортивный зал, тренажерное ледовое поле, дополнительные раздевалки, хостел. В ходе реализации проекта предполагается увеличение учебно-тренировочных групп по хоккею с шайбой и фигурному катанию. В качестве способа возврата вложенных инвестиций предлагается предоставление платных услуг, оказание гостиничных услуг иногородним спортсменам [4].

Третий проект предусматривает строительство специализированного спортивного зала для индорхоккея в г. Бресте. Строительство спортивного зала планируется на 300 зрительских мест. Предполагается его использование для организации и проведения учебно-тренировочного процесса спортсменов – учащихся специализированной детско-юношеской (спортивной) школы олимпийского резерва «Строитель», команды по хоккею на траве спортивного клуба «Строитель», а также оказания услуг юридическим и физическим лицам. Указывается, что возмещение понесенных частным партнером затрат возможно будет осуществлять через оказание платных услуг [4].

Как и в законодательстве Кыргызской Республики, в Республике Беларусь концессия не указана как правовая форма ГЧП и не может быть применима в сфере спорта, поскольку под концессией в белорусском законодательстве понимается основанные на концессионном договоре право владения и пользования объектом концессии или право на осуществление вида деятельности, на осуществление которого распространяется исключительное право государства (аб. 8 ч. 2 ст. 1 Закона Республики Беларусь 12 июля 2013 г. № 63-З «О концессиях» (далее – Закон № 63-З). В свою очередь объектами концессии могут быть лишь недра, воды, леса и объекты, находящиеся только в собственности государства, виды деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства (ст. 3 Закона № 63-З). Оба последних определяются отдельным законодательным актом – Законом Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. № 169-З «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых

распространяется исключительное право государства». Таким образом, перечень объектов возможных для передачи в концессию в своем роде ограничен и пока не предусматривает передачу в концессию, например, физкультурно-спортивных сооружений (далее – ФСС), находящихся в собственности государства. Сложность применения концессии в спорте согласно действующему законодательству также состоит и в ограничительном характере содержания понятий видов концессионных договоров, которые четко направлены на их применение в отношении производства (переработки, раздела) продукции.

На основании вышеизложенного можно заключить, что законодательство о ГЧП в Кыргызской Республике и Республике Беларусь является схожим, но не идентичным. Общим является подход в выделении договорной правовой формы ГЧП, что выражается в заключении соглашений о ГЧП в сфере спорта для строительства, реконструкции, модернизации спортивной инфраструктуры. Законодатель Кыргызской Республики предусмотрел применение помимо договорной формы также и институциональную форму ГЧП, хотя практические примеры ее применения в стране отсутствуют. Концессия в законодательстве обеих стран не рассматривается в качестве правовой формы ГЧП, поскольку направлена на ее применение только в сфере недропользования, что ограничивает использование концессии в отношении объектов спортивной инфраструктуры, таких как ФСС.

Список использованных источников:

1. Касымалиева, Ж. А. / Проблемы развития государственно-частного партнерства в Кыргызской Республике / Ж. А. Касымалиева, Нукуева М. // М. Рыскулбеков атындагы Кыргыз Экономикалык Университетинин Кабарлары. – 2022. – № 1 (54). – С. 126–128.

2. Чоюбекова, Г. А. / Государственно-частное партнерство как экономический инструмент развития здравоохранения Кыргызстана / Г. А. Чоюбекова, Г. И. Жунушалиева, А. А. Накенова // Бюллетень науки и практики. – 2022. – № 8 (5). – С. 441–449.

3. Центр государственно-частного партнерства при Министерстве экономики Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ppp.gov.kg/projects>. – Дата доступа: 29.09.2023.

4. Дорожная карта инвестора [Электронный ресурс] // Национальное агентство инвестиций и приватизации. – Режим доступа: https://map.investinbelarus.by/?name=&industry%5B7022%5D=7022&sum_invest1=&sum_invest2=. – Дата доступа: 27.09.2023.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ТРУДУ (ЗАНЯТОСТИ) ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

К. К. Уржинский

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь,
dekan1966@mail.ru*

Е. А. Реуцкая

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь,
reutckovich@mail.ru*

Процессы инновационного развития экономики, ее цифровизации, происходящие в Республике Беларусь, постепенно приводят к изменению структуры занятости населения, сопровождаются возникновением новых ее видов, перераспределением работников по различным секторам экономики, что, в свою очередь, обуславливает необходимость адаптации и совершенствования правовых форм привлечения физических лиц к труду применительно к изменяющимся социально-экономическим условиям. Вместе с тем, указанные тенденции не должны негативно сказываться на социально-правовой защищенности работающих лиц, приводить к снижению её уровня. В этой связи значительную актуальность представляет научно-практический анализ правовых форм привлечения граждан к общественно полезному труду. Настоящая статья посвящена анализу некоторых аспектов

гражданско-правовых форм занятости, выработке предложений по их оптимизации.

Ключевые слова: гражданское право; гражданско-правовой договор; физическое лицо; труд; трудовые отношения; занятость.

Актуальность рассматриваемой нами проблематики обусловлена тем, что одним из существенных факторов стабильного экономического, социального, политического благополучия и развития государства и общества является трудовая деятельность физических лиц, осуществляемая ими самостоятельно или в рамках организованного процесса, направленная на создание различного рода духовных и материальных благ. Указанные общественные отношения ввиду их значительного количественного и качественного многообразия являются предметом правового регулирования целого ряда отраслей права: гражданского, трудового, административного, уголовно-исполнительного и др. Однако наибольший интерес представляют гражданско-правовые и трудовые средства.

Важную роль в современных условиях играет активное государственное регулирование указанной сферы, поскольку государство в силу упомянутых обстоятельств в значительной степени заинтересовано в упорядочении, совершенствовании распределения и перераспределения миграционных потоков трудовых ресурсов между отдельными отраслями экономики, регионами, нанимателями (работодателями), профессиями и т.д. В этой связи правовые проблемы трудоустройства рассматривались в научных публикациях даже в СССР, т.е. в период существования плановой экономики, конституционно закрепленной обязанности трудиться, юридической ответственности за тунеядство и т.п., когда рынок труда был максимально упорядочен и прогнозируем [1].

В действующем законодательстве отсутствуют такие дефиниции, как «труд», «трудовая деятельность». В философской, филологической литературе труд определяется как целесообразная деятельность человека, направленная на созидание материальных и духовных благ, необходимых для существования индивида и общества; главная предпосылка человеческого существования, общая всем формам общественной жизни [2, с. 581–582].

Анализ контента норм национального и международного права позволяет сделать вывод о том, что схожим по своему содержанию

используется понятие «занятости», закрепленное в законодательстве целого ряда государств, в том числе и Беларуси, которое в некоторой степени можно определить как синоним понятия «труд». Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З «О занятости населения Республики Беларусь» (далее – Закон «О занятости населения») под занятостью понимается деятельность физических лиц (граждан), связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству и приносящая им заработную плату, вознаграждение за выполненную работу (оказанную услугу, создание объектов интеллектуальной собственности), иной доход (зарботок).

В ст. 2 Закона «О занятости населения» определен перечень видов занятости, который носит открытый характер. Так, занятыми считаются граждане:

работающие по трудовому договору или выполняющие работы у юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по гражданско-правовым договорам, предметом которых является выполнение работ (оказание услуг, создание объектов интеллектуальной собственности), за исключением граждан, занятых на оплачиваемых общественных работах по направлению органов по труду, занятости и социальной защите;

являющиеся учредителями (участниками, членами) юридических лиц, за исключением учредителей (участников) акционерных обществ и членов некоммерческих организаций;

зарегистрированные в установленном законодательством порядке в качестве индивидуальных предпринимателей;

осуществляющие деятельность по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма, ремесленную деятельность;

проходящие военную или альтернативную службу, а также службу в органах внутренних дел, Следственном комитете, Государственном комитете судебных экспертиз, органах финансовых расследований Комитета государственного контроля, органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям;

обучающиеся в дневной форме получения образования в учреждениях образования, организациях, реализующих образовательные программы научно-ориентированного образования, иных организациях, у индивидуальных предпринимателей, которым в соответствии с

законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность;

осуществляющие уход за ребенком в возрасте до 3 лет, ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет, инвалидом I группы либо лицом, достигшим 80-летнего возраста, а также за ребенком в возрасте до 18 лет, инфицированным вирусом иммунодефицита человека или больным СПИДом; занимающиеся иной не запрещенной законодательством деятельностью, приносящей заработок.

Указанные виды деятельности достаточно многообразны и относятся к предмету регулирования различных отраслей права. Из указанного выше списка к гражданско-правовой сфере можно отнести следующие общественные отношения:

связанные с выполнением работ у юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по гражданско-правовым договорам, осуществлением предпринимательской деятельности без образования юридического лица (индивидуальные предприниматели)

по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма;

ремесленную деятельность;

деятельность, связанную с учреждением (участием, членством) юридических лиц, за исключением учредителей (участников) акционерных обществ и членов некоммерческих организаций;

связанные с осуществлением иной хозяйственной деятельности, не относящейся к предпринимательской. В данном случае мы, прежде всего, имеем в виду виды деятельности, указанные в ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК).

Попытаемся выделить некоторые специфические черты указанных видов деятельности, которые позволяют объединить их под эгидой гражданско-правовых форм.

Обратимся к истории вопроса. Здесь можно отметить, что в сравнении с трудовым правом гражданское право гораздо раньше стало регулировать общественные отношения в сфере применения труда, что неоднократно отмечалось в литературных источниках. Так, например, Е. Б. Хохлов считал, что в Древнем Риме применение труда было урегулировано в рамках и средствами гражданского права [3, с. 12-20]. Приблизительно схожую точку зрения высказал и К. Л. Томашевский, который соглашается с тем, что

трудоправовые институты окончательно сформировались, в частности, в Беларуси и России только ко второй половине XIX и даже к началу XX века [4, с. 11].

Отметим также, что гражданско-правовые средства привлечения к труду обладают рядом особенностей, по сравнению с другими отраслями, но, тем не менее, имеют и определенное сходство с некоторыми из них, главным образом, с трудоправовыми средствами.

Важнейшей чертой гражданского права, в том числе, и в отношениях, связанных с привлечением к труду физических лиц, является договорная свобода, с которой тесным образом связаны такие свойства, как диспозитивность и добровольность гражданско-правовых средств, что, в свою очередь, обусловлено равенством субъектов гражданского оборота и автономией их воли. Примером здесь, в первую очередь, могут служить гражданско-правовые договоры на выполнение работ, оказание услуг, создание объектов права интеллектуальной собственности. В данном случае это значительным образом сближает их с трудовыми договорами. Как трудовые, так и гражданско-правовые договоры заключаются исходя из принципа свободы волеизъявления: свободы договора (гражданское право) и свободы труда (трудовое право). В этой связи принципы свободы труда, запрета применения принудительного (обязательного) труда, закрепленные в нормах международного права и адаптированные во многих национальных законодательствах, могут и должны применяться и при использовании труда физических лиц на основе гражданско-правовых форм.

В гражданском праве свобода заключения договора с точки зрения практики правоприменения тесным образом связана с целым рядом моментов, в частности, условиями действительности гражданско-правовых сделок, в качестве одного из которых выступает соответствие воли субъекта его волеизъявлению. Соответственно сделки (договоры) с пороками воли могут быть признаны недействительными. Важно отметить, что гражданско-правовые договоры как правовая форма занятости достаточно широко применяются в Беларуси, в связи с чем неслучайно был принят адресный нормативный правовой акт – Указ Президента Республики Беларусь от 6 июля 2005 г. № 314 «О некоторых мерах по защите прав граждан, выполняющих работу по гражданско-правовым и трудовым договорам» (далее – Указ 314). Указом 314 установлены важные нормы, направленные на

обеспечение прав физических лиц, привлекаемых юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями для выполнения работ, оказания услуг и т.д. по гражданско-правовым договорам. Согласно подп. 1.1 Указа 314 такие договоры заключаются в письменной форме, а также должны включать, предусмотренные данным подпунктом существенные условия, помимо предусмотренных законодательством, в частности: порядок расчета сторон по гражданско-правовым договорам, включая суммы, подлежащие выплате; обязательство заказчика – юридического лица или индивидуального предпринимателя, предоставляющего работу гражданам по гражданско-правовым договорам (заказчика), по уплате за них в установленном порядке обязательных страховых взносов на государственное социальное страхование в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь и ряд других. Вместе с тем, здесь имеется некоторый проблемный момент, в том случае, если по каким-либо причинам в договор не будет включено одно или более из тех существенных условий, которые обозначены в качестве такового (таковых) в данном нормативном правовом акте, поскольку формально согласно ст. 402 ГК такой договор будет считаться не заключенным, что вряд ли будет способствовать оптимизации защиты интересов физического лица, выполняющего работу, оказывающего услугу и т.д. В этой связи полагаем уместным внести в Указ 314 соответствующие корректировки, которые будут более соответствовать аналогам трудового законодательства (ст. 25 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК), согласно которой фактическое допущение уполномоченным должностным лицом нанимателя работника к работе является началом действия трудового договора независимо от того, был ли прием на работу надлежащим образом оформлен). Полагаем, что в данном случае соответствующий договор должен быть признан заключенным, т.е. фактически состоявшимся, а по требованию физического лица, привлеченного на его основании к трудовой деятельности, либо по требованию соответствующего органа в указанный договор должны быть внесены соответствующие существенные условия.

Что касается дальнейшего функционирования трудовых отношений после заключения гражданско-правового договора, то здесь правовое положение работающего с точки зрения действующего законодательства весьма благоприятно и стабильно. Согласно ст. 420 ГК изменение и

расторжение договора возможно по соглашению сторон, если иное не предусмотрено ГК и иными актами законодательства или договором. По требованию одной из сторон договор может быть изменен или расторгнут по решению суда только: при существенном нарушении договора другой стороной; в иных случаях, предусмотренных ГК и иными актами законодательства или договором. При этом, существенным признается нарушение договора одной из сторон, влекущее для другой стороны такой ущерб, в результате которого она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора. Кроме того, согласно ст. 421 ГК изменение (расторжение) гражданско-правового договора возможно в связи с существенным изменением обстоятельств, из которых стороны исходили при его заключении, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа. Изменение обстоятельств признается существенным, если они изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях.

Таким образом, гражданское законодательство в определенном смысле более ориентировано в направлении договорного характера изменений условий труда, (что, безусловно, предпочтительнее для работающего физического лица) нежели трудовое, последнее же, фактически подстраивается под производственные, организационные, экономические нужды нанимателя. Так, в трудовом праве в связи с обоснованными производственными, организационными или экономическими причинами наниматель имеет право в порядке, предусмотренном ст. 32 ТК, изменить существенные условия труда работника при продолжении им работы по той же квалификации, должности служащего (профессии рабочего), определенными в трудовом договоре. Наниматель обязан предупредить работника об изменении существенных условий труда письменно не позднее, чем за один месяц. Собственно говоря, договорная свобода здесь отодвигается на задний план и заменяется интересами нанимателя (работодателя), а все условия трудового договора, за исключением трудовой функции фактически могут меняться без согласия работника. В качестве ремарки укажем, что в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) предусмотрен более длительный срок для предупреждения работника об изменении существенных условий труда – два месяца (ст. 74 ТК РФ).

Что касается прекращения трудовых отношений, то, согласно трудовому законодательству, они могут быть прекращены только по основаниям, предусмотренным ТК (ст. 35 ТК). Основания расторжения гражданско-правового договора помимо законодательства могут быть определены в нем самом (ст. 420 ГК, п. 1 Указа 314).

Договорная свобода, автономия воли также в полной мере присутствует и в отношениях, связанных с созданием, реорганизацией, прекращением деятельности юридических лиц различных организационно-правовых форм, при осуществлении физическими лицами предпринимательской деятельности без образования юридического лица, а также иных видов хозяйственной (экономической) деятельности, не относящихся к предпринимательской. Так, например, согласно ст. 67 Закона Республики Беларусь от 09.12.1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах» (далее – Закон «О хозяйственных обществах») учредители акционерного общества заключают договор о создании акционерного общества в письменной форме. К договору о создании акционерного общества применяются общие положения гражданского законодательства о договорах и других обязательствах, если из существа договора не вытекает иное. В договорном порядке также утверждается устав хозяйственного общества (ст. 12 Закона «О хозяйственных обществах»). В процессе деятельности участники хозяйственного общества могут заключать различного рода корпоративные договоры (соглашения), например, акционерное соглашение (ст. 90-1 Закона «О хозяйственных обществах»), договор об осуществлении прав участников общества (ст. 111-1 Закона «О хозяйственных обществах»).

Гражданско-правовым формам осуществления трудовой деятельности физических лиц присущ также такой признак, как самостоятельность, подразумевающий самоорганизацию процесса труда, что делает их в ряде случаев более оперативными по сравнению со средствами трудового права: отсутствие необходимости утверждения штатного расписания, организации учета рабочего времени, целого ряда локальных правовых актов и т.д. Однако в противовес этому гражданское законодательство не предоставляет тех социально-правовых гарантий работающим, которые имеются в арсенале трудового права, например, минимальный размер оплаты труда, ограничение рабочего времени, время отдыха и т.п.

Резюмируя сказанное, представляется возможным сделать следующие выводы. Институт занятости носит межотраслевой характер, а привлечение физических лиц к трудовой деятельности осуществляется, в том числе, в рамках правовых форм гражданского законодательства: гражданско-правовых договоров, индивидуального предпринимательства, иной хозяйственной деятельности, не относящейся к предпринимательству и некоторых других. Указанная ситуация в целом благоприятна в контексте гарантий обеспечения реализации права на труд. Вместе с тем, в целях оптимизации исследуемого сегмента национальной правовой базы целесообразно рассмотреть возможность внесения в него соответствующих корректировок, о которых шла речь в нашей статье, в частности, в Указ Президента Республики Беларусь от 6 июля 2005 г. № 314 «О некоторых мерах по защите прав граждан, выполняющих работу по гражданско-правовым и трудовым договорам».

Список использованных источников:

1. Уржинский, К. П. Трудоустройство граждан в СССР / К. П. Уржинский. – М. : Юрид. лит., 1967. – 144 с.
2. Философский словарь / А. И. Абрамов [и др.] ; под ред. И. Т. Фролова. – М. : Республика, 2001. – 719 с.
3. Курс российского трудового права : Часть общая : в 3-х т. / А. В. Гребенщиков, С. П. Маврин, Е. Б. Хохлов ; под ред. С. П. Маврин, А. С. Пашков, Е. Б. Хохлов – С.-Пб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – Т. 1. – 573 с.
4. Очерки трудового права. История, философия, проблемы систем и источников) / К. Л. Томашевский ; науч. ред. О. С. Курылева – Минск : «Изд. центр БГУ», 2009. – 335 с.

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ «ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИИ

Ю. М. Федянин

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
ул. Кремлевская, 18, 420008, г. Казань, Россия,
mikhail.fedyanin.00@mail.ru*

Актуальность темы обусловлена активным сотрудничеством и интеграцией Российской Федерации и Республики Беларусь, необходимостью инновационного развития экономик государств. В результате постоянного развития науки и техники существует необходимость изучения и совершенствования правового режима, установленного для инвестиционной деятельности, в особенности регулирующего иностранные инвестиции. Автором проведён анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации, регулирующего отношения, связанные с осуществлением иностранных инвестиций, рассмотрен понятийный аппарат, и вынесены предложения для совершенствования национального законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: иностранные инвестиции в Республике Беларусь, понятие иностранных инвестиций, признаки иностранных инвестиций.

Приступая к рассмотрению понятия категории «иностранные инвестиции», кратко раскроем понятие инвестиций в общем виде, разновидностью которых является исследуемое нами понятие. Обратимся к понятию инвестиций, закреплённому в законодательстве Республики Беларусь. Статья 1 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 года № 53-З «Об инвестициях» (далее – закон Республики Беларусь «Об инвестициях») определяет инвестиции как «имущество и иные объекты гражданских прав, принадлежащие инвестору на праве собственности, ином законном основании, позволяющем ему распоряжаться ими, вкладываемые инвестором на территории Республики Беларусь способами, предусмотренными настоящим Законом, в целях получения прибыли (доходов) и (или) достижения иного значимого социально-экономического результата, в иных

целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием, в виде:

денежных средств (денег), включая привлеченные (в том числе займы, кредиты), акций, иного движимого или недвижимого имущества;

прав требования, имеющих оценку их стоимости (в денежном выражении), долей в уставном фонде, паев в имуществе коммерческой организации, созданной на территории Республики Беларусь;

иных объектов гражданских прав, имеющих оценку их стоимости (в денежном выражении), за исключением видов объектов гражданских прав, нахождение которых в обороте не допускается (объекты, изъятые из оборота).»

Как видно из определения, по сравнению с законом России от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (далее – ФЗ № 39-ФЗ), оно более подробно перечисляет круг объектов гражданских прав, включая в него как имущество, так и иные объекты гражданских прав, за исключением изъятых из оборота. Отдельно оговаривается, что цели инвестиций не могут быть связаны с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием вкладываемых объектов. Аналогичной оговорки в российском законодательном определении нет, а в белорусском она появилась лишь в действующем законе, отсутствуя в Инвестиционном кодексе Республики Беларусь ранее. Белорусский законодатель следуя доктринальным тенденциям, включил указанный признак в определение, так как в юридической науке отмечалось, что инвестиции необходимо рассматривать как имущество, отвлечённое от целей удовлетворения текущих потребностей, которые удовлетворяются за счёт иных средств, также именуемых имуществом [1, с. 7], или как «направленность на создание материальных или духовных благ, а не на личное потребление» [2, с. 30]. Также и в российской доктрине 2020-х годов, развивая указанную мысль, отмечалось что в качестве инвестиций не могут быть использованы объекты, неразрывно связанные с личностью инвестора (деловая репутация, связи и т.д.) [3, с. 26].

В приведённом определении закона Республики Беларусь № 53-З в отличие от российского есть и прямая отсылка к способам вложения объектов гражданских прав. Предусмотрены они статьей 4 указанного

закона, которая перечисляет основные способы осуществления инвестиций, оставляя при этом список открытым, оговаривая лишь исключение способов, запрещенных законодательными актами.

Думается, что законодатель указанием в определении на способы ответил в том числе на возникший ранее в научных кругах вопрос о том, вкладываемые каким образом денежные средства считать инвестициями.

Здесь также отметим, что способ осуществления инвестиций можно считать одним из оснований для их классификации, в частности это будут инвестиции:

- осуществляемые путем создания коммерческой организации;
- приобретением, созданием объектов недвижимого имущества;
- приобретением прав на объекты интеллектуальной собственности;
- приобретением акций, долей в уставном фонде, паев в имуществе коммерческой организации, включая случаи увеличения уставного фонда коммерческой организации;
- на основе концессии;
- в рамках государственно-частного партнерства;
- осуществляемые иными способами.

Развивая мысль о раскрытии содержания определения через его признаки, сделаем следующий вывод, понятие «инвестиции» включает в себя имущество и иные объекты гражданских прав, обладающие определенным набором признаков и вкладываемых инвестором в определённых целях, не связанных с сиюминутным личным потреблением, способами, предусмотренными законом.

Перейдём же к законодательному закреплению понятия непосредственно иностранных инвестиций.

В настоящее время легального определения термина «иностранные инвестиции» в действующем белорусском законодательстве в отличие от ранее действующего нет. Как справедливо отмечает О. В. Цегельник, это свидетельствует о произошедшем переходе к общему регулированию инвестиций, включающему как национальные, так и иностранные[1, с. 47]. Когда в июне 2001 года законодателем был принят Инвестиционный кодекс Республики Беларусь, установивший единый правовой режим для иностранных и национальных инвесторов, в нем исчезло определение понятия «иностранные инвестиции», присутствовавшее ранее в законе от 14

ноября 1991 г. № 1242-ХП «Об иностранных инвестициях на территории Республики Беларусь». После того как Инвестиционный кодекс Республики Беларусь утратил свою силу в 2013 году, в новом ныне действующем законе Республики Беларусь № 53-З «Об инвестициях» также отсутствует легальное определение «иностранные инвестиции», соответственно в настоящее время можно поставить вопрос о его необходимости. Для понимания целесообразности законодательного закрепления определения термина «иностранные инвестиции», необходимо выделить его ключевые признаки.

В первую очередь отметим, что с переходом к общему регулированию инвестиций в Республике Беларусь, включая национальные и иностранные, определение «инвестиции» стало общим для всех их видов, включая иностранные, и единственным отличием является субъект их осуществляющий - иностранный инвестор. Такое же мнение мы встретим, если обратимся к юридической доктрине России, в частности И. Ю. Целовальникова отмечает, что «различие между отечественными и иностранными инвестициями в законодательстве должно быть обусловлено лишь их национальной принадлежностью»[4, с. 15].

Таким образом, на сегодняшний день на территории Беларуси под иностранными инвестициями могут пониматься любые инвестиции, подпадающие под определение инвестиций статьи 1 закона № 53-З «Об инвестициях» Республики Беларусь, имеющие иностранную принадлежность. В законе отсутствуют указания на наличие особых признаков для квалификации инвестиций в качестве иностранных.

Обратимся же здесь к российскому законодательству. В соответствии с абз. 2 ст. 2 Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» (далее – Закон РФ об иностранных инвестициях), «иностранная инвестиция – это вложение иностранного капитала, осуществляемое иностранным инвестором непосредственно и самостоятельно, в объект предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации в виде объектов гражданских прав, принадлежащих иностранному инвестору, если такие объекты гражданских прав не изъяты из оборота или не ограничены в обороте в Российской Федерации в соответствии с федеральными законами, в том числе денег, ценных бумаг (в иностранной валюте и валюте Российской Федерации), иного имущества, имущественных прав, имеющих денежную

оценку исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальную собственность), а также услуг и информации».

В данном определении появляется и фигурирует термин «иностранный капитал», вкладываемый иностранным инвестором в объекты предпринимательской деятельности, который тут же раскрывается законодателем перечислением объектов гражданских прав, оставляя их перечень открытым с оговоркой, что они должны быть не изъяты/не ограничены в обороте в Российской Федерации.

Таким образом, на территории РФ иностранными инвестициями признаётся иностранный капитал, вкладываемый иностранным инвестором самостоятельно и непосредственно в объект предпринимательской деятельности. Иностранному капиталу признаются не изъятые и не ограниченные из оборота в РФ объекты гражданских прав.

В отличие от ранее рассмотренных нами законодательных определений общего термина «инвестиции», в определении «иностранных инвестиций» законодатель ограничил круг вложения объектов именно предпринимательской деятельностью, не делая при этом акцент на целях вложения иностранных инвесторов. Более того, согласно буквальному толкованию термина «иностранные инвестиции» – это вложение, т.е. акцент поставлен на деятельность, в отличие от предыдущих определений «инвестиций», где они определяются в первую очередь как круг объектов вложения.

По аналогии с российским законодательством в качестве таких признаков для Республики Беларусь можно было бы предложить считать:

– иностранный капитал в виде имущества и иных объектов гражданских прав, принадлежащих и вкладываемых иностранным инвестором на территории Республики Беларусь;

– иностранный инвестор как субъект инвестиционной деятельности, причём важным будет являться указание на непосредственность и самостоятельность осуществляемой деятельности на территории Республики Беларусь;

– указание на объекты вложения ввиду необходимости достижения цели либо в виде получения прибыли, либо в виде иного значимого социально-экономического результата, либо в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием.

В продолжение данной мысли необходимо отметить, что для уяснения сущности понятия «инвестиции» недостаточно изучения содержания только этого понятия, поскольку с ним неразрывно связано и понятие «инвестиционная деятельность». Мы видим подтверждение этой мысли и в юридической литературе, учёные как в России, так и в Республике Беларусь отмечают указанные взаимосвязи, указывая что «ценность материального или нематериального характера может приобрести статус инвестиции исключительно в процессе вложения этой инвестиции в какой-либо объект предпринимательской деятельности для извлечения дохода и положительного социального эффекта в будущем» [См. : 5, с. 153; 1, с. 60].

Белорусское законодательство не содержит также и легального определения термина «инвестиционная деятельность», в законе Республики Беларусь № 53-З «Об инвестициях» оно отсутствует. В то же время в России легальное определение понятия «инвестиционная деятельность» приведено в Законах РСФСР № 1488-1: «это вложение инвестиций, или инвестирование, и совокупность практических действий по реализации инвестиций» и в Федеральном законе № 39-ФЗ: «инвестиционная деятельность – вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта».

Белорусский законодатель пропустил терминологический момент, обходясь, как мы указывали выше, указанием в определении на способы осуществления инвестиций. А содержание инвестиционной деятельности по сути уже приведено им в определении термина «инвестиции».

Таким образом, на сегодняшний день нет терминологического единства в нормативных правовых актах России и Беларуси, более того в белорусском законодательстве вообще отсутствует определение «иностранные инвестиции». Однако ввиду того, что инвестиционная деятельность активно ведётся на территории Республики Беларусь, и имеют место инвестиционные отношения, в том числе с иностранными элементами, представляется необходимым установить законодательное закрепление терминов, учитывая при этом актуальную государственную политику и потребности экономики с учётом национальных интересов государства.

Список использованных источников:

1. Цегельник, О. В. К вопросу о содержании понятия «Инвестиции» в законодательстве Республики Беларусь // Промышл.-торг. право. – 2006. – № 1. – С. 44–76.
2. Мороз, С. П. Теоретические проблемы инвестиционного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Алматы. – 2005.
3. Майфат, А. В. Инвестирование: способы, риски, субъекты: монография / А. В. Майфат. – М. : Статут, 2020. – 176 с.
4. Целовальникова, И. Ю. Правовое регулирование инвестиционной деятельности : монография / И. Ю. Целовальникова. – М. : Юридический институт МИИТа, 2013. – 166 с.
5. Мартемьянов, В. С. Хозяйственное право : т. 2. – М. : Бек, 1994. – 387 с.

**БАНКОВСКАЯ ТАЙНА В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О
ЗАЩИТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ****И. В. Цырусъ**

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь,
cyrus_iv@pac.by*

В статье исследовано понятие банковской тайны в контексте законодательства о защите персональных данных, определено соотношение банковской тайны и персональных данных, определены особенности их режима конфиденциальности, сделан вывод о необходимости соблюдения баланса публичных и частных интересов при работе со сведениями о физических лицах в рамках банковской деятельности.

Ключевые слова: банковская тайна, персональные данные, режим конфиденциальности.

Новая информационная реальность, которая сформировалась к настоящему моменту, изменила традиционный уклад жизни общества и повлияла практически на все сферы общественных отношений, в том числе и

на банковскую. Оказание банковских услуг и использование различных технологий в банковской деятельности требует определенного объема информации как о клиентах банка, так и о лицах, ими еще не ставших. Одной из основополагающих и устоявшихся правовых конструкций в отношениях между банком и клиентом признана банковская тайна. Вместе с тем, необходимость защиты прав и свобод физических лиц при обработке их персональных данных в различных сферах общественных отношений, в том числе и в банковской, в настоящее время потребовала установления правовых механизмов обеспечения защиты указанной информации, что осуществляется принятым в нашем государстве Законом Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон).

Банковская тайна и персональные данные – правовые понятия, определение сущности и объема которых непосредственно влияет на режим их конфиденциальности, в связи с чем их исследование представляется актуальным.

Необходимо отметить, что осмысление проблем, возникающих в связи с функционированием института банковской тайны, осуществлялось рядом белорусских и зарубежных ученых-юристов: Р. Р. Томковичем, Ю. П. Гаврильченко, Л. В. Слободчиковой, И. Ю. Павловой, Л. Г. Ефимовой, В. А. Саврасовой и др. Указанными авторами исследовались ряд таких вопросов, как: дефиниция банковской тайны; некоторые аспекты предоставления банками сведений, составляющих банковскую тайну, и ответственность за ее разглашение. Вместе с тем исследование вопросов, связанных с использованием в банковских отношениях сведений о клиенте банка, являющихся персональными данными, в отечественной правовой науке пока представлено весьма скромно.

К настоящему моменту в теории так и не сформировался единообразный подход к определению места такого сложного института как банковская тайна и к его пониманию. Банковскую тайну относят как к тайне частной жизни, или профессиональной тайне, или коммерческой тайне, так и выделяют в качестве самостоятельной разновидности конфиденциальной информации. В теории персональные данные также определяются с позиции конфиденциальной информации.

Обращаясь к действующему законодательству, отметим, что исследуемые понятия закреплены в отдельных законодательных актах

Республики Беларусь. Вместе с тем, определение сформулировано лишь для понятия персональные данные, в то время как банковская тайна определяется через перечисление сведений, входящих в ее состав, не отражая сущность указанной правовой категории.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 121 Банковского кодекса Республики Беларусь (далее – БК) являются банковской тайной и не подлежат разглашению сведения о счетах и вкладах (депозитах), в том числе о наличии счета в банке (небанковской кредитно-финансовой организации), его владельце, номере и других реквизитах счета, размере средств, находящихся на счетах и во вкладах (депозитах), а равно сведения о конкретных сделках, об операциях без открытия счета, операциях по счетам и вкладам (депозитам), а также об имуществе, находящемся на хранении в банке.

Кроме того, в связи с развитием цифровых технологий Постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 23 декабря 2022 г. № 485 «О сведениях, составляющих банковскую тайну» установлен перечень сведений, составляющих банковскую тайну, которые необходимы для эффективного оказания электронных услуг, осуществления административных процедур в электронной форме, а также обеспечения создания и функционирования личных электронных кабинетов на базе единого портала электронных услуг. К банковской тайне отнесена информация о платежах, совершенных в оплату электронных услуг, административных процедур, в том числе, но не исключительно: об учетных номерах плательщиков (далее – УНП) (при наличии), а также банковских реквизитах и УНП получателей платежей (бенефициаров) по платежам, совершенным в оплату электронных услуг, административных процедур, а также о банковских реквизитах и УНП организаций, оказывающих электронные услуги, осуществляющих административные процедуры.

В тоже время термин «персональные данные» и его определение содержится в Законе Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон). Согласно ст. 1 Закона персональные данные определяются как любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано.

Таким образом, из нормативных определений обоих исследуемых понятий усматривается, что персональные данные и банковская тайна не равны по сути и объему.

Практика банковской деятельности подтверждает, что не все персональные данные физических лиц, обрабатываемые банками, возможно отнести к банковской тайне [1]. Возникает ряд ситуаций, когда сведения о физическом лице (персональные данные) требуется обработать не в рамках совершения банковских операций:

- 1) при заключении договора подряда с физическим лицом;
- 2) при получении заявки на кредит от физического лица (до того, как конкретное лицо станет клиентом банка).

Тем не менее, отметим, что вне зависимости от отнесения персональных данных к банковской, банку необходимо иметь основания для их обработки.

Однако, по сравнению с законодательством о персональных данных, БК предусматривает особенности работы с банковской тайной физических лиц, которые применяются в соответствии с п. 3. ст. 3 Закона. Иными словами, в случае, если законодательным актом, устанавливающим правовой режим охраняемой законом тайны (в настоящем случае – БК), предусматриваются особенности обработки персональных данных, входящих в состав охраняемой законом тайны, применяются положения этого законодательного акта.

В частности, различаются основания для распространения и предоставления персональных данных (ст. 6, 8, 9 Закона) и банковской тайны третьим лицам (ч. 5 ст. 121 БК).

Обработка персональных данных, за исключением специальных персональных данных, порядок обработки которых установлен ст. 8 Закона, осуществляется без согласия субъекта персональных данных в целях, указанных в ст. 6 Закона. Обработка специальных персональных данных без согласия субъекта персональных данных запрещается, за исключением случаев, предусмотренных п. 2 ст. 8 Закона. Также по общему правилу установлен запрет на трансграничную передачу персональных данных, за исключением случаев, определенных ст. 9 Закона.

В свою очередь сведения, составляющие банковскую тайну физических лиц, за исключением индивидуальных предпринимателей, представляются банком им самим и их уполномоченным представителям, на основании

письменного согласия таких лиц, лично представленного банку, либо согласия, представленного банку в электронном виде с применением программно-аппаратных средств и технологий, позволяющих достоверно установить, что оно исходит от соответствующих лиц, – любому третьему лицу (ст. 121 БК). В случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь, в том числе БК, сведения, составляющие банковскую тайну физических лиц, за исключением индивидуальных предпринимателей, представляются банком уполномоченным должностным лицам, государственным органам и другим организациям.

Таким образом, в зависимости от того, к чему относятся те или иные сведения о физическом лице, вступающим в конкретные отношения с банком, устанавливается определенный режим конфиденциальности указанной информации. Банковская тайна как разновидность конфиденциальной информации, может включать в себя сведения, являющиеся персональными данными, однако имеет особый правовой режим.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что и обработка, и передача персональных данных, и раскрытие банковской тайны на сегодняшний день должны осуществляться с учетом необходимости сохранения баланса между интересами банка, его клиентов и публичными интересами государства. А банковская конфиденциальность, являясь одним из важнейших аспектов надлежащего функционирования банковской системы, должна оставаться неотъемлемой чертой взаимодействия между банком и клиентом, укрепляя их взаимное доверие.

Список использованных источников:

1. Кирильчик, А. Персональные данные в банках. Биометрические данные и цифровые технологии [Электронный ресурс]: [по состоянию на 12.04.2022] / А. Кирильчик // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. –Минск, 2023.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ: О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ УНИВЕРСАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ¹³

Т. М. Халецкая

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
Tania80@rambler.ru*

В статье анализируются существенные признаки категории «правовой режим»; делается вывод о необходимости разработки универсального определения понятия «правовой режим», что позволит повысить качество нормотворческого процесса и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: режим, правовой режим, признаки, правовые средства.

Термин «правовой режим» можно встретить как в текстах нормативных правовых актов, так и в научных публикациях. Зачастую данный термин используется как общепринятый, с заранее известным, не нуждающимся в уточнении содержанием. В научном обороте можно встретить работы, в которых термин «правовой режим» используется лишь в названии работы и его содержание не раскрывается применительно к теме исследования. Следствием этого, по справедливому замечанию Г. С. Беляевой является рост количества научных трудов, «в которых данное понятие употребляется применительно к объектам правового регулирования (особенно в отраслях права), видам деятельности, субъектам права и т.д. подчас относительно свободно и часто неоправданно, без учета предназначения и истинной сущности рассматриваемой категории в системе правового регулирования» [1, с. 9].

Важность установления содержательной составляющей данного понятия хорошо подмечена И. С. Барзиловой: «Использование <...> на протяжении длительного времени понятия правовой режим не привело к его

¹³ Статья подготовлена представителем научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета в рамках научного проекта «Трансформация организационно-правового механизма управления государственной собственностью в Республике Беларусь», осуществляемого в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы (№ ГР 20212053).

конкретизации, что в известной степени является фактором дестабилизации при правовой регламентации отдельных групп общественных отношений» [2, с. 21].

Здесь важно отметить, что категория правовой режим используется в различных отраслевых науках, в семейном праве, в гражданском, хозяйственном, земельном, административном праве и др., что, с одной стороны, свидетельствует о ее межотраслевой природе, а с другой – о ее универсальности. В связи с этим методологически верным представляется, в первую очередь, анализ подходов к понятию и содержанию правового режима с точки зрения общей теории права, как основополагающей правовой науки и затем, осмысление особенностей правового режима с точки зрения различных отраслей.

Сам термин «режим» (от лат. «regimen» – управление) означает «установленный порядок чего-либо» [3, с. 621]; «систему правил, мероприятий, необходимых для той или иной цели» [4, с. 697]; совокупность правил, мероприятий, норм для достижения какой-либо цели [5, с. 1113]. На многозначность рассматриваемого термина указывают в своих работах Н. И. Матузов и А. В. Малько. В частности ученые обратили внимание на изменчивость содержательной составляющей термина «режим» в зависимости от контекста его использования. Так, режим может характеризоваться как: «1) государственный строй, совокупность средств, методов, способов осуществления власти; 2) строго установленный распорядок жизни <...>; 3) система обязательных правил, требований, норм, принципов, установленных для какого-либо вида деятельности <...>; 4) определенное состояние, положение, статус кого-либо или чего-либо <...>» [6, с. 16].

Полагаем, что для унификации понятия правового режима необходимо выделить специфические особенности данной категории (независимо от отраслевой принадлежности данного понятия).

Говоря о любом правовом режиме, следует помнить, что это *именно режим* и здесь важно учитывать, что «его понятие несет в себе основные смысловые оттенки этого слова» [7, с. 171–172]. Правовой режим, как отмечает С. С. Алексеев, «выражает степень жесткости юридического регулирования, его дозволительную или запретительную направленность, наличие известных ограничений или льгот, допустимый уровень активности

субъектов, пределы их правовой самостоятельности» [8, с. 336]. Категория «режим» изначально появилась как политическая, государствоведческая и использовалась для обозначения функциональной характеристики государства в значении «государственный (политический) режим», под которым традиционно понимается «совокупность способов и методов осуществления государственной власти» [9, с. 97] или «метод осуществления государственной власти» [10, с. 19]. Суть понятия «государственный режим» хорошо раскрыта В. А. Четверниним, который определяет его как понятие «характеризующее соотношение правовых и потестарных институтов государственности» [11] и указывает на то, что «государственный режим характеризует <...> меру государственного вмешательства в сферу общества и, следовательно, меру свободы от этого вмешательства» [11]. Полагаем, что подобное понимание государственного режима должно учитываться и при осмыслении категории «правовой режим». Как государственный режим является функциональной характеристикой государства, так правовой режим представляет собой функциональную характеристику права. Правовой режим, несомненно, обусловлен волей законодателя, применяющего своеобразный юридический инструментарий для регулирования тех или иных общественных отношений. Из сказанного вытекает такой признак правовых режимов, как *необходимость их закрепления в нормативных правовых актах*. Таким способом создается определенная «схема» регулирования общественных отношений, позволяющая учесть политические, социально-экономические, временные, пространственные и иные факторы развития социума [12, с. 11].

Феномен «правовой режим» призван дать ответы на следующие вопросы: с какой целью, и в какой мере государство может осуществлять регулирование тех или иных общественных отношений?

В научной литературе встречаются различные подходы к пониманию целей правового режима. Так, А. П. Лиманская эту цель видит в том, чтобы «специфическим образом урегулировать конкретные общественные отношения» [13, с. 16]. Целью правового режима, по мнению Г. С. Беляевой является «оптимальное регулирование определенных групп общественных отношений, преодоление препятствий, стоящих на пути удовлетворения субъектами (правовыми средствами и способами) своих интересов, создание благоприятного режима для правомерных действий и неблагоприятного

режима – для противоправных» [14, с. 13–14]. Правовой режим, считает ученый представляет собой предполагаемую или закрепленную государством идеальную модель «определенного социального явления (состояния, процесса), которая достигается при помощи реализации правовых средств, входящих в его (правового режима) состав» [14, с. 13]. По мнению Н. И. Матузова и А. В. Малько правовые режимы «имеют целью специфическим образом регулировать конкретные области общественных отношений, выделяя во временных и пространственных границах те или иные субъекты и объекты права» [6, с. 19].

Согласимся с тем, что целью правового режима является регулирование определенных общественных отношений, однако полагаем, что утверждение о том, что при этом государство устанавливает «идеальную модель» этих отношений, создает степень благоприятности или неблагоприятности для субъектов этих отношений, является дискуссионным. Придавая государству ведущую роль в определении того, что является наиболее благоприятным для участников тех или иных общественных отношений, данный подход оставляет «за кадром» волю самих участников отношений. Это приобретает особое значение для частноправовых отношений, в которых важнейшее значение имеют личные связи между их участниками, что в большинстве случаев, позволяет им самим определить, какой вариант поведения является для них наиболее оптимальным. Например, для семейных отношений, в том числе и имущественных, характерно то, что они не нуждаются в интенсивном правовом регулировании, здесь законодатель должен «скромно молчать», расширяя, таким образом, степень свободы их участников. В современной литературе все чаще подчеркивается необходимость индивидуального правового регулирования имущественных отношений в семье. Только индивидуальное правовое регулирование «позволяет учесть любые изменения, происходящие в семье (социальные, материальные, например, потерю работы одним из супругов, утрату трудоспособности, рождение детей, получение образования, смену места жительства и др.)» [15, с. 21].

Кроме того, если считать, что использование государством тех или иных правовых средств влечет построение «идеальной модели» отношений, то следует признать, что единожды установленный правовой режим не должен подвергаться каким-либо изменениям, поскольку его установление привело к наиболее оптимальному результату. Следствием подобной

стабильности правового режима имущественных отношений в семье является, в том числе, утрата интереса к официальному оформлению отношений между мужчиной и женщиной. Поясним эту мысль на примере. Однажды установив в советском законодательстве в отношении супружеского имущества режим общей совместной собственности, законодатель, признает это «идеальной моделью» вплоть до настоящего времени. Одним из правовых средств, используемых в рамках режима совместной собственности супругов, является презумпция согласия супруга на совершение другим супругом сделки по распоряжению совместным имуществом. Если в советский период подобная мера была оправдана и вызвана необходимостью поддержания равноправия женщины во всех сферах жизни, то на современном этапе, с развитием института частной собственности, данная презумпция зачастую является «поводом для злоупотребления правом, порождает определенные проблемы, особенно при разделе общего имущества супругов» [6, с. 208].

Правовой режим, по меткому замечанию С. С. Алексеева, призван *концентрировать юридические особенности того или иного участка правового регулирования* [8, с. 66]. Определение такого участка правового регулирования – задача довольно сложная. В юридической литературе характеристика правовых режимов дается применительно к определенным объектам. Например, в науке земельного права понятие «правовой режим земель» применяется для правовой характеристики различных категорий земель [17, с. 16], в науке экологического права выделяют правовой режим использования и охраны недр, правовой режим использования и охраны вод, правовой режим использования и охраны лесов, правовой режим охраны и использования животного мира, правовой режим охраны и использования растительного мира и др. [18, с. 16]. В цивилистической доктрине чаще всего рассматривается правовой режим вещей [19], но наряду с правовым режимом вещей анализируется также правовой режим имущественных прав, принадлежащих субъектам гражданских правоотношений [20], правовой режим сделок [21]. В рамках науки предпринимательского права ученые характеризуют правовой режим предпринимательской деятельности и правовой режим ее регулирования [22]. Нередко анализируемая терминологическая конструкция применяется и в отношении субъектов общественных отношений. Например, в зависимости от субъектов, в

отношении которых установлены те или иные правовые режимы, выделяют режим беженцев, режим вынужденных переселенцев, режимы граждан, лиц без гражданства и лиц с двойным гражданством [12, с. 14]. Категория «правовой режим» может, по мнению, представителей белорусской школы хозяйственного права Н. Л. Бондаренко, Е. Н. Гладкой и Ю. Г. Конаневича выступать в качестве «характеристики правосубъектности субъектов правоотношений» [23, с. 35].

Большинство ученых, обращающихся к исследованию понятия «правовой режим», сходятся во мнении, что данный юридический феномен *представляет собой некую совокупность правовых средств*. Так, С. С. Алексеев, определяет правовой режим как «порядок регулирования, который выражен в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования» [7, с. 170]. Аналогичной точки зрения придерживается и Д. Н. Бахрах, понимающий под правовым режимом «официально установленный особый порядок правового регулирования, отражающий совокупность юридических и организационных средств, используемых для закрепления социально-правового состояния объектов воздействия и направленный на обеспечение их устойчивого функционирования» [24, с. 456]. А. А. Шанин понимает под правовым режимом совокупность методов правового регулирования поведения людей, комплекс правовых средств, «характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, предписаний, запретов и создающих особую направленность правового регулирования» [25]. Правовой режим, по мнению М. А. Деминой, представляет собой «порядок правового регулирования общественных отношений, выраженный в определенном сочетании правовых средств, обуславливающих особый порядок возникновения и формирования содержания прав и обязанностей субъектов права, их осуществление, специфику санкций, способов их реализации, направленных на достижение поставленных целей и задач» [26, с. 81]. А. В. Мелехин характеризует правовой режим как «определяемую законодательством совокупность приемов и методов, используемых органами государственной власти в процессе регулирования общественных отношений для достижения поставленных целей» [27].

Полагаем, нет оснований не согласиться с пониманием правовых режимов как своеобразного сочетания правовых средств. Тем более, что правовые средства – это такое правовое понятие, которое, по очень точному выражению С. С. Алексеева, охватывает «всю правовую материю с функциональной стороны», характеризует «фрагменты правовой действительности под углом зрения их бытия как социальных реальностей и их функций, их роли как инструментов, позволяющих в правовом порядке разрешать жизненные ситуации» [8, с. 242].

Правовые режимы, таким образом, представляют собой комбинацию ограничений и преимуществ с преобладанием либо первых, либо вторых. Именно эти комбинации и создают особые режимы правового регулирования – стимулирующие или ограничивающие.

В заключение отметим, что выработка универсального определения категории «правовой режим», а также выделение ее признаков позволит, по верному замечанию И. С. Барзиловой, «с информационной точки зрения более точно отразить волю законодателя, те идеи и замыслы, претворению которых и должен способствовать тот или иной нормативно-правовой акт» [12, с. 14], а также будет способствовать повышению качества нормотворческого процесса и правоприменительной деятельности.

Список использованных источников:

1. Беляева, Г. С. К вопросу о сущности правового режима / Г. С. Беляева // Государственный советник. – 2014. – № 3. – С. 9–13.
2. Правовые режимы: общетеоретический и отраслевой аспекты : монография / М. И. Агабалаев [и др.] ; под ред. И. С. Барзиловой. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 409 с.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Русский язык, 1975. – 846 с.
4. Словарь русского языка : в 4-х т. / Л. П. Алекторовой [и др.] ; под ред. Е. А. Иванникова. – М. : Рус. яз., 1983. – Т. 3. – 750 с.
5. Советский энциклопедический словарь ; под ред. А. М. Прохорова. – М. : Сов. Энциклопедия, 1986. – 1600 с.
6. Матузов, Н. И. Правовые режимы: вопросы теории и практики / Н. И. Матузов, А. В. Малько // Правоведение. – 1996. – № 1– С. 16–29.

7. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – М. : БЕК, 1994. – 224 с.
8. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М. : Издательство НОРМА, 2001. – 752 с.
9. Общая теория государства и права: курс лекций // А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский ; под ред. А. Ф. Вишневского. – Минск : Тессей, 1998. – 576 с.
10. Основы права: учеб. пособ. / С. Г. Дробязко [и др.] ; под ред. В. А. Витушко, В. Г. Тихини, Г. Б. Шишко. – Минск : БГЭУ, 2002. – 784 с.
11. Четвернин, В. А. Проблемы теории права (для особенно одаренных студентов) [Электронный ресурс] / В. А. Четвернин. – 155 с. – Режим доступа: https://teoria-prava.hse.ru/data/2016/10/25/1110644571/problems_2010.pdf. – Дата доступа: 25.09.2023.
12. Барзилова, И. С. Понятие и юридическая природа правовых режимов / И. С. Борзилова // Вестник Московского университета МВД России. – № 3. – 2017. – С. 10–14.
13. Лиманская, А. П. Специальные правовые режимы : общетеоретический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. П. Лиманская ; Саратов. гос. юрид. акад. – Саратов, 2015. – 30 с.
14. Беляева, Г. С. Правовой режим : общетеоретическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Г. С. Беляева ; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, – 44 с.
15. Багрова, Н. В. Индивидуальное правовое регулирование имущественных отношений супругов автореф, Томск, 2019 УВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет». – 28 с.
16. Елисеева А. А. Законный режим имущества супругов: традиции или заимствования? // Семейное право и концепция развития семейного законодательства: международные стандарты и российская модель / Под ред. А. Е. Тарасовой. – М. : Инфра-М, 2017. – 482 с.
17. Шингель, Н. А. Правовой режим земель в Республике Беларусь / Н. А. Шингель. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2005. – 112 с.
18. Экологическое право : учеб. пособие / С. А. Балашенко [и др.] ; под ред. Т. И. Макаровой, В. Е. Лизгаро. – Минск : БГУ, 2008. – 379 с.

19. Аверченко, Н. Н. Правовой режим сложных вещей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. – Санкт-Петербург, 2005. – 264 с.

20. Трусов, А. А. Правовой режим закладной : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2002. – 22 с.

21. Илюшина, М. Н. Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. – М., 2012. – 522 с.

22. Российское предпринимательское право : учебник ; отв ред. И. В. Ершова, Г. Д. Отнюкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.maupfib.kg/wp-content/uploads/Rossiyskoe-predprinimatelskoe-pravo.pdf> – Дата доступа: 30.10.2020.

23. Бондаренко, Н. Л. Совершенствование понятийно-категориального аппарата правовой науки в контексте решения задачи разграничения понятий «статус», «правосубъектность», «правовое положение», «правовой режим» / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая // Актуальные проблемы гражданского права. – 2020. – № 2 (16). – С 8–20.

24. Бахрах, Д. Н. Административное право : учебник для вузов / Д. Н. Бахрах, Б. В. Российский, Ю. Н. Стариков. – М. : Норма, 2005. – 800 с.

25. Шанин, А. А. Правовой режим [Электронный ресурс] / А. А. Шанин. – Режим доступа: <http://www.jourclub.ru/21/1017/>. – Дата доступа: 02.11.2020.

26. Демина, М. А. Категория «правовой режим»: теоретические подходы к понятию / М. А. Демина // Проблемы экономики и юридической практики. – № 3. – 2017. – С. 77–81.

27. Мелехин, А. В. Теория государства и права [Электронный ресурс] / А. В. Мелехин. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. Дата доступа: 10.11.2020.

**РЕАЛИЗАЦИЯ «ПРИНЦИПА ЭСТОПШЕЛЬ» В ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ (О НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ДЛЯ ЗАЩИТЫ
ИНТЕРЕСОВ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ, В ТОМ
ЧИСЛЕ В СУДЕ, ЧЕРЕЗ «ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ МОРАЛИ», В
РАМКАХ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

Я. И. Функ

*доктор юридических наук, профессор, Председатель Международного
арбитражного суда при БелТПП,
funk25@mail.ru*

А. Я. Чигилейчик-Функ

*юрисконсульт ООО «ПримГрад»,
mr.arseniy0027@mail.ru*

В основе любой правовой системы должны лежать морально-этические принципы (основания).

При этом, право и мораль (нравственность) рассматриваются, по общему правилу, как самостоятельные регуляторы соответствующих общественных отношений, то есть каждая из указанных систем действует на основе своих норм (правил) и использует свои методы воздействия.

Однако, наряду с указанными «параллельными действиями» норм (правил) права и морали, в гражданском законодательстве Республике Беларусь присутствует и «прямое включение» норм морали в правовую систему.

Ключевые слова: «принцип эстопшель», право и мораль, морально-этические принципы, регулятор общественных отношений, намерение причинить вред, злоупотребление правом.

В основе любой правовой системы должны лежать морально-этические принципы (основания).

При этом, право и мораль (нравственность) рассматриваются, по общему правилу, как самостоятельные регуляторы соответствующих общественных отношений, то есть каждая из указанных систем действует на основе своих норм (правил) и использует свои методы воздействия.

Однако, наряду с указанными «параллельными действиями» норм (правил) права и морали, в гражданском законодательстве Республике Беларусь присутствует и «прямое включение» норм морали в правовую систему, в частности, через закрепленный в статье 2 ГК Республики Беларусь принцип добросовестности и разумности участников имущественного оборота и предусмотренный в статье 9 ГК Республики Беларусь отказ судом лицу в защите принадлежащего ему права, в случае совершения таким лицом действий исключительно с намерением причинить вред другому лицу или злоупотребления правом в иных формах.

При этом, законодатель Республики Беларусь не перечисляет, хотя бы даже примерно формы злоупотребления правом «запрещаемые» законодательством Республики Беларусь.

Последнее, по нашему мнению, позволило бы действительному применению негативных правовых последствий при нарушении определенных моральных норм (правил) – однако этого нет.

Иные же правовые системы «более детально подходят» к интересующему нас явлению.

Так, одной из возможных форм противодействия злоупотребления правом является выработанный англо-саксонским правом принцип «эстоппель»

(который хотя «не поименован» в настоящее время в белорусском гражданском праве, но «может поддерживаться» правом посредством применения статьей 2 и 9 ГК Республики Беларусь).

Суть указанного принципа заключается в том, что участник имущественного оборота не может изменять свое поведение в рамках такого оборота с целью получения преимуществ и «дополнительного имущественного предоставления (удовлетворения)».

Иными словами, эстоппель (от англ. «estop» – *лишать права выдвигать возражения*) основан на том, что право не должно давать возможность лицу, получать «имущественные привилегии» в связи со своим недобросовестным поведением.

В связи с указанным нельзя не отметить, что в последнее время белорусское право стало все больше имплементировать нормы различных правовых систем.

В свете этой тенденции нельзя не отметить, что принцип «эстоппель» «нашел свое отражение» в принятом Палатой представителей в первом и во втором чтении (22.12.2021 и 11.10.2023 соответственно) и одобренном Советом Республики (25.10.2023) Законе Республики Беларусь «Об изменении кодексов», который в 1 статье содержит обширные изменения Гражданского кодекса Республики Беларусь, среди которых присутствуют и нормы, реализующие принцип «эстоппель» напрямую.

В частности:

1. сторона, из поведения которой явствует ее воля сохранить силу сделки, не вправе оспаривать сделку по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении ее воли (*проект пункта 3 статьи 167 ГК Республики Беларусь*);

2. заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после совершения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (*проект пункта 4 статьи 167 ГК Республики Беларусь*);

3. сторона, которая приняла от другой стороны исполнение по договору, связанному с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, и при этом полностью или частично не исполнила свое обязательство, не вправе требовать установления факта ничтожности договора, не соответствующего законодательству, и применения последствий его недействительности либо признания договора недействительным, за исключением случаев признания договора недействительным по основаниям, предусмотренным статьями 174, 179 и 180 ГК, а также если предоставленное другой стороной исполнение связано с заведомо недобросовестными действиями этой стороны (*проект пункта 2 статьи 401-1 ГК Республики Беларусь*);

4. сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору, связанному с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, либо иным образом подтвердившая действие такого договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности и

разумности участников гражданских правоотношений (*проект пункта 3 статьи 402 ГК Республики Беларусь*);

5. в случаях, если при наличии оснований для отказа от договора (исполнения договора) сторона, имеющая право на такой отказ, подтверждает действие договора, в том числе путем принятия от другой стороны предложенного последней исполнения обязательства, последующий отказ по тем же основаниям не допускается (*проект пункта 3 статьи 420-1 ГК Республики Беларусь*).

В связи с изложенным нельзя не отметить, что как только Закон «Об изменении кодексов» вступит в силу, принцип «эстоппель» начнет активно применяться для защиты интересов физических и юридических лиц, в том числе в суде (в настоящее время, белорусские суды, в том числе, и суды, рассматривающие экономические споры, «неохотно» применяют ст.ст. 2 и 9 ГК Республики Беларусь для защиты имущественных прав и интересов участников имущественного оборота, ссылаясь, как правило, на то, что в ГК Республики Беларусь не содержится перечня форм и иных разъяснений существа злоупотребления гражданским правом).

При этом, для надлежащего применения указанного принципа необходимо будет на формирование «точной» судебной практики его применения;

что, конечно же, сделать будет достаточно сложно учитывая морально-нравственную основу применения указанного принципа (которая «не столь точна», как правовая норма);

иными словами, «оценочный характер» соответствующего правового явления.

В этой связи для «начала» формирования подхода к «практическому применению» рассматриваемого принципа приведем несколько примеров из судебной практики наших ближайших соседей – Российской Федерации, учитывая то, что:

с одной стороны, система гражданского права России восприняла принцип «эстоппель» еще в 2013 году, а раз так, то выработала определенные подходы к его применению;

с другой стороны, национальный белорусский законодатель (если судить по проекту Закона «Об изменении кодексов») имплементировал принцип «эстоппель» не из правовой системы государства англо-саксонской

правовой семьи, а из ГК РФ, причем во многом «буквально», то есть не изменив «даже запятую», правда, лишь в некоторых нормах, по сравнению с регламентацией соответствующих отношений в данном Кодексе.

Итак, в качестве примеров использования принципа «эстоппель» в российской судебной практике, укажем на следующее.

(А) Так одно общество с ограниченной ответственностью подало заявление о признании недействительными договора аренды и договора купли-продажи, только после того, как арбитражный суд принял решение о взыскании с него в пользу местной администрации задолженности по арендной плате, выкупным платежам, пене и обращении взыскания на заложенное в силу закона помещение.

При этом, указанное общество с ограниченной ответственностью изначально знало, что не является правопреемником того субъекта, который имел указанную выше задолженность по арендной плате.

Кроме того, рассматриваемое общество с ограниченной ответственностью до судебного решения обращалось в местную администрацию с заявлением о замене арендатора в договоре аренды, а в последующем с заявлением о выкупе помещения, предоставив при этом недостоверные сведения о своем правопреемнике.

Мало этого, описываемое общество также на протяжении длительного периода времени вносила арендную плату за помещение, что не давало никаких оснований местной администрации, думать о недействительности указанных сделок.

На основании изложенного суды первой и кассационной инстанций указав на недобросовестное поведение общества с ограниченной ответственностью отказали в удовлетворении его требований на основании пункта 5 статьи 166 ГК РФ, в силу которого заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (*см. по этому поводу, в частности, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.06.2018 N Ф07-6222/2018 по делу N А26-4947/2017*).

(Б) Акционерное общество (являвшееся лизингополучателем) обратилось в суд с иском о признании недействительным договора лизинга, заключенного с другим акционерным обществом (лизингодателем);

наряду с признанием недействительным договора лизинга истец требовал также применить последствия недействительности данного договора в виде возврата истцу уплаченных им лизинговых платежей в полном объеме, с обязательством истца возратить ответчику предмет лизинга.

Требование о признании недействительным договора лизинга было основано на том, что устав истца, по мнению истца, содержал ограничение генерального директора истца по совершению договора лизинга в виде обязательного наличия одобрения такого договора со стороны совета директоров истца;

указанное одобрение отсутствовало;

исходя из чего истец делал вывод о недействительности договора лизинга в связи с выходом генерального директора истца за пределы предоставленных ему полномочий.

Однако, арбитражный суд отказал полностью в удовлетворении требований истца, положив в основу своего решения следующие обстоятельства:

во-первых, суд указал на неясность положений устав истца, из которых однозначно не следует приведенная выше компетенция совета директоров истца;

при этом, в законодательстве Российской Федерации, отсутствует требование об отнесении рассматриваемой сделки к компетенции совета директоров акционерного общества;

во-вторых, суд отметил, что до заключения договора лизинга ответчик на свое предложение об отсутствии у генерального директора истца «корпоративных ограничений» по заключению договора лизинга получил заверение о том, что таких «корпоративных ограничений» нет;

и, наконец, в-третьих, суд со ссылкой на пункт 2 статьи 431.1 ГК Российской Федерации, из которого следует, что:

сторона, которая приняла от контрагента исполнение по договору, связанному с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, и при этом полностью или частично не исполнила свое

обязательство, не вправе требовать признания договора недействительным, за исключением случаев признания договора недействительным по основаниям, предусмотренным статьями 173, 178 и 179 ГК Российской Федерации, а также если предоставленное другой стороной исполнение связано с заведомо недобросовестными действиями этой стороны;

указал на то, что истец осуществлял исполнение обязательств по договору лизинга, в виде перечисления ответчику 6 лизинговых платежей;

а раз так, то истец утратил право требовать признания договора лизинга недействительным (см., по этому поводу, в частности, Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2017 № 13АП-31997/2016 по делу № А56-35361/2016).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Чжао Жуйсинь

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
919667945zkk@gmail.com*

В данной статье рассматривается правовое регулирование иностранных инвестиций в Китайской Народной Республике с акцентом на Закон о иностранных инвестициях. Автор анализирует важные аспекты этого закона, включая определение «иностранннх инвестиций», систему негативных списков и проверку безопасности. В статье выявлены проблемы в законодательстве и предложены пути их преодоления, чтобы создать более стабильное и прозрачное правовое регулирование для иностранных инвесторов.

Ключевые слова: инвестиции, иностранные инвестиции, национальная безопасность, инвестиционная политика, прозрачность правовой среды, регулирование инвестиций.

Обеспечение стратегических экономических интересов Республики Беларусь требует совершенствования государственной инвестиционной

политики, прежде всего привлечения прямых иностранных инвестиций, и правового инструментария ее реализации. В таком контексте в сравнительной плоскости заслуживает внимания модернизация и законодательное обеспечение такой политики другими потенциальными реципиентами иностранных инвестиционных ресурсов, среди которых одним из наиболее мощных является Китай.

15 марта 2019 г. Всекитайское собрание народных представителей приняло «Закон Китайской Народной Республики об иностранных инвестициях» (далее – Закон об иностранных инвестициях) [1], который вступил в силу 1 января 2020 г. Этот закон распространяется на иностранных физических лиц и другие формы инвестиционной деятельности, проводимой непосредственно или косвенно в Китае.

«Правила реализации Закона Китайской Народной Республики об иностранных инвестициях», опубликованные Китайской Народной Республикой 26 декабря 2019 г. и вступившие в силу 1 января 2020 г., дополняют этот закон. Они подчеркивают стратегическую ориентацию Китая на поощрение иностранных инвестиций, защиту законных интересов иностранных инвесторов, улучшение управления иностранными инвестициями, создание благоприятной среды для иностранных инвестиций и поддержку высокого уровня иностранных инвестиций [2, с. 106].

30 декабря 2019 г. Министерство торговли и промышленности в сотрудничестве с Бюро регулирования и управления рынком опубликовало «Закон о раскрытии информации об иностранных инвестициях», который также вступил в силу 1 января 2020 г. В соответствии с этим законом, для лиц, осуществляющих инвестиционную деятельность непосредственно или косвенно в Китае, Департамент интеграции фьючерсного рынка регулярно собирает информацию о инвестициях, предоставляемую иностранными инвесторами или предприятиями с иностранными инвестициями через Департамент коммерческой инспекции.

Закон об иностранных инвестициях является ключевым нормативным актом, регулирующим иностранные инвестиции в Китайской Народной Республике. Он создает фундаментальные институциональные рамки и правила для регулирования доступа, поощрения, защиты и управления иностранными инвестициями, и ориентирован на поддержание соответствия

современным требованиям, учитывая «четыре луча и восемь столпов» - новый стратегический подход в сфере инвестиций в Китае.

В части обеспечения доступа к инвестициям закон зависит от законодательства развитых стран и передового опыта пилотных зон свободной торговли. Это позволяет внедрить систему предварительного национального режима и систему управления негативным списком для иностранных инвестиций. За исключением конкретных сфер, перечисленных в негативном списке, правительство предоставляет национальный режим для доступа к иностранным инвестициям.

В отношении поощрения инвестиций закон устанавливает обязательства в области инвестиционного законодательства, инвестиционных услуг и содействия инвестициям. Он предусматривает создание государством разносторонних и двусторонних механизмов для поощрения инвестиций и сотрудничества, разработку преференциальной инвестиционной политики для конкретных отраслей, областей и регионов. Также предусматриваются особые экономические зоны и экспериментальные политики и меры в области иностранных инвестиций в некоторых секторах. Местные народные правительства на уровне округов и выше могут разрабатывать политику и меры для поощрения и упрощения иностранных инвестиций в пределах своей компетенции [3, с. 66].

Что касается защиты инвестиций, Закон об иностранных инвестициях четко определяет важные аспекты в области международных инвестиций. Он требует, чтобы местные органы власти выполняли политику поощрения инвестиций в соответствии с законом и обеспечивали защиту прав интеллектуальной собственности иностранных инвесторов и предприятий с иностранными инвестициями. Таким образом, Закон об иностранных инвестициях играет важную роль в создании благоприятной среды для иностранных инвестиций. Этот закон объединяет в себе концепции поощрения и защиты инвестиций из-за границы.

Закон об иностранных инвестициях использует системы, способствующие открытости, активно согласовывается с передовыми международными экономическими и торговыми правилами, устанавливает систему негативного списка и систему проверки безопасности иностранных инвестиций, а также требует создания системы обслуживания иностранных инвестиций и трансформации функций правительства. Суть системы

негативных списков заключается в принципе «если закон не запрещает, значит свобода» [4, с. 34]. Это означает, что вместо перечисления областей, где разрешены иностранные инвестиции, в этой системе указываются только области, где инвестиции запрещены.

Эта модель поддерживает идею верховенства закона и обеспечивает свободу, если закон не устанавливает ограничений. Это способствует более открытой и свободной среде для инвестиций и расширяет доступ иностранных инвесторов к рынку. Система проверки безопасности иностранных инвестиций имеет цель обеспечить баланс между национальной безопасностью и открытостью для иностранных инвестиций. Она предусматривает тщательную оценку инвестиций и может ограничить их, если есть угроза национальным интересам. Важно найти баланс между строгостью проверки и привлекательностью для иностранных инвесторов, чтобы поддерживать экономическую стабильность и безопасность страны.

Закон об иностранных инвестициях обязывает правительство создать систему обслуживания иностранных инвестиций для улучшения бизнес-среды. Эта система предоставляет информацию и услуги для иностранных инвесторов, помогая им понять законы, политику и рыночную среду в стране. Такое улучшение деловой среды делает страну более привлекательной для иностранных инвестиций и помогает снизить инвестиционные риски.

Система негативного списка, система обслуживания иностранных инвестиций и система проверки безопасности иностранных инвестиций значительно улучшили условия для иностранных инвесторов. Система негативного списка, например, создает более свободную и открытую среду для бизнеса. Она определяет, в каких областях ограничения или запреты действуют, и в остальных сферах предоставляется доступ для иностранных инвестиций. Эти изменения способствуют упрощению процедур доступа к инвестициям и делают бизнес-среду более прозрачной и предсказуемой. Они также отражают стремление страны к соответствию международным стандартам и активному улучшению внутреннего законодательства, что важно для привлечения иностранных инвестиций и улучшения деловой среды в целом.

В то же время, несмотря на улучшения в создании и совершенствовании систем обслуживания и проверки безопасности, остаются

некоторые проблемы. Неясное определение «иностранных инвестиций» в законе, нестабильность системы негативного списка и низкая прозрачность требуют дальнейших усовершенствований.

Так, Закон об иностранных инвестициях страдает от неясного определения «иностранных инвестиций», что может вызвать проблемы при определении, что именно считать таковыми. Это отсутствие ясности может увеличить риск для иностранных инвесторов, нарушить прозрачность правовой среды и затруднить оптимизацию бизнес-среды для иностранных инвестиций в стране. Это может привести к юридической неопределенности, особенно в случае косвенных инвестиций, таких как соглашения о контроле (VIE). Система негативных списков, которая регулирует и ограничивает иностранные инвестиции, должна обладать стабильностью и непрерывностью, чтобы защитить интересы и ожидания иностранных инвесторов. Однако частые изменения и пересмотры этой системы создают нестабильность и непредсказуемость, что снижает доверие иностранных инвесторов и может помешать оптимизации бизнес-среды для иностранных инвестиций. Это также может ограничить использование институциональных преимуществ системы негативных списков и уменьшить ее эффективность в оптимизации бизнес-среды [5, с. 18].

Важно отметить, что понятие «национальной безопасности» остается абстрактным и многозначным, что может вызывать беспокойство у инвесторов. Без четких определений и справочных факторов, регулирующих проверку безопасности, существует риск, что это понятие может быть интерпретировано широко или даже приведет к злоупотреблению политическими или административными органами. Это может привести к низкой прозрачности и предсказуемости процедур проверки безопасности, что, в свою очередь, может ослабить готовность иностранных инвесторов вкладывать средства.

Кроме того, отсутствие адекватного надзора за процедурами проверки безопасности также ухудшает ситуацию. Без доступа к информации о процедурах проверки и без механизмов обжалования решений, иностранным инвесторам может быть сложно понимать и оценивать риски, связанные с инвестициями. Это также может снизить прозрачность и доверие в отношении проверок безопасности иностранных инвестиций, что может ослабить привлекательность страны для иностранных инвесторов.

Для решения этих проблем предлагается следующее:

1. Четкое определение «иностранных инвестиций»: необходимо установить ясные и точные критерии, которые позволят однозначно определить, что считается «иностранными инвестициями». Это уменьшит неопределенность и позволит инвесторам более уверенно понимать, какие виды инвестиций подпадают под законодательство.

2. Модель управления списками: внедрение модели, которая объединяет как существующие, так и будущие ограничения на инвестиции, поможет создать более стабильный «негативный список». Это означает, что инвесторы смогут лучше предсказывать, какие изменения могут произойти в будущем, и планировать свои инвестиции на более надежной основе.

3. Процедуры слушаний: введение процедур слушаний при корректировке «негативного списка» позволит заинтересованным сторонам, включая инвесторов, высказывать свои мнения и предложения. Это сделает процесс более открытым и учтет разнообразные интересы, способствуя стабильности и справедливости в регулировании.

4. Улучшение определения «национальной безопасности»: необходимо более четко определить термин «национальная безопасность» и перечислить факторы безопасности, которые подлежат учету при проверке инвестиций. Это повысит прозрачность и уменьшит неопределенность в системе проверки безопасности.

В результате этих шагов будет создана более надежная и предсказуемая среда для иностранных инвесторов, что способствует оптимизации бизнес-среды для иностранных инвестиций и поддерживает экономический рост.

Список использованных источников:

1. Закон Китайской Народной Республики об иностранных инвестициях: принят на второй сессии Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва 15 марта 2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/n1/2019/0321/c64387-30987675.html>. – Дата доступа: 21.10.2023.

2. Ли Мэн. Юридическая гарантия для китайцев, живущих за границей, вернуться в страну для инвестирования на фоне «Закона об иностранных

инвестициях» / Ли Мэн // Экономика обращения Китая. – 2019. – № 33 (11). – С. 106–115.

3. Хуан Синь. Обзор стандартов рассмотрения запросов иностранных бездействующих акционеров о раскрытии своих имен / Хуан Синь // Народное правосудие. – 2020. – № 23. – С. 64–67.

4. Ло Юньхун. Интерпретация основных моментов и исследование вопросов «Закона об иностранных инвестициях» / Ло Юньхун // China Foreign Investment. – 2019. – № 22. – С. 34–35.

5. Цуй Фань Предварительное исследование «Закона Китайской Народной Республики об иностранных инвестициях» / Цуй Фань, Цай Каймин // Журнал Шанхайского университета международного бизнеса и экономики. – 2019. – № 26 (3). – С. 14–24.

CIRCUMVENTION OF THE LAW AS A CONFLICT OF PRIVATE AND PUBLIC INTEREST (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

D. Duolikun

*Belarusian State University, 8 Leningradskaya Ul.,
220006, Minsk, Belarus,
law.dilisyat@bsu.by*

There are a number of issues in international economic law that have received sustained or occasional attention. We believe one of the most curious – “circumvention of the law” (*agere in fraudem legis*). The specificity and problems of circumvention of the law are very deep and ambiguous and are the subject of controversy at the national and international levels [1, 2]. The most common application of this institution is in economic and private international law. The Belarusian legal system is no exception. Thus, article 1097 of the Civil Code of the Republic of Belarus [3], entitled "Consequences of circumventing the law", addresses this issue. Based on the analysis of the Belarusian concept of circumvention of the law and doctrinal approaches, the author considered the concept of *agere in fraudem legis* a reasonable legal institution.

Key words: circumventing the law, *agere in fraudem legis*, abuse of law, offence, freedom of contract principle, public interest, metanorms

If it is possible to apply the rules of foreign law in relations with a foreign element, the parties may be tempted to circumvent the legal norms of domestic legislation, which form the basis of the national legal order, containing imperative prescriptions and regulating the relevant relations regardless of the law to be applied. Here we refer to L.A. Luntz who wrote about “circumvention of the law” in the law of conflicts: *“Tied to certain legislation... Sometimes created artificially by persons wishing to avoid the application to them of coercive laws...”* [4, p. 333]. We believe one of the legal mechanisms designed to prevent the emergence of such a situation is the institute of “circumvention of the law” besides there are opponents of the theory [5, 6].

Article 1097 of the Civil Code of the Republic of Belarus (hereinafter - the Civil Code of Belarus) establishes that *“agreements and other actions of participants in relations regulated by civil legislation aimed at circumventing the rules of this section on the applicable law to subject the relevant relations to another law are invalid. In this case, the law of the relevant state subject to application in accordance with this Section shall apply”* [3].

For example, in case of cross-border transfer, personal data “leave” the scope of Belarusian legislation and fall under the jurisdiction of another state (the legislation “does not follow” the data). In the absence of rules on cross-border transfer, there would be a possibility to circumvent the requirements of paragraph 14 of Article 1 of the Law of the Republic of Belarus of May 7, 2021 No. 99-3 “On personal data protection” by transferring processing to other countries with simplified requirements for data processing [7].

The institution of circumvention of the law traditionally comes from private law. In the doctrine prevails the point of view, according to which the *circumvention of the law is recognized as an act of a person, which does not contain elements prohibited by law, but at the same time serves to achieve the purpose prohibited by law.* In studying the legality of the persons’ actions, the focus so far has been exclusively on the purpose (*unjust intent of the parties*) of the subject's legal action and the determination of the peremptory norm that is violated by such actions (*ius cogenes*) [8, p. 49].

Nevertheless, until now, the application of the institution of circumvention of the law in the field of public economic law raises many interpretative doubts, both in doctrine and in judicial practice [9, p. 184-185].

The fundamental problem concerns the consideration of *a persons' intentions*, i.e. whether they must have an *a priori intention to act to circumvent the law*, or whether *they can do so unconsciously*. The said problem is particularly significant in public economic law, since, on the one hand, persons are *free to act (freedom of contract principle*, see for example, art. 2 of the Civil Code of Belarus), and, on the other hand, *must comply with strict* rules about the regulated activity; in practice, due to the complexity of normative matter, it is difficult to indicate at what point an action is nevertheless lawful.

For example, Prof. Bondarenko argues that the specificity of social relations regulated by civil law do not reflect the principles of priority of social relations and social orientation of economic activity [10, p. 89, 93]. This conclusion suggests that the provisions of these principles cannot be given weight in the characterization of abuse of rights; rather, general criteria for limiting subjective rights arising from art. 2 of the Civil Code of Belarus are good faith, reasonableness, equality, infringement of rights and legally protected interests of others.

Thus, Mr. Alex Muranov, Russian lawyer and opponent of the theory considers the following: “Suppose Russian persons who do not want to notarize a transaction in Russia (because of the high state duty), go to another country where a simple written form is established for such transactions, and there they make such a transaction and subsequently claim that the rule of *locus regit formam actum* applies to it. From the point of view of the *classical theory of “circumvention of the law” there is a circumvention of the law in this particular case*” [5, p. 55-56].

But since we are still able to apply to Article 1097 of the Civil Code of Belarus, nothing will come of it. First, there is no “circumvention” in this case, because “the rules of this section on the applicable law” (*locus regit formam actum*) must be applied, and the parties insist on it. Second, the parties have not subjected the form of the transaction to some other law, but to *the law of the place of the transaction*.

It seems, since this institution is a form of control over the interpretation and application of legal norms by persons (including general legal principles, for example, *principle of estoppel*), it should also cover cases when persons in fault do not realize the nature of their actions. Thus, in the case of circumvention of the law, there is *a conflict between the values of business freedom and public interest* (e.g.: concessions, licenses, special permits - rights and obligations arising from them) [9, p. 187-190].

In law, a *value* is a socially recognized and established practice of behavior, which is transformed into the sphere of norming laws and creating *metanorms*, which is conditioned by the *reaction of the state (institution of law circumvention)*, aimed at consolidating the already existing consistent and hierarchically ordered system of values included in legal norms. That is, the control over the circumvention of the law is carried out as a control over compliance with systemic norms [9, p. 190].

The control of circumvention of the law is complicated and concerns such points as: 1) *in fraudem legis (anything done in fraudem legis is void in law)*; 2) general control over whether their *mutual will (purpose of transactions)* is not directed to generate an effect prohibited by law.

By virtue of the principle of *ignorantia iuris nocet* all subjects of economic relations are obliged to comply with applicable legal norms, i.e., reference to the absence of a *deliberate purpose (unlawful intent to circumvent the law)* does not exempt from liability.

There are two forms of *non-compliance with the law*:

1) *contra legem (against the law)*, behavior prohibited by a legal norm or non-compliance with such a norm; and

2) *praeter legem (outside the law)* actions, i.e. an intentional act to achieve a prohibited purpose through conduct that purportedly constitutes the application of a different legal norm [9, p. 193].

However, there is also *indirect action* which is *not stipulated*, but also *not prohibited by law*, i.e. which does not undermine the values contained in other norms, since such action is legitimate in certain situations.

Another important provision in the interpretation of the institute of circumvention of the law is Art. 9 of the Civil Code of Belarus (*abuse of right - estoppel*), which defines *expressis verbis* the limits of formation of private law actions and determines the consequences of exceeding such limits - *invalidity of actions* (absolute), or the action does not give rise to the legal consequences that the party hoped for, i.e. *illegality*.

Thus, the author comes to the following findings:

1. There is a margin for actions not provided for but not prohibited by law in any legal system (*legislative gap*).

2. Subjects of economic legal relations are obliged to comply with duly established legal norms.

3. Circumvention of the law and control of the integrity of system values shall be applied in public economic law on the basis of general principles of interpretation of public law.

4. As a rule, the actual action is within the limits of another lawful action, if the intention is lawful, and goes beyond the legally permissible, due to the collision with the prohibiting norm, if it is unlawful.

5. Circumvention of the law, on the contrary, indicates a violation of the values essential to the legal system.

6. Circumvention of the law in public economic law as a rule applies to actions of private law nature, but in relation to the norms of public law, in connection with which it is assessed in accordance with the provisions of the Civil Code of the Republic of Belarus, supplemented by the norms of public law - control of a complex nature.

References:

1. International encyclopedia of comparative law. Vol. III «Private international law». Chapter 24 «Contracts». – Tuebingen, Mouton, The Hague, Paris, 1976.

2. Kudashkin, V.V. Current problems of the doctrine of circumvention of the law in private international law / Legislation, 2004. - No. 3. - P. 65-73.

3. Civil Code of the Republic of Belarus // Code of the Republic of Belarus of December 7, 1998 No 218-Z [Electronic resources]. – Mode of access: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9800218>. – Date of access: 01.10.2023.

4. Lunc L.A. Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava. Obshchaya chast'. – M., 1973. – 384 p.

5. Muranov, A. I. “Obhod zakona” v mezhdunarodnom chastnom prave: mnimost' aktual'nosti i nadumannost' problem / A.I. Muranov // Zakonodatel'stvo. - 2004. - No 7. – p. 67-73 [Electronic resources]. – Mode of access: https://mgimo.ru/library/publications/15292/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com. – Date of access: 02.10.2023.

6. Muranov, A. I. K voprosu ob “obhode zakona” / A. I. Muranov // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. - 1997. - No 3. - p. 55 - 56.

7. On personal data protection // Law of the Republic of Belarus of May 7, 2021 No. 99-Z [Electronic resources]. – Mode of access: https://etalonline.by/document/?regnum=h12100099&q_id=9185826. – Date of access: 01.10.2023.

8. Vronskaya, M. V. «Circumventing the law» in civil law: the form of abuse of law or an independent legal structure? // *Territoriya novyh vozmozhnostej*. 2015. – No. 3(30) [Electronic resources]. – Mode of access: <https://cyberleninka.ru/article/n/obhod-zakona-v-grazhdanskom-prave-forma-zloupotrebleniya-pravom-ili-samostoyatel'naya-yuridicheskaya-konstruktsiya>. – Date of access: 02.10.2023.

9. Bodanka, O. The circumventing of the law in public economic law – on the verge of a conflict between private law and public law values. - *Studia Prawnicze KUL*, 2023. – No 3(95). – p. 185-199.

10. Bondarenko, N. L. *Principy grazhdanskogo prava Respubliki Belarus', ih realizaciya v normotvorcheskoj i pravoprimeritel'noj deyatel'nosti: dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.03 / N. L. Bondarenko. – Minsk, 2007. – 251 p.*

LEGAL REGULATION OF B2C-AGREEMENTS. EULA

Yan Jiapeng

*Belarussian State University, st. Leningradskaya, 8,
220006, Minsk, Belarus,
yanjiapeng80@gmail.com*

In recent years, the rapid development of China's e-commerce industry has reflected two characteristics, that is, the rapid growth of the overall growth and the growth level of various parts is too large. Its harm is multiple. The interests of the people are often damaged. Therefore, drawing on the intervention method of other companies in other countries with market dominance, and analyzing and solving the current problems from the aspect of the antitrust method on the regulation of the e-commerce industry.

Keywords: B2C, antimonopoly regulation, monopoly low price, development of competition, EULA.

The B2C protocol refers to an agreement between the enterprise and the consumer, that is, the «Business to Consumer» protocol. In this agreement, enterprises provide products or services to consumers. Therefore, this agreement is usually related to consumer protection.

In recent years, the e-commerce industry has been able to achieve amazing development. The reason for this development is the ability to buy goods at a low price. From the previous period, the development of the e-commerce industry is to attract consumers by low prices, and This will suppress traditional merchants and compete for market share; after that, the e-commerce industry presents a low style this model of «big fish eat small fish». As a result, some people are beginning to worry about whether large e-commerce such as Ali, JD.com, Gome, and Suning will transform into monopolist.

Let us give an example from the statistical data of the People's Republic of China. According to iResearch's latest B2C shopping website trading scale. Statistics of market share show that as of January 25, this time, Jingdong Mall has continued to win. The B2C market share is the first, and its leading trend has continued to expand. The market share of Jingdong Mall has increased from 36.4 % in 2011 to 49 % in 2022. The second place is Suning Tesco, 13.6 %, while the third Amazon is only 6.8 %.

The main legal act governing the e-commerce industry in the People's Republic of China is the Anti-Monopoly Law.

This Law regulates the following violations of antitrust laws: entering into a monopoly agreement, abuse of a permitted agreement, and evidence of activity within a group of persons who maintain competition.

For example, the market share of JD Mall is a coincidence (just less than 50 %) and its business real. In terms of force (including company decision -making capabilities), its operating behavior violates the monopoly agreement and the operator's concentration. The possibility of the situation is not great, at least it is not easy to prove. The only doubt is whether large e-commerce companies have abused market dominance.

This conclusion is due to the norm enshrined in Article 19 of China's «Anti - Monopoly Law»: «If one of the following situations, it can be presided over. The operator has market dominance [4]:

1. A market share of an operator in the relevant market reaches one-half;
2. The two-thirds of the two operators in the relevant market;

3. The total market share of the three operators in the relevant market reached three-quarters [1]. If there is a situation stipulated in the second and third paragraphs of the previous paragraph, and some of the operators have a market share of less than one-tenth, it shall not be preserved as the operator has a market dominance».

Therefore, as long as the JD Mall is not with other larger e-commerce companies (the market share share of the market exceeds 1%). They have the right to jointly maintain monopolistically low prices, refuse transactions and differentiated treatment.

When the abuse of market dominance, JD Mall does not have market dominance.

Therefore, my country's «Anti-Monopoly Law» has insufficient adjustment of the adjustment of the e-commerce industry.

Let's give another example. Jingdong Mall and the market share of more than 1 % of e-commerce joint abuse of market dominance areas.

The position, and it is only a one that constitutes a monopoly competition (except for Suning Tesco, other e-commerce market share is less than one tenth)

Economic law is caused by market defects or failures, and its internal value is to safeguard the interests of consumers.

In terms of irregular e-commerce industry, the price war between e-commerce is fighting, although consumers in the short term

Let us pay attention to the responsibility of the mega-regulator in the area under consideration. So, in the field of macroeconomic, the government's responsibilities are to improve and establish a macro-view economic regulation and create a standardized market environment. And in the long run (currently the first exposure has been revealed), the result of the oligopoly formation of the industry is that competition is destroyed, the market is controlled, the price is monopolized, and the consumer's independent choice is held. For example, Damage the interests of consumers; or first seize the market at a low price to seize the market and create high transfer cost barriers. For example, the loss of "old customer discount", switch the risk faced by the seller, etc.

To counteract monopolistic activities, standard methods are used: leadership, forecasting, assessment, coercion and education of the people's opposition, which is directly manifested in the authorization of illegal actions and the active prevention of illegal actions.

In the category of anti-restrictions on anti-restrictions, the Anti-monopoly law and the Anti-Unfair Competition Law together form a system of anti-restrictions in my country [4].

For the e-commerce industry, the «Anti-Unfair Competition Law» also has a lot of regulatory loopholes. In order to maintain the market economy order in order to maintain the market economy order The behavior of behavior and slander of goodwill, the focus of the current supervision, is to measure the price wars of large e-commerce companies such as Ali, JD, and Suning, and other low-priced market behaviors to seize the market. Before that, it is clear The meaning of «below cost» should be explained by the authority. This is necessary for encouraging and protecting fair competition, preventing unfair competition, and protecting the legitimate rights and interests of consumers and consumers [2].

In a broad sense, due to the extensive departments and fields of competitive competition, restrictions on competition

The competition is also reflected in different legal departments and legal forms. All the legal norms that stipulate that there are bidding competitions, opposition to unfair competition and monopoly content are part of the anti-restricted competition law. Therefore, it is necessary to comprehensively use the «Company Law», «Bankruptcy Law», «Price Law», and «Partnership Enterprise Law» to carry out more detailed and quantified supervision of the e-commerce industry.

Among them, the Law on a Region with Unfair Competition provides for low-cost dumping, and its components are: suppressing competition and reducing the cost of goods. For e-commerce, its cost is mainly composed of procurement costs, marketing promotion costs, warehousing and logistics costs, operating costs, manpower and other costs [2]. Divided according to the habit of cost, the cost can be divided into two categories: fixed costs and change costs. The fixed cost refers to the cost that does not change with the total amount of business within a certain business volume range and time range [3].

¹ Such as fixed asset depreciation expenses, maintenance costs, insurance premiums, management staff wages, etc. Change costs, also known as variable costs, refer to the cost of changing the total amount of the total amount with the total number of karma within a certain period of time and business. Such as workers' wages, raw materials, semi-finished products, fuels, power, packaging, etc. There are many operating links in the e-commerce industry. If you want to

form a powerful regulatory body in the initial step, the author believes that in addition to active intervention measures that can reflect the government's dominant intervention, under the standardized tax law specifications, the following standards can be used as follows: operators with market dominance are subjectively squeezed to compete against opponents (such as the purpose of monopoly the behavior of the long-term ultra-low-priced seizing market) sells products or services at a price of not higher than the average total cost, which should be determined to constitute improper competition; at the same time, other operators may also include incorrect prices.

Let us pay attention to Legal support of a B2C contract mainly affects the following aspects the legal supervision of the B2C agreement mainly involves the following aspects.

1. Contract legal system: The B2C protocol, as a contract, is supervised by the contract legal system. The Contract Law stipulates the basic elements, signing, performing and termination of the contract, and clarify and protect the rights and obligations of the two parties.

2. Consumer protection law: The B2C agreement usually involves issues such as consumer rights and product security. Therefore, it is supervised by consumers' protection of laws. Consumer protection laws stipulate the code of conduct that merchants should comply with, including product quality, price publicity, advertising, after-sales service, etc., to protect consumers' legitimate rights and interests.

3. Intellectual property law: The B2C agreement involves intellectual property issues, such as trademarks, patents and copyrights, so they are supervised by intellectual property law. Intellectual property law stipulates the scope of protection of intellectual property rights, the rights and obligations of rights holders to protect the legitimate rights and interests of intellectual property rights.

It should be noted that there may be differences in the legal system and regulatory agencies of different countries and regions. Therefore, when formulating the B2C agreement, enterprises should take into account local legal requirements and regulatory regulations to avoid illegal and illegal acts, protect enterprises and consumers Legal rights and interests.

The end user license protocol (END User License Agreement (EULA) is a type of B2C protocol, which is usually used for software products or online services. EULA is a contract, which aims to specify that end users can use the

conditions and restrictions of software or online services. EULA's content usually includes the scope of license, use restrictions, intellectual property rights, responsibilities and exemption, termination and lifting.

EULA is usually formulated by software or online service providers, so its content is usually conducive to providers. However, EULA is also supervised by consumers' protection of laws. Therefore, its content must meet the requirements of consumer protection laws. For example, in the European Union, EULA must comply with the provisions of the EU consumer rights protection instructions, including clearly notifying the understanding of consumers' licenses, understanding of the terms, and legal rights enjoyed by consumers.

In terms of legal supervision, the B2C agreement is usually supervised by consumers' protection of law. These laws are designed to protect the interests and rights of consumers, and ensure that the products or services provided by merchants are safe, legal and in line with consumer expectations. EULA must meet the requirements of consumers 'protection to protect consumers' interests and rights.

The active and good intention of competitive operators, because of a good competitive strategy and business ability. Grasp the market initiative and obtain the ability to procure procurement and other costs. Although it is a low -priced competition compared to other operators, if the price is still higher than the cost, the competition law should be protected and protected and should be protected and Encouraged «price competition advantages», otherwise, the «Anti-Unfair Competition Law» will be reduced to a tool for bad business competitors to fight competition.

References:

1. Wu Ing Analyze the problems and countermeasures in online shopping [J] / Wu Ind // Northern economy. – 2006 – №4.
2. Zhang Ning, Mu Chunxiang On the protection of the legitimate rights and interests of consumers in online shopping] / Zhang Ning, Mu Chunxiang // Northern Classic Ji. – 2007 – № 8.
3. Li Yu, Xuliang Wu Misunderstandings and Explanations of «Excessive Competition»: «Incremental» Thought on Anti-Monopoly Legislation in China / Li Yu, Xuliang Wu // The Chinese Economy. – 2014.
4. Boyang An Challenge in China's Digital Music Industry: How the

Protection of Music Copyright Causes Oligopoly / Boyang An. – International Journal of Music Business Research. – 2022.

THEORETICAL ASPECTS OF INDUSTRIAL LAW OF THE COUNTRIES OF EUROPE, NORTH AMERICA OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Fan Jinghua

*Belarusian State University, 8 Leningradskaya str. 8,
220006, Minsk, Belarus,
fjh990506@gmail.com*

This article deals with the industrial law of Europe, North America and the Eurasian Economic Union (EAEU), through exploring and researching the concepts, nature and characteristics of the industrial law of Europe, North America and the EAEU, as well as comparative analyses with that of China, in order to explore the problems in the development process of China's industrial law and its outlook, and to conduct a multi-dimensional analysed.

Key words: Eurasian Economic Union (EAEU), Industrial Law, Intellectual Property, Copyright, Patent Law

The European Union (EU) has been working hard to create a single market and establish the principle of freedom of economic activity. EU law covers many areas such as banking, customs, trade and intellectual property, and strives to standardize regulations. Intellectual property rights, including trade secrets, patent laws, copyrights and trademarks, are critical. Trade secret and patent laws regulate research procedures and promote innovation. Copyright governs literary, artistic, musical and software creations, while trademark law controls manufacturers' rights to their products.

In a dynamic innovation environment, the EU faces legislative shortcomings in protecting intellectual property rights. Universal and national regulations are insufficient to meet this challenge. Internationally, regional organizations such as the World Intellectual Property Organization (WIPO) and the World Trade Organization (WTO), as well as the European Union, play an important role. As the main integration entity, the EU is committed to strengthening intellectual property

protection, preventing unfair competition, harmonizing legislation and reducing duplication of work. The EU's special mechanisms include issuing mandatory directives, participating in international organizations, formulating accession agreements, and establishing institutions such as the European Patent Office and the European Trademark Office.

But there is one thing we need to notice. It must be recognized that neither universal international agreements nor exclusively national legal regulation in the field of intellectual property achieve this goal [1, p. 7].

It is worth noting that the EU treaties do not use the terms "copyright" and "intellectual property", in keeping with the Romano-German legal tradition. The 2001 Treaty of Nice and the 2007 Treaty of Lisbon use "industrial and commercial property" to cover intellectual property rights. The "moral rights" of creators and non-property rights that do not circulate among peoples do not fall within the scope of EU law.

The Institute for the Legal Protection of Intellectual Property operates within a pluralistic system influenced by international declarations and agreements. To achieve these goals, a number of special mechanisms have been developed in the EU: the issuance of mandatory directives; participation in the work of major international organizations and in the preparation of treaties; preparation of accession agreements for EU member States (in some cases open to other countries); the creation of their own institutions, in particular the European Patent Office the Bureau and the European Trademark Office [2, p. 29].

Global agreements such as the 1952 Universal Copyright Convention and the 1886 Berne Convention have shaped EU legislation that emphasizes cooperation. The EU gives priority to the internal market function, strives to harmonize national laws, removes obstacles to free trade, and maintains fair competition. EU IP legislation continues to evolve with the adoption of the Directive on Copyright and Related Rights. The Court of Justice of the European Union plays a crucial role guided by its rulings. The 1995 Green Paper on Copyright and Related Rights in the Information Society forms the basis of EU policy, which focuses on removing legal barriers, improving competitiveness, preventing abuse and addressing the impact of copyright on competition. The continued development of EU IP law aims to address these challenges.

The main task facing the legislation in the field of intellectual property protection in the EU is to ensure the smooth functioning of the EU internal market.

The European Union is constantly working to eliminate existing discrepancies between the national legislations of the member States in the field of copyright and related rights, in order to eliminate obstacles to the free movement of goods and services, as well as causes that distort competition in the EU internal market [4, p. 43].

In the post-Soviet era, especially within the Commonwealth of Independent States (CIS), intellectual property cooperation is crucial to economic modernization. The Eurasian Economic Union is committed to modernizing the economy through innovation and commercialization, of which intellectual property is a key factor. The intellectual property legal system of the Eurasian Economic Union is in the formative stage. Unlike the European Union, it presents a diversified system, including copyright law and industrial property law, which needs further improvement.

The concept of intellectual property rights in the Eurasian Economic Union has a narrow sense and a broad sense. The narrow sense refers to "Union rights", and the broad sense includes Union law, domestic laws before the establishment of the Union, and bilateral agreements. Intellectual property law in the Eurasian Economic Union is closely linked to national laws and is currently being improved in its effectiveness, especially taking into account the challenges of digitalization. Effective intellectual property protection is critical to integration and involves international treaties, alliance acts and national legislation. Coordinating legislative work plans is seen as key to addressing the supranational nature of IP, with proposals to adopt a "road map" and establish a committee to coordinate legislation, resolve internal conflicts and promote a unified IP market. This strategic document is of central importance to the Eurasian Economic Union's IP law policy.

Compared with the EU, the development of its digitalization policy is considered less satisfactory. Coordination of national strategies and the adoption of an EU digital agenda are recommended to bridge this gap. The intellectual property law of the Eurasian Economic Union is consistent with internationally accepted principles and focuses on compliance with international law. It is a subsystem of Union law and reflects broader integration goals, including innovation and scientific cooperation. Overall, the Eurasian Economic Union is actively developing intellectual property law and is faced with the challenges and opportunities of integration and the digital economy, which require the

development of consistent policies and strategies to achieve coordination and effectiveness.

It should be noted that the unified EU legislation in the field of intellectual property rights protection is constantly evolving. Currently, the EU has adopted a number of directives on the protection of copyright and related rights, which are implemented in the national legislation of the participating countries. The EU Court plays a special role in the legal regulation of copyright issues, since most of the directives adopted are based on its decisions [4, p. 57].

There are differences in industrial laws among North American countries, and U.S. patent law is a typical example. Patent rights in the United States are influenced by cultural, historical, and legal factors. In 1790, the American Patent Law Association enacted the Patent Act, which initially lacked a formal definition of the grant of a patent. Legal changes in the first half of the 19th century marked this transition, notably the Patents Amendment Act of 1836.

Patent relations in the United States are governed by Section 35 (Patents) and Section 17 (Copyright) of the United States Code. Unlike other countries, the United States only allows technical solutions to be patented as "inventions," including processes, machines, production methods, compositions of matter, or improvements. Section 35 stipulates the conditions for patent qualification in detail, emphasizing the "first inventor" principle. However, the 2011 revision introduced the "first applicant" principle to accommodate international cooperation. The America Invents Act of 2013 introduced a unified system that simplifies the review of similar patent applications and resolves priority disputes.

One of the innovations is the "preliminary" patent registration option, which allows for the rapid grant of a preliminary patent within a week, focuses on novelty, and is valid for one year, helping to attract investment and development. The U.S. patent system prioritizes the protection of domestic inventors and emphasizes the protection of inventions registered domestically. The United States recognizes priority for the novelty of a national invention for up to one year, even after other countries have published similar inventions. The U.S. system also ensures that patent rights are obtained even if disclosure is made to another party without a confidentiality agreement. Overall, the U.S. patent system uniquely prioritizes domestic inventors, emphasizes the benefits of novelty, and focuses on protecting domestically registered inventions.

References:

1. Inshakova, A. O. Tasks of national civil law in the process of nanoindustrialization of the country / A. O. Inshakova // *Modern Law*. – 2011. – No. 8. – pp. 9-14.
2. Meshcheryakova, O. M. Supranationality in EU law and the problem of sovereignty : dis. ...Dr. jurid. sciences / Meshcheryakova Olga Mikhailovna. – M., 2010. – 468 p.
3. Abdullin, A. I. Intellectual property law in the European Union: genesis, unification, development prospects : dis. ...Dr. jurid. sciences / Abdullin Adel Ilsiyanovich. – M., 2006. – 407 p.
4. Entin, K. V. Competition law and intellectual property protection in the practice of the Court of Justice of the EU and the European Commission : dis. ... cand. jurid. Sciences / Entin Kirill Vladimirovich. – M., 2011. – 176 p.
5. The role of intellectual property in the development of Eurasian integration / edited by S.B. Aliyev. M.: Eurasian Economic Commission, 2016. 52 p.
6. Intellectual property within the framework of Eurasian integration / edited by S.B. Aliyev. M.: Eurasian Economic Commission, 2015. 37 p.
7. Pila J., Torremans P. *European Intellectual Property Law*. Oxford Oxford University Press, 2016. 752 p.
8. Ruzakova O.A. Problems of unification and codification of the legislation of the EU countries on intellectual property // *Economy. Right. Society*. 2015. No. 1. pp. 75-80.
9. Kravchenko L.A. Issues of legal regulation of copyright (related) rights within the framework of the Eurasian Economic Union // *Issues of Russian and international law*. 2017. Vol. 7. No. 6A. pp. 93-100.
10. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A Digital Single Market Strategy for Europe, Brussels, 6.5.2015 COM (2015) 192 Final. Para 2.4 "Better access to digital content – A modern, more European copyright framework". URL: http://ec.europa.eu/priorities/digital-single-market/docs/dsm-communication_en.pdf (accessed 08.10.2023).
11. Aliev S., Izmailova E. Legal bases of intellectual property regulation in the Eurasian Economic Union // *Practice of Integration*. 2015. No. 3. pp. 65-75.

12. Leletina A.V. Correlation of the obligations of the Russian Federation in the field of intellectual property protection adopted within the framework of the WTO and the EAEU // *Eurasian Legal Journal*. 2015. No. 8. pp. 63-68.

13. Ipatov V.D., Losev S.S. Harmonization of the laws of the member states of the Eurasian Economic Union as a condition for the creation of a single Eurasian IP market // *The Tenth International Forum "Innovative Development through the IP market": a collection of reports, documents and materials / edited by V.N. Lopatin, M., 2018. pp. 204-210.*

14. Zavyalova A.F. On the issue of harmonization of legislation in the field of intellectual property in the countries of the Eurasian Economic Union // *Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs academies*. 2016. No. 4. pp. 43-47.

15. Mikhailov S.V., Ponomareva N.V. On some issues of unification of the conceptual and categorical apparatus and procedures for registration of intellectual property objects in the national legislation of the member States of the Eurasian Economic Union // *Jurist–Pravoved*. 2017. No. 3. pp. 188-193.

16. Final document of the Ninth International Forum "Innovative development through the IP market" // *The Ninth International Forum "Innovative development through the IP market": collection of reports, documents and materials / under the scientific editorship of V.N. Lopatin. M., 2017. pp. 24-41.*

17. Zhaksylykov T.M. The Eurasian IP market: problems and prospects in the digital agenda // *X International Forum "Innovative Development through the IP market": collection of reports, documents and materials / edited by V.N. Lopatin. M.: RNIIS, 2018. pp. 145-149.*

18. Strategy of the Republic of Belarus in the field of intellectual property for 2012-2020. (Approved by Resolution No. 205 of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated March 2, 2012). URL: http://belgospaent.by/index.php?option=com_content&view=article&id=570 (accessed 07.10.2023).

19. The concept of creating a unified system of protection, protection and use of intellectual property in the Customs Union and the Single Economic Space: scientific report / edited by Yu.V. Yakovets. M.: Institute of Economic Strategies, 2014. 120 p.

HUMAN CAPITAL IN THE SYSTEM OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

Qiu Shenglong

*Belarusian State University, 8 Leningradskaya str. 8,
220006, Minsk, Belarus,
Lu379106@gmail.com*

This paper aims to explore the important role of human capital in achieving the United Nations Sustainable Development Goals (SDGs) system, and how the law can provide the necessary support and safeguards in this process. By analyzing the core values of human capital, it explains its important role in driving economic development, promoting social progress and protecting the environment. This paper focuses on how law supports the development and application of human capital from the perspectives of theory and application of legal support for economic development.

Keywords: economic development, law, human capital, sustainable development goals system,

Human capital, in professional terminology, encompasses the knowledge, skills, and abilities possessed by individuals and groups to meet their personal and societal needs. The development of human capital stands as a critical pillar for sustainable progress. Augmenting it elevates competencies, quality of life, and economic expansion, while fostering equity, prosperity, and environmental sustainability. Key facets include:

1. **Economic Growth:** Investment in human capital enhances skills and productivity, thereby stimulating economic growth. Legal frameworks ensure equitable access to education, vocational training, and protect workers' rights.

2. **Social Equity:** Accessible education and training initiatives mitigate social disparities.

3. **Sustainable Development:** Education and training raise environmental awareness and contribute to a green economy.

Human capital, as one of the most pivotal economic resources, serves as the cornerstone for enhancing a nation's wealth. In the Oxford Business Dictionary, human capital is defined as "the skills and knowledge, whether general or specific,

acquired by a person through professional training and work experience" [13, p. 296]. This definition particularly underscores the significance of this concept in an ever-evolving technological landscape, where intellectual potential takes precedence[12].

The inherent value of human capital lies in its positive impact on economic growth, social progress, and national competitiveness. Legal protection is of paramount importance. Bondarenko emphasizes its legal dimension [10], while Artemova underscores its constitutional value [9]. We concur with the view that human capital is intricately linked with sustainable development goals, knowledge-driven economies, legal safeguards, and organizational productivity. Continuous investment, recognition, and protection across legal, sociological, and economic domains are indispensable for achieving long-term sustainable development [1; 6; 8]. In our perspective, the value of human capital extends beyond economic growth. It is intricately interwoven with various facets, encompassing global sustainable development goals, the knowledge economy, legal safeguards, and corporate efficiency. Consequently, persistent investment and recognition are imperative for realizing long-term sustainability.

The accumulation and cultivation of human capital can be achieved through various means, including education, training, and healthcare, thereby enhancing labor productivity and national prosperity. Therefore, the significance and influence of human capital must be taken into account when formulating and implementing policies and legal frameworks for sustainable development. As a pivotal instrument for social governance, the law plays a critical role in shaping, advancing, and safeguarding human capital. In the era of globalization, the law not only provides assurances for the international mobility of human capital but also facilitates the nurturing and utilization of domestic human capital. This is chiefly manifested in:

1. Education Legislation and Human Capital Development: The Education Law of the People's Republic of China explicitly outlines the principles governing state-operated schools and citizens' entitlement to education. Through the establishment of educational standards, qualification certification, and the allocation of educational funding, the law ensures citizens' right to access education, thereby safeguarding the fundamental development of human capital. Continuous investment in education and talent development plays a critical role in enhancing a country's competitiveness and promoting diverse economic development [14].

Furthermore, legal protection of academic and research activities fosters innovation and the dissemination of knowledge and skills. The United Nations also emphasizes the pivotal role of education in sustainable development in its "Transforming our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development." According to the "China Statistical Yearbook 2022" released by the National Bureau of Statistics, China has substantially increased its investments in education and healthcare in recent years to promote human capital development. We assert that the widespread elevation of educational attainment and healthcare services substantially contributes to the enhancement of labor productivity and overall quality of life for Chinese residents.

2. Healthcare Laws and Human Capital: Health forms the foundation of human capital. Through the enactment of laws and regulations pertaining to health, such as the "Occupational Disease Prevention and Control Law of the People's Republic of China" and the "Medical Insurance Law," citizens' fundamental health rights can be upheld, thereby preserving and enhancing the value of human capital. We align with the statement that emphasizes the impact of health on human capital value in "Osnovy teorii chelovecheskogo kapitala" [7].

3. Labor Law and Human Capital: Labor laws delineate the rights and interests of workers, encompassing wages, working hours, benefits, and working conditions. By enforcing labor laws, equitable treatment of workers is guaranteed, motivating them to harness their full potential and, in turn, augmenting the efficacy of human capital. The "China Statistical Yearbook-2022" published by the National Bureau of Statistics offers comprehensive statistical data on the enforcement of labor laws in China [2]. A sound legal system and effective law enforcement constitute key measures for the protection of human capital, particularly safeguarding the rights of workers [11].

4. Human Rights, Constitution, and Human Capital: We concur with the assertion that the Constitution constitutes the fundamental law of a nation, and its safeguarding of human rights is intrinsically linked to the protection and advancement of human capital. We align with the opinion of scientists who believe that "Constitution, Human Rights, Human Capital" highlights the close nexus between the Constitution, human rights, and human capital. The constitutional worth of human capital is undergoing a transformation as it becomes closely intertwined with people's basic rights and freedoms [3; 9]. This implies that safeguarding citizens' fundamental rights and freedoms is tantamount to protecting

and bolstering human capital. By improving educational levels and skills training, individuals can enhance their social mobility, thereby providing more upward opportunities for low-income and vulnerable groups, thus promoting social fairness [15].

The author of this article asserts that the role of the law in the development of human capital cannot be overlooked. By formulating and implementing legislation pertaining to education, health, and labor, ensuring the continual cultivation, preservation, and utilization of human capital, the law furnishes a robust guarantee for the sustainable development of the nation and society. Similarly, as highlighted by Balashov in "The Great Russian Encyclopedia," the vital role of the law in safeguarding and advancing human capital is underscored.

In order to gain a deeper understanding of the role of law in human capital development, we selected several representative countries and regions for in-depth analysis. The key role of law in the development of human capital in different countries and regions. The role of law in the development of human capital can be observed through in-depth analysis of representative countries and regions. Nordic countries, such as Sweden, Finland, and Denmark, are known for their significant investments in education and healthcare, recognizing the importance of high-quality human capital for social and economic progress. These countries have comprehensive education laws that ensure the right and opportunity for education at all levels. Additionally, they have robust health laws and labor rights protection in place [3]. Similarly, emerging economies in Asia, including China, India, and South Korea, have prioritized the development of human capital. These countries have made substantial investments in higher education and vocational training to cultivate skilled professionals and managers who can contribute to economic growth. They have also implemented health legislation to ensure access to basic medical services, and they provide support for skills training and retraining to adapt to evolving economic environments [2; 5]. The success of Silicon Valley, a global hub of technology and innovation, further demonstrates the close connection between human capital and economic prosperity. Silicon Valley has flourished due to a strong educational system, comprehensive healthcare coverage, and protection of workers' rights. Highly skilled talent is recognized as crucial for a country's economic growth, and human capital is considered the cornerstone of knowledge-based economic development [4; 6]. With the deepening development of globalization, the international mobility of human capital is increasing. This

requires countries not only to strengthen the cultivation of local talents but also to create favorable conditions to attract international talents[16].

Furthermore, the maintenance of human capital health is essential. Effective legal systems provide comprehensive health protection, ensuring that all citizens have access to basic medical services. Investment in public health, including disease prevention and health education, is also crucial for enhancing the quality of human capital. In conclusion, the role of law in the development of human capital is evident in various countries and regions. Legal frameworks in education, health, and labor rights create an environment conducive to the comprehensive development of citizens. To further develop human capital, it is essential to provide appropriate legal and financial support for education, health, and working conditions [3; 5; 6]. These measures will contribute to the cultivation, protection, and utilization of human capital, thereby promoting economic and social progress.

In our point of view, Human capital, the law, and sustainable development are interconnected. Human capital plays a central role in driving economic growth, social progress, and environmental sustainability [1][3]. The law provides the institutional foundation for the development of human capital, ensuring its prominence in overall societal advancement. To achieve sustainable development goals, cross-border cooperation is crucial. Strengthening collaboration in law, education, training, and skills development promotes human capital [1]. As technology advances, the law must adapt to digitization and artificial intelligence, integrating them into legal frameworks to ensure equitable access and address the impact of the digital economy [2]. Continuous legal education is vital for sustainable human capital development. By providing citizens with a basic understanding of the law, they can protect their rights and contribute to its implementation and improvement. Incorporating legal education into basic education emphasizes the role of human capital in the knowledge economy [6]. Ethical and legal norms must guide the cultivation and utilization of human capital within organizations, ensuring responsible development [8].

In conclusion, understanding the relationship between human capital and the law is crucial for achieving sustainable development. Historical experience has shown that investing in education and talent development are crucial for promoting long-term stability and prosperity in a country[17]. Through cross-border cooperation, adaptation to technological advancements, continuous legal education,

and adherence to ethical and legal norms, we can unlock the full potential of human capital in driving sustainable development.

References:

1. United Nations. "Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development" [EB/OL]. (2015-08-12) [2023-10-21].
2. National Bureau of Statistics. "China Statistical Yearbook-2022" [EB/OL]. (2022) [2023-10-21].
3. Artemova D.I. Constitution, Human Rights, Human Capital // Constitutional and Municipal Law. – 2020. – № 10. P. 13 – 18.
4. Balashov Y. K. Human Capital // The Great Russian Encyclopedia. Electronic version (2017); <https://bigenc.ru/economics/text/4681450> Accessed on 24.10.2021.
5. Pettinger T. Human Capital definition and importance / T. Pettinger. URL: <https://www.economicshelp.org/blog/26076/economics/human-capital-definition-and-importance/>.
6. Avdeeva E.A. Human Capital as a Fundamental Factor in the Development of the Knowledge Economy / E.A. Avdeeva Society and Law. – 2011. – No 1. – P. 284 – 286.
7. Dyatlov S.A. Osnovy teorii chelovecheskogo kapitala [Fundamentals of the theory of human capital]. St. Petersburg: SPbUEF Publishing House. – 1994. 160 p. (in Russian).
8. Morgunov P. A. Human Capital as the Most Important Factor of the Efficiency of Companies, the Best Human Capital - the Guarantee of Effective Economies / P. A. Morgunov // Vestnik Kalmytskogo instituta sotsial'no-ekonomicheskikh i pravovykh issledovaniya. – 2005. – T. 1. – № 1. – P. 39 – 44.
9. Artemova D.I. Transformation of the Constitutional Value of Human Capital in Modern Conditions / D.I. Artemova // Russian Justice. – 2020. – № 6. – P. 56 – 58.
10. Krylova E.G. Financial and legal support of health care as the basis for the formation of human capital of the country. – 2018. – № 2. – P. 13 – 15.
11. Ivanova, M. (2022). Law, Human Rights and Protection of Human Capital: A Perspective from Belarus. *Journal of Law and Social Sciences*, 14(2), 298-310.]

12. Bondarenko, M. S. Human capital as an economic and legal category / M. S. Bondarenko // Theoretical and applied prospects of legal support for economic development: materials of the international scientific and practical round table, Minsk, October 21, 2021: at 2 p.m. / Belorussian state unt; ed.: N. L. Bondarenko (ed. ed.) [and others]. - Minsk: BSU, 2021. - Ch. 1. - S. 16-20.

13. Business. Dictionary. English-Russian : Originally published by Oxford university press : Over 4000 concepts. Ed.: D. E. N. Osadcha I. M. - M. : INFRA-M : Vse mir, 1998. 752 p. (in Russian).

14. Sokolov, A. (2020). Human Capital and Economic Growth: Experience of Belarus. *Journal of Economics and Development Studies*, 8(2), 123-134.)]

15. Kuznetsov, B. (2019). Human Capital and Social Equity: Analysis of Belarus. *Social Sciences Review*, 34(3), 456-467.)

16. Popov, V. (2018). Human Capital Development in the Context of Globalization: The Case of Belarus. *World Economy Journal*, 15(3), 45-58.)

17. Petrov, A. (2017). Human Capital in Belarus: History and Reality. *Journal of Belarusian Studies*, 9(2), 234-249.

HIGH TECHNOLOGIES AND PECULIARITIES OF THEIR LEGAL REGULATION IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Liu Xinyi

*Belarusian State University, 8 Leningradskaya str. 8,
220006, Minsk, Belarus,
Summer14coming@gmail.com*

The article assesses the importance of high technologies for the economic development of the country. At the same time, the author draws attention to the dangers that may be associated with the spread of some high technologies. In this regard, the author of the article substantiates the need for legislative regulation of the process of introduction and development of high technologies. This will help to protect the interests of society and the state.

Keywords: high technology, artificial intelligence, intellectual property rights, data privacy, cybersecurity, ethical considerations.

High technology refers to advanced technology that is often characterized by its complexity, innovation, and high level of research and development.[1] It includes a wide range of technologies, such as artificial intelligence, biotechnology, robotics and big data.[2] High technology plays a crucial role in today's economic and social development. In recent years, China has made significant investments in high-tech industries, such as artificial intelligence, big data, cloud computing, and 5G networks, which have helped to transform the country's economy and create new opportunities for growth.[3] According to the World Economic Forum, China's economy has experienced the fastest sustained expansion by a major economy in history.[4]

One of the key benefits of high technologies for China has been increased productivity and efficiency. For example, the use of big data analytics has helped Chinese companies to better understand their customers and improve their operations, leading to increased productivity and profitability.[5] Similarly, the development of 5G networks has enabled faster and more reliable communication, which has helped to improve supply chain management and logistics.[6]

High technologies have also helped to create new industries and business models in China. For example, the rise of e-commerce platforms, such as Alibaba and JD.com, has transformed the retail industry and created new opportunities for entrepreneurs and small businesses. The development of autonomous vehicles and drones has also created new opportunities in transportation and logistics.[3]

In addition, high technologies have helped to attract foreign investment and promote international trade. According to a report by Fitch Ratings, high-tech foreign direct investment (FDI) in China has been increasing as the economy shifts towards one driven by innovation and technology. [7]

However, along with these advancements come significant dangers and challenges that must be paid attention, especially in these aspects of intellectual property, data privacy, cybersecurity, and ethical considerations:

1. Intellectual Property: As technological innovation accelerates, the risk of unauthorized use, reproduction, or theft of intellectual property increases. This includes copyright infringement, patent violations, and trade secret misappropriation. These actions not only harm the original creators and innovators but also hinder further progress and undermine the incentive for continued innovation.[8]

2. Data Privacy: The proliferation of high-tech solutions and digital platforms has led to the massive collection, storage, and analysis of personal data. This poses significant risks to individuals' privacy. Data breaches, unauthorized access, and misuse of personal information can result in identity theft, financial fraud, and reputational damage. Maintaining robust data privacy laws and regulations and promoting responsible data handling practices are crucial to protect individuals' privacy rights.[9]

3. Cybersecurity: High-tech development has also given rise to an increase in cyber threats and attacks. Cybercriminals exploit vulnerabilities in digital systems, networks, and devices to gain unauthorized access, steal sensitive data, disrupt services, and cause significant economic and societal harm. [10]

4. Ethical Considerations: As high-tech development progresses, ethical considerations become increasingly important. Technologies such as artificial intelligence, autonomous vehicles, and facial recognition raise ethical dilemmas regarding privacy, bias, accountability, and human autonomy. [8]

Therefore, it has become increasingly important to regulate the use of high technologies to ensure that they are used in a responsible and ethical manner. The Chinese government has been working on developing a regulatory framework that can keep up with the rapid pace of high-tech development. In 2021, China amended the Law of the People's Republic of China on Scientific and Technological Progress, which emphasizes breaking through bottlenecks in key technologies, strengthening the protection of intellectual property rights and technological security management.[11] In 2022, the Chinese government also issued a new regulatory document that outlines its regulatory plans for technology companies. The document reveals that the government will cover areas of antitrust, data and algorithm security, and fintech regulation. [12]

In addition to comprehensive regulatory documents, China has also enacted a series of targeted regulations in the areas of intellectual property rights, data privacy and security, and ethics and morality.

1. Intellectual property right: The Patent Law of the People's Republic of China, which was amended in 2020, contains more detailed provisions on patent application, enforcement and protection, which enable it to protect the rights and interests of patent holders more effectively, to promote scientific and technological progress and innovation, and to harmonize with the international intellectual property system.[13]

2. Data privacy and security: The Personal Information Protection Law (PIPL) and the Data Security Law are two new Chinese laws that came into force in 2021. The PIPL is targeted at personal information protection and addressing the problems with personal data leakage.[14] It provides more specificity about the data localization, data export, and data protection requirements and sets specific rules for processing sensitive personal information and the disclosed personal information. It imposes obligations for important platform service providers. The Data Security Law regulates cross-border data transfers. It categorizes data based on its importance and imposes stricter requirements for exporting sensitive data. It also establishes a data security review mechanism and safeguards critical information infrastructure. [15]

3. Ethics and morality: Ethical Norms for New Generation Artificial Intelligence (Ethical Norms) was released in 2021. And it aims to integrate ethics and morality into the entire life cycle of artificial intelligence (AI) , and provide ethical guidelines for natural persons, legal persons, and other relevant organizations engaged in AI-related activities. [16]

As can be seen from the above series of laws and regulations issued by China, the peculiarities of China's legal regulation of high technologies are shaped by its unique political, economic, and social environment.

One of the particularities of China's high-tech legal regulation is its emphasis on independent innovation. The Law of the People's Republic of China on Scientific and Technological Progress, the regulatory plans for technology companies in 2022 and a series of other regulatory documents all focus on breaking through key technological bottlenecks and promoting scientific and technological progress and innovation. On the one hand, to promote innovation, the Chinese government has also implemented policies such as tax incentives, funding for R&D, and support for start-ups, which has led to the development of a thriving technology industry in China. [12] On the other hand, in order to reduce its dependence on foreign technology and become a global leader in independent innovation. The Chinese government has identified technologies of strategic economic importance, such as semiconductors and electric vehicles, as key development areas and has implemented policies to promote their development. Beijing is pushing to increase self-sufficiency in economically strategic technologies such as semiconductors and electric vehicles, as well as revising its List of Prohibited and Restricted Technologies for Export. The list includes

technologies that are considered sensitive or strategic, as well as those that can be used for military purposes. By restricting the export of these technologies, China aims to protect national security and prevent other countries from acquiring key technologies.[12]

Another peculiarity of China's legal regulation of high technologies is its focus on data security and algorithmic security. The regulatory plans for technology companies in 2022, the Data Security Law and the Cybersecurity Law are all designed to address the issue. One notable development is the creation of specialized regulatory bodies and frameworks to oversee data security and algorithmic governance. These agencies are responsible for monitoring and enforcing compliance with laws and regulations. They work with technology companies to ensure that data and algorithms are adequately protected while fostering innovation and economic growth. In addition, the Data Security Law and the Cybersecurity Law further strengthen the legal framework by establishing comprehensive guidelines for protecting data and securing critical information infrastructure. These laws obligate technology companies to adopt risk assessment measures, implement data classification systems, and establish data protection mechanisms to guard against data breaches and cyber threats. [17] These regulations also address algorithmic security. Tech companies must now disclose information about their algorithms, including design principles and data used for training. This transparency allows regulators to assess whether algorithms are fair and impartial, thereby preventing potential discrimination or unethical behavior. By promoting transparency and accountability of algorithms, China aims to foster public trust and confidence in the use of high technology.

In conclusion, high-tech laws and regulations are a very important issue in today's world, especially in China, which has become a major player in the global technology industry. High technologies have brought many benefits to China's economic development, including increasing productivity, creating new industries and attracting foreign investment. However, they also pose challenges and risks in areas such as intellectual property rights, data privacy, cybersecurity and ethical considerations. To address these challenges, China has developed a comprehensive regulatory framework and enacted targeted regulations. We can see from this that China's high-tech regulation emphasizes independent innovation, focuses on data and algorithm security and protection of intellectual property rights.

Going forward, it is recommended that the Chinese government continue to monitor and adapt its regulatory framework to address emerging challenges and risks, and to strike a better balance between innovation and the protection of individual, societal and national interests. In addition, collaboration and cooperation with international stakeholders is encouraged to establish global standards and best practices in high-tech regulation

Overall, by maintaining a strong and adaptable legal framework that promotes innovation, protects intellectual property rights, ensures data privacy and security, and addresses ethical concerns, China can continue to capitalize on the benefits of high tech while mitigating the potential risks and safeguarding the interests of Chinese citizens and the country as a whole.

References:

1. High_tech, Wikipedia https://en.wikipedia.org/wiki/High_tech
2. Technology and innovation report, United Nations conference on trade and development, 2021, p.4 // https://unctad.org/system/files/official-document/tir2020_en.pdf
3. Giulia Interesse. 5 Key Industries to Watch in China in 2023 // <https://www.china-briefing.com/news/5-key-chinese-industries-to-watch-in-2023/>
4. Emma Charlton. 6 things to know about China's historic rise, World Economic Forum, 2019 // <https://www.weforum.org/agenda/2019/10/china-economy-anniversary/>
5. Zak Dychtwald. China's New Innovation Advantage, Harvard Business Review, 2021 // <https://hbr.org/2021/05/chinas-new-innovation-advantage>
6. Science and technology in China, Wikipedia // https://en.wikipedia.org/wiki/Science_and_technology_in_China
7. China's High-Tech Foreign Direct Investment, 2021 // <https://www.fitchratings.com/research/corporate-finance/china-high-tech-foreign-direct-investment-09-03-2021>
8. Marina Da Bormida. The Big Data World: Benefits, Threats and Ethical Challenges, 2021 // <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/S2398-601820210000008007/full/html>

9. Wanbil W. Lee. An Ethical Approach to Data Privacy Protection, ISACA, 2016 // <https://www.isaca.org/resources/isaca-journal/issues/2016/volume-6/an-ethical-approach-to-data-privacy-protection>
10. Global Risks Report 2022, World Economic Forum // <https://www.weforum.org/reports/global-risks-report-2022/in-full/chapter-3-digital-dependencies-and-cyber-vulnerabilities>
11. The Law of the People's Republic of China on Scientific and Technological Progress, 2021 // https://www.gov.cn/xinwen/2021-12/25/content_5664471.htm
12. Zoey Zhang. China's Regulatory Plans for Technology Companies and the Platform Economy in 2022 // <https://www.china-briefing.com/news/new-government-document-indicates-chinas-regulatory-plans-for-technology-companies-platform-economy-in-2022/>
13. The Patent Law of the People's Republic of China, 2020 // https://english.www.gov.cn/archive/laws_regulations/2014/08/23/content_281474983043612.htm
14. China Briefing Team. The PRC Personal Information Protection Law (Final): A Full Translation, 2021 // <https://www.china-briefing.com/news/the-prc-personal-information-protection-law-final-a-full-translation/>
15. Ryan D. Junck. China's New Data Security and Personal Information Protection Laws: What They Mean for Multinational Companies, 2021 // <https://www.skadden.com/Insights/Publications/2021/11/Chinas-New-Data-Security-and-Personal-Information-Protection-Laws>
16. Ethical Norms for New Generation Artificial Intelligence, 2021 // https://www.most.gov.cn/kjbgz/202109/t20210926_177063.html
17. Jenny (Jia) Sheng, Chunbin Xu, Esther Tao. China Adopts New Data Security Law, 2021 // <https://www.pillsburylaw.com/en/news-and-insights/china-adopts-new-data-security-law.html>.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Алещенко М. А.</i>	
ОПЦИОН: ЛЕГАЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ПРАКТИКА.....	3
<i>Андашев У. Т.</i>	
МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ОБЯЗАТЕЛЬСТВА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ.....	8
<i>Белоусов А. Л.</i>	
ПРАВА ИНВЕСТОРОВ: ПОИСК БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА	13
<i>Бодров К. А.</i>	
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	17
<i>Бондаренко М. С.</i>	
АЛГОРИТМ РАЗРАБОТКИ НАУЧНОЙ ДОКТРИНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА.....	21
<i>Бондаренко Н. Л., Каменков В. С.</i>	
ПРИРОДА И КОНСТРУКЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРАВОВОЙ НАУКИ	27
<i>Бутакова Я. С.</i>	
ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМПАНИЙ И ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ МИНИМИЗАЦИИ САНКЦИОННЫХ РИСКОВ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)	36
<i>Ващебрович М. Г.</i>	
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА ПРОКУРОРА В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	48
<i>Гавриленко А. В.</i>	
РОЛЬ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СУБЪЕКТОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	52
<i>Гладкая Е. Н.</i>	
ФУНКЦИИ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ И ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО И ФИСКАЛЬНОГО ПРАВА	60
<i>Глебо С. М.</i>	

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ 66

Григорьева В. В.

О НЕОБХОДИМОСТИ ВНЕДРЕНИЯ МЕХАНИЗМА КОМПЕНСАЦИИ ВРЕДА СУБЪЕКТУ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ ИЗМЕНЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ..... 74

Гурьева Е. А.

СТАНОВЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ 78

Демичев Д. М.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «УМНЫЕ ГОРОДА БЕЛАРУСИ» 82

Емельянова Ю. В.

К ВОПРОСУ О ПРЕКРАЩЕНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ ПРОТИВ ВОЛИ СОБСТВЕННИКА..... 91

Ершова В. Н.

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ..... 99

Жамойта В. Г., Куницкая О. М.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 107

Жмулина Д. А.

БАНКОСТРАХОВАНИЕ В РФ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ 113

Исаенко М. С.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ: ВОПРОСЫ И ТЕНДЕНЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ 118

Кадыш О. С.

К ВОПРОСУ ОБ АНТИМОНОПОЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ 122

Каменков В. С.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ КОМПЛЕКСЫ 127

Канюков Д. Ю.

ПРОБЛЕМАТИКА И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 133

Кванина В. В.

О ПРОБЛЕМАХ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО, ГРАЖДАНСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА..... 138

Квяткович А. А.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА..... 143

Киселева Л. А.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТОЙНОГО ТРУДА В УСЛОВИЯХ НЕТИПИЧНОЙ ЗАНЯТОСТИ 149

Козловская В. А.

РАЗВИТИЕ ОТКРЫТОГО БАНКИНГА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 158

Колосова М. В.

TELEGRAM-КАНАЛ «ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ» КАК ИСТОЧНИК ТОЛКОВАНИЯ 162

Конаневич Ю. Г.

ПАРАФИСКАЛИТЕТЫ В СИСТЕМЕ ФИСКАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ 166

Кремлева О. К.

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НОРМ О ЗАВЕРЕНИЯХ В ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ СТАБИЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 173

Кузурова Д. Д.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНЖЕНЕРИИ..... 180

Кухарчик В. В.

ИНСТИТУТ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА 188

Липницкий В. М., Куницкая С. М.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ОБЛАСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ (ХОЗЯЙСТВЕННОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 193

Лысаковская Ю. О.

ФИСКАЛЬНОЕ АГЕНТИРОВАНИЕ КАК ВИД АГЕНТСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ201

Максименко Е. В.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ.....207

Малец Д. А.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С УЧЕТОМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СМЯГЧАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ213

Мешкова Н. А.

К ВОПРОСУ О САМОЗАНЯТОМ ЛИЦЕ КАК СУБЪЕКТЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЧЛЕНЕ ДОМОХОЗЯЙСТВА.....215

Миличенко А. В., Титова А. И.

ИНСТИТУТ ОТКРЫТЫХ ИННОВАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....221

Минько Н. С.

МОДЕЛЬНЫЙ ЗАКОН «ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ»: ЦЕЛЬ, ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ227

Михайлов А. В.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....237

Нагорная Н. А., Карпович Д. М.

УПРАЗДНЕНИЕ ПРОЦЕДУРЫ САНАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КАК СПОСОБ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА.....244

Насонова И. В.

НАЛОГОВОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ КАК СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ НАЛОГОВЫМИ ПРАВООТНОШЕНИЯМИ247

Низовцов И. А.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ251

Пантелеева Н. В.

АСПЕКТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА К ФОРМИРОВАНИЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА.....	255
<i>Пахоменко И. А.</i>	
ИГОРНЫЙ БИЗНЕС РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ.....	262
<i>Рамазанова Н. О.</i>	
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	270
<i>Рудович Н. И.</i>	
К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	278
<i>Сасс А. В.</i>	
ВЕРТИКАЛЬНОЕ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ИНТЕРЕСА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА	284
<i>Силивончик А. Г.</i>	
ВРЕМЕННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ КАК МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН УПРАВЛЕНИЯ БАНКОМ	293
<i>Телятицкая Т. В.</i>	
ИНТЕГРАЦИЯ ПРАВА И ЭКОНОМИКИ: РОЛЬ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫХ МЕР	297
<i>Тхарёва М. Г.</i>	
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ СПОРТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	303
<i>Уржинский К. К., Реуцкая Е. А.</i>	
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ТРУДУ (ЗАНЯТОСТИ) ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ.....	310
<i>Федянин Ю. М.</i>	
ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ «ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИИ.....	319
<i>Цырусъ И. В.</i>	
БАНКОВСКАЯ ТАЙНА В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАЩИТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ	325

Халецкая Т. М.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ: О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ УНИВЕРСАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ330

Функ Я. И., Чигилейчик-Функ А. Я.

РЕАЛИЗАЦИЯ «ПРИНЦИПА ЭСТОППЕЛЬ» В ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (О НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ, В ТОМ ЧИСЛЕ В СУДЕ, ЧЕРЕЗ «ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ МОРАЛИ», В РАМКАХ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ).....339

Чжао Жуйсинь

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ345

Duolikon D.

CIRCUMVENTION OF THE LAW AS A CONFLICT OF PRIVATE AND PUBLIC INTEREST (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)351

Jiapeng Jan

LEGAL REGULATION OF B2C-AGREEMENTS. EULA356

Jinghua Fan

THEORETICAL ASPECTS OF INDUSTRIAL LAW OF THE COUNTRIES OF EUROPE, NORTH AMERICA OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION362

Shenglong Qiu

HUMAN CAPITAL IN THE SYSTEM OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS.....368

Xinyi Liu

HIGH TECHNOLOGIES AND PECULIARITIES OF THEIR LEGAL REGULATION IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA374